

2017 № 1

ISSN (online): 2222-5196

МГПИУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

Ювенальная юридическая психология

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Гаямова С.Ю., Милёхин А.В., Будыкин С.В.

Социальные представления и информационная безопасность детей и подростков: точка зрения учителей (Часть 1) 1-12

Будыкин С.В.

Информационная безопасность детей и подростков в современном мире: психологические аспекты проблемы 13-24

Никитская Е.А.

Формы психолого-педагогической работы по преодолению негативных факторов в профессиональном самоопределении подростков с девиантным поведением 25-33

Строкова С.С.

Семейная идентичность подростков из семей различного типа 34-52

Психология профессиональной деятельности

Ковалева М.Е., Булыгина В.Г.

Психофизиологические особенности регуляции эмоциональных реакций у специалистов опасных профессий 53-67

Горностаев С.В.

Служебная лояльность как фактор служебной деятельности: административно-правовой и феноменологический подходы 68-79

Енина В.В., Енин К.А.

К вопросу о психологическом обеспечении профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов с психическими дисфункциональными состояниями 80-88

Кабанова Т.Н., Плешакова Е.А., Дубинский А.А., Васильченко А.С.

Особенности саморегуляции у специалистов экстремального профиля профессиональной деятельности 89-105

Экстремальная и кризисная психология

Давыдов Д.Г.

Личностные диспозиции насильственного экстремизма 106-121

Психология девиантного и криминального поведения

Ковальчишина Н.И.

Особенности психологического насилия (моббинга) в условиях эмиграции 122-130

Собчик Л.Н.

Криминальные наклонности и психодиагностика 131-143

Пенитенциарная психология и практика исполнения уголовных наказаний

Кожевникова Е.Н., Симакова Т.А.

Формирование жизненных стратегий условно осужденных несовершеннолетних: программа и методологические принципы 144-153

Узлов Н.Д., Аман Н.Н.

О взаимном доверии сотрудников уголовно-исполнительной системы и осужденных женщин 154-168

Судебная и клиническая психология в юридическом контексте

Морозова М.В., Савина О.Ф.

Проблема дифференциации экспертных установок при КСППЭ юридически значимых эмоциональных состояний 169-181

Нуркова В.В., Василенко Д.А.

Сила воображения и слабость датировки: о двух источниках искажений в автобиографической памяти 182-192

Захарова Н.М., Баева А.С., Гурин И.В., Шкурко В.В.

Формирование феномена стигматизации в отношении лиц, пострадавших при чрезвычайных ситуациях у представителей различных социальных групп 193-205

Методологические проблемы юридической психологии

Поздняков В.М.

Психологическая юриспруденция как междисциплинарная наука и область психопрактики 206-219

Сафуанов Ф.С.

Как построить предметный вид судебно-психологической экспертизы 220-239

Ситковская О.Д.

Обоснованный риск как проблема юридической психологии 240-249

Проблемы подготовки специалистов по юридической психологии

Лаврешкин Н.В.

Групповой тренинг как метод развития профессионально важных качеств юридического психолога 250-263

Социальные представления и информационная безопасность детей и подростков: точка зрения учителей (Часть 1)

Бовина И.Б.*¹, доктор психологических наук, доцент, профессор, кафедра клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (innabovina@yandex.ru)

Дворянчиков Н.В.*, кандидат психологических наук, доцент, декан, кафедра клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (dvorian@gmail.com)

Гаямова С.Ю., кандидат психологических наук, доцент, кафедра юридической психологии и права факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (sgayamova@yandex.ru)

Милехин А.В., проректор по внеучебной и социальной работе, ФГБОУ ВО МГППУ (milehinav@mgppu.ru)

Будыкин С.В.*, аспирант, кафедра клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (moscow858@yandex.ru)

В фокусе внимания авторов статьи – рассмотрение информационной безопасности детей и подростков как объекта социальных представлений. Аргументируется необходимость теории социальных представлений для разработки профилактических и превентивных программ в области информационной безопасности детей и подростков, в частности говорится, что эффективность профилактических и превентивных программ определяется тем, как эта информация понимается целевой группой, через какие «фильтры» она проходит. Кратко излагаются основные положения теории социальных представлений, обсуждаются функции социальных представлений, механизм действия представлений. Анализируются немногочисленные исследования, в фокусе которых оказывались представления о новых технологиях, в частности, о мобильных телефонах и об Интернете. Излагаются результаты серии исследований, посвященных изучению информационной безопасности детей и подростков, в том числе обсуждаются результаты первой части научно-исследовательского проекта, посвященного анализу того, как родители и учителя понимают информационную безопасность и какие стратегии по защите детей и подростков от опасной информации они готовы использовать.

¹ Работа авторов, отмеченных звездочкой (*), получила финансовую поддержку в рамках гранта РГНФ (15-06-10649).

Ключевые слова: информационная безопасность, дети и подростки, риск, интернет-коммуникация, новые технологии, социальные представления, родители, учителя.

Для цитаты:

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Гаямова С.Ю., Милехин А.В., Будыкин С.В. Социальные представления и информационная безопасность детей и подростков: точка зрения учителей (Часть 1). [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 1. С.1-12.

doi: 10.17759/psylaw.2017070101

For citation:

Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Gayamova S.Yu., Milekhin A.V., Budykin S.V. Social representations and information security of children and adolescents: the point of view of teachers (Part 1). [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 1. pp.1-12.

doi: 10.17759/psylaw.2017070101

При столкновении с новыми технологиями человек в той или иной степени задается вопросами о том, что это такое? Как они устроены? Каков механизм их функционирования? Как ими пользоваться и зачем? Как себя вести в новой ситуации, обусловленной появлением этих новых объектов в повседневной жизни? И пр. [22]. Потребители новых технологий вырабатывают объяснения, позволяющие ответить на подобные вопросы, выстроить своего рода «наивную теорию». Конечно, эти теории не являют собой продукт активности одного индивида. «Наивный ученый» или так называемый пресловутый «человек с улицы» [20], не может придумать здравый смысл самостоятельно, этот смысл порождается в многочисленных коммуникациях. Участники коммуникативного процесса используют разные источники для конструирования понимания того или иного явления. Культура, история, наука и масс-медиа оказываются тем материалом, который используется «наивными учеными» в коммуникациях, в которых происходит построение представлений.

Столкновение с новыми технологиями в повседневной жизни ведет к конструированию понимания этого нового объекта, его «приручению»; это необходимо, ибо в противном случае в привычной практике возникают препятствия, которые затрудняют ее выполнение. Интернет – как мы уже подробно обсуждали [2; 3] – один из примеров новых технологий; его пользователи вырабатывают свое обыденное понимание этой технологии, ее предназначения, выстраивают образ партнеров по взаимодействию или той аудитории, к которой они обращаются в процессе общения. Это знание, как бы само собой разумеющееся, используется в повседневной жизни.

В литературе, посвященной психологии здоровья, уже неоднократно отмечалось, что эффективность профилактических и превентивных программ определяется тем, как эта информация понимается целевой группой [1]. Этот механизм, несомненно, справедлив для действия профилактических программ в целом. Итак, обыденное понимание, выступающее в качестве фильтров в отношении информации профилактических программ, и будет в фокусе нашего анализа в настоящей работе.

В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [5] с целью обеспечения информационной безопасности детей и подростков разработана так называемая возрастная классификация информационной продукции, с помощью символов 0+, 6+,12+,16+,18+ обозначается аудитория, которой адресована информация. Эта линия отражает действия специалистов в области информационной безопасности детей и подростков. Это конкретные действия, которые они предпринимают на законодательном уровне, а затем воплощают в виде конкретных мероприятий. В законе отмечается, что продукция анализируется экспертами по следующим критериям: «1) тематика, жанр, содержание и художественное оформление; 2) особенности восприятия содержащейся в ней информации детьми определенной возрастной категории; 3) вероятность причинения содержащейся в ней информацией вреда здоровью и (или) развитию детей» [5].

Не-эксперты тоже оценивают информацию, адресованную детям и подросткам. К примеру, обсуждая возрастную маркировку информационной продукции, родители зачастую высказывают свое несогласие с категорией, установленной для того или иного концерта, спектакля в театре (история с балетом «Лебединое озеро» в Большом театре, когда администрация воспрепятствовала посещению балета, отмеченного «12+», детьми другой возрастной категории), видеоматериала (из беседы с мамой десятилетнего ребенка: «Сели смотреть фильм, который обозначен «12+», ну там нет *ничего такого*»). Наблюдение за дискуссиями в социальных сетях позволяет говорить о том, что нарушением информационной безопасности детей и подростков представляется профилактика ВИЧ-инфекции. Оставляя в стороне обсуждение критериев возрастной классификации, а также вопрос соответствия того или иного материала (фильма, спектакля, концерта или передачи и пр.) содержанию возрастной категории, сфокусируем наше внимание на том, на какие именно признаки опираются родители для ответа на вопрос о том, вреден ли материал, содержит ли он какую-либо угрозу, и которую стратегию действий предпринимают родители по обеспечению информационной безопасности детей и подростков. Задача нашего научно-исследовательского проекта заключается в изучении так называемых фильтров, через которые проходит превентивная информация. Один этап этого исследования уже был реализован нами в исследовании, предпринятом в группах родителей [3].

Итак, концептуальной рамкой для выявления и анализа «наивных теорий», с их последующим учетом для разработки превентивных программ, является теория социальных представлений [20]. Напомним здесь кратко основные идеи теории социальных представлений, на которые мы опирались при разработке и реализации нашего научно-исследовательского проекта.

Из многочисленных определений, имеющих в литературе, отдадим предпочтение тому, которое предложил С. Московиси: социальные представления – это «система ценностей, идей и практик с двойной функцией: во-первых, устанавливая порядок, который позволил бы индивидам ориентироваться в социальном и материальном мире и подчинять его; во-вторых, делать возможными коммуникации среди членов группы, обеспечивая их кодом для социального обмена и кодом для того, чтобы определенным образом называть и классифицировать различные аспекты их мира, их индивидуальной и групповой истории» [19, р. xiii].

Социальные представления выполняют следующие функции: организация знания, интерпретация и конструирование реальности, ориентация поведения индивидов и оправдание их социальных отношений (представления содержат предписания в отношении соответствующего поведения). Наряду с этим, представления принимают участие в конструировании и поддержании социальной идентичности индивидов [7; 8; 14; 19].

Напомним, что в соответствии с положениями теории социальных представлений объектом представлений становится не любое явление нашей жизни, но ее меняющиеся феномены. Потенциальные объекты представлений должны обладать «социокогнитивной выпуклостью»², интересующая группа должна иметь какой-то опыт действия в отношении объекта представлений [15].

Новые технологии являют собой объекты несомненно соответствующие указанным критериям. Если в поисковой системе Яндекс ввести словосочетание «использование новых технологий», то система предлагает 130 млн (!) страниц, при этом сферы использования – учебный процесс, судебная практика и пр.

Если опираться даже на небольшой литературный обзор, предложенный Л. Татео в последнем издании коллективной монографии по теории социальных представлений [22], то исследований, направленных на изучение социальных представлений о новых технологиях не очень много; в фокус внимания авторов попадали такие объекты, как медицинские технологии (в области здоровья исследователей интересовали представления о трансплантации органов и донорстве), биотехнологии и нанотехнологии, компьютер, телекоммуникации, мобильные телефоны, Интернет [22].

В исследовании Л. Салесс [21], в фокусе внимания которого было изучение социальных представлений об Интернете в группах взрослых людей с различной социальной практикой в отношении Интернета, речь идет об уровне знаний об объекте представлений (знание, полученное на основе описания; знание, полученное путем непосредственного опыта; знание, основанное на использовании Интернета (низкий уровень автономности), знание основанное на использовании Интернета (высокий уровень автономности)). Исследователя интересовала динамика представлений об Интернете, было продемонстрировано, как зона ядра представления меняется в зависимости от изменения знаний об объекте представлений, которые отражают специфику социальной практики с объектом представления. В первой группе эта зона включает такие элементы, как коммуникация, информация, компьютер; во второй группе – коммуникация и информация; в третьей группе – коммуникация, информация, поиск; в последней группе – ключевые элементы зоны ядра – коммуникация, информация, электронная почта, поиск. По мере расширения практики элементы из нормативных, описывающих реальность, превращаются в функциональные, связанные с теми или иными действиями, которые выполняют индивиды. Наибольший интерес для нас представлял тот момент, что ни в зоне ядра, ни в периферической системе не содержатся элементы, указывающие на какую-либо угрозу, связанную с использованием Интернета. Само исследование было реализовано в начале

² Как уже неоднократно отмечалось в литературе по социальным представлениям, объект представления должен являть собой некоторую абстракцию, общее понятие, которое может быть конкретизировано в виде серии конкретных случаев. Более того, потенциальный объект должен быть представлен в коммуникациях [15]. Объектами представлений становятся новые явления или те, которые попадают в дискурс, приобретают социальную значимость в определенный момент.

2000-х гг.; обращает на себя внимание тот факт, что незнакомый или малознакомый объект для первых двух групп респондентов не ассоциируется с угрозой, с каким-либо риском для человека. А для групп респондентов, имеющих тот или иной опыт использования Интернета, он не ассоциируется с зависимостью или нежелательными эффектами и пр.

В другой работе, реализованной Д. Капоцца с коллегами на выборке студентов [10] (исследование было направлено на разработку методики для измерения социальных представлений, в соответствии с идеей С. Московиси о том, что для изучения социальных представлений необходимо фиксировать информацию, поле представления и аттитюд, где Интернет был объектом представлений), было показано, что люди, используя Интернет, преследуют такие цели, как оперативное осуществление коммуникации, получение полезной информации, расширение личных знаний, развлечение и расширение социальных контактов, самовыражение. Все эти цели подчинены одной главной – улучшение качества жизни. Заметим, что само исследование было реализовано в 1999 г., когда ситуация использования Интернета была иной, чем актуальная, связанная со значительным проникновением Интернета в повседневную жизнь самых различных групп населения. Не будет преувеличением, если мы отметим, что развлекательные цели преследуются потребителями Интернета гораздо чаще, чем образовательные [6; 11], что современные студенты – в отличие от участников исследования Капоццы с коллегами – имеют постоянный доступ в Интернет, для них эта практика уже банализировалась, зачастую превратилась в проблемное использование Интернета. Наконец, и сам Интернет получил свое развитие за время, прошедшее с момента проведения исследования.

Справедливости ради заметим, что в работе, посвященной представлениям о мобильном телефоне (три замера были сделаны по принципу кросс-секционного исследования в 2001, 2002 и 2003 гг. на выборках итальянских студентов) – новой технологии начала 2000-х гг., респонденты в 2001 г. ассоциировали использование телефона с вредным воздействием и зависимостью, т. е. угроза ассоциировалась с использованием новой технологии, однако, как отмечают исследователи, вопрос связи новой технологии со здоровьем был в фокусе их специального внимания [12].

Один из аспектов употребления Интернета связывается с вопросом информационной безопасности потребителей. Это верно для всех пользователей социальных сетей, ибо никто не застрахован от ряда факторов риска, будь то нежелательные контакты, насилие или агрессия, мошеннические действия и пр. Однако дети и подростки оказываются в наибольшей степени уязвимыми категориями в связи с использованием Интернета, что демонстрируется в глобальном европейском исследовании [17].

Информационная безопасность детей и подростков – это новая категория, которая стала активно использоваться в общественном дискурсе вслед за вступлением в действие Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»; появилась так называемая *возрастная классификация информационной продукции*³, которую мы обсуждали выше. Очевидно, что в фокусе внимания взрослых из

³ Нам представляется любопытным тот факт, что в дискуссии об информационной безопасности взрослые делают отсылку на знаки возрастной классификации информационной продукции (0+, 6+, 12+, 16+, 18+). Использование символа указывает на то, что имеет место процесс *объективфикации* (один из процессов построения социальных представлений), посредством которого происходит превращение абстрактного и неосязаемого в нечто конкретное и материальное [18]. Это превращение являет собой переход с уровня идей на уровень существования в физическом

ближайшего окружения детей и подростков оказывается рассмотрение того, какая именно информация угрожает детям и подросткам и какие меры необходимы для защиты несовершеннолетних от информации, причиняющей им вред.

В нашем поисковом исследовании, реализованном в русле теории социальных представлений, были выявлены основные категории, вокруг которых выстраивается дискурс об информационной безопасности детей [9]: 1) *пути обеспечения безопасности* (запрет, цензура, контроль и фильтрация информации и пр.); 2) *традиционные и новые медиа* (телевидение, Интернет, социальные сети, чаты, форумы и пр.); 3) *угрожающая информация* (агрессия, наркотики, насилие, нацизм, экстремизм и пр.); 4) *безопасность информации* (сюда попадает только одна категория - безопасность информации); 5) *ответственность родителей и учителей* (обсуждение с родителями, совместное с родителями или учителями использование Интернета и пр.); 6) *закон об информационной безопасности детей* (закон); 7) *защита персональных данных* (защита персональных данных, защита информации о детях и пр.); 8) *профилактические и образовательные программы по обеспечению информационной безопасности детей* (образовательные программы, превентивные слоганы, лекции для родителей и пр.). По сути, эти категории можно представить как две основные темы – угроза информационной безопасности детей и способы обеспечения этой безопасности.

Дальнейшее изучение обозначенной проблемы в группах ближайшего окружения детей и подростков (родители и учителя) позволило выявить, что родители и учителя сходным образом понимают угрозу, но различаются в понимании того, как ей противостоять. В частности, в группе родителей противостояние угрозе представлено в первую очередь через контроль и ограничение доступа детей к угрожающей информации; в группе учителей противостояние угрозе представлено через запреты на использование новых медиа и принципы воспитания детей [2].

Нашим последующим шагом стал анализ специфики «наивных теорий», которые вырабатывают родители относительно информационной безопасности детей и подростков [3]. Опираясь на идею о дистанции по отношению к объекту представлений [13], были сформированы три группы – родители детей (группа 1), родители подростков (группа 2), контрольная группа бездетных взрослых (группа 3) – как группы, имеющие различную дистанцию по отношению к объекту представления. Нашими исходными предположениями были следующие: 1) группа 3 будет отличаться от группы 1 и группы 2 в оценке угрозы информационной безопасности (разные темы будут рассматриваться как угрожающие, родители детей и подростков будут исходить из того, что в первую очередь угрожает детям определенного возраста, а в контрольной группе исходным будет общее понимание об угрозе); 2) в группе 3 основными будут нормативные элементы, в группах 1 и 2 – функциональные элементы (скрипты). Также предполагалось, что в группе 2 имеет место

мире, посредством которого абстрактный объект превращается в часть нашей социальной реальности и становится осязаемым. Таким образом, объект становится доступным для коммуникации, приобретает плотность значений, которая допускает «натуральную» фиксацию этого объекта в умах индивидов. Это посредством объективации возникает комплекс образов, который визуализирует комплекс идей – фигуративное ядро. Процесс объективации имеет определенные сходства с процессом символизации. Ведь благодаря символам люди чувствуют, что сложные вещи становятся им понятными даже при беглом взгляде на них, так как символы представляют в простой и доступной форме нечто сложное и комплексное [16].

большая сложность скриптов по сравнению с другими группами. Разработанная нами методологическая стратегия включала серию скриптов; респондентам предлагалось отреагировать на ситуации, предложить стратегию обеспечения информационной безопасности детей и подростков в случае столкновения с угрожающей информацией (наркотики, порнография, самоубийство).

Результаты исследования позволили сделать такие выводы: во-первых, иерархия тем, выстроенных с учетом угрозы информационной безопасности, практически совпадает во всех группах; во-вторых, планы действий сложнее всего устроены в группе 1, в наименьшей степени – в группе 3. Это справедливо для ситуаций, в которых ребенок сталкивается с умеренно опасной информацией, различий нет в ситуации столкновения с наиболее опасной информацией. Любопытно, что для объяснения угрозы той или иной информации (случай с употреблением наркотиков) родители предлагали продемонстрировать детям десятилетнего возраста видеоматериалы о смерти наркоманов. Мы обратили внимание на тот факт, что ситуация просмотра материалов порнографического характера подростками вызывает у родителей смущение и отсутствие коммуникативной стратегии обсуждения сложившейся ситуации. Наконец, ситуация, в наибольшей степени угрожающая жизни подростка (случай с брошюрой о совершении самоубийства), ставит родителей в затруднительное положение. Анализ ответов позволяет говорить о том, что респонденты скорее отвергают саму ситуацию, чем демонстрируют определенный скрипт поведения в ней. Заметим, что сама ситуация не является некоторой абстракцией, далекой от жизни, на что указывают события прошлого года, связанные с действием в социальных сетях групп, пропагандирующих совершение самоубийства и случаи самоубийств [4].

Как мы отмечали выше, в задачи научно-исследовательского проекта входит анализ того, как родители и учителя понимают информационную безопасность детей и подростков и какие стратегии обеспечения этой безопасности они готовы использовать. Выявив особенности того, как родители интерпретируют информационную безопасность детей и подростков, в следующей части статьи обратимся к группе учителей.

Литература

1. *Бовина И.Б.* Социальная психология здоровья и болезни. М.: Аспект пресс, 2008. 335 с.
2. *Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Будыкин С.В.* Информационная безопасность детей в обыденном понимании родителей и учителей // Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика». 2016. № 1. С.77–89.
3. *Будыкин С.В., Дворянчиков Н.В., Бовина И.Б.* Информационная безопасность детей и подростков в представлениях родителей [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2016. Т. 8. № 4. С. 117–126. doi: 10.17759/psyedu.2016080412
4. «Группы смерти» Вконтакте: взгляд изнутри [Электронный ресурс]. URL: <https://m.365info.kz/2016/05/gruppy-smerti-vkontakte-vzglyad-iznutri-strogo-18/> (дата обращения: 13.12.2016).

5. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс].URL: <http://base.garant.ru/12181695/> (дата обращения: 05.12.2016)
6. Юревич А.В. Три источника и три составные части поддержания нравственности в обществе // Психологические исследования нравственности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2013. С. 13–35.
7. Abric J.-C. Pratiques sociales et représentations. Paris: Presses Universitaires de France, 1994. 425 p.
8. Breakwell G. Social representational constraints upon identity processes //In K. Deaux, G. Philogène (Eds.), Representations of the Social: Bridging Theoretical Traditions. Oxford: Blackwell Publishers. P. 271–284.
9. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Budykin S.V. Shared meaning about information security of children: an exploratory study // Procedia // Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 146. P. 94–98.
10. Capozza D., Falvo R., Robusto E., Orlando A. Beliefs about Internet: methods of elicitation and measurement // Papers on Social Representations. 2003. Vol. 12. P. 1.1–1.14
11. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions - European Strategy for a Better Internet for Children [Электронный ресурс]. URL: <http://ec.europa.eu/digital-agenda/en/european-strategy-deliver-better-internet-our-children> (дата обращения: 15.01.2017).
12. Contarello A., Fortunati L., Sarrica M. Social thinking and the mobile phone: A study of social change with the diffusion of mobile phone using a social representations framework // In G.Goggin (Ed.) Mobile phone cultures. N.Y.: Routledge, 2008. P. 13–27.
13. Dany L., Apostolidis T., Harabi S. Distance to the object and social representations: replication and further evidences // Spanish journal of social psychology. 2014. Vol. 17. P. 1–9.
14. Doise W. Les représentations sociales: définition d'un concept // In W. Doise, A.Palmonari (Eds.). L'étude des représentations sociales. Neuchatel: Delachaux & Niestlé, 1986. P. 86–98.
15. Flament C., Rouquette M.-L. Anatomie des idées ordinaires. Paris: Armand Colin, 2003. 256 p.
16. Joffe H. Risk and «the Other». Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

17. *Livingstone S., Haddon L., Görzing A., Ólafsson K.* With members of the EU kids online network. EU kids online. London: Final report, September, 2011. 54 p.
18. *Moliner P.* Une approche chronologique des représentations sociales // La dynamique des représentations sociales / Ed. by P. Moliner. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2001. P. 245–268.
19. *Moscovici S.* Foreword to C.Herzlich, Health and illness. London: Academic Press, 1973. P. ix–xiv.
20. *Moscovici S.* The phenomenon of social representations // Social representations: explorations in social psychology / Ed. By G. Duveen. N. Y.: New York University Press, 2000. P. 18–77.
21. *Salesses L.* Rôle du niveau de connaissance dans le processus de structuration d'une représentation sociale // Les cahiers internationaux de psychologie sociale. 2005. № 66. P. 25–42.
22. *Tateo L.* Représentations sociales et nouvelles technologies // Les représentations sociales. Théories, méthodes et applications. Sous la dir. De G.Lo Monaco, S.Delouée, P.Rateau. Louvain-la-Neuve, 2016. P. 399–407.

Social representations and information security of children and adolescents: the point of view of teachers (Part 1)

Bovina I.B., *Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, Professor, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (innabovina@yandex.ru)*

Dvoryanchikov N.V., *PhD (Psychology), Associate Professor, Dean of the Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (dvorian@gmail.com)*

Gayamova S.Yu., *PhD (Psychology), associate professor, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (sgayamova@yandex.ru)*

Milekhin A.V., *PhD (Psychology), vice-rector for extra-curricular and social work, Moscow State University of Psychology & Education (milehinav@mgppu.ru)*

Budykin S.V., *Postgraduate student, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (moscow858@yandex.ru)*

The focus of attention of the authors is the consideration of information security of children and adolescents as the object of social representations. Discusses the need for the theory of social representations to develop prophylactic and preventive programs in the field of information security of children and adolescents, in particular, says that the effectiveness of prevention and preventive programs is determined by how this information is understood by the target group, through what filters it passes. Briefly outlines the main provisions of the theory of social representations, discusses the functions of social representations, the mechanism of action ideas. Analyzed in a few studies, the focus of which was the presentation on new technologies, particularly mobile phones and the Internet. Presents the results of a series of studies devoted to the study of information security of children and adolescents, including the results of the first part of a research project dedicated to the analysis of how parents and teachers understand information security and what strategies to protect children and adolescents from dangerous information they are ready to use.

Key words: information security, children and adolescents, risk, Internet communication, new technology, social representations, parents, teachers.

References

1. Bovina I.B. Sotsial'naya psikhologiya zdorov'ya i bolezni [Social psychology of health and disease]. Moscow: Publ. Aspekt press, 2008. 335 p.
2. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Budykin S.V. Informatsionnaya bezopasnost' detei v obydenom ponimanii roditelei i uchitelei [Information security of children in the ordinary sense of parents and teachers]// *Vestnik RUDN. Seriya «Psikhologiya i pedagogika» [Vestnik RUDN. Series "Psychology and pedagogy"]*. 2016. no. 1. pp. 77–89.
3. Budykin S.V., Dvoryanchikov N.V., Bovina I.B. Information Safety of Children and Adolescents in the Views of Parents [Elektronnyi resurs]. Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru [Psychological Science and Education psyedu.ru], 2016. Vol. 8, no. 4, pp. 117–126. doi:10.17759/psyedu.2016080412. (In Russ., abstr. in Engl.)
4. «Gruppy smerti» Vkontakte: vzglyad iznutri [“Group of death” in Vkontakte an inside look] [Elektronnyi resurs]. URL: <https://m.365info.kz/2016/05/gruppy-smerti-vkontakte-vzglyad-iznutri-strogo-18/> (data obrashcheniya: 13.12.2016).
5. Federal'nyi zakon ot 29 dekabrya 2010 g. N 436-FZ «O zashchite detei ot informatsii, prichinyayushchei vred ikh zdorov'yu i razvitiyu» (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Federal law of 29 December 2010 №436 of the Federal law "On the protection of children from information harmful to their health and development" (with changes and additions)][Elektronnyi resurs].URL: <http://base.garant.ru/12181695/> (data obrashcheniya: 05.12.2016)
6. Yurevich A.V. Tri istochnika i tri sostavnye chasti podderzhaniya nravstvennosti v obshchestve [Three sources and three component parts maintain morality in society] // Psikhologicheskie issledovaniya nravstvennosti [Psychological study of morality] / In Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. (eds.). Moscow: Publ. «Institut psikhologii RAN», 2013. pp. 13–35.
7. Abric J.-C. Pratiques sociales et représentations. Paris: Presses Universitaires de France, 1994. 425 p.
8. Breakwell G. Social representational constraints upon identity processes //In K. Deaux, G. Philogène (Eds.), *Representations of the Social: Bridging Theoretical Traditions*. Oxford: Blackwell Publishers. P. 271–284.
9. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Budykin S.V. Shared meaning about information security of children: an exploratory study // *Procedia // Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 146. P. 94–98.
10. Capozza D., Falvo R., Robusto E., Orlando A. Beliefs about Internet: methods of elicitation and measurement // *Papers on Social Representations*. 2003. Vol. 12. P. 1.1–1.14

11. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions - European Strategy for a Better Internet for Children. URL: <http://ec.europa.eu/digital-agenda/en/european-strategy-deliver-better-internet-our-children> (дата обращения: 15.01.2017).
12. Contarello A., Fortunati L., Sarrica M. Social thinking and the mobile phone: A study of social change with the diffusion of mobile phone using a social representations framework // In G.Goggin (Ed.) *Mobile phone cultures*. N.Y.: Routledge, 2008. P. 13–27.
13. Dany L., Apostolidis T., Harabi S. Distance to the object and social representations: replication and further evidences // *Spanish journal of social psychology*. 2014. Vol. 17. P. 1–9.
14. Doise W. Les représentations sociales: définition d'un concept // In W. Doise, A.Palmonari (Eds.). *L'étude des représentations sociales*. Neuchatel: Delachaux & Niestlé, 1986. P. 86–98.
15. Flament C., Rouquette M.-L. *Anatomie des idées ordinaires*. Paris: Armand Colin, 2003. 256 p.
16. Joffe H. *Risk and «the Other»*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
17. Livingstone S., Haddon L., Görzing A., Ólafsson K. With members of the EU kids online network. *EU kids online*. London: Final report, September, 2011. 54 p.
18. Moliner P. Une approche chronologique des représentations sociales // *La dynamique des représentations sociales* / Ed. by P. Moliner. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2001. P. 245–268.
19. Moscovici S. Foreword to C.Herzlich, *Health and illness*. London: Academic Press, 1973. P. ix–xiv.
20. Moscovici S. The phenomenon of social representations // *Social representations: explorations in social psychology* / Ed. By G. Duveen. N. Y.: New York University Press, 2000. P. 18–77.
21. Salesses L. Rôle du niveau de connaissance dans le processus de structuration d'une représentation sociale // *Les cahiers internationaux de psychologie sociale*. 2005. № 66. P. 25–42.
22. Tateo L. Représentations sociales et nouvelles technologies // *Les représentations sociales. Théories, méthodes et applications*. Sous la dir. De G.Lo Monaco, S.Delouée, P.Rateau. Louvain-la-Neuve, 2016. P. 399–407.

Информационная безопасность детей и подростков в современном мире: психологические аспекты проблемы

Будыкин С.В.*¹, аспирант кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (moscow858@yandex.ru)

В фокусе внимания авторов выявление психологических аспектов проблемы информационной безопасности детей и подростков в современном мире. Отмечается, что новые технологии, проникающие все глубже в нашу жизнь, становятся культурным средством социализации и развития человека, способствуют образованию новых социальных практик в повседневной жизни человека, предписывают определенный стиль жизни. Обращается внимание на то, что воздействие этих технологий разнится в возрастных группах, самыми уязвимыми категориями оказываются дети и подростки.

Вслед за западными исследователями проблемы информационной безопасности детей и подростков, конкретизируются категории риска, сопряженного с интернет-коммуникацией: 1) риск, связанный с содержанием материалов, представленных в Интернете; 2) риск, обусловленный контактами с другими; 3) риск, возникающий в связи с нелегальным скачиванием материалов. 4) риск, происходящий от использования персональных данных, дети и подростки зачастую предоставляют личную информацию.

Демонстрируется необходимость анализа того, как пользователи новых технологий производят диагностику риска, сопряженного с использованием такой технологии, как Интернет, а также какие стратегии поведения они адаптируют. Подчеркивается важность и необходимость изучать то, как ближайшее окружение детей и подростков интерпретирует информационную безопасность и как предполагает противостоять угрозе, сопряженной с использованием Интернета.

Ключевые слова: информационная безопасность, дети и подростки, риск, интернет-коммуникация, новые технологии, превентивные программы.

Для цитаты:

Будыкин С.В. Информационная безопасность детей и подростков в современном

¹ Работа авторов, отмеченных звездочкой (*), получила финансовую поддержку в рамках гранта РГНФ (15-06-10649).

мире: психологические аспекты проблемы. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 1. С.13-24.
doi: 10.17759/psylaw.207070102

For citation:

Budykin S.V. Information security of children and adolescents in the modern world: psychological aspects of the problem. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 1. pp. 13-24.
doi: 10.17759/psylaw.2017070102

Новые технологии занимают важное место в жизни человека, с каждым годом они все глубже проникают в его жизнь, преобразуя ее в значительной мере. Новые технологии становятся культурным средством социализации и развития человека [1; 5–9], они способствуют образованию новых социальных практик в повседневной жизни индивида, предполагают определенный стиль жизни. Использование Интернета позволяет индивиду становиться свидетелем событий, происходящих за тысячи километров от него, одновременно участвовать в дискуссиях по самым различным проблемам, делиться новым знанием и пр.

Очевидно, что появление новых технологий воздействует на общество в целом, однако последствия этого влияния разнятся в тех или иных возрастных группах.

Настоящая статья является частью научно-исследовательского проекта, посвященного изучению обыденных представлений об информационной безопасности детей и подростков в группах родителей и учителей. Остановимся сначала кратко на психологических аспектах проблемы информационной безопасности детей и подростков в современном мире.

Широкое распространение Интернета и информационно-коммуникационных технологий способствовало тому, что жизнь людей, будь то профессиональная или частная, претерпела значительные изменения. Эти трансформации породили целый ряд вопросов, на которые необходимо отвечать, опираясь на социально-психологическое знание. Вместе с тем новая реальность вносит коррективы в саму социально-психологическую теорию или указывает на необходимость формулирования новых конструктов, построения новых объяснений, как следствие – эмпирической проверки этих предположений. К примеру, коммуникативный процесс, который разворачивается, например, в социальных сетях, уже имеет определенную специфику, для объяснения которой необходимо новое знание. В частности, Ф. Бушини [15] предлагает понятие эффузии для обозначения специфики коммуникации в новых медиа, где участники находятся в симметричных отношениях; предполагается, что все участники этого процесса имеют равный доступ к знаниям, к информации. Ситуация взаимодействия предписывает не только иметь мнение, но и высказывать его, действовать, давая советы друг другу и делая оценки, высказывая суждения, словом, активно участвовать в коммуникативном процессе. Причем реакции участников – моментальны, что обеспечивается за счет использования специального языка, специальных символов.

Новым образом структурируется время современного человека, сам процесс общения, будучи опосредствованным социальными сетями, модифицируется.

Представители различных возрастных и социальных групп превратились в активных пользователей новых технологий, возраст дебюта столкновения с новыми технологиями постепенно снижается. В целом можно говорить о том, что СМК становятся одним из ведущих институтов социализации, формируя картину мира, транслируя ценности, задавая нормы и паттерны поведения, а также стратегии социального взаимодействия (при этом роль традиционных институтов социализации – семьи и школы – снижается, уступая первенство СМК [13]. Более того, с появлением и развитием новых медиа именно они начинают играть первостепенную роль, отстраняя привычные формы медиа.

В литературе появилось и активно используется понятие «цифровое поколение», указывающее на новое поколение детей и подростков, социализация которых происходит в эпоху существования новых коммуникативных технологий, новых медиа [22; 25]. Исследователи предлагают говорить об информационной социализации, ибо дети и подростки оказываются в совершенно новой ситуации, словами Т.Д. Марцинковской, «... подрастающее поколение развивается в принципиально новом социальном и информационном пространстве, в котором слова “информационная культура” являются не абстрактным понятием, но живой реальностью» [8].

Реальность, в которой живут современные дети и подростки, не сравнима с той, в которой социализировались их родители. С одной стороны, скорость, с которой дети и подростки осваивают новые технологии, не имеет аналогов в прошлом. Как следствие, отношения, которые складываются между поколениями родителей и детей, приобретают определенную специфику. С другой стороны, этот процесс можно сопоставить с тем, что происходит в ситуации столкновения с инокультурной средой, когда дети и подростки оказываются проводниками адаптации к новой культуре.

Формируется информационное пространство, своего рода социокультурное пространство, в котором живут и действуют люди, возникает новый язык интернет-коммуникации. Интернет, как мы отмечали выше, это популярный источник информации [5; 10], а также средство коммуникации. Причем развитие социальных сетей модифицирует коммуникацию, вносит свою специфику в выработку норм, регламентирующих взаимодействие участников коммуникации, трансформирует понимание того, где проходит граница между публичной и частной сферами. Все это, несомненно, вопросы для последующих социально-психологических исследований.

В связи с изучением информационной социализации анализируется то, как происходит освоение информационных технологий, как воспринимается информация, как происходят процессы категоризации и самокатегоризации, как порождается новый тип идентичности [5].

На основе результатов глобального исследования «EU kids online» (в проекте приняли участие дети и подростки в возрасте от 9 до 16 лет из 25 европейских стран, а также их родители; общий объем выборки составил 25 142 человека) [24] представляется возможным говорить, что использование Интернета «индивидуализировалось, приватизировалось и стало мобильным» [24, р.2]. Пребывание в Интернете стало привычной повседневной практикой современных детей и подростков. Как свидетельствуют результаты этого проекта, дети и подростки в возрасте от 9 до 16 лет в среднем ежедневно проводят 88 минут онлайн; в возрасте 15–16 лет продолжительность использования Интернета достигает 118 минут, что в два раза больше, чем в возрасте 9–10

лет (58 минут). 87% опрошенных имеют онлайн доступ дома, 63% – в школе [24]. 79% французских школьников имеют доступ в Интернет дома, в то время как усредненные европейские показатели составляют 62%, кроме того, 49% участников исследования признались, что пользуются Интернетом у друзей. Уже этот факт говорит в пользу того, что простого контроля за использование Интернета дома едва ли достаточно для предупреждения столкновения детей и подростков с опасной, угрожающей информацией.

Если опираться на другие результаты этого же проекта, то можно отметить, что начало использования Интернета в европейских странах приходится в среднем на семилетний возраст (Дания и Швеция), в других Северных странах в среднем дебют использования Интернета приходится на восьмилетний возраст, в остальных странах (из 25 европейских стран) – на девятилетний возраст [18; 24].

Результаты исследований, проведенных во Франции, свидетельствуют о том, семилетние дети уже используют Интернет без родителей, а в возрасте двенадцати лет подростки имеют более или менее регулярные контакты в различных социальных сетях [21]. 26,1% пользователей социальной сети Facebook в Чехии составляют дети и подростки в возрасте до 19 лет; а 12% пользователей сети Google+ составляют дети и подростки в возрасте до 18 лет [19].

Таким образом, у нас имеются солидные эмпирические основания для того, чтобы утверждать, что для детей и подростков «нормализуется» процесс постоянного нахождения в Интернете, пребывания в контакте с другими. Как следствие, возникает так называемое «проблемное использование Интернета», которое характеризуется некоторой когнитивной озабоченностью Интернетом, когда индивид едва ли способен контролировать использование Интернета, а выход в Сеть позволяет избавиться от эмоционального дистресса, успокоиться [23].

Как уже было отмечено ранее [2; 14], глобальные трансформации, динамично происходящие в современном мире и связанные с техническим и экономическим развитием, сопряжены с возникновением риска нового типа, действие которого оказывается вне пространства и времени [2; 14]. В литературе риск нового типа достаточно точно охарактеризовал У. Бек: 1) риск выходит за временные ограничения настоящей ситуации, ибо может воздействовать на будущие поколения; 2) риск преодолевает пространственные границы, т. е. выходит за различного рода национальные границы; 3) для этого риска не существует социальных границ, он затрагивает судьбы большого числа разных людей [14]. Таким образом, в современном мире люди вынуждены адаптироваться к тому, что ситуаций с «0%» риска не существует, отсюда необходимы умения по диагностике уровня риска, а также навыки по разработке соответствующей стратегии действий или, лучше сказать, противодействия негативному воздействию и угрозе.

Указанные выше характеристики приложимы к тому риску, с которым сталкиваются пользователи Интернета.

На основе исследований, направленных на анализ риска, которому подвергаются дети и подростки, используя Интернет, представляется возможным говорить о четырех общих категориях риска [22]. Во-первых, это риск, связанный с содержанием материалов, представленных в Интернете. Речь идет о тех ситуациях, в которых дети получают доступ к нелегальной информации, несущей вред их здоровью и развитию (в наибольшей степени

это касается насилия, сексуального содержания, ненависти, самоубийства, наркотиков). Во-вторых, это риск, связанный с контактами. Используя социальные сети, а также участвуя в дискуссиях (чаты, форумы и пр.) дети и подростки могут завести нежелательное знакомство с кем-то, кого они потом могут встретить в реальной жизни. С нашей точки зрения, нежелательные контакты характеризуются еще и тем, что подростки в социальных сетях становятся объектом пропаганды, как следствие, подвергаются радикализации, а в результате вовлекаются в террористическую активность [11; 17]. Этот аспект необходимо подвергнуть самому тщательному анализу и изучению, принимая во внимание показатели радикализации и роста экстремизма в подростково-молодежной среде [11].

У нежелательных контактов в Сети есть и еще одна сторона. Дети и подростки, бесконтрольно использующие Интернет, становятся жертвами кибербуллинга. Эта форма буллинга имеет еще более негативные последствия, чем буллинг в реальной ситуации, ибо расширяется круг наблюдателей; такой вариант буллинга в меньшей степени регулируем, чем школьный буллинг, кроме того, материалы, помещенные в Сети, сохраняются там в течение длительного времени [20].

В-третьих, речь идет о коммерческом риске, связанном с нелегальным скачиванием материалов, с играми, рекламой.

Наконец, риск, связанный с использованием персональных данных, ибо дети и подростки зачастую предоставляют личную информацию. Так, в исследованиях, проведенных американскими коллегами, три четверти опрошенных детей готовы предоставить свою личную информацию (будь то о них самих или об их семье) в обмен на доступ к услугам или продукции, предложенным в Интернете [19]. Сходная тенденция имеет место быть и в случае чешских подростков; так, по данным, полученным на основе опроса 12 533 респондентов в возрасте до 18 лет, пользователи Интернета в возрасте до 18 лет идентифицируемы в реальной жизни, потому что более половины оставляют в Интернете свои фамилии и имена, а пятая часть опрошенных еще и номера телефонов [19].

Как отмечают исследователи, в наибольшей степени проанализирован риск, связанный с содержанием, в наименьшей – коммерческий риск.

Избыточное пребывание в Интернете связывается с уязвимостью по отношению к значительному числу явлений, угрожающих пользователю, будь то насилие, нарушение приватности, столкновение с изображениями порнографического содержания.

На основании результатов нашего недавнего исследования, посвященного изучению социальных представлений о здоровье в группах детей и подростков (наряду с вопросами о здоровье мы задавали вопросы, направленные на выявление особенностей стиля жизни детей и подростков), можно говорить о том, что из 479 опрошенных учеников вторых классов (возраст от 7 до 9 лет) 375 учеников заявили, что используют Интернет с различной частотой – от одного раза в месяц до каждодневного использования, 117 из них (31,2%) подвергались оскорблениям в Интернете. Для учеников седьмых классов результаты таковы: из 419 опрошенных 412 используют Интернет, причем в 12–14-летнем возрасте это становится в наибольшей степени повседневной практикой; 154 ученика из 412 заявили о том, что становились объектами оскорблений в Интернете [3]. Сравнение с помощью ф-критерия (1,83, $p < 0,05$) говорит в пользу того, что подростки в большей степени констатировали факты оскорблений, чем дети, что может быть объяснено рядом факторов,

среди которых – более высокая активность в Сети, особенности подросткового возраста и др.

Как свидетельствуют статистические данные, имеющиеся на 2014 г., 87,5 млн россиян используют Интернет, т. е. 61,4% населения страны. Возраст почти каждого десятого пользователя Интернета не превышает 15-летней отметки [12; 18]. При этом три четверти юных пользователей используют Интернет самостоятельно, без контроля родителей [12]. По сравнению с данными, полученными в европейском глобальном проекте, российские дети опережают европейских в плане самостоятельности освоения и использования Интернета.

Все эти факты, несомненно, указывают на крайнюю важность и необходимость разработки и реализации ряда мер, адресованных детям, подросткам, а также их родителям в связи с угрозами различного рода, обусловленными бесконтрольным использованием Интернета.

Как мы обсуждали подробно ранее [4], на настоящий момент разработаны и разрабатываются соответствующие меры по обеспечению информационной безопасности детей и подростков, в первую очередь, в связи с использованием Интернета. Так, в европейских странах были приняты соглашения, в 2012 г. была сформулирована так называемая «Европейская стратегия по формированию лучшего Интернета для детей» [16].

Что касается отечественной ситуации, то закон о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, был принят в 2010 г. В соответствии с этим законом был разработан и реализован ряд мероприятий, направленных на защиту детей и подростков от угрожающей информации. Кроме того, была разработана психологическая концепция информационной безопасности детей [10].

Итак, специалисты разных стран заняты поиском того, как сделать информацию, распространяемую посредством СМК, безопасной для детей и подростков, а также научить их самих, а также их родителей пользоваться Интернетом, снизить негативное влияние различных факторов. Однако даже разработанные меры не улучшат ситуацию автоматически. Как было сказано выше, в современном мире категория «риск» получила новое наполнение; категория риска, характеризующая коммуникацию посредством Интернета, предполагает, что все потребители информации умеют определять, что именно представляет опасность и как от этого защититься. Очевидно, что это первостепенная задача ближайшего окружения детей и подростков.

Литература

1. *Аянян А.Н., Марцинковская Т.Д.* Социализация подростков в информационном пространстве [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 46. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 02.12.2016).
2. *Бовина И.Б.* Риск: социально-психологический взгляд [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n4/49292.shtml> (дата обращения: 07.04.2017)
3. *Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В.* Как здоровье приходит к детям? Развитие

социальных представлений о здоровье у детей и подростков с точки зрения кросс-культурной перспективы (Франция/Россия). Отчет РГНФ, 2017.

4. Будыкин С.В., Дворянчиков Н.В., Бовина И.Б. Информационная безопасность детей и подростков в представлениях родителей [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2016. Том 8. № 4. С. 117–126. doi:10.17759/psyedu.2016080412
5. Голубева Н.А. Информационная социализация: психологическое условия и факторы. автореф. ... канд. психол. наук. М., 2012.
6. Голубева Н.А., Марцинковская Т.Д. Информационная социализация: психологический подход [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. N 6(20). С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 02.12.2016).
7. Голубева Н.А., Марцинковская Т.Д. Социализация современных подростков: информационный контекст // Вопросы психологии. 2016. № 5. С.15–27.
8. Марцинковская Т.Д. Информационная социализация в изменяющемся информационном пространстве [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 26. С. 7. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 03.12.2016).
9. Марцинковская Т.Д., Чумичева И.В. Проблема социализации подростков в современном мультикультурном пространстве [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 39. С. 10. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 02.12.2016).
10. Методология концепции информационной безопасности детей и подростков [Электронный ресурс] // Концепция информационной безопасности детей URL: http://rkn.gov.ru/docs/Razdel_4.pdf (дата обращения: 12.12.2016)
11. Тихонова А.Д. Проблема вовлечения в террористическую деятельность посредством использования социальных сетей. Доклад на конференции «Коченовские Чтения», 10–12 ноября 2016 г.
12. Толоконникова А.В. Дети и Интернет: проблемы и гарантии информационной безопасности [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2015. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1766> (дата обращения: 03.09.2016)
13. Юревич А.В. Три источника и три составные части поддержания нравственности в обществе // Психологические исследования нравственности / Отв. ред. А.Л.

Журавлев, А.В. Юревич. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2013. С. 13–35.

14. *Breakwell G.M.* The psychology of risk. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 256 p.
15. *Buschini F.* Diffusion, propagation, propagande : et après? L'effusion, un nouveau mode de communication médiatique pour l'étude des représentations sociales. Paper presented at the Conference «Tribute to Serge Moscovici», 17–18 November, 2016.
16. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions – European Strategy for a Better Internet for Children. URL: <http://ec.europa.eu/digital-agenda/en/european-strategy-deliver-better-internet-our-children> (дата обращения: 10.01.2017).
17. *Ernst-Vintila A., Klar Y.* Is there social psychology of historic grievances and intergroup conflict in the age of «radicalisation». Paper presented at the Conference «Tribute to Serge Moscovici», 17–18 November, 2016.
18. Internet world stats. Usage and population statistics URL: <http://www.internetworldstats.com/stats4.htm> (дата обращения: 01.11.2016).
19. *Kopecky K., Szotkowski R., Krejci V.* The risks of Internet communication // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2012. Vol. 69. P.1348–1357.
20. *Kwan G.C.E., Skoric M.M.* Facebook bullying: An extension of battles in school // Computers in human behavior. 2013. Vol. 29. P. 16–25.
21. La perception par les parents des risques encourus par leurs enfants sur Internet [Электронный ресурс] // IPSOS. URL: <http://www.social-sante.gouv.fr/espaces,770/famille,774/publications-et-textes-officiels,893/sondages-etenquetes-sur-la,740/la-perception-par-les-parents-des,7411.html> (дата обращения: 31.10.2016).
22. *Livingstone S., Haddon L.* Risky experience for children online: charting European research on children and the Internet // Children and society. 2008. Vol. 22. P. 314–323.
23. *Livingstone S., Haddon L.* Theoretical framework for children's internet use // Children, risk and safety on the Internet: research and policy challenges in comparative perspective / Eds. by S. Livingstone, L. Haddon, and A. Görzig. Bristol: The Policy Press, 2012. P. 1–12.

24. *Livingstone S., Haddon L., Görzing A., Ólafsson K.* With members of the EU kids online network. EU kids online. London, Final report, September, 2011. 54 p.
25. *Livingstone S., Smith P.* Annual research review: harms experienced by child users of online and mobile technologies: the nature, prevalence and management of sexual and aggressive risks in the digital age // *Journal of child psychology and psychiatry*. 2014. Vol.55. № 6. P. 635–654.

Information security of children and adolescents in the modern world: psychological aspects of the problem

Budykin S.V., Postgraduate student, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (moscow858@yandex.ru)

The authors focus on identifying the psychological aspects of the problem of information security of children and adolescents in the modern world. It is noted that new technologies are penetrating deeper into our lives, become cultural means of socialization and human development, contribute to the formation of new social practices in everyday life, require a certain style of life. Draws attention to the fact that the impact of these technologies varies in age groups, the most vulnerable are children and adolescents.

After Western researchers of problems of information security of children and adolescents, identifies the category of risk associated with Internet communication: 1) risk associated with the content of the materials provided on the Internet; 2) the risk due to contacts with others; 3) the risk arising in connection with the illegal downloading of materials. 4) risks resulting from the use of personal data, children and adolescents often provide personal information.

Demonstrates the necessity of analyzing how users of new technologies to diagnose risk associated with the use of technology such as the Internet, and what behavioral strategies they adapt. Stresses the importance and the need to examine how the immediate environment of children and adolescents interpret information security and suggests how to counter the threat, coupled with the use of the Internet.

Key words: information security, children and adolescents, risk, Internet communication, new technology, and preventive programs.

References

1. Ayanyan A.N., Martsinkovskaya T.D. Sotsializatsiya podroستkov v informatsionnom prostranstve [Socialization of adolescents in the information space [Electronic resource] // [Elektronnyi resurs] // Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological research]. 2016. Vol. 9. no. 46.P.8. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 02.12.2016).
2. Bovina I.B. Risk: a socio-psychological perspective [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2011. no. 4 (In Russ., abstr. in Engl.)
3. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V. Kak zdorov'e prikhodit k detyam? Razvitie sotsial'nykh predstavlenii o zdorov'e u detei i podroستkov s tochki zreniya kross-kul'turnoi perspektivy [As health comes to children? The development of social representations of

health in children and adolescents from the perspective of cross-cultural perspective] (Frantsiya/Rossiya). Otchet RGNF [(France/Russia). Report RHF], 2017.

4. Budykin S.V., Dvoryanchikov N.V., Bovina I.B. Information Safety of Children and Adolescents in the Views of Parents [Elektronnyi resurs]. Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru [Psychological Science and Education psyedu.ru], 2016. Vol. 8, no. 4, pp. 117–126. doi:10.17759/psyedu.2016080412. (In Russ., abstr. in Engl.) Golubeva N.A. Informatsionnaya sotsializatsiya: psikhologicheskoe usloviya i faktory. avtoref. ... kand. psikhol. nauk. M., 2012.
5. Golubeva N.A., Martsinkovskaya T.D. Informatsionnaya sotsializatsiya: psikhologicheskii podkhod [Elektronnyi resurs] [Informational socialization: a psychological approach [Electronic resource] // Psikhologicheskie issledovaniya: elektron. nauch. Zhurn [Psychological research: electron. scientific. Sib]. 2011. no. 6(20). P. 2. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 02.12.2016).
6. Golubeva N.A., Martsinkovskaya T.D. Sotsializatsiya sovremennykh podrostkov: informatsionnyi kontekst [Socialization of modern teenagers: information context] // Voprosy psikhologii [Questions of psychology]. 2016. no. 5. pp.15–27.
7. Martsinkovskaya T.D. Informatsionnaya sotsializatsiya v izmenyayushchemsya informatsionnom prostranstve [Informational socialization in changing information space [Elektronnyi resurs] // Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological research]. 2012. Vol. 5. no. 26. pp. 7. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 03.12.2016).
8. Martsinkovskaya T.D., Chumicheva I.V. Problema sotsializatsii podrostkov v sovremennom mul'tikul'turnom prostranstve [The problem of socialization of teenagers in modern multicultural space] [Elektronnyi resurs] // Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological research]. 2015. Vol. 8. no. 39. P. 10. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 02.12.2016).
9. Metodologiya kontseptsii informatsionnoi bezopasnosti detei i podrostkov [Methodology the concept of information security of children and adolescents] [Elektronnyi resurs] // Kontseptsiya informatsionnoi bezopasnosti detei [The concept of information security of children] URL: http://rkn.gov.ru/docs/Razdel_4.pdf (data obrashcheniya: 12.12.2016)
10. Tikhonova A.D. Problema вовлечения в terroristicheskuyu deyatel'nost' posredstvom ispol'zovaniya sotsial'nykh setei. Doklad na konferentsii «Kochenovskie Chteniya» [The problem of involvement in terrorist activities through the use of social networking. Paper presented at the conference "Kochanowski Reading"], 10–12 noyabrya 2016 g.
11. Tolokonnikova A.V. Deti i Internet: problemy i garantii informatsionnoi bezopasnosti [Children and the Internet: problems and guarantee information security] [Elektronnyi resurs] // Mediaskop. 2015. no. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1766> (data obrashcheniya: 03.09.2016)
12. Yurevich A.V. Tri istochnika i tri sostavnye chasti podderzhaniya nravstvennosti v obshchestve [Three sources and three component parts maintain morality in the society] // Psikhologicheskie issledovaniya nravstvennosti [the Psychological study of

- morality] / In Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. (eds.). Moscow: Publ. Izdatel'stvo «Institut psikhologii RAN», 2013. pp. 13–35.
13. Breakwell G.M. The psychology of risk. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 256 p.
 14. Buschini F. Diffusion, propagation, propagande : et après? L'effusion, un nouveau mode de communication médiatique pour l'étude des représentations sociales. Paper presented at the Conference «Tribute to Serge Moscovici», 17–18 November, 2016.
 15. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions – European Strategy for a Better Internet for Children. URL: <http://ec.europa.eu/digital-agenda/en/european-strategy-deliver-better-internet-our-children> (дата обращения: 10.01.2017).
 16. Ernst-Vintila A., Klar Y. Is there social psychology of historic grievances and intergroup conflict in the age of «radicalisation». Paper presented at the Conference «Tribute to Serge Moscovici», 17–18 November, 2016.
 17. Internet world stats. Usage and population statistics URL: <http://www.internetworldstats.com/stats4.htm> (дата обращения: 01.11.2016).
 18. Kopecky K., Szotkowski R., Krejci V. The risks of Internet communication // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2012. Vol. 69. P.1348–1357.
 19. Kwan G.C.E., Skoric M.M. Facebook bullying: An extension of battles in school // Computers in human behavior. 2013. Vol. 29. P. 16–25.
 20. La perception par les parents des risques encourus par leurs enfants sur Internet [Электронный ресурс] // IPSOS. URL: <http://www.social-sante.gouv.fr/espaces,770/famille,774/publications-et-textes-officiels,893/sondages-etenquetes-sur-la,740/la-perception-par-les-parents-des,7411.html> (дата обращения: 31.10.2016).
 21. Livingstone S., Haddon L. Risky experience for children online: charting European research on children and the Internet // Children and society. 2008. Vol. 22. P. 314–323.
 22. Livingstone S., Haddon L. Theoretical framework for children's internet use // Children, risk and safety on the Internet: research and policy challenges in comparative perspective / Eds. by S. Livingstone, L. Haddon, and A. Görzig. Bristol: The Policy Press, 2012. P. 1–12.
 23. Livingstone S., Haddon L., Görzing A., Ólafsson K. With members of the EU kids online network. EU kids online. London, Final report, September, 2011. 54 p.
 24. Livingstone S., Smith P. Annual research review: harms experienced by child users of online and mobile technologies: the nature, prevalence and management of sexual and aggressive risks in the digital age // Journal of child psychology and psychiatry. 2014. Vol.55. № 6. P. 635–654.

Формы психолого-педагогической работы по преодолению негативных факторов в профессиональном самоопределении подростков с девиантным поведением

Никитская Е.А., кандидат педагогических наук, доцент, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Московский университет МВД России имени В.Я.Кикотя» (katamax@yandex.ru)

В статье анализируется проблема профессионального самоопределения обучающихся подросткового возраста с девиантным поведением в условиях общеобразовательной школы. Автором подчеркивается важность понимания того, что без психолого-педагогической помощи профориентационная составляющая развития «трудных» подростков является весьма затруднительной, а зачастую и вовсе невозможной. Данные трудности обусловлены как объективными причинами – сложностью процесса профессионального выбора в современной социально-экономической ситуации, так и субъективными – возрастными и личностными особенностями подростков с девиантным поведением. В связи с этим в статье описываются основные факторы, негативно влияющие на формирование способности девиантных подростков к профессиональному самоопределению, а также предлагаются к осмыслению и применению некоторые формы психолого-педагогической работы по преодолению трудностей в профессиональном самоопределении этой категории обучающихся. Предлагаемые формы прошли апробацию в реальной педагогической практике.

Ключевые слова: подростки с девиантным поведением, психолого-педагогическая работа, профессиональное самоопределение, профориентация.

Для цитаты:

Никитская Е.А. Формы психолого-педагогической работы по преодолению негативных факторов в профессиональном самоопределении подростков с девиантным поведением. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 1. С. 25-33.
doi: 10.17759/psylaw.207070103

For citation:

Nikitskaya E.A. Forms of psycho-pedagogical work to overcome the negative factors in professional self-determination of teenagers with deviant behavior. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 1. pp.25-33. doi: 10.17759/psylaw.2017070103

Профессиональное самоопределение личности является одной из важнейших составляющих жизненного пути. Для того, чтобы социализация человека (как процесс и результат усвоения культурных ценностей и социальных норм в том обществе, в котором он живет) проходила позитивно, чрезвычайно важно, чтобы он мог и хотел компетентно участвовать в социальной и экономической жизни. Это, по сути, и является одним из компонентов успешной социализации человека, а именно, профессиональной социализацией. В условиях решения стратегических задач становления России как конкурентного общества в мире XXI века важными качествами личности являются умение выбирать профессиональный путь и готовность к обучению на протяжении всей жизни. Имеющиеся на сегодняшний день образовательные стандарты требуют не столько усвоения знаний и умений в рамках предметных дисциплин, сколько формирования компетенций, которые позволят выпускнику осмысленно ориентироваться в мире профессий, понимать значение профессиональной деятельности для конкретного человека и общества в целом.

Согласно действующему «Положению о профессиональной ориентации и психологической поддержке населения РФ», профориентация определяется как один из компонентов культуры, проявляющийся в форме проведения комплекса специальных мер содействия человеку в профессиональном самоопределении. При всей важности самостоятельного и осознанного профессионального выбора многие подростки с девиантным поведением нередко затрудняются решить эту задачу самостоятельно. При этом статистически известным и печальным фактом является увеличение числа подростковых преступлений, влекущих за собой тяжкие последствия. Рост межличностных и межгрупповых конфликтов, популярность отдельных асоциальных и антисоциальных группировок еще сильнее усугубляют ситуацию. Кроме того, известно, что и семья в современном мире далеко не всегда дает детям чувство психологического комфорта, защищенности, не всегда прививает позитивные ценности, а также понимание значения профессиональной деятельности.

В современной педагогике и психологии известно понимание девиантного поведения как определенных действий, противоречащих социальным нормам и культурным ценностям. Девиантное поведение в подростковом возрасте – это особый предмет теоретического изучения и практической сферы деятельности педагогов, психологов, социологов, юристов, медиков, поскольку подростковый возраст – это период не только глобальных пересмотров и перестроек ранее сложившихся личностных особенностей, но и осознанного выбора стратегии поведения, реализации нравственных представлений, социальных установок. Одним из конструктивных способов профилактики и решения проблем девиантного поведения в подростково-юношеской среде и нивелирования его негативных последствий является стимулирование профессионального самоопределения подростков. Исходя из этого, становится очевидной высокая социальная значимость развития данного направления психолого-педагогической работы.

Специфика профориентационной деятельности с обучающимися с девиантным поведением предъявляет серьезные требования к работе педагога-психолога по

преодолению негативных факторов в профессиональном самоопределении подростков. Очевидно, что данное направление деятельности должно реализовываться в соответствии с системным подходом. По результатам многолетних исследований и конкретной психолого-педагогической практики взаимодействия с проблемными подростками, нами были сформулированы принципиальные основания (или проще – принципы) психолого-педагогической работы с подростками с девиантным поведением: *системность, непрерывность, нейтральность, добровольность, принятие, доверительное общение.*

Для понимания того, как действуют (должны действовать) данные принципы в реальной педагогической ситуации, важно помнить, что такое «принцип» вообще. Ответить на этот вопрос можно, если четко уяснить такую формулу: принципы не выбирают – им следуют. Это означает, что выделенные и зафиксированные в психолого-педагогической работе (как, собственно, и любой сфере) принципы являются обязательными к реализации, и к ним не может быть отношения на уровне «нравится/не нравится», «хороший/плохой». Методы, средства – да, они могут выбираться, они могут нравиться или не нравиться, но принципы работы – это совсем другое, ими нужно руководствоваться. В нашем случае принципы выступают важнейшими элементами и основополагающими правилами конкретной психолого-педагогической работы по преодолению негативных факторов в профессиональном самоопределении подростков с девиантным поведением.

Принцип системности означает, что деятельность каждого специалиста, так или иначе включенного в процесс взаимодействия с подростком, является частью общей системы работы и осуществляется в соответствии с общим планом и во взаимодействии с коллегами. Для каждого подростка выстраивается своя стратегия абилитационного процесса, который и задает направление усилий специалистов.

Принцип непрерывности означает постоянство работы по сопровождению подростка, когда каждый обучающийся в ту или иную меру находится под каждодневным вниманием, в разных формах получая помощь и поддержку от разных специалистов. При этом каждый специалист действует в соответствии с общей стратегией абилитационного процесса данного подростка, учитывая его индивидуальные особенности и возможности на данном этапе развития.

Принцип нейтральности предполагает одинаково сочувственное отношение специалистов к разным субъектам образовательного процесса, отказ от обвинительно-назидательной позиции в отношении обучающихся и их родителей в пользу вдохновляющего стиля взаимодействия.

Принцип добровольности предполагает, что педагог-психолог должен получить ответственное и решительное согласие на работу с несовершеннолетним и/или его родителями и законными представителями. Реализация данного принципа подразумевает не только, а в нашем случае, даже не столько этические и юридические основания, сколько основания элементарной коммуникативности и психолого-педагогической эффективности планируемого взаимодействия.

Принцип принятие предполагает необходимость установления педагогом-психологом доверительных отношений с подростком, при этом важнейшим фактором успешности реализации этого принципа является отказ от оценки его поступков, от навязывания ему каких-либо заранее «заготовленных» установок. В последствие необходимо разграничить

оценку поступков подростка и оценку его личности, т.е. осуждение поступка не может влиять на принятие или непринятие личности подростка.

И наконец, *принцип доверительности общения* призывает педагога-психолога относиться к информации, получаемой в процессе общения с подростком, без подозрений и быть откровенным в общении с ним.

Необходимость реализации всех этих принципов нашла непосредственное отражение в профориентационной работе, проводимой нами на базе Политехнического техникума № 2 г. Москвы в его специальном структурном подразделении для подростков с девиантным поведением. Не освещая всю полноту результатов данной работы, предложим лишь наиболее «свежие» данные, полученные в результате психолого-педагогического взаимодействия с подростками с девиантным поведением в части работы по преодолению негативных факторов в их профессиональном самоопределении.

Результаты анкетирования, проведенного нами в 9–11 классах, показали, что подавляющее большинство подростков испытывают ряд серьезных трудностей в выборе будущей профессии: в построении адекватного образа профессии; определении необходимых для той или иной профессии качеств; в выборе профессионального учебного заведения; проблема с собственно выбором профессии (у 89% подростков эта проблема ярко выражена, а у 11% – размытое видение себя в профессии), в формировании представлений о резервных профессиональных планах (зачастую резерв заключается в службе в армии для мальчиков и замужестве для девочек). Данные трудности обусловлены как объективными причинами – сложностью процесса профессионального самоопределения и его спецификой в современной социально-экономической ситуации, так и субъективными возрастными и личностными особенностями подростков с девиантным поведением, которые, порой, серьезно затрудняют задачу самостоятельного выбора профессии. Многие выпускники школы определяют свой профессиональный путь не на основе глубокого понимания и осознания сути профессии, а под влиянием взрослых людей или просто-напросто случайных обстоятельств.

Очевидно, что на процесс профессионального самоопределения подростка влияют разнообразные факторы. Бесспорно, специалисту, включенному в профориентационную работу с «трудными» детьми, важно иметь представление об этих факторах, изучать их влияние и при необходимости их корректировать и адаптировать к возрастным и индивидуально-личностным особенностям учащихся.

Осуществленный нами анализ ситуации позволяет выделить следующие факторы, негативно влияющие на формирование у подростков с девиантным поведением способности к профессиональному самоопределению.

1. *Утрата доверия к миру.* Утрата доверия к миру проявляется в чувстве незащищенности, в неверии в собственные силы и возможности. В итоге это может проявляться в склонности подростка занимать позицию «мне все должны» или правонарушителя как наиболее простых форм социальной (в данном случае асоциальной) адаптации.

2. *Затруднение в способности принимать собственные ответственные решения.* Данный фактор проявляется в несамостоятельности принятия решений, ориентации на

референтную группу, в неспособности противопоставить свои желания, интересам, принятым в подростковой среде.

3. *Не всегда четко осознаваемая временная перспектива и связанная с этим неадекватная самооценка.* Это как в морали одной из басен С.Михалкова: «Одна из первых мер предосторожности – соизмерять желанья и возможности!» Действительно, представления о будущем у подростков с отклоняющимся поведением нередко лишены реалистичности, им свойственны фантазии, часто не подкрепленные реальными возможностями. (Так, например, девочка в 11 классе, написавшая пробный ЕГЭ по биологии на нижнюю границу тройки, желает стать врачом.)

И еще одно обстоятельство. При работе с данной категорией подростков очень важно не пропустить момент возможного формирования позиции «социального иждивенца». В этом плане роль педагогического коллектива школы состоит в развенчании иллюзий учащегося об удобстве и выгоде такого способа жизни.

Очевидно, что отсутствие психолого-педагогической помощи подростку с девиантным поведением в решении данных проблем во многом создает риски и ставит под удар решение целой серии возрастных задач, специфических для данной возрастной категории подрастающего поколения, а именно, так называемых социально-психологических задач социализации человека. Эти задачи связаны с такими компонентами развития человека, как становление самосознания, самоопределение в текущий момент времени и перспективной проекции, самореализация в тех или иных сферах жизнедеятельности, а также самоутверждение в процессе социализации. Особое качество данные компоненты приобретают в описываемом нами возрастном этапе становления личности, которая уже к этому времени имеет признаки поведения, противоречащего социальным нормам. Так, *самосознание* личности подростка с девиантным поведением имеет свои особенности в связи со спецификой видения самого себя в окружающей действительности, а также с особенностями формирования Я-концепции, которая, как известно, в подростковом возрасте актуализируется и конституируется.

И в этом плане особым образом для данной категории подростков как раз предстают потенциальные и реальные возможности их личностного *самоопределения*, предполагающие усвоение ими конкретных социальных ролей в тех или иных видах деятельности, типах отношений и пр., причем не только по принципу «здесь и сейчас», но и, что особенно непросто на данном возрастном этапе – по принципу «там и потом». А вот именно с пониманием и видением перспективы у подростков с девиантным поведением возникают наибольшие трудности, которые с приближением юношеского возраста усугубляются всё большей актуализацией необходимости поиска путей дальнейшего профессионального самоопределения.

Излишне говорить, что от характера и содержания результатов процесса личностного самоопределения в подростковом возрасте напрямую зависят возможности последующей *самореализации* учащегося в значимых для него и окружающих его людей сферах жизнедеятельности, а также его окончательное *самоутверждение* как состоявшейся ответственной личности, соответствующей современным, зачастую противоречивым запросам общества, неотъемлемой частью которого он является. От этого зависит также и тот общий вектор его самореализации, который при благоприятной динамике личностного развития приобретет просоциальный характер, а при неблагоприятном – асоциальный, а

возможно и антисоциальный характер, что, к сожалению, порой бывает почти неизбежно, если вовремя не будут нивелированы вышеобозначенные факторы, негативно влияющие на формирование способности к профессиональному самоопределению.

Итак, ниже предлагаются наиболее распространенные, доступные и вместе с тем, как показывает практика, эффективные формы профориентационной работы по профилактике в том числе и вышеупомянутой позиции «социального иждивенца». Эти формы составляют содержательную основу комплексной психолого-педагогической работы по преодолению негативных факторов в профессиональном самоопределении подростков с девиантным поведением.

Реализация *дополнительных общеразвивающих программ* социально-педагогической и профориентационной направленности, содержание работы которых совпадает и с интересами обучающихся и позволяет обучающимся изучить свои потребности и соотнести их с требованиями, которые предъявляет интересующая их профессия, сделать обоснованный выбор профиля, подготовиться к будущей трудовой профессиональной деятельности и в дальнейшем успешно выстроить профессиональную карьеру, адаптируясь к социальным условиям и требованиям рынка труда. Программа представляет собой гибкую систему модулей, легко учитывает возраст и уровень обученности, содержит учебный материал, актуальный и полезный не только для развития учебной мотивации и выбора профиля обучения, но и для повседневной жизни, расширения кругозора обучающихся. Данная программа имеет социально-педагогическую направленность и ориентирована на социальную адаптацию, повышение уровня готовности обучающихся к взаимодействию с различными социальными институтами, формирование знаний об основных сферах современной социальной жизни, расширение «социальной практики» и формирование навыков конструктивного социального взаимодействия (сфера деятельности «человек–общество», «человек–человек»). Например, программа «Путь к профессии», которая реализуется в Политехническом техникуме №2 предназначена обучающимся старших классов, интересующимся проблемами выбора будущей профессии. Каждое занятие содержит теоретическую часть, подкрепляемую практикой, и психологические тренинговые упражнения по теме занятия. Предпочтение отдается интерактивным методам обучения и воспитания. В программу включены два тренинга для закрепления полученных знаний на практике. На занятиях обучающиеся знакомятся с необходимыми теоретическими сведениями по основам психологии и профессиоведения, а также овладевают навыками принятия решения, бесконфликтного общения и т.п.

Экскурсия по ознакомлению с конкретной профессией. В процессе подготовки к ней профессия изучается по книгам или другим источникам информации, составляется «портрет профессии» (профессиограмма). Большое значение для результативности играет совместное планирование педагогом и учащимися экскурсии, которое включает: составление программы наблюдения за работой; плана беседы с представителями профессии; определение форм фиксации экскурсии (записи, фотографии, рисунки, видеозапись); форм представления результатов экскурсии (проект, презентация, буклет, газета, коллаж, и т.д.). Для подростков с девиантным поведением экскурсия как форма работы полезна еще и тем, что она расширяет социальный опыт, показывает мир взрослых людей в реальной производственной ситуации.

Конференции, которые либо посвящены профессиям, либо имеют одну из секций, связанную с профессиональной ориентацией обучающихся. При подготовке к конференции

обучающиеся собирают, оформляют информацию, готовят доклады самостоятельно, с классным руководителем, научным руководителем, а также с ответственным за профориентацию в образовательном учреждении. Например, стало традицией представление профориентационной работы на научно-практической студенческой конференции «Первые шаги к успеху» исследовательского общества техникума «Грани познания». 14 апреля 2016 г. в ГБПОУ ПТ № 2 прошла IV научно-практическая студенческая конференция «Первые шаги к успеху» исследовательского общества техникума «Грани познания». В конференции приняли участие 30 обучающихся, которые подготовили в общей сложности 20 проектных, исследовательских и творческих работ. На конференции присутствовали обучающиеся техникума и двух общеобразовательных организаций Москвы – ГБОУ Школа № 1391 и ГБОУ школа № 1114 (обучающиеся в группах по программам дополнительного образования техникума). Наибольшее количество участников конференции было в секции «Взгляд в будущую профессию», в рамках работы которой обучающиеся обсуждали значимость получаемых теоретических и практических знаний и умений в будущей профессиональной деятельности.

Создание банков информации о выпускниках, их трудовых биографиях (фотографии студенческих билетов, зачетных книжек, стенгазет, грамот и др.). В том числе (в качестве достаточно эффективной и положительно воспринимающейся формы) возможно использование видеообращений выпускников, в которых они рассказывают о своем учебном заведении, об особенностях профессии, которую они выбрали, о том, что повлияло на выбор профессионального пути и т.д.

Подготовка компьютерных презентаций о конкретных предприятиях и организациях. В презентации отражается история того или иного предприятия, сфера деятельности, рассказывается о выпускаемой продукции, основных профессиях и профессионально-личностных качествах, необходимых для данной профессии.

Дискуссии по вопросам профессиональной ориентации, которые могут проходить в форме круглого стола, заседания экспертной группы, «ток-шоу», форума, мозгового штурма и др. Данное направление профориентации для подростков с девиантным поведением успешно реализуется студентами-стажерами факультета юридической психологии ФГБОУ ВО МГППУ и студентами факультета педагогики и психологии ФГБОУ ВО МПГУ.

Обсуждение книг, телепередач, фильмов, мультфильмов, в которых фигурируют представители различных профессий и затрагиваются проблемы выбора профессии. Для подростков в этом плане весьма эффективны фильмы, так как они воздействуют эмоционально, влияют на ценностные ориентации при выборе профессии.

Встречи с представителями профессий, которые могут проходить в форме интервью, круглого стола, вечера, «ток-шоу» и др. Желательно для данного контингента детей приглашать человека или группу лиц, способных интересно, ярко, доступно рассказать о профессии, учитывая возрастные и психо-эмоциональные особенности обучающихся. В свою очередь и подростки готовятся к встрече, получая от воспитателя первичную, базовую информацию о личности приглашенного и об особенностях профессии или предприятия

Беседы, которые возможно строить по такому плану: общие сведения о профессии; производственное содержание профессии; условия работы и требование профессии к человеку; система подготовки к профессии.

Мероприятие «Неделя профориентации». В качестве вариантов проведения данного мероприятия можно использовать выставки книг, встречи и интервью, экскурсии, беседы, встречи с выпускниками.

Таким образом, профориентация является одним из важных направлений в деятельности педагогического коллектива, работающего в условиях общеобразовательных школ, где обучаются подростки с девиантным поведением. Предложенные формы работы позволяют обучающимся расширить знания о различных сферах профессиональной деятельности, особенностях конкретных профессий. На основе полученной информации подростки, юноши и девушки получают возможность более осмысленно анализировать профессиональную сферу жизнедеятельности человека, чувствовать себя в современном мире более уверенно и успешно социализироваться.

Forms of psycho-pedagogical work to overcome the negative factors in professional self-determination of teenagers with deviant behavior

Nikitskaya E. A., PhD (Education), associate Professor, Federal state public educational institution of higher professional education "Moscow University Ministry of internal Affairs of Russian named after V. J. Kikotya" (katamax@yandex.ru)

The article examines the problem of professional orientation of students of adolescence with deviant behavior in secondary school. The author emphasizes the importance of understanding that without psycho-pedagogical assistance to professional orientation component development of "difficult" teenagers is very difficult and often even impossible. These difficulties caused by both objective reasons – the complexity of the process of professional selection in the current socio-economic situation and subjective age and personality characteristics of adolescents with deviant behavior. In this regard, the article describes the main factors affecting the formation of deviant adolescents the ability to professional self-determination, and proposes to the understanding and application of some form of psycho-pedagogical work on overcoming difficulties in professional self-determination of this category of students. The forms were tested in real teaching practice.

Key words: teenagers with deviant behavior, psychological, educational work, professional identity, career guidance.

Семейная идентичность подростков из семей различного типа

Строкова С.С., аспирант факультета клинической и специальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет; педагог-психолог Дергаевской средней общеобразовательной школы №23 (strokovass@gmail.com)

Данная статья отражает часть исследования, посвященного изучению семейной идентичности подростков из различных типов семьи. В статье рассматривается вопрос о наличии связи между особенностями семейной идентичности подростков и типом семьи, в которой они воспитываются. Данный вопрос является актуальным для исследования в условиях современного дискурса психологии семьи, в рамках которого довольно часто ставится проблема кризиса семьи, связанного с демографической ситуацией в стране, количеством разводов, распространением альтернативных форм брачных союзов и пр. Традиционно принято считать, что кризис семьи может негативно отражаться на переживании своей принадлежности к семье у детей и подростков, что создает социальный риск для них. Методом исследования является опросник, специально разработанный для целей исследования. По результатам эмпирического исследования делается вывод об отсутствии прямой связи между спецификой переживания принадлежности к своей семье у подростков, то есть, их семейной идентичностью, и типом семьи, в которой они воспитываются.

Ключевые слова: семья, психология семьи, тип семьи, семейная идентичность, опросник семейной идентичности, представления о семье, образ семьи, переживание принятия со стороны семьи.

Для цитаты:

Строкова С.С. Семейная идентичность подростков из семей различного типа. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 1. С. 34-52. doi: 10.17759/psylaw.2017070104

For citation:

Strokovva S.S. Family identity of teenagers from families of various type. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 1. pp.34-52. doi: 10.17759/psylaw.2017070104

Введение

На протяжении последних десятилетий особенно часто можно встретить в литературе по психологии семьи описание так называемого «кризиса семьи», касающегося

изменения семьи как социального института в западной культуре. Современные исследователи отмечают повышение количества нуклеарных семей, снижение количества заключаемых браков и повышающееся количество разводов, популяризацию альтернативных форм брака и семьи (незарегистрированное сожительство, годвин-брак, однополые союзы, сознательно бездетные браки и т. д.) [8; 9; 10; 11; 23]. Такие изменения вызваны изменениями в обществе, ведущими за собой трансформацию модели семьи и ее функциональных характеристик. Действительно, современная российская семья отличается от традиционной модели семьи, представляющей собой разнополых партнеров с детьми, живущих на одной территории, ведущих совместный быт, распределяющих обязанности в соответствии с гендером. Такая ситуация вызывает резонанс как в общественном сознании, так и в психологических исследованиях. Интуитивно считается, что данные изменения могут негативно влиять на выстраиваемую модель семьи в сознании новых поколений, переживание ими своей принадлежности к родительской семье, а также некоторые особенности их социального благополучия. Однако до сих пор не было проведено целенаправленного исследования особенностей переживания своей принадлежности к семье, т. е. семейной идентичности, у подростков из различных типов семей (полная, неполная, бинуклеарная, замещающая). Представляется необходимым создание специального опросника, направленного на определение особенностей их семейной идентичности. Семейная идентичность исследовалась до настоящего момента с помощью различных методов, не направленных прямо на изучение феномена в целом, но на изучение отдельных ее аспектов, статусов или характеристик – в зависимости от специфики понимания самого феномена семейной идентичности.

Опросник, используемый в данном исследовании, разрабатывается непосредственно для достижения целей исследования, в том числе для установления наличия или отсутствия связи между особенностями семейной идентичности у подростков и типом семьи, в которой они воспитываются.

Исследования семейной идентичности

Задача исследования семейной идентичности подростков представляется достаточно сложной ввиду дефицита методов исследования семейной идентичности. Зачастую в зависимости от фокуса, на который направлен взгляд исследователя, каждый автор по-своему отбирает методы для изучения семейной идентичности. Обычно данные методы опираются на методы исследования семьи, а также ряд методов, направленных на изучение личностной идентичности. Так, можно выделить три основных подхода к пониманию и, соответственно, исследованию семейной идентичности. *Первый подход* строится на исследованиях групповой идентичности в целом и характеризуется ее пониманием как четырехстатусной модели описания себя в каком-либо групповом контексте (Э. Эриксон, Дж. Марсиа, В.Р. Орестова). *Второй подход* к описанию и специфике исследования семейной идентичности предполагает понимание семейной идентичности как субъективного образа семьи, представленного различными аспектами (О.А. Минеева, Н.В. Лукьянченко). *Третья группа методов* исследования семейной идентичности отражена в работе А.М. Ерр и коллег (А.М. Ерр, L.L. Price), которые, основываясь на определении Беннетта, предлагают исследовать множество характеристик семейной идентичности.

Семейная идентичность как четырехстатусная модель

Первым, кто наиболее полно описал метод исследования идентичности, стал ученик Э. Эриксона, Дж. Марсиа [28]. Для определения особенностей идентичности Дж. Марсиа

предлагает модель четырех статусов. Критериями выделения статусов является решение или избегание ролевого конфликта, преодоление кризиса самоопределения, а также достигнутая или не достигнутая идентичность. Соответственно, выделяется 4 статуса:

- диффузная идентичность (если человек избегает решения ролевого конфликта, идентичность не достигнута);
- принятая идентичность (если человек не решал ролевой конфликт, но идентичность достигнута путем внешне навязанных моделей);
- мораторий (активно решается конфликт, идентичность не достигнута);
- достигнутая идентичность (конфликт решен, идентичность достигнута).

Дж. Марсиа и его коллеги разработали полуструктурированное интервью для определения статуса идентичности. В нем охвачены три сферы жизни: профессия, религия и политика. Каждая область оценивается согласно двум критериям: наличие кризиса и наличие уже сделанного выбора. Каждому статусу присваивается определенный балл: диффузная идентичность – 1, принятая – 2, мораторий – 3, достигнутая – 4. Для определения общего статуса идентичности Дж. Марсиа предложил подсчитать общую сумму, суммируя баллы, полученные в каждой из трех областей, и вводя статусный балл, и затем, пользуясь предложенной им таблицей со средними значениями, делать окончательные выводы [18].

Долгое время этот метод являлся чуть ли не единственным и главенствующим при изучении идентичности у многих авторов.

До сих пор практически во всех работах, посвященных изучению идентичности, методология исследования строится, в частности, на данном полуструктурированном интервью Дж. Марсиа. И это оправданно, поскольку данный метод обладает определенными достоинствами: он достаточно полно описывает особенности самоопределения человека, затрагивает многие жизненные сферы. Но при этом данный метод требует больших временных затрат для осуществления, а также высокой профессиональной компетенции интервьюера. Сам Дж. Марсиа отмечал, что все же нет твердого критерия для обработки и интерпретации данных интервью [28]. Автор рекомендует доверять более интуиции интервьюера, чем сумме баллов. Таким образом, объективность анализа и интерпретация данных остаются под вопросом и зависят от того, кто их анализирует и интерпретирует.

Данный метод был апробирован и модифицирован в нашей стране В.Р. Орестовой при исследовании личностной идентичности подростков [18]. Она выделила следующие значимые для формирования идентичности подростка сферы: профессиональное самоопределение, становление определенной идеологической позиции (включающей религиозное мировоззрение и политические убеждения) и освоение социальных ролей, включая половые роли и ожидания в отношении супружества и родительства (т. е. некоторые компоненты семейной идентичности) [18].

При исследовании идентичности подростков и молодых людей в области семьи В.Р. Орестова определяла статус идентичности. Показателем достигнутой идентичности являлась осознанно созданная модель «собственной семьи на основе переосмысления отношений в родительской семье» [18]. Если модель принятых в семье отношений не принималась подростком напрямую, хотя ее влияние было достаточно сильно, то такой

аттитюд определялся как статус «мораторий». В этом случае подросток анализировал семейные отношения, осуществлял поиск альтернативных путей построения отношений. Часто респонденты, относимые к данному статусу, представляли достаточно негативный образ семьи, противопоставляли себя семье. Как следствие, такие подростки говорили о неготовности на данном этапе к созданию своей семьи, так как еще не до конца определились с тем, какая она должна быть.

В случае, когда модель семейных отношений не анализировалась и подвергалась сомнению подростком, В.Р. Орестова говорила о статусе «предрешение». Тогда подростки, не анализируя особо модель отношений в семье, либо полностью ее принимали, либо полностью ее отрицали. Но разобраться в причинах такого переживания семьи они не могли. Такие подростки говорили о своей готовности создать семью «хоть завтра». Если подростки не выражали своей оценки происходящего в семье, но могли только лишь определить полюс эмоционального отношения к семейной ситуации, В.Р. Орестова говорила о диффузном статусе. О собственной семье такие подростки не задумывались.

По результатам исследования В.Р. Орестовой, для подросткового возраста в сфере семьи наиболее распространенным является статус диффузной идентичности – 47,8%. Менее характерны для этого возраста статусы моратория (27,8%) и предрешенной идентичности (24,4%). В.Р. Орестова также рассматривала развитие идентичности в сфере «семья» у юношей. Для этого возрастного этапа у нее получились следующие результаты: наиболее распространенным статусом является мораторий (44,7%). Далее следуют статусы диффузной идентичности (27,2%) и предрешения (24,3%). В этой возрастной группе уже появляется статус достигнутой идентичности, хотя он еще очень слабо выражен – 3,9% [18].

Исследование семейной идентичности как образа семьи

Данная группа исследований строится на основе понимания семейной идентичности как образа семьи. О.А. Минеева исследует содержание имплицитных теорий о семье, т. е. изучает и анализирует систему значений, которую человек использует для своего восприятия окружающего мира, а также и самого себя.

О.А. Минеева, исследуя, какими лексическими единицами различные группы испытуемых описывают семью, выяснила, что у юношей по сравнению с девушками более абстрактные и неопределенные представления о семье [17].

Н.В. Лукьянченко исследовала семейную идентичность осужденных женщин, имеющих малыша в доме ребенка, семейную идентичность молодых семей и гомосексуальных семей [13; 14; 15; 16]. Н.В. Лукьянченко определяет семейную идентичность как «... субъективный образ принадлежности к семейной группе, отражающий характеристики группы и своего функционирования в ней в структурном, содержательном (когнитивном) и эмоционально-оценочном аспектах».

Для исследования структурного образа семьи Н.В. Лукьянченко использует семейную социограмму Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса, а также опросник FACES-III Д.Х. Олсона; для исследования эмоционально-оценочного аспекта образа семьи – цветовой тест отношений А.М. Эткинды, а также опросник родительского отношения А.Я. Варги и В.В. Столина; для исследования когнитивного аспекта образа семьи – репертуарные решетки Дж. Келли.

Н.В. Лукьянченко выяснила, что характер представлений о семье и о своем месте в семье отличается у осужденных женщин, которые принижают свою значимость для семьи,

наиболее значимыми членами семьи для них являются другие женщины семьи, они склонны включать большее количество членов семьи в ее структуру, чем женщины в нормативных выборках. Также семейная идентичность отличается у людей, вступающих в гомосексуальные союзы, в зависимости от пола.

Е.А. Савкова изучала семейную идентичность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения семьи, и показала, что образ семьи у таких детей либо носит негативный оттенок, либо идеализированный и зачастую является неполным [21].

Семейная идентичность в рамках данного подхода исследуется, прежде всего, как образ семьи, как представления о ней членов семьи, а также отношение к самому образу.

Исследования семейной идентичности как исследование характеристик семьи

А.М. Ерр и L.L. Price в своей статье «Family identity: a framework of identity interplay in consumption practices» пытаются упорядочить существующие методы, использующиеся для изучения семейной идентичности [27]. Авторы берут за основу определение семейной идентичности М. Bennett (1988): «Семейная идентичность – это субъективное ощущение семьи, ее продолженности (протяженности) во времени, ее настоящей ситуации, ее характеристик. [Семейная идентичность] это гештальт качеств и атрибутов, которые составляют особенность семьи и отличают ее от других семей» [27, р. 51]. Данное определение напоминает во многом определение, данное Э. Эриксоном для определения идентичности, и характеризуется тем, что в нем не упоминается как таковая личностная составляющая семейной идентичности: ощущение не только семьи, но и своей принадлежности к этой семье.

А.М. Ерр и L.L. Price, исследуя феномен семейной идентичности, выдвигают предположение, что семейная идентичность состоит из трех компонентов: структура (structure), поколенческая ориентация (generational orientation) и характер (character) [27]. Структура семьи «... определяется через собственные представления членов семьи о своем месте в семье, ролях, а также, через описание семейных ритуалов, фокусирование на семейных связях». Предлагаются определенные методы для исследования компонентов семейной идентичности.

Авторы статьи предлагают исследовать семейную идентичность с точки зрения различных характеристик. Например, семейных ритуалов (которые могут исследоваться с помощью опросника семейных ритуалов (Fiese & Kline, 1993)); изучения нарративов (с помощью историй (Baumeister & Newman, 1994), коллективно рассказанных историй (Mandelbaum, 1987; Polanyi, 1985), нарративного анализа (Riessman, 1993), анализа «визуализированных текстов» («imagetexts») (Hirsch, 1997)); межпоколенческих связей (с помощью анализа семейных фотоальбомов); оценки семейных реликвий, «Незаконченных предложений», отслеживания передачи наследства. Кроме того, предлагается исследовать ежедневные способы взаимодействия членов семьи с помощью Семейной интегративной шкалы (Sebald & Andrews, 1962), дневников (Wheeler & Ries, 1991)); символы, места, события, культурные артефакты, которые определяют семейную группу (Baxter, 1987; Belk, 1988; Carbaugh, 1996), внутреннюю согласованность семейной идентичности членов семьи с помощью шкалы PERI Life Events (Dohrenwend et al., 1973), а также Critical point graphical interviewing technique (Braithwaite et al. 1998), адаптивных измерений межперсонального соглашения (как исследовали, к примеру, Mowday, Porter и Steers в 1982) и психологической вовлеченности в семью (как в исследовании Friedman и Greenhaus в 2000); совместное

желание изменить что-либо в идентичности – с помощью изучения планов семьи по решению своих проблем (Gengler, Reynolds, 2001); анализ семейных тем и проектов (Huffman, Ratneshwar, Mick, 2000); обзор изменений в ритуалах, целях (Escalas, Bettman, 2000); нарушения семейной идентичности – с помощью шкалы PERI Life Events (Dohrenwend et al. 1973), а также Critical point graphical interviewing technique (Braithwaite et al. 1998).

Действительно, авторы приводят множество возможных характеристик семейной идентичности, которые можно исследовать по отдельности и в совокупности. Однако вряд ли можно сказать, что, даже проведя такое разнообразное исследование, в результате будет получена целостная картина семейной идентичности, которая не является суммой ее характеристик. Ограничение данного подхода также в том, что такая процедура трудоемка как для исследователей, так и для возможных испытуемых.

Из приведенного анализа видно, что существующие на данный момент исследования семейной идентичности отличаются объектом исследования, однако строятся либо на основе понимания семейной идентичности как образа семьи (О.А. Минеева, Н.В. Лукьянченко, Е.А. Савкова), как четырехстатусной модели идентичности (Дж. Марсиа, А. Ватерман, В.Р. Орестова), либо как совокупности характеристик семьи (А.М. Епп, L.L. Price).

Однако все эти исследования семейной идентичности направлены на выявление различных компонентов семейной идентичности, но не феномена в целом. Исследование семейной идентичности подростков было проведено с помощью опросника семейной идентичности.

Описание метода

Опросник состоит из 38 утверждений, которые респондентам предлагается оценить в зависимости от степени своего согласия с каждым из них по 7-балльной шкале. Утверждения опросника касаются переживания респондентом своего семейного опыта: как он себе его представляет (когнитивный аспект), как он оценивает этот опыт, семью (ценностный аспект), как он эмоционально реагирует на происходящее в семье (эмоциональный аспект), насколько он участвует в жизни семьи (поведенческий аспект). Также в опроснике представлены утверждения, касающиеся наличия или отсутствия в прошлом поиска семейной идентичности. Некоторые вопросы направлены на выяснение степени принятия семьи, семейных ценностей, уклада. Такие вопросы призваны не только показать эмоциональную составляющую семейной идентичности, но и представить вниманию исследователя то, насколько положительный или отрицательный образ семьи формируется у человека.

С помощью факторного анализа было выделено шесть шкал опросника. Следует отметить, что опросник на данный момент находится в стадии разработки, проведение психометрических процедур показало, что три его шкалы (первая, вторая и четвертая) являются внутренне согласованными, другие – нуждаются в доработке. Однако уже сейчас можно привести данные, полученные с помощью согласованных шкал опросника.

Первая шкала «Переживание принятия» описывает характер переживаний подростком своего принятия другими членами семьи и направлена на изучение непосредственных эмоциональных реакций подростка на семью и является внутренне согласованной (Expl. Var 5,9 – общая дисперсия; Prp. Totl 0,15 – доля общей дисперсии; Альфа Кронбаха 0,62). Шкала является обратной, поэтому высокие баллы по шкале показывают

переживание подростком своей незначимости для семьи, нежелание много контактировать с семьей, отсутствие субъективного чувства своего принятия членами семьи.

Шкала включает такие утверждения, как: «Я чувствую, что я важен моей семье», «Я хочу, чтобы в моей будущей семье была такая же атмосфера, как в моей семье сейчас», «Я знаю, что мною в семье довольны», «Я знаю: что бы я ни сделал, моя семья от меня не отвернется» и др. Утверждения, входящие в данную шкалу, описывают эмоциональный отклик подростка на семью, свою жизнь в семье. Затрагиваются такие вопросы, как: уверенность или неуверенность в безусловном принятии семьей подростка, его ответное принятие или непринятие семьи, выражающееся и на поведенческом уровне (заинтересованность в своих родственниках, желание проводить с ними время, желание проявлять свои чувства перед родственниками).

Вторая шкала «Ценность семьи» направлена на исследование ценностного аспекта семейной идентичности (Expl. Var 2,9; Prp. Totl 0,08, Альфа Кронбаха 0,65). Данная шкала помогает определить степень ценности семьи для подростка, а также содержание некоторых семейных ценностей. В эту шкалу входят такие вопросы, как: «Я понимаю, зачем человеку нужна семья», «Моя семья не хуже других семей», «Для меня важно защищать честь нашей семьи и ее членов от нападок других людей», «Я с уважением отношусь к ценностям членов моей семьи» и др. Высокие баллы по данной шкале означают высокую ценность семьи для подростка, его субъективное переживание значимости ценностей, транслируемых семьей. Низкие баллы показывают, что подросток не придает большого значения семье, считает свою семью не ценной, посредственной, не желает разделять и уважать ценности своей семьи.

На основе факторного анализа была выделена третья шкала «Образ семьи», отражающая когнитивный аспект семейной идентичности (Expl. Var 1,87; Prp. Totl 0,05, Альфа Кронбаха 0,46). Внутренняя согласованность данной шкалы является достаточно низкой из-за немногочисленности вопросов, входящих в нее, поэтому данная шкала нуждается в доработке, а результаты по ней могут рассматриваться только лишь на уровне тенденции. Утверждения этой шкалы отражают представленность образа реальной и идеальной семьи у подростков. Шкала включает в себя следующие утверждения: «В прошлом я не особо задумывался о том, чем моя семья отличается от других семей», «Я не знаю сейчас, чем моя семья отличается от других семей», «Я никогда не задумывался о том, какой должна быть семья». Высокие баллы по данной шкале показывают высокую степень разработанности образа семьи у подростка, предполагают его понимание особенностей собственной семьи, ее характерных черт, которые отличают его семью от других семей, размышления относительно идеального образа семьи.

Четвертая шкала «Вовлеченность» помогает определить вовлеченность подростка в жизнь семьи (Expl. Var 2,65; Prp. Totl 0,07, Альфа Кронбаха – 0,69). Шкала ориентирована на изучение поведенческих характеристик, определяющих степень участия подростка в жизни своей семьи, а также желание в ней участвовать. В шкалу входят такие утверждения, как: «Я люблю семейные посиделки, праздники», «В нашей семье есть определенные реликвии (ценные, памятные вещи), которые передаются из поколения в поколение», «Для меня важнее пообщаться с семьей, чем с друзьями», «В нашей семье есть определенные традиции, которым все стараются следовать» и др.

Высокие баллы по данной шкале означают высокую степень вовлеченности подростка в жизнь семьи, ощущение единства с семьей, знание традиций и ценностей семьи,

желание им соответствовать. Подросток, имеющий высокие баллы по четвертой шкале, является вовлеченным в жизнь семьи, активно в ней участвующим. Низкие баллы по данной шкале говорят о, наоборот, низкой степени вовлеченности в дела семьи, о возможной разобщенности в семье, отсутствии разделяемых всеми членами семьи традиций, ритуалов общения.

Пятая шкала – «Внутрисемейные коммуникации» (Expl. Var 1,47; Prp. Totl 0,04, Альфа Кронбаха – 0,17). Данная шкала, как и последующая, имеет низкую внутреннюю надежность из-за немногочисленности вопросов, вошедших в нее, и требует доработки. Шкала помогает определить степень открытости общения, характерной для семьи, восприятие критики подростком и пр. В данную шкалу входят такие вопросы, как: «В нашей семье принято общаться с другими родственниками», «Я не боюсь открыто выражать свои эмоции в присутствии моей семьи», «Для меня не важно, оценят ли мои успехи мои родственники» и др. Высокие баллы по данной шкале говорят об открытости общения подростка со своей семьей, отсутствии необходимости играть какую-либо роль перед членами семьи, отсутствии желания показаться хорошим мальчиком или хорошей девочкой. Также высокие баллы говорят о высокой степени конгруэнтности общения, характерной для данной семьи, желании общаться не только в рамках нуклеарной семьи, но и с расширенной семьей. С помощью данной шкалы определяется субъективное ощущение подростка о степени открытости общения между членами семьи.

Последняя, шестая, шкала «История семьи» направлена на выявление отношения подростка к истории своей семьи, однако нуждается в доработке (Expl. Var 2,04; Prp. Totl 0,05, Альфа Кронбаха – 0,45). Шкала помогает определить, насколько подросток понимает значимость представленности семьи не только здесь и сейчас, но и на протяжении времени, интересуется ли подросток историей своего рода, своей семьи, задумывается ли он о том, кто входит или входил в его семью. Данная шкала также представляет собой одну из категорий, отражающих когнитивный аспект семейной идентичности.

Характеристика выборки

В исследовании участвовали 360 подростков из разных типов семей. Тип семьи определялся с помощью специально разработанной анкеты, направленной, в том числе, на определение состава семьи. В выборку входили подростки от 10 до 17 лет различного пола. Все подростки проживают в г. Раменское Московской области, обучаются в Дергаевской средней общеобразовательной школе № 23.

В табл. 1 представлена характеристика выборки в зависимости от типа семьи:

Таблица 1

Группы испытуемых

Характеристики испытуемых. Тип семьи	Всего	Мальчики	Девочки	Младший подростковый возраст (10-13 лет)		Старший подростковый возраст (14-17 лет)	
				Мальчики	Девочки	Мальчики	Девочки
Полная	222	88	134	38	86	50	48
Неполная	66	37	29	22	12	15	17
Бинуклеарная	60	23	37	13	15	10	22
Замещающая	12	6	6	3	1	3	5
Всего	360	154	206	76	114	78	92

Результаты

Результаты опросника по группам семьи представлены в следующей таблице.

Таблица 2

Распределение данных в зависимости от типа семьи

Тип семьи	1. Переживание принятия семьей	2. Семья как ценность	3. Представленность образа семьи	4. Вовлеченность в жизнь семьи	5. Внутрисемейные коммуникации	6. Восприятие истории семьи
Полная	2,47(1,83)	6,57(1,02)	3,67(2,46)	5,17(1,9)	4,63(2,04)	4,86(2)
Неполная	2,52(1,77)	6,59(0,89)	3,72(2,29)	5,01(1,94)	4,6(2,02)	5,05(1,94)
Бинуклеарная	2,78(1,89)	6,57(1,03)	3,59(2,37)	4,73(2,16)	4,33(2,04)	4,65(2,06)
Замещающая	2,32(1,94)	6,23(1,42)	3,78(2,57)	5,01(1,99)	4,29(2,16)	5,08(2,13)

Примечание: Указаны средние значения и стандартные отклонения (в скобках) по шкалам опросника семейной идентичности у подростков из семей различного типа.

В ходе статистического анализа данных значимых различий между группами выявлено не было (данные анализировались с помощью t-критерия Стьюдента). Корреляционный анализ также не выявил связи между типом семьи и показателями по семейной идентичности подростка (анализ проводился с помощью коэффициента корреляций Спирмена). Таким образом, гипотеза о существовании связи между особенностями семейной идентичности подростка и типом семьи, в которой он воспитывается, не была подтверждена.

Однако можно сказать несколько слов о наблюдаемых тенденциях по группам подростков в целом, показывающих наличную ситуацию, характеризующую переживания современных подростков о своей семье.

По первым двум шкалам можно констатировать, что для большинства подростков характерно, скорее, переживание своего принятия со стороны семьи (2,32–2,78 баллов из 7, стоит учесть, что данная шкала – обратная, т. е., низкие баллы по шкале указывают на переживание принятия себя со стороны семьи), а также придание высокой ценности семье (6,23–6,59 баллов из 7). Это показывает, что для подавляющего большинства подростков характерно позитивное представление о семье, желание представлять свою семью как принимающую группу, представлять себя значимым для этой группы. Вовлеченность подростков в жизнь семьи несколько выше средних баллов по шкале (4,35–5,17 баллов из 7).

Если качественно анализировать данные и просматривать «сырые» баллы по первым двум шкалам, можно заметить, что есть некоторые подростки, которые дают ответы, совершенно отличающиеся от ответов сверстников, т. е. представляют свою семью не принимающей их, враждебной, хотя ценность семьи может для них оставаться достаточно высокой. Также у таких подростков соответствующие ответы по другим шкалам, представляющие их семью как среду со сложностями во внутрисемейных коммуникациях.

Для примера можно привести типичные для большинства испытуемых ответы, как, например, у испытуемой А., и нетипичные, отличающиеся ответы, как, например, у испытуемой И (см. Рис.1). Испытуемая А. – девушка, 15 лет, из неполной семьи, воспитывается матерью, есть брат. Испытуемая И. – девушка, 14 лет, живет в бинуклеарной семье, по результатам бесед с классным руководителем, родителями и самой испытуемой, отношения в семье достаточно сложные.

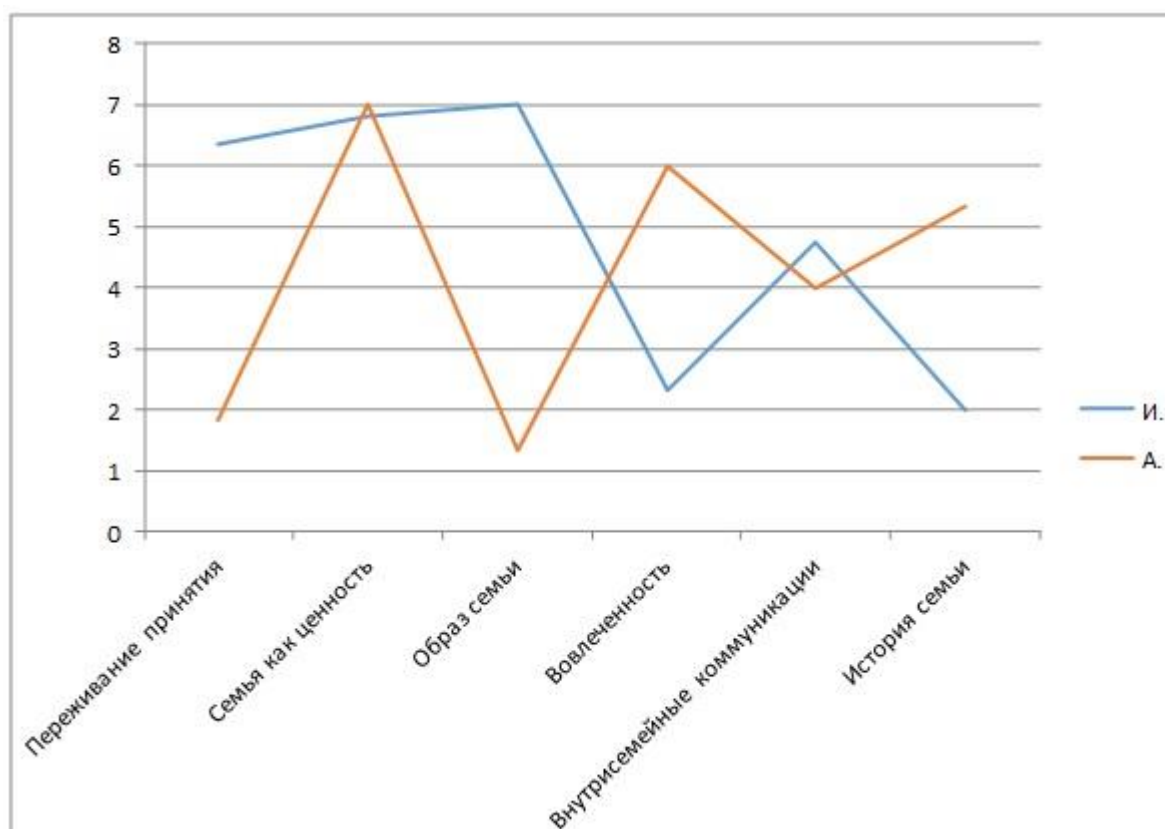

Рис. 1. График распределения данных по шкалам опросника Семейной идентичности у испытуемых И. и А.

По первой шкале «*Переживания своего принятия*» со стороны семьи данные у испытуемых значительно расходятся. У испытуемой А. есть ощущение принятия себя со стороны семьи, об этом говорят низкие баллы по шкале. У испытуемой И., наоборот, уверенность, что семья ее не принимает, что она чаще вызывает у своих родственников раздражение и неудовлетворенность, об этом говорят высокие баллы по шкале.

По второй шкале «*Ценность семьи*» результаты у обеих испытуемых достаточно похожи. Это может говорить о том, что, несмотря на негативные чувства относительно семьи и сложность отношений внутри семьи, для подростка важно сохранять высокую ценность семьи как суждение, не подвергающееся критике.

Интересны диаметрально противоположные результаты по третьей шкале, помогающей определить представленность образа семьи у подростка. Такая тенденция наблюдается и в общем по группам: подростки, менее удовлетворенные ситуацией в семье имеют большую представленность образа семьи, т. е., возможно, больше размышляют о том, какой должна быть семья, и какова их семья. К примеру, у испытуемой А., которая, судя по остальным шкалам, чувствует себя принятой со стороны семьи, вовлеченной в семейную деятельность, представленность образа семьи достаточно низкая. Низкие баллы по данной шкале говорят о том, что подросток, возможно, не так много думает об особенностях своей семьи, не пытается выстроить и сопоставить образ своей семьи и идеальной семьи. Данные были получены по шкале с недостаточной внутренней согласованностью, поэтому приводятся результаты по другим тестам, связанным содержательно со шкалой «*Образ семьи*».

Данные соответствуют результатам этих же испытуемых по другим методикам изучения их представлений о семье. Так, в модифицированной методике И.С. Куна «*Моя семья...*», где испытуемым предлагалось за ограниченное время написать как можно больше продолжений этой фразы, испытуемая А. написала всего 4 продолжения фразы, а испытуемая И. дала 10 определений, что говорит о большей разработанности образа семьи у испытуемой И. По содержанию характеристик, которые испытуемые приписывают своей семье, также можно наблюдать сильные различия. Так, испытуемая А., переживающая принятие своей семьей, по результатам опросника семейной идентичности, представляет следующие характеристики своей семьи: «*частичка чего-то родного, это самое святое, самое дорогое, что у меня есть, это то, что важнее всего*». Можно видеть, что по содержанию образа семьи в этих характеристиках сказано мало, однако признается величайшая ценность семьи, образ семьи однозначно положительный. В характеристиках, которые дает испытуемая И. о своей семье, наблюдается другой эмоциональный окрас, но и другая степень проработанности образа семьи: «*полное непонимание, место, где мне не комфортно, не принято доверять друг другу, место, где каждый живет по своим правилам*». Среди последних характеристик есть указание на характер отношений между членами семьи, согласованность их действий, наличие или отсутствие общих для членов семьи правил, что не приводится в описании своей семьи у испытуемой А.

По четвертой шкале «*Вовлеченность*» также данные у обеих испытуемых отличаются. Испытуемая А. вовлечена в деятельность семьи, испытуемая И. – в значительно меньшей степени. Похожи результаты у испытуемых по шкале «*Внутрисемейные коммуникации*», а по шкале «*Восприятие семейной истории*» испытуемая А. показывает больший балл, чем испытуемая И. Это говорит о том, что она заинтересована в большей степени историей своей семьи, чем испытуемая И.

На примере этих двух испытуемых были показаны возможности опросника, который в данный момент дорабатывается. Однако следует сказать, что все представленные результаты должны восприниматься скорее как предварительные результаты, указывающие на возможные тенденции особенностей семейной идентичности у подростков. Доработка опросника будет включать в себя уравнивание шкал, проверку на валидность и надежность, а также перевод сырых баллов по шкалам в стандартизированные баллы.

Обсуждение результатов

Многие исследователи полагают, что институт семьи в последние несколько десятилетий претерпевает множественные изменения, однако взгляд на данные изменения может различаться у каждого автора [1; 8; 9; 10; 24]. Высказываются опасения относительно неправильно строящейся модели семьи у подрастающего поколения в связи с расшатывающимися нормами семейного устройства, что может приводить к повышению социального риска у них [8]. Но при этом исследуется, прежде всего, объективная картина семьи. К примеру, в исследовании С.О. Докучаевой показано, что в неполных семьях дети не наблюдают модели супружеских отношений, и женщины, пережившие развод родителей в детском возрасте, в своей супружеской жизни также чаще переживают развод [8]. О.А. Карабанова пишет о «наметившихся за последнее десятилетие тревожных тенденциях, свидетельствующих о кризисных явлениях в жизни семьи» [10].

Из опасений относительно изменяющихся структурных характеристик модели семьи делаются предположения о возможных трудностях в формировании картины своей семьи у детей, растущих в условиях таких изменений. Несмотря на количество предположений по данному поводу, исследований связи между особенностями переживания подростком своей принадлежности к семье и типом семьи, в которой он живет, не проводилось до сих пор. Результаты данного исследования показывают, что предположение о существовании такой связи не соответствует действительной ситуации. Различий по особенностям семейной идентичности между группами в зависимости от типа семьи, в которой воспитывается подросток, получено не было.

Можно различить две реальности семьи: объективную, отражающую, в частности, состав семьи, и субъективную – т. е. переживание своей принадлежности к семье, в том числе, принятия со стороны семьи, придания ей ценности, стремления быть вовлеченным в жизнь семьи и готовность к открытости внутрисемейных коммуникаций, проработанности образа семьи и интереса к истории семьи. Результаты исследования говорят о том, что субъективная картина семьи оказывается независимой от непосредственной структуры семьи. Таким образом, можно сделать вывод, что состав семьи не влияет прямо на особенности переживания подростком своей принадлежности к семье. То есть то, воспитывается подросток в полной или неполной семье, в замещающей семье или в семье, где родители состоят в повторном браке, не влияет непосредственно на его переживания относительно своей семьи.

Выводы

В данной статье были приведены результаты исследования особенностей семейной идентичности подростков из различных семей. Были получены данные, характеризующие особенности семейной идентичности между группами подростков в зависимости от типа

семьи, в которой они воспитываются. Несмотря на интуитивные представления о возможном дисфункциональном характере семейной идентичности у подростков из семей, отличающихся от традиционных, эти предположения не были подтверждены в ходе эмпирического исследования. Статистический анализ полученных результатов не выявил значимых различий между группами. Корреляционный анализ показал отсутствие связи между данными по группам и типом семьи, в которой воспитывается подросток. Таким образом, был сделан вывод об отсутствии связи между особенностями семейной идентичности у подростка и типом его семьи (полная, неполная, бинуклеарная, замещающая).

Работа была выполнена на базе МОУ Дергаевская СОШ № 23.

Литература

1. Аккерман Н. Семейный подход к супружеским расстройствам [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. 2004. № 4. <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2727> (дата обращения: 06.06.2016).
2. Аликин И.А., Лукьянченко Н.В., Новикова Е.А. Семейная идентичности заключенных женщин, имеющих малыша в доме ребенка исправительного учреждения: общее и типическое // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». 2012. № 4. С. 64–72.
3. Будинайте Г.Л., Коган-Лернер Л.Б. Особенности восприятия ребенком 6–8 лет структуры семьи в ситуации развода // Консультативная психология и психотерапия. 2011 № 2. С.91–110.
4. Варга А.Я., Хамитова И.Ю. Теория семейных систем Мюррея Боуэна // Московский психотерапевтический журнал. 2005. № 1. С. 137–146.
5. Василюк Ф.Е. Психология переживания. М.: МГУ, 1984. 240 с.
6. Гротевант Г., Данбар Н., Колер Дж.К., Лэш И., Ами М. Идентичность приемного ребенка: влияние семейной обстановки и социального окружения на ее формирование // Family relations, oct. 2000. Vol. 49. Iss. 4. P. 379–388.
7. Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению семьи. М.: Институт социологии РАН, 2010. 184 с.
8. Докучаева С.О. Влияние родительской семьи на построение супружеской семьи в следующем поколении // Психологическая наука и образование. 2005. № 3. С. 41–55.
9. Дружинин В.Н. Психология семьи: 3-е изд. СПб.: Питер, 2006. 176 с.
10. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М.: Гардарики, 2005. 320 с.
11. Карпова В.М., Филиппова Е.В. Представления о родительской и будущей семье в подростковом и юношеском возрасте // Психологическая наука и образование.

2013. № 4. С. 84–97.

12. Кузьмин М.Ю., Конопак И.А. Влияние структуры семьи на идентичность школьника // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология». 2014 Т. 7. С.28–41.
13. Лукьянченко Н.В. Проблема места и роли семьи в социальных контекстах жизнедеятельности личности // Вестник Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева. 2011. № 4. С. 162–165.
14. Лукьянченко Н.В. Семейная идентичность мужчин и женщин, состоящих в однополых союзах // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». 2011. № 4. С. 37–43.
15. Лукьянченко Н.В. Семейная идентичность супругов на этапе перехода от молодой семьи к зрелой // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 10. С. 283–294.
16. Лукьянченко Н.В., Новикова Е.А. Особенности семейной идентичности женщин, обывающих наказание в местах лишения свободы // Прикладная юридическая психология. 2011. № 3. С. 78–85.
17. Минеева О.А. Возрастные и гендерные особенности содержания имплицитных теорий семьи автореф. Дисс. ... канд психол. наук. М.: МГУ, 2011. 35 с.
18. Орестова В.Р. Формирование личностной идентичности в старшем подростковом и юношеском возрасте: дисс... канд. психол. наук М., 2001. 178 с.
19. Ослон В.Н. Репрезентации родителей и себя в картине мира ребенка-сироты // Электронный журнал «Психологическая наука и образование». 2012. № 4. С.1–18.
20. Рогач М.С. Психологический анализ сиблинговых отношений в семье с помощью проективной методики «Рисунок семьи» // Актуальные проблемы психологического знания. 2012. № 3. С. 89–94.
21. Савкова Е.А. Семейная идентичность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Психическая депривация детей в трудной жизненной ситуации: образовательные технологии профилактики, реабилитации, сопровождения. С. 14-16.
22. Слепкова В.И., Заeko Т.А. Практикум по психологической диагностике семейных отношений: учеб.-метод. комплекс. Мн., 2003. 339 с.
23. Строкова С.С. Направления изучения семейной идентичности в психологии // Консультативная психология и психотерапия. 2014. Т. 22. № 3. С. 8–22.
24. Шнейдер Л.Б. Психология семейных отношений: курс лекций. М.: Апрель-Пресс; Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 512 с.
25. Эриксон Э. Детство и общество. 2-е изд., 1963. 200 с.
26. Cigoli V., Scabini E. Family identity: ties, Symbols, and Transitions. London: Lawrence Erlbaum Associates, Inc, 2006. 235 p.

27. *Epp A.M., Price L.L.* Family identity: A framework of Identity Interplay in Consumption Practices // Journal of consumer research, 2008, no. 35. Chicago: The University of Chicago Press. P. 50–70.
28. *Marcia E.J.* Development and validation of Ego-Identity Status // Journal of personality and social psychology. 1966. Vol. 3. № 5. P. 551–558.

Family identity of teenagers from families of various type

Strokova S.S., postgraduate student of the faculty of clinical and special psychology, Moscow state psychological-pedagogical University; teacher and psychologist Delewski secondary school No. 23 (strokovass@gmail.com)

This article reflects part of the research devoted to studying family identity in adolescents from different types of family. The article discusses the relationship between features of family identity and adolescents by type of family in which they are raised. This issue is relevant to research in contemporary discourse of family psychology, which quite often raises the problem of family crisis associated with the demographic situation in the country, the number of divorces, the spread of alternative forms of marital unions, etc. It is traditionally believed that the family crisis could have a negative impact on the experience of his family belonging in children and adolescents, creating a social risk for them. The research method is a questionnaire specifically designed for research purposes. According to the results of empirical research the conclusion about the lack of direct links between specific experiences of belonging to his family in adolescents, i.e., their family identity, and family type in which they are raised.

Key words: family, psychology of family, type of family, family identity, family identity questionnaire, views on the family, the family way, the experience of adoption from the family.

References

1. Akkerman N. Semejnyj podhod k supruzheskim rasstrojstvam [Family approach to marital disorders]//*Zhurnal prakticheskoj psihologii i psihoanaliza [Practical psychology and psychoanalyses magazine]*. 2004. no 4. URL: <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2727> [(Accessed 06.06.2016) (In Russ.)]
2. Alikin I.A., Luk'yanchenko N.V., Novikova E.A. Semejnaya identichnosti zaklyuchennykh zhenshhin, imeyushhikh malysya v dome rebenka ispravitel'nogo uchrezhdeniya: obshhee i tipicheskoe [Family identity of the imprisoned women who have a baby in a children's home of the prison; common and typical] // *Vestnik MGOU. Seriya «Psikhologicheskie nauki» [MSEU bulletin, series Psychological sciences]*. 2012. no 4. pp.64-72.
3. Budinajte G.L., Kogan-Lerner L.B. Osobennosti vospriyatiya rebenkom 6-8 let struktury sem'i v situatsii razvoda [6-8 years old child's specifics of perception of the family structure in divorce]// *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Consulting psychology and psychoteraphy]*. 2011 no 2. pp.91-110.

-
4. Varga A.Ya., Khamitova I.YU. Teoriya semejnykh sistem Myurreya Bouehna [The theory of family system by Murray Bowen]// *Moskovskij psikhoterapevticheskij zhurnal [Moscow Psychotherapeutic Journal]*. 2005. no 1. pp. 137-146.
 5. Vasilyuk, F.E. Psikhologiya perezhivaniya [Psychology of experience]. Moscow: MSU, 1984. 240 p.
 6. Grotevant G., Danbar N., Koler Dzh.K., Lehsh I., Ami M. Identichnost' priemnogo rebenka: vliyanie semejnoy obstanovki i sotsial'nogo okruzeniya na ee formirovanie [The adopted child's identity: the family conditions and social environment influence on it] // *Family relations*, 2000, Vol. 49, Issue 4, pp.379-388. (In Russ.)
 7. Gurko T.A. Teoreticheskie podkhody k izucheniyu sem'i [Theoretical approaches to the family research]. Moscow: Institut sotsiologii RAN [Institute of sociology of RAS], 2010. – 184 p.
 8. Dokuchaeva S.O. Vliyanie roditel'skoj sem'i na postroenie supruzheskoj sem'i v sledujushhem pokolenii [Parental family influence on the constructing of marital family in the next generation] // *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie [Psychological science and education]*. 2005. no 3. pp. 41–55. (In Russ., Abstr. in Engl.).
 9. Druzhinin V.N. Psihologija sem'i [Family psychology]: 3-e izd. Saint-Petersburg: Piter, 2006. 176 p.
 10. Karabanova O.A. Psihologija semejnyh otnoshenij i osnovy semejnogo konsul'tirovanija [Family relationship psychology and family counseling basis]. Moscow: Gardariki, 2005. 320 p.
 11. Karpova V.M., Filippova E.V. Predstavlenija o roditel'skoj i budushhej sem'e v podrostkovom i junosheskom vozraste [Parental and future family representations in teenagers' and youth age]// *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie [Psychological science and Education]*. 2013. no 4. pp. 84–97. (In Russ., Abstr. in Engl.).
 12. Kuz'min M.Yu., Konopak I.A. Vliyanie struktury sem'i na identichnost' shkol'nika [Family structure influence on the schoolchild's identity]// *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Psikhologiya». [Irkutsk State University news. Series Psychology]*. 2014 Vol.7. pp.28-41.
 13. Luk'yanchenko N.V. Problema mesta i roli sem'i v sotsial'nykh kontekstakh zhiznedeyatel'nosti lichnosti [The problem of space and role of the family in social contexts of the personality livelihood]// *Vestnik Krasnoyarskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. V.P. Astaf'eva [Krasnoyarsk State Pedagogical University of V.P. Astafiev Bulletin]*. 2011. no4. pp. 162-165.
 14. Luk'yanchenko N.V. Semejnaya identichnost' muzhchin i zhenshhin, sostoyashhikh v odnopolykh soyuzakh [Family identity of men and women in homosexual marital union] // *Vestnik MGOU. Seriya «Psikhologicheskie nauki» [MSEU Bulletin. Series "Psychological Sciences"]*, 2011. no 4. pp. 37-43.

15. Luk'yanchenko N.V. Semejnaya identichnost' suprugov na ehtape perekhoda ot molodoj sem'i k zreloj [Spouses' family identity in the period of transformation from young family to mature family]// *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal [Siberian Pedagogical Magazine]*. 2010. no 10. pp. 283-294. (In Russ., Abstr. in Engl.).
16. Luk'yanchenko N.V., Novikova E.A. Osobennosti semejnoj identchnosti zhenshhin, obyvyayushhikh nakazanie v mestakh lisheniya svobody [Family identity of men and women in homosexual marital union] // *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Application Judicial Psychology]*. 2011. no 3. pp. 78-85. (In Russ., Abstr. in Engl.).
17. Mineeva O.A. Vozrastnye i gendernye osobennosti sodержaniya implitsitnykh teorij sem'i. Avtoref. diss... kand psikh. nauk [Age and gender specifics of implicit family theories content. PhD. (Psychology) Thesis]. Moscow: MSU, 2011. 35 p.
18. Orestova V.R. Formirovanie lichnostnoj identichnosti v starshem podrostkovom i yunosheskom vozraste [Personal Identity forming of the elder teenagers and youth. PhD. (Psychology) Diss.]. Moscow, 2001. 178 p.
19. Oslon V.N. Reprezentatsii roditelej i sebya v kartine mira rebenka-siroty [Parents and self representations in the orphan child's world picture]// *EHlektronnyj zhurnal «Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie» [Electronical magazine "Psychological science and educational"]*. 2012. no4. pp.1-18. (In Russ., Abstr. in Engl.).
20. Rogach M.S. Psikhologicheskij analiz siblingovykh otnoshenij v sem'e s pomoshh'yu proektivnoj metodiki «Risunok sem'i» [Psychological analyses of the sibling relationship in the family with a help of projective method "Family picture"] // *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya [Actual problems of psychological knowlndge]*. 2012. no3. – pp. 89-94.
21. Savkova E.A. Semejnaja identichnost' detej-sirot i detej, ostavshihsja bez popechenija roditelej [Family identity of the orphan children and the children without parents] // *Psihicheskaja deprivacija detej v trudnoj zhiznennoj situacii: obrazovatel'nye tehnologii profilaktiki, rehabilitacii, soprovozhdenija [Psychological deprivation of the children in the difficult live situation: educational technologies of the prevention, rehabilitation, maintenance]*. pp. 14-17.
22. Slepko V.I., Zaeko T.A. Praktikum po psikhologicheskoi diagnostike semejnykh otnoshenij. Uchebno-metodicheskij kompleks [Practicum in psychological diagnostics of family relationship. Educational-methodic complex]. Minsk.; 2003, 339 p.
23. Strokova S.S. Napravleniya izucheniya semejnoj identichnosti v psikhologii [[Approaches to family identity research in psychology] // *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*. 2014. Vol.22. no3. pp.8–22. (In Russ., Abstr. in Engl.).
24. Shnejder L.B. Psihologija semejnykh otnoshenij. Kurs lekcij. [Psychology of family relationship. Lecture course.] Moscow: Aprel'-Press, Izd-vo JeKSMO-Press, 2000. 512 p.
25. Ehrikson E. Detstvo i obshhestvo [Childhood and Society]. 2-e izd., 1963. 200 p.

26. Cigoli V., Scabini E. Family identity: ties, Symbols, and Transitions. London: Lawrence Erlbaum Associates, Inc, 2006. 235 p.
27. Epp A.M., Price L.L. Family identity: A framework of Identity Interplay in Consumption Practices. Journal of consumer research, Inc. Vol.35, June 2008. Chicago: The University of Chicago Press, 2008. pp. 50-70.
28. Marcia E.J. Development and validation of Ego-Identity Status// *Journal of personality and social psychology*. 1966, Vol. 3, no 5. pp. 551-558.

Психофизиологические особенности регуляции эмоциональных реакций у специалистов опасных профессий

Ковалева М.Е., младший научный сотрудник лаборатории психогигиены и психопрофилактики, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (kovaleva_me@inbox.ru)

Булыгина В. Г., доктор психологических наук, руководитель лаборатории психогигиены и психопрофилактики, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (ver210@yandex.ru)

В статье изложены результаты исследования психофизиологических механизмов совладания с эмоциональными реакциями в стрессовых ситуациях у специалистов опасных профессий. Был разработан интегральный протокол биологической обратной связи с использованием различных функциональных проб. Применялся статистический метод кластеризации методом k-средних, проверка достоверности различий между получившимися кластерами проводилась с помощью однофакторного дисперсионного анализа. Выявлена внутренняя согласованность различных показателей вегетативной и центральной нервной систем методом парного коэффициента корреляции Пирсона. Целевыми переменными для математического анализа были: относительные мощности альфа, тета-, бета-1- и бета-2-ритмов, ЧСС, HF, LF, VLF, RR, BP, LF/HF, OM, ИЦ, ИАП, АСВ, КГР. Обнаружены множественные связи между разными уровнями регуляции эмоционального состояния, гибкость применения различных стратегий совладания, способность к созданию новых механизмов регуляции в соответствии с задачей и высокая эффективность торможения эмоционального состояния после прекращения действия стрессоров у группы с высокой стрессоустойчивостью. У группы с низкой стрессоустойчивостью выявлены обратные тенденции.

Ключевые слова: биологическая обратная связь, показатели деятельности сердечно-сосудистой системы, функциональное состояние, стрессоустойчивость, специалисты экстремального профиля.

Для цитаты:

Ковалева М.Е., Булыгина В.Г. Психофизиологические особенности регуляции

эмоциональных реакций у специалистов опасных профессий. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 1. С. 53-67. doi: 10.17759/psylaw.207070105

For citation:

Kovaleva M.E., Bulygina V.G. Physiological characteristics of regulation of emotional responses among specialists of extreme profile. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiiia i pravo* [Psychology and Law], 2017(7), no. 1. pp.53-67. doi: 10.17759/psylaw.2017070105

Введение

Проблема эмоциональной устойчивости приобретает особую актуальность в современных условиях в связи с ростом социальной напряженности и повышением требований к эффективности деятельности человека в экстремальных условиях.

В настоящее время программы психологической и психофизиологической работы по подготовке, переподготовке и сопровождению специалистов опасных профессий на всех этапах трудовой деятельности в соответствии с конкретными профессиональными задачами и спецификой стрессовых ситуаций доступны только для элитных военных подразделений. Существует необходимость в разработке подобных программ для более широкого круга специалистов экстремального профиля.

Учитывая высокую интенсивность профессионального стрессового воздействия особое внимание уделяется развитию навыков саморегуляции и самоконтроля функционального состояния. В ряде исследований было выявлено, что низкий уровень самоконтроля эмоционального состояния в условиях чрезвычайных ситуаций может приводить к появлению ошибок и срывов, тяжелых по своим последствиям, либо увеличивать уровень риска появления психических и психосоматических расстройств [3; 4].

Необходимость диагностики уровня стрессоустойчивости профессиональной деятельности обусловлена тем, что существует период времени, во время которого стрессоустойчивость не влияет на фоновые показатели функционального состояния.

Метод БОС (биологическая обратная связь) показал высокую эффективность в сопровождении и коррекции дезадаптивных копинг-стратегий у лиц опасных профессий [2; 6; 7; 19].

Наиболее часто анализируемым показателем в исследованиях саморегуляции эмоциональных состояний является пульсометрия, в частности, частота сердечных сокращений (ЧСС) и различные статистические варианты обработки его компонентов [6; 12; 14; 15; 18; 19]. Также фиксируются такие объективные показатели, как электроэнцефалограмма (ЭЭГ) [9; 17], кожногальваническая реакция (КГР) [8; 16] и др.

Несмотря на разнообразие представленных работ, существует дефицит исследований с применением комплексной регистрации различных параметров центральной и вегетативной нервной системы. Отсутствуют исследования динамики функционального

состояния с использованием комплексного анализа описанных переменных и их взаимодействия.

Таким образом, актуальность разработки диагностического и коррекционного психофизиологического комплекса с использованием различных функциональных проб, соответствующих конкретным профессиональным требованиям, для изучения механизмов и динамики функционального состояния, обеспечивающих высокий уровень таких показателей, как бдительность и контроль эмоционального состояния в условиях стрессовой нагрузки у специалистов экстремального профиля, определила **цель** данного исследования.

Материал и методы исследования

В исследовании приняли участие 38 специалистов экстремального профиля в возрасте от 20 до 46 лет. Средний возраст участников составил $34 \pm 5,7$ лет. Все обследуемые закончили средне-специальные и высшие учебные учреждения. Стаж работы составил от 1 до 15 лет.

Для проведения исследования был использован метод биологической обратной связи (БОС), предполагающий регистрацию параметров вегетативной нервной системы (ВНС) и информирование обследуемого о динамике его показателей в процессе процедуры. На основании анализа отечественного и зарубежного опыта исследования психофизиологического статуса стрессоустойчивости был разработан интегральный протокол регистрации следующих показателей: ЭЭГ (электроэнцефалограммы) с затылочного отведения Oz и его ритмов диапазонов: альфа, тета, бета-1, бета-2; ЭКГ (электрокардиограммы) с анализом показателей: ЧСС (частота сердечных сокращений), HF (мощность дыхательных сердечных волн 0,15–0,4 Гц), LF (мощность медленных сердечных волн первого порядка 0,04–0,15 Гц), VLF (мощность сердечных волн второго порядка 0,003–0,04 Гц), RR (продолжительность сердечного цикла), BP (вариационный размах), отношение LF/HF (вагосимпатический индекс), OM (общая мощность спектра ЭКГ, определяется как сумма HF, LF, VLF), ИЦ (индекс централизации, определяется по формуле $(LF+VLF)/HF$), ИАП (индекс активации подкорковых нервных центров, определяется соотношением VLF/LF); фотоплетизмограммы с анализом показателя ACB (амплитуда систолической волны); КГР (кожно-гальваническая реакция). Были включены следующие пробы: 1) регистрация фонового уровня функционального состояния обследуемого в спокойном состоянии с открытыми глазами (исходный фон); 2) регистрация фонового уровня функционального состояния обследуемого в спокойном состоянии с закрытыми глазами (ЗГ); 3) регистрация способности обследуемого к произвольному контролю состояния периферической нервной системы без стрессовой нагрузки с использованием обратной связи (контролируемый этап); 4) регистрация способности обследуемого к произвольному контролю состояния периферической нервной системы в условиях стресс-стимуляции (внезапные громкие аудиальные стимулы) с использованием обратной связи (стресс); 5) регистрация способности обследуемого к произвольному контролю состояния периферической нервной системы в условиях электростимуляции с использованием обратной связи (ЭС); 6) регистрация итогового функционального состояния без использования обратной связи (итоговый фон).

Статистическая обработка

Разбиение выборки на кластеры было проведено методом k-средних. Проверка достоверности различий между получившимися кластерами проводилась с помощью однофакторного дисперсионного анализа. Выявление внутренней согласованности различных показателей вегетативной и центральной нервных систем было вычислено методом парного коэффициента корреляции Пирсона.

Результаты исследования

Для изучения механизмов стрессоустойчивости было необходимо разделить выборку на группы с низкой и высокой стрессоустойчивостью. Для распределения обследуемых по группам была выбрана разница абсолютных величин ЧСС между пробами «исходный фон» и «стресс» как маркер успешности выполнения инструкции.

Кластерный анализ (k-means) позволил разделить выборку обследуемых на 2 кластера. Лица с низким уровнем стрессоустойчивости – группа 1 (среднее значение кластера +2,30, стандартное отклонение 1,82, включает 19 человек) и лица с высоким уровнем стрессоустойчивости – группа 2 (среднее значение кластера -3,22, стандартное отклонение 2,22, включает 19 человек).

Для определения закономерностей динамики функционального состояния в выделенных группах обследуемых и исключения влияния абсолютных индивидуальных фоновых показателей анализировались значения абсолютной разницы переменных между пробами «исходный фон» и различными функциональными нагрузками. Успешность изменения функционального состояния значимо отличается для всех проб по переменной ЧСС ($p < 0,001$) и средней длительности RR-интервалов ($p < 0,001$), как результирующему показателю, подверженному влиянию многочисленных регуляторных влияний на синусовый ритм сложившегося баланса между парасимпатическим и симпатическим отделами вегетативной нервной системы (ВНС).

Анализ взаимосвязей между диагностируемыми переменными пробы «исходный фон» для первой группы с низкой продуктивностью самоконтроля показал значимое влияние на характеристики деятельности периферической нервной системы только низшего уровня регуляции – автономного контура регуляции (по Р.М. Баевскому) HF. Кроме того, обнаружена взаимосвязь между показателем HF и подкорковыми центрами регуляции LF, а также некоторая согласованность ритмов ЭЭГ между собой (табл. 1).

Данные закономерности также были выявлены в группе 2 с более успешной стратегией саморегуляции. Однако при наличии общих для групп связей отмечено множественное влияние автономного контура регуляции, центрального контура регуляции, межсистемного уровня регуляции не только на показатели сердечного ритма, но и на другие переменные вегетативной нервной системы, такие как АСВ и КГР (табл. 1).

Привнесение компонента сознательной регуляции ЧСС при помощи биологической обратной связи во время пробы «контролируемый этап» без дополнительной стрессовой нагрузки у первой группы с низким уровнем стрессоустойчивости сопровождалось снижением активации подкорковых нервных центров, автономного контура регуляции и межсистемного уровня управления, что отражается во влиянии показателей LF, VLF и ИАП на повышение ЧСС и КГР, а также уменьшением парасимпатического вклада HF в

вариационный размах (табл. 2), что согласуется с литературными данными [10; 11; 13]. Найдено значимое влияние относительной мощности кортикального ритма ЭЭГ бета-2 на увеличение АСВ.

Таблица 1

Значение внутренних связей переменных для пробы «исходный фон»

Группа 1 с низкой стрессоустойчивостью			Группа 2 с высокой стрессоустойчивостью		
Пара переменных	R	p	Пара переменных	R	p
HF – LF	+0,841	0,01	ЧСС – LF	-0,644	0,05
HF – ВР	+0,737	0,05	ЧСС – КГР	-0,702	0,05
Тета – бета-2	-0,725	0,05	HF – LF	+0,694	0,05
Бета-1 – бета-2	+0,658	0,05	HF – ВР	+0,717	0,05
			HF – КГР	+0,823	0,01
			LF – VLF	+0,825	0,01
			LF – RR	+0,700	0,01
			LF – КГР	+0,808	0,01
			LF/HF – АСВ	-0,672	0,05
			VLF – КГР	+0,643	0,05
			RR – КГР	+0,744	0,05
			ВР – АСВ	+0,717	0,05
			ВР – КГР	+0,761	0,05
			Тета – бета-2	-0,692	0,05
			ИЦ – АСВ	-0,827	0,01
			ИЦ – ВР	-0,713	0,05
			ОМ – КГР	+0,813	0,01

Во второй группе обследуемых с высоким уровнем стрессоустойчивости во время пробы «контролируемый этап» выявляется сохранение группы взаимосвязей, зафиксированных в исходном фоне. Также отмечено повышение активации подкорковых нервных центров, отражающее влияние показателя ИАП на вариационный размах, которое приводит к общему снижению ЧСС (табл. 2). Особый интерес представляет тот факт, что снижение вклада межсистемного уровня регулирования VLF у первой группы с низким уровнем стрессоустойчивости сопровождается повышением значений КГР, тогда как во второй, стрессоустойчивой, группе отмечено синхронное снижение КГР и VLF, что может объясняться влиянием систем регулирования более высокого уровня.

Таблица 2

Значение внутренних связей переменных для пробы «контролируемый этап»

Группа 1 с низкой стрессоустойчивостью			Группа 2 с высокой стрессоустойчивостью		
Пара переменных	R	p	Пара переменных	R	p
ЧСС – VLF	-0,721	0,05	LF – VLF	+0,813	0,01
HF – BP	+0,814	0,01	VLF – КГР	+0,686	0,05
HF – тета	+0,661	0,05	RR – КГР	+0,742	0,05
LF – BP	+0,644	0,05	OM – КГР	+0,846	0,01
VLF – RR	+0,705	0,05	ИЦ – BP	0,754	0,05
VLF – КГР	-0,706	0,05	ИЦ – бета-1	-0,823	0,01
АСВ – бета-2	+0,719	0,05	ИАП – BP	-0,728	0,05
ИАП – ЧСС	-0,707	0,05			
ИАП – КГР	-0,770	0,01			

Необходимость контролировать свое эмоциональное состояние в условиях провоцирующих стимулов (проба «стресс») у лиц с высоким уровнем стрессоустойчивости (группа 2) вызывала активацию механизмов контроля собственного состояния, которые зафиксированы у них в пробах «исходный фон» и «контролируемый этап». Данные механизмы отражают снижение симпатoadреналовой активации LF, влияют на повышение КГР и синхронное снижение парасимпатического вклада в значения VLF (табл. 3). Также было фиксировано увеличение абсолютных значений HF, которое, впрочем, не оказало значимых изолированных влияний на показатели общей активации ВНС. Было обнаружено интегральное влияние увеличения RR и снижения ЧСС на другие показатели периферической нервной системы, такие как КГР и АСВ. Кроме описанных закономерностей была выявлена взаимосвязь между уменьшением представленности относительной

мощности тета-ритма и синхронным увеличением относительной мощности кортикальных ритмов диапазонов бета-1 и бета-2, что может свидетельствовать об общем включении ЦНС в поиск новых и преобразование имеющихся механизмов совладания со стрессом.

Таблица 3

Значение внутренних связей переменных для пробы «стресс»

Группа 1 с низкой стрессоустойчивостью			Группа 2 с высокой стрессоустойчивостью		
Пара переменных	R	p	Пара переменных	R	p
ЧСС – VLF	-0,735	0,05	ЧСС – КГР	-0,814	0,01
HF – BP	+0,803	0,01	LF – VLF	+0,653	0,05
VLF – КГР	-0,757	0,05	LF – КГР	+0,660	0,05
АСВ – бета-2	+0,721	0,05	RR – BP	-0,757	0,05
Альфа – тета	-0,777	0,01	RR – АСВ	-0,725	0,05
ИАП – КГР	-0,728	0,05	RR – КГР	+0,716	0,05
ИЦ – КГР	-0,768	0,01	BP – АСВ	+0,676	0,05
ОМ – КГР	-0,685	0,05	Тета – бета-1	-0,748	0,05
			Тета – бета-2	-0,776	0,01
			Бета-1 – бета-2	+0,810	0,01

У первой группы с низким уровнем стрессоустойчивости зафиксировано частичное сохранение менее эффективной стратегии, выработанной во время пробы «контролируемый этап». Описанные механизмы выражаются во влиянии падения парасимпатической активации HF и VLF на общее увеличение ЧСС, вариационного размаха и снижение мощности КГР. Падение амплитуды VLF, параллельно с выраженным снижением мощности HF, можно расценить как индикатор энергодефицитного состояния [5]. Это подтверждает значимое влияние падения индексов активации подкорковых нервных центров ИАП, централизации ИЦ и адаптационного потенциала ОМ на повышение значений КГР (табл. 3). Однако сохранение влияния увеличения относительной мощности кортикального ритма ЭЭГ бета-2 на повышение АСВ и появление внутренних связей между альфа- и тета-ритмами ЭЭГ, могут быть маркером включения ЦНС в поиск новых механизмов совладания со стрессом, которое мы наблюдаем у этой группы в пробе с использованием электростимуляции.

Таблица 4

Значение внутренних связей переменных для пробы «электростимуляция»

Группа 1 с низкой стрессоустойчивостью			Группа 2 с высокой стрессоустойчивостью		
Пара переменных	R	p	Пара переменных	R	p
RR – бета 1	+0,816	0,01	ЧСС – ВР	+0,664	0,05
HF – ВР	+0,813	0,01	RR – ВР	-0,659	0,05
Тета – бета-1	-0,812	0,01	ВР – АСВ	+0,681	0,05
Тета – бета-2	-0,947	0,01	ВР – бета-1	-0,677	0,05
Бета-1 – бета-2	+0,851	0,01			

Переход к следующей пробе с использованием электростимуляции у обследуемых первой группы с низким уровнем стрессоустойчивости привел к распаду сложившихся внутренних связей неэффективной стратегии совладания со стрессом с сохранением влияния снижения парасимпатического тонуса HF на уменьшение вариационного размаха. Появление связей между ритмами ЭЭГ, характерными для успешной группы в предыдущей пробе, на фоне повышения ЧСС может свидетельствовать о неуспешной попытке использования более высоких уровней регуляции ЦНС для коррекции стратегии саморегуляции эмоционального состояния (табл. 4). На фоне снижения ЧСС у второй группы с высоким уровнем стрессоустойчивости в пробе с электростимуляцией зафиксировано частичное использование механизмов совладания со стрессом, присутствовавших в предыдущей пробе и в исходном фоне, появление новых связей между вариационным размахом и ЧСС, а также влияние увеличения ритма бета-1 на снижение вариационного размаха (табл. 4).

Анализ пробы «итоговый фон» у первой группы зафиксировал влияние механизмов межсистемного уровня регуляции на повышение ЧСС и снижение парасимпатического вклада HF в вариационный размах, присутствовавших у них ранее в пробах «контролируемый этап» и «стресс»; кроме того найдено влияние HF на КГР, подавление HF увеличившейся относительной мощностью бета-1-ритма, изолированное влияние увеличения относительной мощности альфа-ритма на АСВ. Кроме того, найдено значимое влияние падения индексов активации подкорковых нервных центров ИАП, централизации ИЦ и адаптационного потенциала ОМ на повышение значений ЧСС и увеличение вариационного размаха, что частично совпадает с подобными тенденциями у этой группы в пробе «контролируемый этап» (табл. 5).

Можно заключить, что выявленные закономерности отражают использование лицами с низкой стрессоустойчивостью неэффективного ригидного механизма совладания со стрессом, а также отражают тенденцию к нормализации состояния после завершения функциональных нагрузок.

Таблица 5

Значение внутренних связей переменных для пробы «итоговый фон»

Группа 1 с низкой стрессоустойчивостью			Группа 2 с высокой стрессоустойчивостью		
Пара переменных	R	p	Пара переменных	R	p
ЧСС – VLF	-0,874	0,01	ЧСС – альфа	-0,675	0,05
HF – ВР	+0,685	0,05	ЧСС – тета	+0,707	0,05
HF – КГР	-0,662	0,05	HF – ВР	+0,682	0,05
HF – бета-1	-0,739	0,05	LF – КГР	+0,659	0,05
Альфа – АСВ	+0,701	0,05	RR – тета	-0,698	0,05
ИАП – ЧСС	-0,830	0,01	ВР – бета-1	+0,646	0,05
ИЦ – ЧСС	-0,827	0,01	ИАП – КГР	-0,715	0,05
ОМ – ЧСС	-0,743	0,05	Альфа – тета	-0,680	0,05
ОМ – ВР	+0,719	0,05			

Напротив, у второй группы с высоким уровнем стрессоустойчивости при переходе в спокойное состояние без функциональных нагрузок зафиксировано активное включение подкорковых центров в торможение и нормализацию показателей ВНС, что отражается во влиянии повышения индекса активации подкорковых центров ИПА на снижение КГР, а также в появлении влияния снижения относительной мощности тета-ритма на ЧСС, RR и альфа-ритм, влияние альфа-ритма на ЧСС, а также парасимпатического влияния HF на вариационный размах (табл. 5).

Заключение

В ходе исследования были обнаружены значимые различия в механизмах совладания со стрессовыми состояниями у лиц опасных профессий между группами с высокой и низкой эмоциональной устойчивостью.

В группе с высокой стрессоустойчивостью в спокойном состоянии без нагрузки выявлены интенсивные внутренние связи с различными уровнями регуляции ВНС, в то время как у группы с низкой стрессоустойчивостью подобных связей зафиксировано мало. При переходе к различным функциональным пробам у группы стрессоустойчивых обнаруживается гибкость используемых стратегий. А именно: в зависимости от задачи фиксируется активация различных механизмов, зафиксированных в фоновом состоянии, регистрируется создание новых звеньев регуляции, а также комбинация их в других пробах.

Лица с высоким уровнем стрессоустойчивости успешно справлялись с инструкцией во всех функциональных пробах.

Лица с низким уровнем стрессоустойчивости не справляются с инструкцией во всех функциональных пробах, демонстрируют большую ригидность. Выработанные механизмы саморегуляции эмоционального состояния и их звенья во время первой функциональной пробы «контролируемый этап» зафиксированы в той или иной мере во всех последующих функциональных пробах, включая пробу «итоговый фон».

У группы стрессоустойчивых обследуемых отмечается успешное вовлечение в контроль стратегии совладания с эмоциональным состоянием высших уровней регуляции при первой же пробе со стрессовой нагрузкой. В то время как у другой группы подобный паттерн найден только ко второй пробе с электростимуляцией. Можно сделать вывод, что лицам с низкой стрессоустойчивостью свойственна не только малая вариативность и селективность используемых механизмов совладания, но и некоторое запаздывание активного включения в торможение эмоциональных реакций. И это несмотря на то, что во время всех проб с функциональной нагрузкой обследуемые в режиме реального времени получали обратную связь о своем ЧСС и его распределении по временной шкале в виде гистограммы. Они находились в облегченных условиях относительно тех стрессоров, которые действуют на них во время выполнения профессиональных обязанностей. Таким образом, можно ожидать большего перенапряжения регуляторных систем и их срыва во время экстремальных ситуаций.

Во время пробы «итоговый фон» у лиц с высокой стрессоустойчивостью зафиксировано активное торможение эмоционального возбуждения с помощью подкорковых центров регуляции, в то время как у менее успешных обследуемых отмечено продолжение растормаживающего влияния механизмов регуляции на эмоциональное состояние.

Можно предположить, что подобная ригидность является фактором риска возникновения явлений профессиональной дезадаптации, расстройств невротического и психосоматического регистра, что существенным образом влияет на надежность деятельности специалистов, работающих в экстремальных условиях.

Вышесказанное обуславливает актуальность разработки психофизиологических тренингов по повышению стрессоустойчивости.

Литература

1. *Андреев Н.В., Хохлова Н.Г.* Изучение проявлений стресса и проблем психологического обеспечения деятельности сотрудников ГУВД г. Москвы в экстремальных ситуациях // Сборник научных трудов Академии МВД под общ.ред. В.И. Черненилова, издательство «Фирма «Печатный двор», Москва, 1995. С. 88 – 96.
2. *Кулаков Д.В.* Коррекция дезадаптивного нервно-психического состояния у сотрудников ГПС МЧС России на основе аудиовизуального воздействия и биологически обратной связи: дисс. ... канд. психол. наук. Санкт-Петербург, 2011.
3. *Ларцев М.А., Багдасарова М.Г., Голов А.Л.* Психофизиологические критерии

профессиональной пригодности специалистов службы медицины катастроф // Медицина катастроф. 2000. № 1. С. 57–60.

4. *Ларцев М.А., Бобров А.Ф., Багдасарова М.Г.* Оценка и прогнозирование профессиональной пригодности по особенностям психической адаптации персонала потенциально опасных производств // Медицина катастроф. 1997. № 1. С. 83–91.
5. *Флейшман А.Н., Мартынов И.Д., Петровский С.А., Кораблина Т.В.* Ортостатическая тахикардия: диагностическое и прогностическое значение very low frequency variability ритма сердца // Бюллетень сибирской медицины. 2014. Т. 13. № 4. С.136–148.
6. *Ханкевич Ю.Р., Блощинский И.А., Васильев А.С., Кальманов А.С.* Оценка эффективности БОС-тренинга для коррекции функционального состояния подводников в период длительного плавания // Экология человека. 2015. Т. 10. С. 3-8.
7. *Bouchard S., Bernier F., Boivin E., Morin B., Robillard G.* Using biofeedback while immersed in a stressful videogame increases the effectiveness of stress management skills in soldiers [Electronic resource] // PLoS One Public Library of Science. 2012. № 7(4):e36169. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3338628> (published online 2012 Apr 27.).
8. *Chen S., Sun P., Wang S., Lin G., Wang T.* Effects of heart rate variability biofeedback on cardiovascular responses and autonomic sympathovagal modulation following stressor tasks in prehypertensives // J Hum Hypertens. 2016 Feb. 30(2). P. 105–1.
9. *Gapen M., van der Kolk B.A., Hamlin E., Hirshberg L., Suvak M., Spinazzola J.* A Pilot Study of Neurofeedback for Chronic PTSD // Applied psychophysiology and biofeedback. 2016 Sep. 41(3). P. 251–61.
10. *Hernando A., Lazaro J., Gil E., Arza A., Garzon J.M., Lopez-Anton R., de la Camara C., Laguna P., Aguilo J., Bailon R.* Inclusion of Respiratory Frequency Information in Heart Rate Variability Analysis for Stress Assessment // IEEE journal of biomedical and health informatics. 2016 Jul. 20(4). P. 1016–25.
11. *Lennartsson A.K., Jonsdottir I., Sjörs A.* Low heart rate variability in patients with clinical burnout // International journal of psychophysiology : official journal of the International Organization of Psychophysiology. 2016 Aug 14.
12. *Lewis G.F., Hourani L., Tueller S., Kizakevich P., Bryant S., Weimer B., Strange L.* Relaxation training assisted by heart rate variability biofeedback: Implication for a military predeployment stress inoculation protocol // Psychophysiology. 2015 Sep. 52(9). P. 1167–74.
13. *Lin F., Ren P., Cotton K., Porsteinsson A., Mapstone M., Heffner K.L.* Mental Fatigability and Heart Rate Variability in Mild Cognitive Impairment // The American journal of geriatric psychiatry: official journal of the American Association for Geriatric Psychiatry. 2016 May. 24(5). P. 374–8.

14. *McAusland L., Addington J.* Biofeedback to treat anxiety in young people at clinical high risk for developing psychosis // *Early Interv Psychiatry*. 2016 Aug 29.
15. *Meyer T., Albrecht J., Bornschein G., Sachsse U., Herrmann-Lingen C.* Posttraumatic Stress Disorder (PTSD) Patients Exhibit a Blunted Parasympathetic Response to an Emotional Stressor // *Appl Psychophysiol Biofeedback*. 2016 Aug 4.
16. *Pusenjak N., Grad A., Tusak M., Leskovsek M., Schwarzlin R.* Can biofeedback training of psychophysiological responses enhance athletes' sport performance? A practitioner's perspective // *The Physician and sportsmedicine*. 2015 Jul. 43(3). P. 287–99.
17. *Quaedflieg C.W., Smulders F.T., Meyer T., Peeters F., Merckelbach H., Smeets T.* The validity of individual frontal alpha asymmetry EEG neurofeedback [Electronic resource] // *Social cognitive and affective neuroscience*. 2016 Jan. 11(1). P. 33–43. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4692315/> (Published online 2015 Jul 10.).
18. *Uddin A.A., Morita P.P., Tallevi K., Armour K., Li J., Nolan R.P., Cafazzo J.A.* Development of a Wearable Cardiac Monitoring System for Behavioral Neurocardiac Training: A Usability Study // *JMIR Mhealth Uhealth*. 2016 Apr 22. 4(2). e45.
19. *Weltman G., Lamon J., Freedy E., Chartrand D.* Police department personnel stress resilience training: an institutional case study // *Global advances in health and medicine : improving healthcare outcomes worldwide*. 2014 Mar. 3(2). P. 72–9.

Physiological characteristics of regulation of emotional responses among specialists of extreme profile

Kovaleva M.E., Junior Researcher, the Laboratory of the psychohygiene and psychoprevention Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (kovaleva_me@inbox.ru)

Bulygina V. G., Doctor in Clinical psychology, the head of the Laboratory of the psychohygienics and psychoprevention in Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (ver210@yandex.ru)

The results of the examination psychophysiological mechanisms of coping with emotional reactions in stressful situations of the specialists of extreme profile are presented. The integrated biofeedback protocol using various functional tests has been developed. Statistical clustering method k-means was used; validation of the differences between the resulting clusters was carried out using one-way ANOVA. The internal consistency of various indicators of the autonomic and central nervous systems was revealed by the pairwise Pearson's correlation coefficient. Target variables for the mathematical analysis were: relative powers of alpha, theta, beta 1 and beta 2 rhythms, HR, HF, LF, VLF, RR, VS, LF/HF, TP, IC, SNCA, ASV, GSR. Multiple relationships between different levels of regulation of emotional state, the flexible use of different coping strategies, the ability to create new mechanisms of regulation in accordance with the objective and high braking performance the emotional state after the termination of the stressors was detected in the group with high stress sustainability. The group with low stress sustainability has been described by the opposite pattern.

Key words: biofeedback, characteristics of the cardiovascular system, functional status, stress sustainability, specialists of extreme profile.

References

1. *Andreev N. V., Hohlova N. G.* Izuchenie proyavleniy stressa i problem psihologicheskogo obespecheniya deyatelnosti sotrudnikov GUVД g. Moskvyi v ekstremalnykh situatsiyah // Sbornik nauchnykh trudov Akademii MVD, pod obshh.red. V.I. Chernenilova, izdatel'stvo «Firma «Pechatnyj dvor», Moscow, 1995. P. 88 – 96.
2. *Kulakov D. V.* Korrektsiya dezadaptivnogo nervno-psihicheskogo sostoyaniya u sotrudnikov GPS MChS Rossii na osnove audiovizualnogo vozdeystviya i biologicheskoi obratnoy svyazi. Diss. kand. psihol. nauk. Sankt-Peterburg, 2011.

3. *Lartsev M. A., Bagdasarova M. G., Golov A. L.* Psihofiziologicheskie kriterii professionalnoy prigodnosti spetsialistov sluzhbyi meditsinyi katastrof // *Meditsina katastrof*, 2000. no.1. pp. 57 – 60.
4. *Lartsev M. A., Bobrov A. F., Bagdasarova M. G.* Otsenka i prognozirovaniye professionalnoy prigodnosti po osobennostyam psicheskoy adaptatsii personala potentsialno opasnyih proizvodstv // *Meditsina katastrof*, 1997. no.1. pp. 83 – 91.
5. *Fleyshman A.N., Martynov I.D., Petrovskiy S.A., Korablina T.V.* Ortostaticheskaya tahikardiya: diagnosticheskoe i prognosticheskoe znachenie very low frequency variabelnosti ritma serdtsa. // *Byulleten sibirskoy meditsinyi*, 2014. Vol. 13. №4. P. 136 – 148.
6. *Hankevich Yu. R., Bloschinskiy I. A., Vasilev A. S., Kalmanov A. S.* Otsenka effektivnosti BOS-treninga dlya korrektsii funktsionalnogo sostoyaniya podvodnikov v period dlitel'nogo plavaniya. // *Ekologiya cheloveka*, 2015. Vol. 10. P. 3-8.
7. *Bouchard S., Bernier F., Boivin E., Morin B., Robillard G.* Using biofeedback while immersed in a stressful videogame increases the effectiveness of stress management skills in soldiers. [Electronic resource] // *PLoS One Public Library of Science*, 2012. №7(4):e36169. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3338628> (Published online 2012 Apr 27.).
8. *Chen S., Sun P., Wang S., Lin G., Wang T.* Effects of heart rate variability biofeedback on cardiovascular responses and autonomic sympathovagal modulation following stressor tasks in prehypertensives. // *J Hum Hypertens*, 2016 Feb. 30(2). P. 105 – 1.
9. *Gapen M., van der Kolk B.A., Hamlin E., Hirshberg L., Suvak M., Spinazzola J.* A Pilot Study of Neurofeedback for Chronic PTSD. // *Applied psychophysiology and biofeedback*, 2016 Sep. 41(3). P. 251 – 61.
10. *Hernando A., Lazaro J., Gil E., Arza A., Garzon J.M., Lopez-Anton R., de la Camara C., Laguna P., Aguilo J., Bailon R.* Inclusion of Respiratory Frequency Information in Heart Rate Variability Analysis for Stress Assessment. // *IEEE journal of biomedical and health informatics*, 2016 Jul. 20(4). P. 1016 – 25.
11. *Lennartsson A.K., Jonsdottir I., Sjors A.* Low heart rate variability in patients with clinical burnout. // *International journal of psychophysiology : official journal of the International Organization of Psychophysiology*, 2016 Aug 14.
12. *Lewis G.F., Hourani L., Tueller S., Kizakevich P., Bryant S., Weimer B., Strange L.* Relaxation training assisted by heart rate variability biofeedback: Implication for a military predeployment stress inoculation protocol. // *Psychophysiology*, 2015 Sep. 52(9). P. 1167 – 74.
13. *Lin F., Ren P., Cotton K., Porsteinsson A., Mapstone M., Heffner K.L.* Mental Fatigability and Heart Rate Variability in Mild Cognitive Impairment. // *The American journal of geriatric psychiatry : official journal of the American Association for Geriatric Psychiatry*, 2016 May. 24(5). P. 374 – 8.

14. *McAusland L., Addington J.* Biofeedback to treat anxiety in young people at clinical high risk for developing psychosis. // *Early Interv Psychiatry*, 2016 Aug 29.
15. *Meyer T., Albrecht J., Bornschein G., Sachsse U., Herrmann-Lingen C.* Posttraumatic Stress Disorder (PTSD) Patients Exhibit a Blunted Parasympathetic Response to an Emotional Stressor. // *Appl Psychophysiol Biofeedback*, 2016 Aug 4.
16. *Pusenjak N., Grad A., Tusak M., Leskovsek M., Schwarzlin R.* Can biofeedback training of psychophysiological responses enhance athletes' sport performance? A practitioner's perspective. // *The Physician and sportsmedicine*, 2015 Jul. 43(3). P. 287 – 99.
17. *Quaedflieg C.W., Smulders F.T., Meyer T., Peeters F., Merckelbach H., Smeets T.* The validity of individual frontal alpha asymmetry EEG neurofeedback. [Electronic resource] // *Social cognitive and affective neuroscience*, 2016 Jan. 11(1). P. 33 – 43. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4692315/> (Published online 2015 Jul 10.).
18. *Uddin A.A., Morita P.P., Tallevi K., Armour K., Li J., Nolan R.P., Cafazzo J.A.* Development of a Wearable Cardiac Monitoring System for Behavioral Neurocardiac Training: A Usability Study. // *JMIR Mhealth Uhealth*, 2016 Apr 22. 4(2). e45.
19. *Weltman G., Lamon J., Freedy E., Chartrand D.* Police department personnel stress resilience training: an institutional case study. // *Global advances in health and medicine: improving healthcare outcomes worldwide*, 2014 Mar. 3(2). P. 72 – 9.

Служебная лояльность как фактор служебной деятельности: административно-правовой и феноменологический подходы

Горностаев С.В., кандидат психологических наук, докторант, Академия ФСИН
России (stanislavrz@yandex.ru)

В статье рассматриваются административно-правовой и феноменологический подходы к пониманию служебной лояльности. Служебная лояльность рассматривается в рамках административно-правового подхода как следование формальному служебному долгу, представляющему собой систему обязательств, принимаемых вместе со служебным статусом, источником которых выступают: нормативная база служебной деятельности, законные требования руководителя и общественные интересы. Указаны ограничения административно-правового подхода к пониманию служебной лояльности: слабая разработанность понятия, неспособность учесть широту спектра ситуаций служебной деятельности, оперирование моделями, а не реальными процессами. Рассмотрены преимущества феноменологического подхода в изучении служебной лояльности: его психологичность, наличие теоретической базы, работа с реальными явлениями. В рамках феноменологического подхода служебная лояльность определена как психоповеденческая интегрированность служащего в группы, функционирующие в служебной сфере, на основе общего мотивационного основания деятельности. Обозначены возможности совместного использования рассмотренных подходов для решения задач оптимизации служебной деятельности.

Ключевые слова: лояльность, служебная лояльность, служебный долг, административно-правовой подход, феноменологический подход, государственные служащие, сотрудники правоохранительных органов.

Для цитаты:

Горностаев С.В. Служебная лояльность как фактор служебной деятельности: административно-правовой и феноменологический подходы. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 1. С. 68-79. doi: 10.17759/psylaw.207070106

For citation:

Gornostaev S.V. Official loyalty as the factor of official activity: administratively-legal and

phenomenological approaches. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiiia i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 1. pp. 68-79.
doi: 10.17759/psylaw.2017070106

В ряде предыдущих работ [2; 3; 9 и др.] нами были изложены отдельные положения административно-правового подхода к проблемам служебной лояльности, который распространен, в первую очередь, в общественно-политических науках и применяется для решения проблем оценки и коррекции профессиональной деятельности представителей формальных организаций, прежде всего правоохранительных и иных государственных структур, ведущих правоприменительную практику.

В основе административно-правового подхода лежит понимание служебной лояльности как следования формальному служебному долгу [4; 8 и др.], который понимается как система служебных обязательств, закрепленных в нормативной базе, регламентирующей служебную деятельность.

Многие авторы [22; 27; 34 и др.] включают в эту систему и обязательства, правомерно вменяемые служащим вышестоящими начальниками как законными представителями нанимателя (государства). С. Веллиш не без оснований полагает, что в иерархических организациях, таких как государственные ведомства, лояльность, в понимании направления усилий сотрудников на решение поставленных руководителями задач, играет ведущую роль [34]. При этом учеными поднимается проблема смещения лояльности с закона на персональную лояльность начальникам.

В свете данной проблемы многие авторы [6; 16; 27; 32 и др.] указывают как на источник служебных обязательств также и на общественную мораль, предполагающую учет в службе общественных интересов. Отдельные авторы даже считают общественную мораль краеугольным камнем служебного долга. Так, Дж. Уотерфорд [32] полагает, что отличительной чертой государственной (общественной) службы является то, что основной источник обязанности государственных (общественных) служащих – не трудовые отношения. Общественный интерес и благосостояние намного больше, чем то, что требует сегодняшний министр или правительство или то, о чем говорит должностной регламент. Подобную этику, по мнению Дж. Уотерфорда требуют закон, обычай и система издержек и противовесов. Автор считает, что практически не встречается ситуаций, когда общественный интерес, с точки зрения этики, проигрывал бы лояльности конкретному министру. Рассматривая проблему, автор анализирует право служащего действовать по собственному усмотрению и, в результате анализа, не отказывает служащему в таком праве в ситуациях, требующих того с точки зрения соблюдения общественных интересов. Подобные взгляды с трудом вписываются в рамки административно-правового подхода, в связи с чем большинство ученых, рассматривающих общественный интерес и благо как источник служебных обязательств, в этом вопросе занимают более умеренную позицию. Например, П. Боуэл и соавторы [16] единственным условием прямого учета служащим общественного интереса в служебных решениях считают высокую общественную опасность их игнорирования.

Наиболее же популярна сбалансированная точка зрения, рассматривающая все три источника служебных обязательств (общественное благо, нормативную базу и указания руководителей) в единстве и иерархической системной взаимосвязи. Подобные взгляды,

являющиеся, на наш взгляд, передовыми в рамках административно-правового подхода, изложены, в частности, М. Касински [22], который полагает, что лояльность служащего обществу в демократическом государстве должна проявляться через уважение к законам, принятым людьми, делегированными для этой функции обществом. Таким образом, общество, государство и закон должны, с точки зрения М. Касински, выступать для государственных служащих демократических государств как триединый объект лояльности. Проявление лояльности к старшим начальникам должно реализовываться, по мнению М. Касински, в виде исполнения возложенных обязанностей предписываемыми руководителями способами, которые не должны противоречить нормам права. То есть первому объекту лояльности (общество – государство – закон) М. Касински отдает приоритет, по сравнению со вторым (прямые начальники), тем самым придавая структуре объектов лояльности служащих элементы иерархии.

Таким образом, в рамках административно-правового подхода обоснован важный для деятельности государственных служащих принцип служебной лояльности и создан ряд аргументированных, в первую очередь логикой теории государства и права, моделей служебной лояльности. Однако даже прогрессивное системное рассмотрение источников служебного долга не избавляет административно-правовой подход к пониманию служебной лояльности от ряда ограничений и проблем в практическом применении.

Во-первых, следует отметить, что теоретически понятие лояльности практически не разрабатывалось в рамках административно-правового подхода, положения которого, по выражению А. Ментцелополос, «...родились из размышлений высших государственных служащих, чья работа – развивать структуру эффективного управления большим количеством служащих на различных уровнях» [27, с. 63]. В связи с этим термин «лояльность» не имеет в рамках подхода устоявшегося значения и используется исследователями достаточно произвольно, что снижает возможность сопоставления концепций и применения предлагаемых авторами рекомендаций.

Во-вторых, административно-правовой подход, выстраивающий свою логику от общего к частному, не способен охватить и учесть всего многообразия реальных ситуаций и условий служебной деятельности и, в лучшем случае, может претендовать на создание моделей, распространяемых на определенный и достаточно узкий круг служащих.

И наконец, самым существенным недостатком административно-правового подхода является его деонтологическая сущность, предполагающая не выходящее за рамки теоретических конструкций сопоставление реального служебного поведения с идеальными моделями, но не изучение источников и факторов этого поведения, которое и позволяет прогнозировать и корректировать служебную деятельность. Рассмотрение служебной лояльности в первую очередь как принципа государственной службы [4; 8; 13], а не реального феномена снижает способности административно-правового подхода к решению практических задач государственной службы.

Гораздо больший потенциал в решении таких задач имеет феноменологический подход, в меньшей степени применявшийся в изучении лояльности государственных служащих, однако имеющий более разработанную теоретико-методологическую базу, созданную, прежде всего, в психологических науках. Если в рамках административно-правового подхода лояльность служащих, как выражается А. Ментцелополос, «...это не естественное следствие самой природы службы обществу, но требование бюрократической

иерархии, которая разрушится при отсутствии лояльности» [27, с. 63], то с позиций феноменологического подхода лояльность не является понятием правового поля. Это психоповеденческий феномен. При наличии определенных условий лояльность возникает, а при их отсутствии – не возникает, несмотря на этические или нормативно-правовые оценки и требования.

Согласно результатам проведенного нами анализа наиболее значимых теоретических исследований психологических проблем лояльности [7; 15; 17; 20; 23; 24; 25; 29; 30 и др.], было установлено, что в психологической теории лояльность, в наиболее общем смысле, понимается как психоповеденческая интегрированность личности в общность, действующую на основе единого системообразующего мотивационного основания. В состав мотивационного основания включаются как ориентирующие (идеи, символы, убеждения, мифы, идеалы, ценности, цели и т. д.), так и детализирующие (конкретные нормы, частные обязательства, традиции и т. п.) компоненты.

С точки зрения административно-правового подхода, главным мотивационным регулятором служебной деятельности должен быть интериоризированный в структуры индивидуальной мотивации формальный служебный долг [10; 11; 12]. При этом все средства интериоризации предполагаются и фактически лежат в плоскости субъект-объектного подхода [1]. Однако если даже формальный служебный долг представлен в мотивации служащих достаточно полно и адекватно, их правоприменительная деятельность, как показали результаты исследований [18; 26; 28], регулируется и другими представленными там компонентами, зачастую превосходящими по влиянию служебный долг. Эти компоненты мотивации служащих могут быть как сугубо индивидуальными, так и разделяемыми служащим компонентами общегрупповой мотивации (в случае психоповеденческой интегрированности служащего в какую-либо группу в служебной сфере).

С точки зрения феноменологического подхода, именно реальная психоповеденческая интегрированность служащего в различные группы, существующие в служебной сфере, действующие на основе единых мотивационных оснований (группового порядка, групповой субкультуры, общегруппового паттерна), и характеризует его реальную служебную лояльность. Как показали исследования психологии лояльности, для лиц, имеющих отношения лояльности в каких-либо группах [7; 15; 20; 29; 31; 33 и др.], именно общегрупповые мотивационные основания во многом регулируют индивидуальную активность лояльных членов групп, что наглядно иллюстрируется, например, данными О.В. Кузнецовой о групповой относительности морально-этических норм сотрудников правоохранительных органов [4].

Как отмечает Г. Де Граф, лояльности служащих могут лежать не только в пределах формальных структур, но распространяться на неформальные группы коллег или клиентов [18].

По мнению Ю. Уэверли, лояльность имеет определенную территорию действия [33], но на служебное поведение, как отмечает ряд исследователей [26; 28 и др.], могут оказывать влияние и лояльности группам, не относящимся к служебной сфере (семья, землячество, расовые и этнические, политические, досуговые общности), законы которых напрямую не регламентируют действия в служебных ситуациях, но могут повлиять на принятие решений

в них. Однако это влияние, в большинстве случаев, значимо, если у служащих не сформированы лояльности в служебной сфере.

В свете вышеизложенного, основными проблемами служебной лояльности, решаемыми в рамках феноменологического подхода являются: 1) наличие у служащих лояльностей в служебной сфере и, при наличии нескольких лояльностей, их соотношение; 2) степень интегрированности служащих в эти группы лояльности и, соответственно, степень влияния групповых порядков на служебное поведение; 3) сферы влияния порядков групп лояльности на служебное поведение; 4) содержание групповых порядков и их соотношение с содержанием формального служебного долга; 5) практические проявления влияния служебной лояльности на служебную деятельность; 6) методы диагностики, формирования и коррекции служебной лояльности.

Первые попытки использовать идеи феноменологического подхода в исследованиях проблем лояльности государственных служащих предпринимались еще в первой половине XX в. Так, в работе Д. Эмерсона и Т. Хелфилда «Лояльность среди государственных служащих», посвященной лояльности государственных служащих правящей политической элите, содержится важный вывод о том, что решение проблемы лояльности заключается именно «... в решении общественных проблем, а не в кадровых отборах и чистках» [19, с. 143], ориентирующий в формировании служебной лояльности отталкиваться от социальных и служебных реалий служащих.

Проблемы применения феноменологического подхода к служебной лояльности были вновь подняты уже в XXI в. Учеными [26; 28] было отмечено, что существование одновременно и культурного, и правового регуляторов в деятельности служащих очевидно во многих исследованиях, однако редко является их центральной темой. По мнению авторов, это связано с тем, что подобные исследования подорвали бы представления о государстве и государственном управлении, представления о том, что в демократическом государстве все процедуры должны быть предсказуемы и построены на законе, в связи с чем аналогичные случаи всегда должны разрешаться аналогично. При таком подходе отклонения от закона допустимы, только если служащие приспособляют закон к обстоятельствам способом, совместимым с политикой и служебной подчиненностью, а сами случаи оцениваются как случаи контролируемого принятия решений, в которых государственный аппарат должен ограничивать и направлять решения, унифицируя их по мере возможности. «Учитывая данную концепцию, ученые и средства массовой информации сосредотачиваются на беспокоящих личных качествах работников, предпочитающих мнение закону и социальную принадлежность клиента его поведению» [26, с. 4].

По мнению С. Мейнарда-Муди и М. Машено [26], ярко представляющих современные тенденции применения феноменологического подхода к проблемам служебной лояльности, углубление в проблемы моральных представлений и социальной идентичности служащих способно разрушить представление о государственном управлении, к которому мы привыкли. Для решения описанной выше проблемы авторы предлагают свою концепцию государственной службы, которая открыто учитывает культурные ориентации, существующие в реальной практике, в том числе и субкультуру неформальных общностей служащих.

В концепцию авторы включают следующие существенные для теории служебной лояльности положения.

1. Действия служащих определяются настолько же смыслом, насколько и функцией. Их социальные отношения и различные образы в самоотношении определяют и формируют смысл их деятельности. Их проекции и самоидентификация тесно связаны с их убеждениями и самопрезентацией другим людям. Данное положение С. Мейнарда-Муди и М. Машено отражает положения психологической теории лояльности [14; 20; 21; 29 и др.], рассматривающей самоидентификацию как один из ключевых компонентов и механизмов лояльности.

2. Служащие осознают свою принадлежность не только к профессиональной, но одновременно и к другим группам (сексуальной, этнической, гендерной и т. д.), в том числе к «профессиональным группировкам».

3. Лояльности своим идентификационным группам внутри служебной сферы могут быть сильней формальной структуры. Наиболее существенные профессиональные идентификаторы и закладывают основу отношений с клиентами. В различных ситуациях принятия решений служащими учитываются правила и надзорные инстанции как детали ситуации, которую служащий должен разрешить. Служащие хорошо знают о правилах и политике, однако применяют их не напрямую, а через призму личных и групповых установок, в соответствии с которыми они иногда отклоняются от правил и идут на допустимый риск, чтобы достигнуть значимых, по их мнению, целей.

4. Решение служащего о том, когда соответствовать правилам и процедурам, а когда пренебречь ими, когда сотрудничать с властью, а когда действовать независимо, является сущностью усмотрения служащих.

Авторы пишут о лояльности служащих группе, «круговой поруке» и групповой субкультуре, регламентирующей отношения с тремя ключевыми объектами, которые можно обозначить как «клиенты» (люди, в отношении которых исполняются служебные обязанности), «свои» (группа коллег, с которыми служащие себя идентифицируют) и «система» (ведомство, другие ведомства, политики, начальники, не относящиеся к «своим», отрицательно оцениваемые коллеги и т. д.). При этом служащие эмоционально и рационально стараются отмежеваться от «системы», осознавая тем не менее необходимость сохранения ему минимально необходимого уровня лояльности.

Таким образом, в своей работе С. Мейнард-Муди и М. Машено убедительно показали, что схемы лояльностей и реализации служебной деятельности на практике отличаются от тех, которые теоретически предполагаются в демократических государствах (например, в описанных выше моделях А. Ментцелополос и М. Касински).

Авторы отмечают, что не противопоставляют свою концепцию доминирующим, но пытаются учесть и упорядочить применение культурных ориентаций служащих в принятии ими решений.

Таким образом, административно-правовой и феноменологический подходы не являются взаимоисключающими. Более того, в реальной практике наработки административно-правового подхода могут быть использованы как ориентиры в коррекции профессионального мышления и служебного поведения, начальной точкой движения к которым будет выступать психоповеденческая реальность служащих, которую позволяет диагностировать феноменологический подход.

В ходе проведенного нами опроса 186 сотрудников учреждений и территориальных органов ФСИН России был получен вывод о применимости концепции С. Мейнардом-Муди и М. Машено к отечественным служащим. После разъяснения применяемых понятий 38,7% опрошенных указали, что имеют лояльности в служебной сфере. Кроме того, 21,5% указали, что не имеют их в настоящий момент, но имели ранее, когда кадровый состав подразделений был более стабильным, а работа – менее формализованной. Из сотрудников, имеющих лояльности в служебной сфере, 75,5% отметили, что осознают влияние групповых порядков на применение нормативной базы в служебной деятельности, что содержание отдельных нормативных актов скорее учитывается и трансформируется, становясь частью групповых норм, чем применяется напрямую. Также 69% опрошенных, имеющих лояльности в служебной сфере, предположили, что изменения порядков в группах их лояльности значимо повлияет на исполнение ими служебных обязанностей.

Эти данные подтверждают значимость проблемы служебной лояльности для отечественной правоохранительной практики и принципиальную возможность влиять на служебную деятельность сотрудников правоохранительных органов путем формирования и коррекции их служебной лояльности.

Литература

1. Бурцева Е.В. Проблема субъектности сотрудников в системе органов внутренних дел [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n1/58309.shtml> (дата обращения: 06.04.2017)
2. Горностаев С.В. Проблемы диагностики служебной лояльности // Прикладная юридическая психология. 2015. № 2. С. 110–117.
3. Горностаев С.В. Служебная лояльность сотрудников как научная проблема и фактор обеспечения безопасности и эффективности в функционировании уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2016. № 1 (92). С. 133–138.
4. Государственная служба (комплексный подход): учеб. пособие / Под. ред. А.В. Оболонского. 2-е изд. М.: Дело, 2000. 440 с.
5. Кузнецова О.В. Гендерные особенности правосознания у сотрудников органов внутренних дел [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Том 6. № 2. С. 142–151. doi:10.17759/psylaw.2016060211
6. Музяков С.И. Служение как социальная модель реализации ценностных оснований воинской деятельности // Армия и общество. 2008. № 2. С.37–41.
7. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева; под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
8. Педыч М.В. Социокультурные аспекты формирования эффективной бюрократии: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. Майкоп, 2012. 25 с.

9. Свинаярева О.В., Горностаев С.В. Служебный долг: значение для служебной деятельности, сущность, формирование // Закон и право. 2014. № 9. С. 37–40.
10. Симзяев А.В. Профессионально-этическая культура сотрудника ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2009. № 3. С. 12–15.
11. Сливка С.С. Юридическая деонтология: учеб. пособие. Киев: Атика, 2008. 296 с.
12. Стригуненко Ю.В. Служебная дисциплина и законность в органах внутренних дел: понятие, основные компоненты и виды дисциплинарных отношений [Электронный ресурс] // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sluzhebnyaya-distsiplina-i-zakonnost-v-organah-vnutrennih-del-ponyatie-osnovnye-komponenty-i-vidy-distsiplinarnyh-otnosheniy> (дата обращения: 13.07.2014).
13. Чиркин В.Е. Конституционное право: курс для преподавателей, аспирантов и магистрантов. М.: Норма; ИНФРА-М, 2013. 688 с.
14. Anderson B. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. 2nd, revised edition. London, New York: Verso, 1991. 224 p.
15. Boszormenyi-Nagy I., Spark G. Invisible loyalties: reciprocity in intergenerational family therapy. Hagerstown: Harper & Row, 1973. xxi, 409 p.
16. Bowal P., Brierton T.D. & Campbell C. The Whistleblower Defence to Employment Dismissal [Электронный ресурс] // Law Now. 2007. № 32(2). URL: <http://hdl.handle.net/1880/47956> 15/07/2014 (дата обращения: 15.07.2014).
17. Connor J. The Sociology of Loyalty. New York: Springer Science Business Media, LLC, 2007. 161 p.
18. De Graaf G. The Loyalties of Top Public Administrators [Электронный ресурс] // Jnl. of Public Admin. Research and Theory. 2001. –№21(2). P. 285-306 [Review]. URL: <http://jpart.oxfordjournals.org/content/21/2/285> (дата обращения: 22.07.2014).
19. Emerson D.M., Helfeld T.I. Loyalty among government employees // The Yale law journal. 1948. № 58(1). P.1–143.
20. Fletcher G.P. Loyalty: an essay on the morality of relationships. Oxford: Oxford University Press, 1993. 224 p.
21. Grodzins M. The loyal and the disloyal: social boundaries of patriotism and treason. Chicago: The University of Chicago Press, 1956. 319 p.
22. Kasiński M. Lojalność urzędnika w świetle prawa i etyki. [Электронный ресурс] // Annales. Etyka w życiu gospodarczym. 2010. № 13(1). URL: <http://dspace.uni.lodz.pl:8080/xmlui/handle/11089/1575> (дата обращения: 8.07.2014).
23. Keller S. The limits of loyalty. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 232 p.

24. Kleinig J. On loyalty and loyalties: The contours of a problematic virtue. Oxford: Oxford University Press, 2014. 315 p.
25. Maurer H.H. The political attitudes of the Lutheran parish in America: a study in religious sectionalism // *American journal of sociology*. 1928. № 33(4). P. 568–585.
26. Maynard-Moody S., Musheno M. *Cops, Teachers, Counselors. Stories from the Front Lines of Public Service*. Michigan: University of Michigan, 2003. 221 p.
27. Mentzelopoulos A.M. Federal government public service ethics: managing public expectations [Электронный ресурс] // Carleton University, 1990. 159 p. URL: <https://dspace.library.uvic.ca//handle/1828/2361> (дата обращения: 15.07.2014).
28. Meyers M.K., Vorsanger S. Street-Level Bureaucrats and the Implementation of Public Policy // *Handbook of Public Administration* / B.G. Peters and J. Pierre (eds.). New York: Sage Publications, 2003. P. 245–256.
29. Royce J. *The Philosophy of Loyalty*. New York, Norwood: Macmillan Co, Norwood Press, J.S.Cushing Co, Berwick&Smith Co., 1914. 409 p.
30. Singer E.A. Love and loyalty // *The philosophical review*. 1916. № 25(3). P. 456–465.
31. Tanner A.E. *The Philosophy of Loyalty* by Jostah Royce. The Macmillan Co., New York, 1908. pp. xiii+409 review // *The American Journal of Psychology*. 1908. № 19(3). P. 409–412.
32. Waterford J. Loyalty versus the public interest. 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://apo.org.au/commentary/leaking-public-interest> (дата обращения: 14.07.2014).
33. Weatherly U.G. Multiple groupings and loyalty patterns // *American journal of sociology*. 1934. № 40(2). P. 204–213.
34. Wellisz S.H. *Bureaucracy: Department of Economics Discussion Papers*. Department of Economics, Columbia University. New York, 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://academiccommons.columbia.edu/item/ac:112594> (дата обращения: 24.07.2014).
35. Wynne L.C., Ryckoff I.M., Day J., Hirsch S.I. Pseudomutuality in the family relations of schizophrenics // *Psychiatry*. 1958. № 21. P. 205–220.

Official loyalty as the factor of official activity: administratively-legal and phenomenological approaches

Gornostaev S.V., PhD (Psychology), Doctoral student, Academy of law and management of the Federal penitentiary service of Russia (stanislavrz@yandex.ru)

The article discusses the administrative-legal and phenomenological approaches to understanding the official loyalty. Official loyalty is being considered under the administrative-legal approach as adherence to formal official duty, which is a system of obligations, taken together with official status, the source of which are: normative base of service activity, legal requirements of the head and public interests. Lists of the limitations of administrative-legal approach to understanding the of official loyalty: weak underdeveloped concept, the failure to take into account the wide range of situations, operation with a models rather than actual processes. Discusses the advantages of the phenomenological approach in studying the performance of loyalty: its psychological advantages, the existence of a theoretical framework, the work with the real phenomena. Within the phenomenological approach official loyalty is defined as psychological-behavioral integration of the employee in the group operating in the service sector, on the basis of a common cause of activities. Possibilities of sharing of the considered approaches for the decision of problems of optimization of official activity are designated.

Key words: loyalty, official loyalty, official duty, administratively-legal approach, phenomenological approach, governmental employees, law enforcement officers.

References

1. Burtseva E.V. The problem of subjectivity of employees in the system of internal affairs [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2013. no. 1 (In Russ., abstr. in Engl.)Gornostaev S.V. Problemy diagnostiki sluzhebnoi loyal'nosti. [Problems of diagnostics of official loyalty]. Prikladnaia iuridicheskaja psikhologiya [Applied legal psychology]. 2015. № 2. pp. 110–117.
2. Gornostaev S.V. Sluzhebnyaya loyal'nost' sotrudnikov kak nauchnaya problema i faktor obespecheniya bezopasnosti i effektivnosti v funktsionirovanii ugolovno-ispolnitel'noi sistemy [Performance of staff official loyalty as a scientific problem and the factor of safety and efficiency in the functioning of the penitentiary system]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie [Person: crime and punishment]. 2016. № 1 (92). pp. 133–138.
3. Gosudarstvennaya sluzhba (kompleksnyi podkhod) [Public service (the complex approach)]: Ucheb. Posobie / Pod. red. A.V. Obolonskogo – 2-e izd. Moscow: Delo Publ., 2000. 440 p.

4. Kuznetsova O.V. Gender characteristics of legal conscience in internal affairs agencies staff [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2016. Vol. 6, no. 2, pp. 142–151. doi:10.17759/psylaw.2016060211. (In Russ., abstr. in Engl.)
5. Muzyakov C.I. Sluzhenie kak sotsial'naya model' realizatsii tsennostnykh osnovanii voinskoi deyatel'nosti [Service as social model of realization of the valuable bases of military activity]. *Armiya i obshchestvo [Army and a society]*. 2008. № 2. pp.37–41.
6. Parsons T. Sistema sovremennykh obshchestv [The system of modern societies] [In Russian]/ Per. s angl. L.A. Sedova i A.D. Kovaleva. Pod red. M.S. Kovalevoi. M.: Aspekt Press Publ., 1998. 270 p.
7. Pedych M.V. Sotsiokul'turnye aspekty formirovaniya effektivnoi byurokratii [Social and cultural aspects of the formation of an effective bureaucracy]: avtoref. dis. ... kand.sotsiol. nauk : 22.00.06. Maikop, 2012. 25 p.
8. Svinareva O.V., Gornostaev S.V. Sluzhebnyi dolg: znachenie dlya sluzhebnoi deyatel'nosti, sushchnost', formirovanie. [Official duty: value for official activity, entity, formation]. *Zakon i pravo [Law and the right]*. 2014. № 9. pp. 37–40.
9. Simzyaev A.V. Professional'no-eticheskaya kul'tura sotrudnika OVD [Professional-ethical culture of police officer]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh [Psychopedagogy in law enforcement]*. 2009. № 3. pp. 12–15.
10. Slivka S.S. Yuridicheskaya deontologiya [Legal deontology]: uchebnoe posobie. Kiev: Atika Publ., 2008. 296 p.
11. Strigunenکو Yu.V. Sluzhebnyaya distsiplina i zakonnost' v organakh vnutrennikh del: ponyatie, osnovnye komponenty i vidy distsiplinarnykh otnoshenii [Service discipline and legality in the organs of Internal Affairs: concept, key components and types of disciplinary relations] [Elektronnyi resurs]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo [Society: politics, economics and law]*. 2011. №2. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/sluzhebnyaya-distciplina-i-zakonnost-v-organakh-vnutrennikh-del-ponyatie-osnovnye-komponenty-i-vidy-distciplinarnykh-otnoshenii> (Accessed: 13.07.2014).
12. Chirkin V.E. Konstitutsionnoe pravo : kurs dlya prepodavatelei, aspirantov i magistrantov [Constitutional law: a course for teachers, graduate students and undergraduates]. Moscow. : Norma : INFRA M Publ., 2013. 688 p.
13. Anderson B. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. – 2nd, revised edition. London, New York: Verso, 1991. 224 p.
14. Boszormenyi-Nagy I., Spark G. Invisible loyalties: reciprocity in intergenerational family therapy. Hagerstown: Harper & Row, 1973. xxi, 409 p.
15. Bowal P., Brierton T.D. & Campbell C. The Whistleblower Defence to Employment Dismissal [Электронный ресурс]. *Law Now*. 2007. № 32(2). Available at: <http://hdl.handle.net/1880/47956> 15/07/2014 (Accessed: 15.07.2014).
16. Connor J. The Sociology of Loyalty / J. Connor. – New York: Springer Science Business Media, LLC, 2007. – 161 p.

17. De Graaf G. The Loyalties of Top Public Administrators [Elektronnyi resurs]. Jnl. of Public Admin. Research and Theory. 2001. №21(2). P. 285-306 [Review]. Available at: <http://jpart.oxfordjournals.org/content/21/2/285> (Accessed: 22.07.2014).
18. Emerson D.M., Helfeld T.I. Loyalty among government employees. The Yale law journal. 1948. № 58(1). pp.1-143.
19. Fletcher G.P. Loyalty: an essay on the morality of relationships. Oxford: Oxford University Press, 1993. 224 p.
20. Grodzins M. The loyal and the disloyal: social boundaries of patriotism and treason. – Chicago: The University of Chicago Press, 1956. 319 p.
21. Kasiński M. Lojalność urzędnika w świetle prawa i etyki. [Elektronnyi resurs]. Annales. Etyka w życiu gospodarczym. 2010. № 13(1). Available at: <http://dspace.uni.lodz.pl:8080/xmlui/handle/11089/1575> (Accessed: 8.07.2014).
22. Keller S. The limits of loyalty. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 232 p.
23. Kleinig J. On loyalty and loyalties: The contours of a problematic virtue. Oxford: Oxford University Press, 2014. 315 p.
24. Maurer H.H. The political attitudes of the Lutheran parish in America: a study in religious sectionalism. American journal of sociology. 1928. № 33(4). pp. 568-585.
25. Maynard-Moody S., Musheno M. Cops, Teachers, Counselors. Stories from the Front Lines of Public Service. Michigan: University of Michigan, 2003. 221 p.
26. Mentzelopoulos A.M. Federal government public service ethics: managing public expectations / A.M. Mentzelopoulos. Carleton University, 1990. 159 p. [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://dspace.library.uvic.ca/handle/1828/2361> (Accessed: 15.07.2014).
27. Meyers M.K., Vorsanger S. Street-Level Bureaucrats and the Implementation of Public Policy. Handbook of Public Administration / B.G. Peters and J. Pierre (eds.). New York: Sage Publications, 2003. pp. 245-256.
28. Royce J. The Philosophy of Loyalty. New York, Norwood: Macmillan Co, Norwood Press, J.S.Cushing Co, Berwick&Smith Co., 1914. 409 p.
29. Singer E.A. Love and loyalty. The philosophical review. 1916. № 25(3). pp. 456-465.
30. Tanner A.E. The Philosophy of Loyalty by Jostah Royce. The Macmillan Co., New York, 1908. pp. xiii+409 review. The American Journal of Psychology. 1908. № 19(3). pp. 409-412.
31. Waterford J. Loyalty versus the public interest. 2007. [Elektronnyi resurs]. Available at: <http://apo.org.au/commentary/leaking-public-interest> (Accessed: 14.07.2014).
32. Weatherly U.G. Multiple groupings and loyalty patterns. American journal of sociology. 1934. № 40(2). pp. 204-213.
33. Wellisz S.H. Bureaucracy: Department of Economics Discussion Papers. Department of Economics, Columbia University. New York, 2002. [Elektronnyi resurs]. Available at: <http://academiccommons.columbia.edu/item/ac:112594> (Accessed: 24.07.2014).
34. Wynne L.C., Ryckoff I.M., Day J., Hirsch S.I. Pseudomutuality in the family relations of schizophrenics. Psychiatry. 1958. № 21. pp. 205-220.

К вопросу о психологическом обеспечении профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов с психическими дисфункциональными состояниями

Енина В.В., кандидат медицинских наук, врач-психотерапевт, ГБУЗ НО «Нижегородский областной неврологический госпиталь ветеранов войн» (vvmatveeva@yandex.ru)

Енин К.А., клинический психолог, ГБУЗ НО «Нижегородский областной неврологический госпиталь ветеранов войн» (k.a.enin@yandex.ru)

В статье проведены обобщение и анализ сущности понятия психического дисфункционального состояния сотрудников правоохранительных органов, формирующегося в ходе профессиональной деятельности, и его значение в системе психологического обеспечения. В основе классификации типичных психических дисфункциональных состояний использована уровневая классификация А.О. Прохорова (2011). Определены основные критерии оценки психического дисфункционального состояния и тестовые методики для диагностики с оценкой качественных и количественных показателей. Показана необходимость определения уровня активности и полярности психического дисфункционального состояния с целью выработки дифференцированного подхода по организации дальнейших коррекционных мероприятий. Авторами рекомендован наиболее оптимальный метод психокоррекционного воздействия в ходе психологического сопровождения профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов с психическими дисфункциональными состояниями. Показаны основные преимущества и особенности социально-психологического тренинга по сравнению с известными традиционными методами психокоррекции.

Ключевые слова: психическое функциональное состояние, дисфункциональное состояние, критерии, социально-психологический тренинг.

Для цитаты:

Енина В.В., Енин К.А. К вопросу о психологическом обеспечении профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов с психическими дисфункциональными состояниями. [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2017(7). № 1. С. 80-88.
doi: 10.17759/psylaw.207070107

For citation:

Enina V.V., Enin K.A. On the question of psychological support of professional activity of law enforcement officers with mental dysfunctional States. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2017(7), no. 1. pp.80-88.
doi: 10.17759/psylaw.2017070107

В юридической психологии считается установленным, что психическое состояние сотрудника играет одну из ключевых ролей при решении задач правоохранительной деятельности [13]. В деятельности сотрудников оперативных подразделений правоохранительных органов (далее сотрудников) главное – работа с людьми, которая включает в себя изучение и оценку людей, установление и поддержание с ними психологических контактов, оказание на них определенного влияния [12]. Работа в правоохранительных органах характеризуется особыми условиями труда в виде постоянного взаимодействия со специфическим контингентом лиц, что негативно влияет на состояние самого сотрудника. Поэтому первоочередной задачей специалистов психологической службы является поддержание у всех сотрудников, независимо от должности и стажа работы, таких психических состояний и свойств, которые позволяли бы им эффективно справляться со своими профессиональными функциями. Под психологическим обеспечением профессиональной деятельности сотрудников нами понимается система мероприятий, включающая комплексное использование знаний психологической науки, ее средств, методов и технологий применительно к целям и задачам профессиональной деятельности, направленная на повышение эффективности и результативности выполнения профессиональной деятельности [6]. По мнению П.Я. Прыгунова (2003), под тактическим уровнем применения психологических знаний в системе профессиональной деятельности следует понимать психологическое сопровождение и поддержку деятельности сотрудников, в которой роль психолога в процессе непосредственного выполнения задач является вспомогательной, консультационной и аналитической.

Правоохранительная система – это особая организация со своей корпоративной и организационной культурой, носителями которой являются сотрудники всех органов, входящих в эту систему, а именно, Прокуратуры, МВД, пограничных органов, МЧС, Минюста, судебных приставов и др. С точки зрения системного подхода, сотрудник является частью системы правоохранительных органов, выполняет в ней определенные профессиональные функции и обеспечивает поддержание существования этой системы. Известно, что при многократном длительном повторении деятельности происходит развитие психических процессов, формирование психических состояний (ПС) и свойств личности [7]. В дальнейшем конкретно выполняемая профессиональная функция и сама ситуация начинают актуализировать те свойства личности, которые необходимы для продолжения

эффективного выполнения профессиональной деятельности [7], приводя к возникновению ПС, нужного для этой функции. Изменение ПС в процессе профессиональной деятельности может проявляться в виде смены субъективного отношения к отражаемой ситуации или смены мотивов по отношению к решаемой задаче [7]. При этом по отношению к выполняемой профессиональной функции состояние может быть позитивным, негативным или амбивалентным [7]. Следовательно, по отношению к выполняемой профессиональной деятельности ПС может обеспечивать реализацию сотрудником социальной (в том числе профессиональной) функции или затруднить ее выполнение. Функция – это роль объекта в системе отношений, включающей некоторое число таких же или отличающихся объектов. В обществе содержание понятия «функция» совпадает с понятием социальной роли [3].

Соответственно, функциональное состояние сотрудника – это такое психическое состояние, которое позволяет справляться с поставленными перед сотрудником внешними и внутренними задачами. Дисфункция (от греч., лат. dis- – приставка, обозначающая затруднение, нарушение, расстройство, и лат. functio – осуществление, исполнение, деятельность) – понятие, характеризующее такой тип отношений, когда последствия некоторого явления, события, действия или процесса оказываются неблагоприятными для данного объекта [10]. В социологии дисфункция означает некорректное выполнение определенной функции, выступает ее противоположностью [9]. Следовательно, термин «дисфункциональное состояние» (ДС) связан с отрицательным влиянием психического состояния сотрудника на успешность выполнения профессиональных задач. Никаких других понятий нормы и патологии в системном подходе не существует, что снимает стигму психической «ненормальности» или «болезни» с сотрудника, обратившегося за психологической помощью.

Впервые понятие «дисфункциональные состояния» ввел в своих работах отечественный психиатр С.Б. Семичев (1987). Данные состояния он относил к здоровью. Однако в своих трудах автор не дает точного определения ДС, не предлагает четкой систематики и критериев диагностики данных состояний для практики, считая их разработку делом будущих исследований. С.Б. Семичев (1987) выделяет следующие варианты изменения функций при ДС: 1) общее снижение функции, охватывающее все сферы жизнедеятельности: профессиональную деятельность, интерперсональные отношения (служебные и неформальные) – и проявляется как субъективно (в явлениях психологической защиты), так и объективно (в социальной дезадаптации); 2) частичное снижение функций, распространяющееся лишь на какую-то область при сохранности ее (но без усиления) в других сферах деятельности; 3) усиление функции (повышение производительности труда, активности) при затрудненном функционировании.

Каждое психическое состояние может оказаться дисфункциональным в какой-то момент выполнения профессиональной деятельности. Так, положительные активные психические состояния, такие как радость, эйфория, страсть не всегда позволяют успешно решить стоящую перед сотрудником задачу. Любая дисфункция – это реализация принципа «должен, но не могу или не хочу», когда сотрудник должен реализовать профессиональную функцию, однако внутреннее состояние не позволяет ему успешно с ней справиться.

Неразработанность проблемы психических состояний сотрудников вообще и ДС в частности в теоретическом и прикладном аспекте не снижает интерес к данной категории психических состояний. В связи с этим решение научных задач, связанных с качественным

описанием и классификацией ДС, а также с разработкой адекватных методических средств их диагностики имеет первостепенную важность. Однако в плане психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников решение названных задач должно быть подчинено общей цели – поиску методов психологической коррекции ДС.

Позиции специалистов по проблеме психических состояний и соответствующие им определения можно свести к одному из трех имеющихся подходов: субъектно-деятельностному (Н.Д. Левитов, А.О. Прохоров, Ю.Е. Сосновикова и др.), деятельностному (Е.П. Ильин, Л.Г. Дикая, А.Б. Леонова, В.И. Медведев и др.) и системному (В.А. Ганзен и др.) [7]. Так, представляется возможным объединить основные подходы к психическим состояниям в следующем определении: психическое дисфункциональное состояние – это целостная характеристика активности психики и уровень ее функционирования в конкретный момент времени, не позволяющие успешно решать профессиональные задачи.

В настоящее время особое внимание уделяется именно типичным психическим ДС сотрудников, т. е. длительным доминирующим состояниям, возникающим в определенных условиях профессиональной деятельности и оказывающим влияние на ее успешность. Так, при выполнении сотрудником правоохранительных органов служебно-боевых задач (период боевых действий) функциональным ПС является состояние боевой активности [1]. Однако данное состояние, сохраняющееся длительно после периода боевых действий, приводит к затруднению выполнения сотрудником своих повседневных профессиональных функций и, следовательно, является дисфункциональным. Для классификации типичных психических дисфункциональных состояний сотрудников может быть использована уровневая классификация, предложенная А.О. Прохоровым (2011). В соответствии с предложенными характеристиками типичные ДС можно классифицировать как: 1) активные отрицательные ДС (тревога, страх, гнев, возмущение, фрустрация агрессивная, дистресс); 2) активные положительные ДС (радость, восторг, активизация, стресс); 3) пассивные отрицательные ДС (подавленность, грусть, тоска, печаль, фрустрация депрессивная, усталость, утомление, переутомление); 4) пассивные положительные ДС (грезы, релаксация). В данную классификацию не вошли оптимальные психические состояния со средним (оптимальным) уровнем активности и полярности, так как, по мнению большинства исследователей, они оказывают преимущественно благоприятное влияние на выполнение профессиональной деятельности. По мнению Д.В. Колесова (2007), «оптимум функционирования обладает внутренней целостностью и устойчивостью во взаимоотношениях, выражает постоянство соотношения составляющих некое целое величин, независимо от (внешних) условий, и имея опору на себя при разных своих же состояниях». Поэтому данные состояния не могут считаться дисфункциональными. В этом прослеживается сходство ДС с предпатологическими и патологическими психическими состояниями, в которых также отсутствуют состояния среднего уровня психической активности.

Изучение научной литературы показало, что при оценке функциональных состояний чаще всего применяются следующие критерии: а) критерий успешности деятельности; б) критерий надежности деятельности в) критерий «цена деятельности» в) критерий адекватности психической деятельности. Обобщив выделенные критерии, можно предположить, что состояние считается дисфункциональным, когда оно: 1) не обеспечивает внешнюю оценку деятельности сотрудника руководителем и коллегами как успешное выполнение функций; 2) не приносит сотруднику удовлетворения от выполняемой

деятельности; 3) не позволяет результативно решать профессиональные задачи; 4) при осуществлении деятельности приводит к потере психических и психофизиологических ресурсов; 5) характеризуется несоответствием активности, напряженности и полярности психического состояния сложности, внезапности и значимости выполняемой задачи.

По-прежнему остаются многочисленными сложности при выборе специалистами методов для оценки психических состояний. Остановившись на определенном методе диагностики, специалистам необходимо учитывать его доступность для сотрудников и психологов системы правоохранительных органов, пригодность для индивидуального и группового исследования, непродолжительность по времени, достоверность полученных результатов, а также возможность математической обработки полученных данных. Особое внимание необходимо уделять диагностике уровня активности и полярности состояния, так как по этим показателям возможно выделение вида ДС, что позволяет психологу выработать дифференцированный подход по организации дальнейших коррекционных мероприятий. Диагностика показателей активности и полярности может осуществляться с помощью тестовых методик (Самочувствие–Активность–Настроение (В.А. Доскин, 1978), Опросник личностной и ситуативной тревожности Ч. Спилбергера-Ханина (Ю.Л. Ханин, 1977). Существующие представления А.О. Прохорова позволяют определять не только качественные критерии оптимального состояния, но и количественные показатели. Так, исходя из теоретических положений теории психической активации (А.О. Прохоров, Линдсли) и теории системного подхода (В.А. Ганзен), оптимальное состояние характеризуется следующими значениями исследуемых параметров: показатель тревоги (6–10 баллов), самочувствия (5–5,5 баллов), активности (5–5,5 баллов), настроения (5–5,5 баллов).

Вместе с тем создание оптимального психического состояния с помощью определенных методов – это лишь один из аспектов коррекции психических дисфункциональных состояний. По мнению А.А. Осиповой (2007), под психокоррекцией понимается система мероприятий, направленных на исправление недостатков психологии или поведения человека с помощью специальных средств психологического воздействия. Следовательно, под коррекцией психических дисфункциональных состояний подразумевается совокупность специальных средств психологического воздействия, осуществляемых психологом с сотрудником или группой сотрудников, являющихся наиболее эффективными для формирования психических состояний, позволяющих успешно решать профессиональные задачи. Необходимо отметить, что, хотя коррекция и направлена на улучшение условий функционирования систем, однако вовсе не гарантирует получение функционального состояния. Кроме того, достижение оптимального психического состояния не означает однозначную успешность деятельности, это лишь способствующий фактор, который должен постоянно поддерживаться и контролироваться. Однако в условиях работы учреждений правоохранительных органов психокоррекция проводится крайне редко и лишь в краткосрочном формате. Это обусловлено условиями контекста встреч психолога и сотрудника: его задачами, принадлежностью обоих к одной и той же системе со своими иерархическими отношениями, а также ограниченностью во времени для встреч.

Все вышесказанное приводит исследователей к активному поиску новых методов психокоррекционного воздействия. Как показывает анализ литературных источников, у большинства сотрудников ведущими детерминирующими факторами ДС являются социально-психологические [2; 8]. Выявленная доминирующая социально-психологическая

детерминанта требует подбора соответствующей формы психокоррекционной работы [14]. Такой формой психокоррекционной работы может являться групповая работа. В качестве психокоррекционного метода может быть предложен социально-психологический тренинг (СПТ), так как при тренинге работа программирована, обладает четкой структурой, предполагает процесс осознания и переживания [5]. В то же время тренинг является психокоррекционным, так как в целях коррекции состояния используется групповая динамика (как совокупность взаимоотношений и взаимодействий, возникающих между участниками группы, включая ведущего тренинга). Так, Р.С. Немов (2007) под СПТ понимает теорию и практику группового психокоррекционного или психотерапевтического воздействия на людей, рассчитанного на избавление их от каких-либо проблем психологического характера, исправление поведения или улучшение состояния здоровья [4]. СПТ имеет ряд преимуществ по сравнению с традиционными методами психокоррекции: 1) привлечение активных методов обучения; 2) высокий уровень активности участников; 3) формирование у них новых ценностных ориентаций и установок в общении, способствующих самораскрытию и самореализации личности; 4) приобретение участниками навыков групповой работы; 5) развитие у них активной социально-психологической позиции, способности производить значимые преобразования в сфере не только межличностных, но и официальных, деловых отношений; 6) повышение психологической устойчивости к различным трудным, проблемным ситуациям [11].

Таким образом, в рамках психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов необходимо учитывать возникающие психические дисфункциональные состояния. Психическое дисфункциональное состояние – это целостная характеристика активности психики и уровень ее функционирования в конкретный момент времени, не позволяющая успешно решать профессиональные задачи.

Состояние считается дисфункциональным, когда оно: 1) не обеспечивает внешнюю оценку деятельности сотрудника руководителем и коллегами как успешное выполнение трудовых функций; 2) не приносит сотруднику удовлетворения от выполняемой деятельности; 3) не позволяет результативно решать профессиональные задачи; 4) при осуществлении деятельности сопровождается потерей психических и психофизиологических ресурсов; 5) характеризуется несоответствием активности, напряженности и полноты психического состояния сложности, внезапности и значимости выполняемой задачи.

Под коррекцией психических дисфункциональных состояний подразумевается совокупность специальных средств психологического воздействия, осуществляемых психологом с сотрудником или группой сотрудников, являющихся наиболее эффективной для формирования психических состояний, позволяющих успешно решать профессиональные задачи. В качестве метода коррекции дисфункциональных состояний может быть предложен социально-психологический тренинг.

Литература

1. Военная психология / Под ред. В.В. Шеляга, А.Д. Глоточкина, К.К. Платонова. М.: Военное издательство, 1972. 400 с.
2. Енин К.А., Енина В.В. Что вызывает возникновение дисфункциональных состояний и способы совладания с ними у сотрудников правоохранительных органов // Материалы IV Международной научной конференции «Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие». Т. 9. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2016. С. 150–152.
3. Колесов Д.В., Колесов Д.Д. Состояния человека (семантика, психология, медицина): учеб. пособие. М.: Издательство московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2008. 704 с.
4. Немов Р.С. Психология: в 3 кн. Кн. 2.: Психология образования: учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Гуманитар. изд. центр «ВЛАДОС», 2007. 606 с.
5. Осипова А.А. Общая психокоррекция: учеб. пособие для студ. вузов. М.: ТЦ «Сфера», 2007. 512 с.
6. Прыгунов П.Я. Психологическое обеспечение специальных операций: ролевое поведение: учеб. пособие. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. 336 с.
7. Психология состояний: учеб. пособие / Под ред. А.О. Прохорова. М.: Когито-Центр, 2011. 624 с.
8. Семичев С.Б. Предболезненные психические расстройства. Л.: Медицина, 1987. 184 с.
9. Социологический словарь / Пер. с англ. Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер. М.: ЗАО «Издательство “Экономика”», 2004. 620 с.
10. Философский энциклопедический словарь / Л.Ф. Ильичев [и др.]. М.: Советская энциклопедия, 1983. 836 с.
11. Чанько А.Д. Социально-психологический тренинг как метод воздействия на группу в организации: дисс. ... канд. психол. наук. Спб., 2004. 267 с.
12. Чуфаровский Ю.В. Психология оперативно-розыскной и следственной деятельности: учеб. пособие. М.: Проспект, 2013. 208 с.
13. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология в вопросах и ответах: учеб. пособие. М.: Проспект, 2011. 256 с.
14. Эксакусто Т.В., Истратова О.Н. Групповая психокоррекция: тренинги и роли, игры для личностного и профессионального развития. Ростов н/Д: Феникс, 2014. 254 с.

On the question of psychological support of professional activity of law enforcement officers with mental dysfunctional States

Enina V.V., PhD (Medical), psychotherapist, Nizhny Novgorod regional neurological hospital of veterans of wars (vvmatveeva@yandex.ru)

Enin K.A., Clinical psychologist, Nizhny Novgorod regional neurological hospital of veterans of wars (k.a.enin@yandex.ru)

In article the analysis of essence of the concept of mental dysfunctional state law enforcement officers, forming in the course of professional activity and its significance in the system of psychological support of the proposed classification of the typical dysfunctional mental States, defined basic criteria for evaluating mental dysfunctional States and test methods for the diagnostic evaluation of qualitative and quantitative indicators. The necessity to determine the level of activity and the polarity of mental dysfunctional States in order to develop a differentiated approach for development of further corrective measures. The authors recommended the most optimal method of psychological influence in the course of psychological support of professional activity of law enforcement officers with mental dysfunctional States. Shows the main advantages and features of socio-psychological training in comparison with the known traditional methods of psychotherapy.

Key words: mental functional status, dysfunctional state, criteria, socio-psychological training.

References

1. Voennaya psihologiya [military psychology]. SHelyaga V.V., Glotochkina A.D., Platonova K.K. (ed.). Moscow: Voennoe izdatel'stvo, 1972. 400 p.
2. Enin K.A. Enina V.V. Chto vyzyvaet vzniknovenie disfunkcional'nyh sostoyanij i sposoby sovladaniya s nimi u sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov [What causes dysfunctional conditions and ways of coping with them law enforcement officers]. *Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Psihologiya stressa i sovladayushchego povedeniya : resursy, zdorov'e, razvitie»* [Proceedings of the IV International scientific conference Psychology of stress and coping resources, health, development]. Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2016, no. 9, pp. 150-152.
3. Kolesov D.V., Kolesov D.D. Sostoyaniya cheloveka (semantika, psihologiya, medicina) : uchebnoe posobie [The human condition (semantics, psychology, medicine) : a tutorial].

Moscow: Izdatel'stvo moskovskogo psihologo-social'nogo instituta; Voronezh: Izdatel'stvo NPO «MODEHK», 2008, 704 p.

4. Nemov R.S. Psihologiya. V 3-h kn. Kn. 2. : Psihologiya obrazovaniya: ucheb. dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenij [Psychology. In 3 vol. KN. 2. Psychology of education: textbook. for stud. ouch. PED. proc. institutions]. Moscow: Gumanitar. izd. centr VLADOS, 2007, 606 p.
5. Osipova A.A. Obshchaya psihokorrekcija : uchebnoe posobie dlya studentov vuzov [General psycho-correction : a textbook for University students]. Moscow: TC Sfera, 2007, 512 p.
6. Prygunov P.YA. Psihologicheskoe obespechenie special'nyh operacij : rolevoe povedenie : uchebnoe posobie [Psychological support of special operations : role behavior : a tutorial]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo psihologo-social'nogo instituta; Voronezh: Izdatel'stvo NPO «MODEHK», 2003, 336 p.
7. Psihologiya sostoyanij : uchebnoe posobie [Psychology States : study guide]. Prohorova A.O. (ed.). Moscow: Izd-vo «Kogito-Centr», 2011, 624 p.
8. Semichev S.B. Predbolezennyye psihicheskie rasstrojstva [Before disease a mental disorde]. Leningrad: Medicina, 1987, 184 p.
9. Sociologicheskij slovar'[Sociological dictionary]. Aberkrombi N., Hill S., Ternner B.S. Moscow: ZAO «Izdatel'stvo «EHkonomika», 2004, 620 p.
10. Filosofskij ehnciklopedicheskij slovar'[Philosophical encyclopedic dictionary]. Il'ichev L.F. [i dr.]. Moscow: Sovetskaya ehnciklopediya, 1983, 836 p.
11. CHan'ko A.D. Social'no-psihologicheskij trening kak metod vozdejstviya na gruppu v organizacii [Socio-psychological training as a method of influence on a group in the organization]. diss. ... kand.psihol.nauk. CHan'ko A.D. Sankt-Peterburg, 2004, 267 p.
12. CHufarovskij YU.V. Psihologiya operativno-rozysknoj i sledstvennoj deyatel'nosti: uchebnoe posobie [The psychology of operational and investigative activities: textbook]. Moscow: Prospekt, 2013, 208 p.
13. CHufarovskij YU.V. YUridicheskaya psihologiya v voprosah i otvetah: uchebnoe posobie [Legal psychology in questions and answers: study guide]. Moscow: Prospekt, 2011, 256 p.
14. EHksakusto T.V., Istratova O.N. Gruppovaya psihokorrekcija : treningi i roli, igry dlya lichnostnogo i professional'nogo razvitiya [Group psychological correction trainings and role games for personal and professional development]. Rostov-on-don: Feniks, 2014. 254 p.

Особенности саморегуляции у специалистов экстремального профиля профессиональной деятельности

Кабанова Т.Н., кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психогигиены и психопрофилактики, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (tatianak0607@yandex.ru)

Плешакова Е.А., студент факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (jeni93@bk.ru)

Дубинский А.А., младший научный сотрудник лаборатории психогигиены и психопрофилактики, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (aleksandr-dubinskij@yandex.ru)

Васильченко А.С., младший научный сотрудник лаборатории психогигиены и психопрофилактики, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (vasilchenko.alesya@gmail.com)

Изучены индивидуально-психологические характеристики и выделены профили саморегуляции специалистов экстремального профиля. Обследовано 65 специалистов экстремального профиля мужского пола в возрасте от 21 до 60 лет (возраст $36,7 \pm 5,7$ лет). В группу сравнения вошли 69 мужчин от 22 до 60 лет (ср. возраст $36 \pm 4,9$ лет), чья профессиональная деятельность не связана с риском. Используются следующие методики: опросник «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой; опросник самоконтроля (Грасмик Х., 1993, адаптация Булыгиной В.Г., Абдразяковой А.М., 2009); опрос-ник чувствительности к наказанию и вознаграждению Кавера-Уайта – BIS/BAS; опросник формально-динамических свойств индивидуальности В.М. Русалова; опросник агрессивности А. Басса и М. Пери (адаптация Ениколопова С.Н., Цибульского Н.П., 2007); шкала тревоги Ч.Д. Спилбергера; личностный опросник Айзенка EPQ.

Обнаружено, что специалистов экстремального профиля отличает: более высокий уровень сформированности регуляторной гибкости и индивидуальной системы осознанной саморегуляции произвольной активности; более высокие показатели

экстраверсии, коммуникативной активности, общей адаптивности; более низкий уровень реактивной тревоги, личностной тревожности и общей эмоциональности. При этом импульсивность, эгоцентризм, несдержанность и физическая активность в структуре самоконтроля специалистов экстремального профиля связаны с высокими показателями аффективного компонента агрессии и несвязностью звеньев процесса саморегуляции. Выделено 3 профиля саморегуляции специалистов экстремального профиля: а) высокий уровень саморегуляции – сопряженный с высокой интеллектуальной и физической развитостью, наиболее высоким уровнем адаптивности и общей активности при более низкой коммуникативной пластичности; б) средний – отличающийся быстрым реагированием на возникающие изменения в ситуации, успешным продуцированием альтернатив, большей гибкостью в процессе общения при меньшей интеллектуальной и физической активности; в) низкий – наиболее развит этап оценивания результатов в целом при низких показателях формально-динамических свойств индивидуальности и адаптивности.

Ключевые слова: экстремальные условия, экстремальный профиль, профессиональная деятельность, профили саморегуляции, самоконтроль, индивидуально-типологические особенности, дезадаптация, стрессогенные факторы.

Для цитаты:

Кабанова Т.Н., Плешакова Е.А., Дубинский А.А., Васильченко А.С. Особенности саморегуляции у специалистов экстремального профиля профессиональной деятельности. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 1. С. 89-105. doi: 10.17759/psylaw.207070108

For citation:

Kabanova T.N., Pleshakova E.A., Dubinsky A.A., Vasilchenko A.S. Peculiarities of self-regulation of extreme profile specialists. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 1. pp. 89-105. doi: 10.17759/psylaw.2017070108

Введение

Актуальность изучения психофизиологического и социально-психологического состояний человека в условиях нервно-эмоционального напряжения обусловлена возросшим интересом к изучению потенциальных ресурсов личности в экстремальных ситуациях, прогнозу надежности и профессиональному отбору специалистов экстремального профиля.

Специалист экстремальной профессии постоянно встречается с нестандартными ситуациями, требующими преодоления привычной логики мышления, совершения антифизиологических действий и противоестественных операций. Уровень готовности к осуществлению профессиональной деятельности в экстремальных условиях связан с психофизиологическими ограничениями человеческой психики и всего организма в целом. Поэтому важным аспектом подготовки специалиста экстремального профиля является

обучение навыкам самоконтроля с формированием установки на высокое качество профессиональной деятельности, что обеспечивает интеграцию программы исполнительных действий между сознанием и навыками.

В психологии экстремальных ситуаций большое значение придается стрессоустойчивости специалистов опасных профессий, причем считается, что в ее основе лежат высокий уровень саморегуляции и наличие профессионализма, позволяющего сотруднику эффективно действовать в сложной, непредвиденной ситуации. Особую важность приобретает также способность специалистов регулировать собственное актуальное психологическое, психофизиологическое состояние и негативные эмоциональные переживания в кризисных и чрезвычайных ситуациях [1]. Кроме того, развитие механизмов саморегуляции функционального состояния, владение приемами саморегуляции являются существенными признаками уровня профессиональной пригодности специалиста.

Необходимо отметить, что в целом эффективность деятельности связана со сформированностью отдельных звеньев процесса саморегуляции и связей между ними. Процесс саморегуляции направлен на преодоление информационной неопределенности, что способствует более четкому представлению цели, формированию критериев контроля за реализуемой деятельностью и ее оценки. Процесс саморегуляции как система функциональных звеньев обеспечивает создание и динамическое существование в сознании субъекта целостной модели его деятельности, предвосхищающей (как до начала действий, так и в ходе их реализации) его исполнительскую активность [7].

Функциональная роль саморегуляции заключается в поддержании устойчивости психики как целостной системы при деструктивных внешних воздействиях, а также подчинении содержания и структуры деятельности принятым целям. Психодинамические характеристики саморегуляции позволяют противостоять стрессовому воздействию и обеспечивают эмоциональную устойчивость личности, содержательно-смысловые характеристики обеспечивают возможность противодействия ситуационным факторам или импульсивным влечениям. Таким образом, под саморегуляцией понимаются индивидуальный способ регуляции психических процессов, а также возможности компенсации дефицитарных и оптимизации потенциальных качеств личности при непосредственном соотношении с пространственно-временными характеристиками внешней среды.

При изучении роли когнитивных и активационных компонентов саморегуляции в экстремальных условиях профессиональной деятельности установлено, что текущее функциональное состояние взаимодействует с психологической системой профессиональной деятельности через активационный компонент деятельности, основная функция которого – обеспечение оптимального энергетического уровня с целью качественного выполнения рабочих задач [2]. Чем адекватнее активационное воздействие на систему регуляции функционального состояния с точки зрения его соответствия характеру рабочей нагрузки, тем эффективнее будет энергетическое обеспечение деятельности и успешнее она будет выполняться, что косвенно выявляет более высокий уровень профессиональной пригодности субъекта деятельности.

Таким образом, для специалистов экстремального профиля профессиональной деятельности необходимо усовершенствование психологического сопровождения, которое

будет направлено на развитие и обучение навыкам саморегуляции со снятием или уменьшением симптомов дистресса, увеличением адаптационных способностей [5; 11].

Дизайн и методы исследования

В выборку были включены 65 специалистов экстремального профиля (Федеральная служба исполнения наказаний и МВД России, дежурные службы и оперативные подразделения) в возрасте от 21 до 60 лет (средний возраст – 36,7±5,7 лет). В группу сравнения вошли 69 обследуемых от 22 до 60 лет (средний возраст 36±4,9 лет), чья профессиональная деятельность не связана с риском. Все обследуемые – мужского пола. Критериями включения тестируемых в исследование являлись: возраст от 20 до 60 лет, отсутствие черепно-мозговых травм. Критериями исключения являлись: женский пол, несогласие участвовать в исследовании, наличие по анамнестическим данным факта злоупотребления алкоголем и другими психоактивными веществами.

В исследовании были использованы следующие методики:

1. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой (1989), диагностирующий степень развитости осознанной саморегуляции поведения и ее индивидуальные профили, компонентами которых являются частные регуляторные процессы: «планирование»; «моделирование»; «программирование»; «оценивание результатов»; «гибкость»; «самостоятельность» [6].

2. Опросник самоконтроля (Грасмик Х., 1993, адаптация Булыгиной В.Г., Абдраязковой А.М., 2009), включает шкалы: «импульсивность», «предпочтение простых задач», «стремление к риску», «физическая активность», «эгоцентризм», «раздражительность» [8].

3. Опросник Кавера–Уайта BIS (Behavioral Inhibition System)/BAS (Behavioral Approach System), служит для изучения чувствительности к наказанию и вознаграждению. Шкала «BIS» отражает реакции человека на новую обстановку, неопределенность, а также отсутствие поощрения и получение наказания. Лиц, имеющих высокий балл по шкале, характеризуют такие черты, как робость и пугливость; их отличает предрасположенность к депрессии, состоянию тревоги и психосоматическим расстройствам. Шкала «BAS» определяет реакции на получение поощрения, избавление от наказания. Лиц, имеющих высокий балл по шкале, отличает активность, импульсивность и повышенный интерес ко всему новому. Опросник включает шкалы: «торможение поведения» (BIS); «развлекательная активация» (BASf); «неспецифическая активация» (BASDr); «активация, связанная с поощрением» (BASR).

4. Опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ) В.М. Русалова, диагностирует свойства «предметно-деятельностного» (психомоторная и интеллектуальная сферы) и «коммуникативного» аспектов темперамента. Содержит шкалы: «эргичность», «пластичность», «скорость», «эмоциональность» в психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной сферах.

5. Опросник А. Басса и М. Пери (адаптация Ениколопова С.Н., Цибульского Н.П., 2007) (BPAQ – Buss-Perry Aggression Questionnaire, 1992). Трехфакторная структура опросника соответствует теоретическим положениям о трех компонентах агрессии в концепции А. Басса и М. Перри: инструментальном («физическая агрессия»), аффективном (включает

физиологическое возбуждение и подготовку к агрессии – «гнев»), когнитивном (основан на переживании чувства несправедливости и ущемленности, неудовлетворенности желаний – «враждебность») [3].

6. Шкала тревоги Ч.Д. Спилбергепа (State-Trait Anxiety Inventory – STAI) (адаптирована Ю.Л. Ханиным), является информативным способом самооценки уровня тревожности в данный момент («реактивная тревожность» как состояние и «личностной тревожности» как устойчивая характеристика человека).

7. Личностный опросник EPQ (Г. и С. Айзенк) включает 101 вопрос и содержит следующие четыре шкалы: 1) «экстраверсия–интроверсия»; 2) «нейротизм–стабильность»; 3) «психотизм» и 4) специфическую шкалу, предназначенную для оценки искренности тестируемого – «ложь».

Статистическая обработка данных проводилась с расчетом средних значений переменных для специалистов экстремального профиля и специалистов, имеющих профессии, не связанные с риском. Использовались t-критерий Стьюдента для независимых выборок, корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона), процедура кластерного анализа (метод k-средних). Критерием статистической достоверности получаемых выводов считалась общепринятая в психологии величина – $p \leq 0,05$. Анализ данных проводился с помощью статистических пакетов SPSS 22.0, Excel 15.0.

Результаты и обсуждение

Посредством t-критерия Стьюдента был проведен сравнительный анализ психологических особенностей специалистов экстремального профиля и специалистов, чья профессиональная деятельность находится за пределами работы в экстремальных условиях (группа сравнения) (табл. 1).

Таблица 1

Значимые различия между показателями исследуемых переменных в группе специалистов экстремального профиля и группой сравнения (t-критерий Стьюдента)

Переменная	Специалисты экстремального профиля	Группа сравнения
Физическая агрессия	24	19,9
Предпочтение простых задач	0,8	1,3
Физическая активность	2,3	1,4
Гибкость	6,2	5,4
Общий уровень саморегуляции	31,4	28,1
Коммуникативная эргичность	34,2	31,3

Интеллектуальная пластичность	29,8	28,5
Психомоторная эмоциональность	24,6	27,3
Коммуникативная эмоциональность	23,3	28
Индекс коммуникативной активности	97	90,7
Индекс общей адаптивности	225,7	192
Индекс общей эмоциональности	74	85,6
Реактивная тревога	35,2	40,1
Личностная тревожность	38	46,9
Экстраверсия	15,4	12,8
Нейротизм	6,9	12,3

Обнаружено, что по методике «Опросник уровня агрессивности» группу специалистов экстремального профиля отличает более высокий показатель «физической агрессии».

При сравнении средних показателей самоконтроля в группе сравнения и группе специалистов экстремального профиля обнаружены различия в параметрах «предпочтение простых задач» и «физическая активность». Для группы сравнения в большей мере, чем для специалистов экстремального профиля, в структуре самоконтроля характерно предпочтение простых задач. При этом «физическая активность» является преобладающей чертой в структуре самоконтроля специалистов экстремального профиля.

Сопоставление средних показателей чувствительности к наказанию и вознаграждению в группе сравнения и группе специалистов экстремального профиля значимых различий не выявило. В исследуемых группах отмечается умеренно высокий страх перед возникновением непредвиденных ситуаций, умеренно пониженное стремление к поиску поощрения и избеганию наказания.

При сравнении средних показателей методики «Стиль саморегуляции поведения» были выявлены значимые различия переменных «гибкость» и «общий уровень саморегуляции». У специалистов экстремального профиля отмечается более высокий уровень сформированности регуляторной гибкости, т. е. способности перестраивать систему саморегуляции в соответствии с изменением внешних и внутренних условий, а также более высокий уровень сформированности индивидуальной системы осознанной саморегуляции произвольной активности, чем в группе сравнения.

Соотнесение средних показателей формально-динамических свойств индивидуальности выявило, что специалистов экстремального профиля отличают более высокие значения «коммуникативной эргичности» и «интеллектуальной пластичности» и низкие значения «психомоторной» и «коммуникативной эмоциональности». Для

специалистов экстремального профиля характерны более выраженное стремление к установлению широкого круга контактов, новых знакомств, большая степень общительности, а также большая гибкость мышления и выраженность стремления к разнообразным формам интеллектуальной деятельности. Кроме того, специалистов экстремального профиля отличает ощущение спокойствия, уверенности в себе при выполнении физической работы, отсутствие излишней восприимчивости в случае собственного поражения, а также уверенность в процессе взаимодействия с другими людьми и низкая чувствительность к неудачам в общении.

Сопоставление средних показателей дополнительных индексов ОФДСИ между группами сравнения и специалистов экстремального профиля выявило следующее: специалисты экстремального профиля обладают более высокой «коммуникативной активностью» и «общей адаптивностью», но меньшей «общей эмоциональностью».

Обнаружены значимые различия в дисперсиях переменных «реактивная тревога» и «личностная тревожность» при сравнении средних показателей тревоги в исследуемых группах. Так, лица, относящиеся к специалистам экстремального профиля, проявляют менее выраженную реакцию на стрессоры, а также менее подвержены воздействию тех или иных стрессогенных факторов по причине своих индивидуальных особенностей, чем обследуемые группы сравнения.

При сравнении средних показателей методики «Личностный опросник-EPQ» обнаружены значимые различия в дисперсиях параметров «экстраверсия» и «нейротизм». Специалисты экстремального профиля имеют более высокие показатели экстраверсии и более низкие показатели нейротизма. То есть представители данной группы более импульсивны, вспыльчивы, оптимистичны, предпочитают движение и действие, имеют тенденцию к агрессивности, склонны к рискованным поступкам, кроме того, обладают более высокой эмоциональной устойчивостью.

По результатам проведенных методик был выполнен анализ взаимосвязи индивидуально-психологических характеристик у специалистов экстремального профиля и лиц, чья профессиональная деятельность не связана с риском. В группе специалистов экстремального профиля были выявлены следующие корреляционные связи между переменными (коэффициент корреляции r Пирсона).

Параметр «самостоятельность», который означает несвязанность звеньев процесса саморегуляции, связан с «несдержанностью» ($r=0,506$) и «эгоцентризмом» ($r=0,628$) в структуре самоконтроля. Переменная «общий уровень саморегуляции» связана с «планированием» ($r=0,583$), «программированием» ($r=0,638$), «оцениванием результатов» ($r=0,617$), «интеллектуальной активностью» ($r=0,519$). «Моделирование» связано с «индексом общей адаптивности» ($r=0,519$). То есть лица, обладающие хорошо сформированной индивидуальной системой осознанной саморегуляции произвольной активности, обладают потребностью в осознанном планировании деятельности, составляют действенные, реалистичные, детализированные планы, имеют развитую систему осознанного программирования своих действий, адекватные самооценку и оценку результатов своей деятельности, высокую интеллектуальную активность.

«Гибкость» связана с «интеллектуальной пластичностью» ($r=0,571$), «психомоторной скоростью» ($r=0,505$), «индексом психомоторной активности» ($r=0,541$), «индексом общей

активности» ($r=0,586$) и «индексом общей адаптивности» ($r=0,545$). Таким образом, лица, обладающие развитой способностью перестраивать систему саморегуляции в связи с изменением внешних и внутренних условий, обладают высокой гибкостью мышления, с легкостью переходят с одной формы интеллектуальной деятельности на другую, обладают высокой скоростью выполнения двигательных операций, хорошо адаптируются к окружающим условиям.

Переменная «гнев» связана с параметрами «враждебность» ($r=0,666$), «общий показатель агрессии» ($r=0,915$), «несдержанность» ($r=0,685$), «эгоцентризм» ($r=0,614$), «импульсивность» ($r=0,562$), «самостоятельность» ($r=0,526$). У лиц с выраженным аффективным компонентом агрессии в структуре самоконтроля отмечаются несдержанность, эгоцентризм, импульсивность, несвязанность звеньев процесса саморегуляции. Их также отличает развитость регуляторной автономности.

Переменная «общий показатель агрессии» связана с параметрами «враждебность» ($r=0,844$), «психотизм» ($r=0,537$), «самостоятельность» ($r=0,523$), «импульсивность» ($r=0,547$), «эгоцентризм» ($r=0,626$), «несдержанность» ($r=0,669$). Лица, обладающие направленностью на устранение препятствий, преодоление того, что противодействует процессу индивидуального развития, также проявляют внутреннее напряжение, отличаются высокой развитостью регуляторной автономности. У таких лиц в структуре самоконтроля отмечается импульсивность, несдержанность и эгоцентризм, обнаруживается несвязанность звеньев процесса саморегуляции.

Лиц с высокими показателями «психотизма» отличает «эгоцентризм» ($r=0,557$), «импульсивность» ($r=0,621$), «несдержанность» ($r=0,557$) и «физическая активность» ($r=0,588$) в структуре самоконтроля, а также несвязанность звеньев процесса саморегуляции ($r=0,588$). Обследуемых с высокой «физической активностью» отличает высокая «психомоторная активность» ($r=0,511$) и «психомоторная эргичность» ($r=0,521$) со стремлением к физическому напряжению при высокой мышечной работоспособности.

Показатель «поиск развлечения и удовольствия – BAS F» связан с показателем «неспецифическая активация – BAS Dr» ($r=0,550$) и «чувствительность к награде или поощрению – BAS R» ($r=0,572$). А параметр «BAS Dr» связан с «BAS R» ($r=0,573$). Сниженное стремление к «поиску развлечения и удовольствия» связано со сниженной «чувствительностью к награде или поощрению». Кроме того, низкие показатели «BAS F» связаны с высокими показателями «импульсивности» ($r= -0,502$). Лица, обладающие низким стремлением к поиску удовольствия, также обладают повышенной импульсивностью. Высокие показатели шкалы «BIS» связаны с низким «индексом общей эмоциональности» ($r= -0,503$). У лиц с повышенным страхом перед возникновением непредвиденных ситуаций отмечается сильное проявление эмоциональности.

Были обнаружены следующие корреляционные связи между переменными в группе лиц, чья профессиональная деятельность лежит за пределами работы в экстремальных условиях. Так, показатель «общий уровень саморегуляции» связан с «моделированием» ($r=0,521$), «программированием» ($r=0,726$), «оцениванием результатов» ($r=0,648$), «гибкостью» ($r=0,661$), «экстраверсией» ($r=0,501$), «индексом психомоторной активности» ($r=0,634$), «индексом интеллектуальной активности» ($r=0,508$), «индексом общей активности» ($r=0,581$), «индексом общей адаптивности» ($r=0,581$), а также «психомоторной эргичностью» ($r=0,591$), «скоростью» ($r=0,582$) и «пластичностью» ($r=0,542$), низкой

«личностной тревожностью» ($r = -0,589$), низким «нейротизмом» ($r = -0,586$). Таким образом, в группе сравнения уровень сформированности индивидуальной системы осознанной саморегуляции произвольной активности связан с развитием способности гибко менять программу своих действий, адекватно оценивать результаты своих действий, экстраверсией и мышечной работоспособностью. Кроме того, низкие показатели «моделирования» были связаны с высоким «нейротизмом» ($r = -0,557$), указывая на то, что лица, испытывающие трудности в определении цели и программы действий, адекватных текущей ситуации, проявляют эмоциональную неустойчивость и тревогу. Помимо этого, низкие показатели «гибкости» связаны с высокими показателями «предпочтения простых задач» ($r = -0,518$) в структуре самоконтроля.

Низкие показатели «физической агрессии» связаны с низким «психотизмом» ($r = 0,513$) и низким «общим показателем агрессии» ($r = 0,651$). Показатель «гнев» связан с «враждебностью» ($r = 0,541$), «несдержанностью» ($r = 0,590$) и «общим показателем агрессии» ($r = 0,868$). «Враждебность» связана с «общим показателем агрессии» ($r = 0,775$) и «несдержанностью» ($r = 0,580$). Низкий показатель «физической активности» связан с низкой «психомоторной эргичностью» ($r = 0,571$) и «психомоторной скоростью» ($r = 0,568$), а также «индексом психомоторной активности» ($r = 0,601$). При этом физическая активность выражена существенно меньше в структуре самоконтроля у специалистов, чья профессиональная деятельность лежит за пределами работы в опасных и экстремальных условиях.

Низкие значения параметра «BIS» связаны с высокой «интеллектуальной эмоциональностью» ($r = -0,545$), «коммуникативной эмоциональностью» ($r = -0,534$), высокой «личностной тревожностью» ($r = -0,580$), «нейротизмом» ($r = -0,584$), а также высоким «индексом общей эмоциональности» ($r = -0,558$). У лиц с высоким страхом перед возникновением непредвиденных ситуаций отмечаются сильные эмоциональные переживания в процессе социального взаимодействия, чувствительность к неудачам в общении, высокая личностная тревожность и нейротизм.

Показатель «экстраверсия» связан с «психомоторной» ($r = 0,581$), «интеллектуальной» ($r = 0,588$), «коммуникативной» ($r = 0,735$) и «общей активностью» ($r = 0,736$), а также «общей адаптивностью» ($r = 0,766$). Низкая «экстраверсия» связана с высоким «нейротизмом» ($r = -0,502$), «личностной тревожностью» ($r = -0,649$), высокой «интеллектуальной эмоциональностью» ($r = -0,529$), высоким «индексом общей эмоциональности» ($r = -0,509$).

Для выделения профилей саморегуляции у специалистов экстремального профиля был проведен кластерный анализ (метод k-минз). В результате разбиения исследуемой группы специалистов экстремального профиля на гомогенные группы было выделено 3 кластера. В 1-й кластер вошло 14 человек, во 2-й и 3-й – по 8. На основании значимых различий между кластерами параметров методики «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой, а также опросника формально-динамических свойств индивидуальности В.М. Русалова были построены графики средних значений переменных в каждом кластере (рис. 1–3).

В результате обнаружено, что самый высокий «общий уровень саморегуляции» имеют лица, вошедшие в 3-й кластер. Их также отличают более высокие показатели по всем шкалам, чем у представителей других кластеров. Наиболее развитыми оказались этапы «планирования» и «оценивания результатов». Представители данной группы способны

выдвигать и удерживать цели, осознанно планировать свою деятельность, а также адекватно оценивать себя и результаты своей деятельности и поведения. В 1-м кластере максимальными являются показатели шкалы «моделирование» и «гибкость». Отмечаются низкие показатели этапа «планирование». Для представителей данного кластера характерно осуществлять деятельность без заранее продуманного плана, быстро реагировать на возникающие изменения в ситуации, успешно продуцировать альтернативы. Лиц, вошедших во 2-й кластер, отличает более низкий «общий уровень саморегуляции». У представителей данной группы наиболее развитым этапом процесса саморегуляции является «оценивание результатов» (рис. 1).

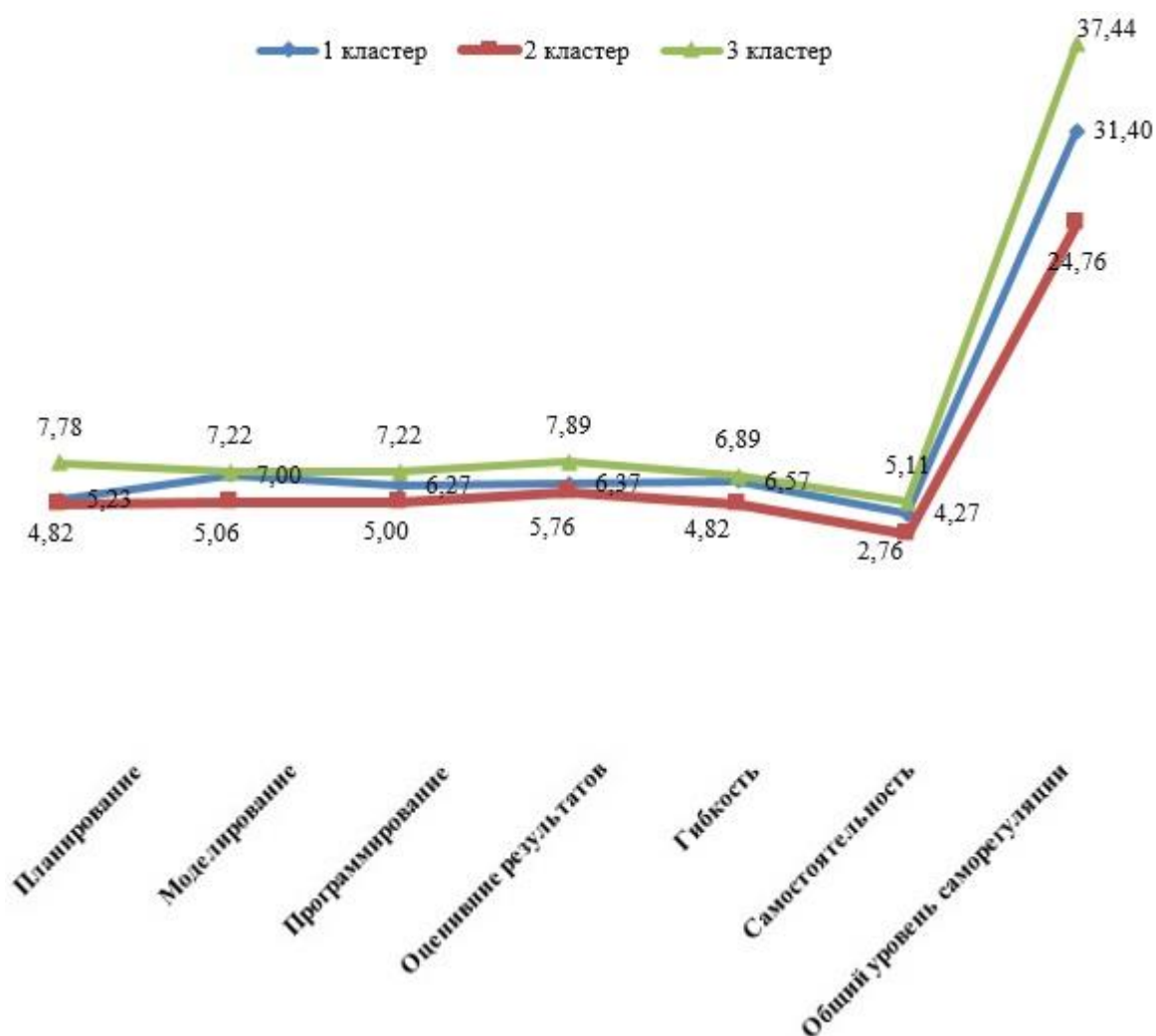

Рис. 1. Сравнение кластеров специалистов экстремального профиля по результатам методики «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой

Представители 3-го кластера имеют высокую «интеллектуальную эргичность», «психомоторную скорость» и «коммуникативную скорость», в то же время – более низкую «коммуникативную пластичность». У лиц, относящихся к 1-му кластеру, выделяется «психомоторная пластичность» и «психомоторная скорость». Показатели «коммуникативной пластичности» выше, чем у представителей 3-го кластера. То есть для

представителей данной подгруппы характерна меньшая, чем в предыдущем кластере, развитость интеллектуальной и физической активности, но большая гибкость в процессе общения. Представители 2-го кластера имеют самые низкие показатели формально-динамических свойств индивидуальности (рис. 2).

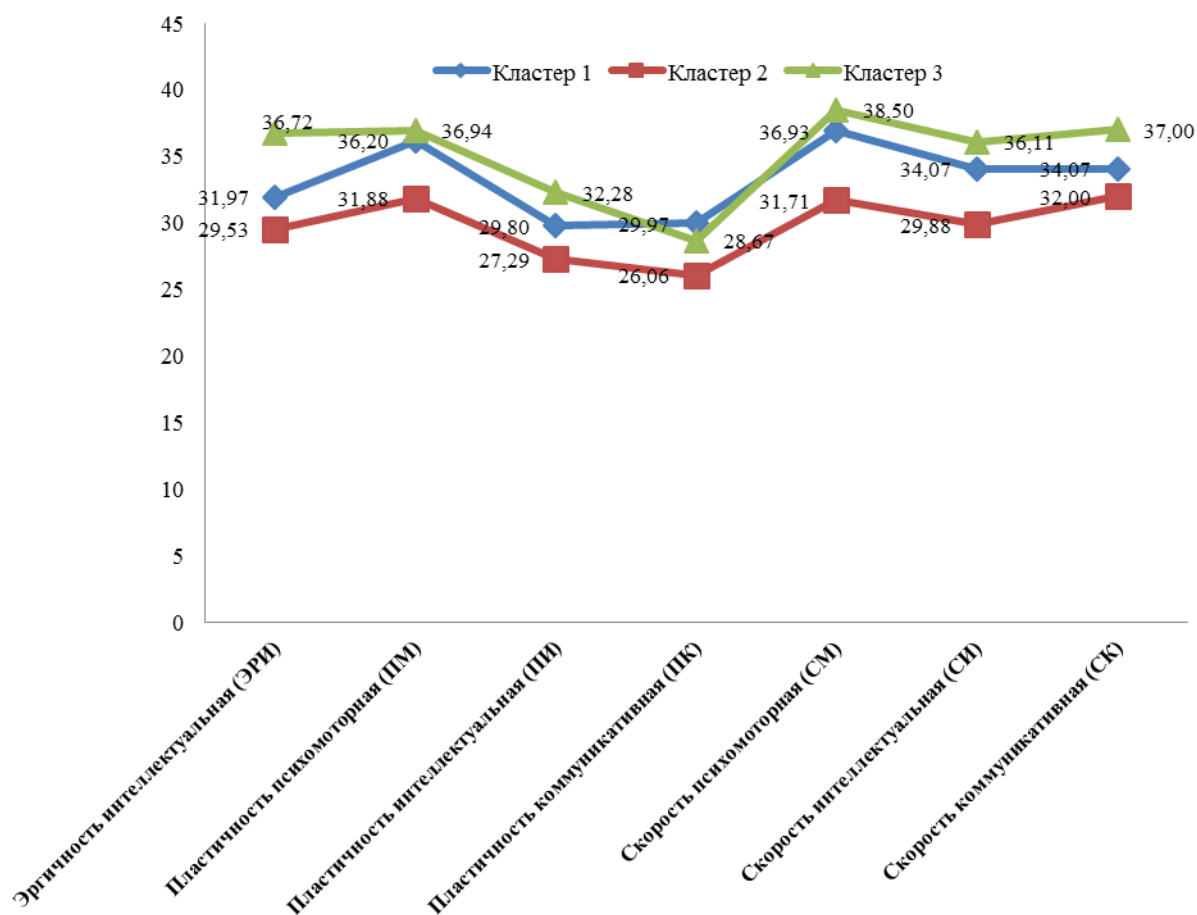

Рис. 2. Сравнение кластеров специалистов экстремального профиля по результатам опросника формально-динамических свойств индивидуальности В.М. Русалова

Обследуемые, вошедшие в 3-й кластер, имеют наиболее высокий уровень «общей адаптивности» и «общей активности». Лица, относящиеся ко 2-му кластеру, имеют самые низкие показатели по данным шкалам (рис. 3).

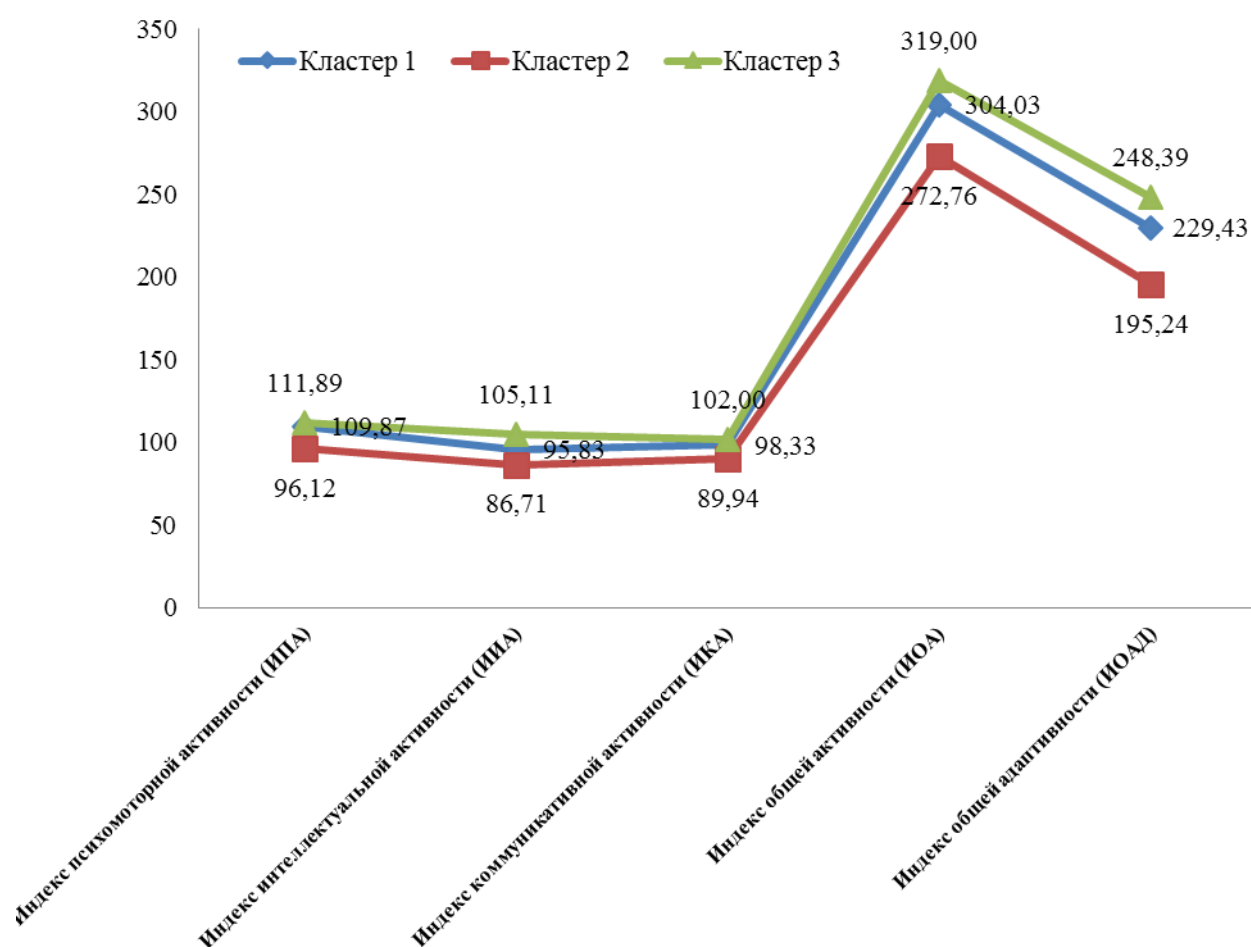

Рис. 3. Сравнение кластеров специалистов экстремального профиля по результатам опросника формально-динамических свойств индивидуальности В.М. Русалова

Таким образом, лиц, отнесенных к 1-му кластеру, отличает средний уровень саморегуляции, осуществление деятельности без заранее продуманного плана, быстрое реагирование на возникающие изменения в ситуации, успешное продуцирование альтернатив. Для представителей данной подгруппы характерна меньшая, чем в 3-м кластере, развитость интеллектуальной и физической активности, но большая гибкость в процессе общения.

Лиц, вошедших во 2-й кластер, отличает более низкий, чем в других кластерах, показатель саморегуляции. Наиболее развитым этапом процесса саморегуляции является оценивание результатов. Представители 2-го кластера имеют более низкие показатели всех переменных опросника формально-динамических свойств индивидуальности, а также более низкий уровень адаптивности и общей активности, чем представители других кластеров.

Лица, вошедшие в 3-й кластер, имеют самый высокий показатель общего уровня саморегуляции. Их отличают более высокие показатели всех звеньев процесса саморегуляции, а также высокая интеллектуальная и физическая развитость, низкая коммуникативная пластичность. Для представителей данного кластера важно продумать действие до начала его реализации, на этапе планирования, а затем оценить итог проделанной работы. При высокой интеллектуальной и физической развитости

представители данной группы сталкиваются с жесткими ролевыми установками. Представители 3-го кластера имеют наиболее высокий уровень адаптивности и общей активности.

Выводы

Результаты исследования позволили сформулировать следующие выводы.

1. Специалисты экстремального профиля имеют более высокий уровень сформированности регуляторной гибкости и индивидуальной системы осознанной саморегуляции произвольной активности, чем те специалисты, чья профессиональная деятельность не связана с работой в опасных и экстремальных условиях.

2. Лица, относящиеся к специалистам экстремального профиля, имеют более низкий уровень реактивной тревоги и личностной тревожности, более высокие показатели экстраверсии, обладают более высокой коммуникативной активностью и общей адаптивностью, но меньшей общей эмоциональностью.

3. Импульсивность, эгоцентризм, несдержанность и физическая активность в структуре самоконтроля у специалистов экстремального профиля взаимосвязаны с высокими показателями аффективного компонента агрессии и несвязностью звеньев процесса саморегуляции.

4. У специалистов экстремального профиля можно выделить 3 типа саморегуляции.

4.1. Высокий показатель общего уровня саморегуляции сопряжен с высокой интеллектуальной и физической развитостью при более низкой коммуникативной пластичности. Представители данного кластера имеют наиболее высокий уровень адаптивности и общей активности.

4.2. Средний показатель общего уровня саморегуляции связан с осуществлением деятельности без заранее продуманного плана, быстрым реагированием на возникающие изменения в ситуации, успешным продуцированием альтернатив. Отмечается меньшая развитость интеллектуальной и физической активности, но большая гибкость в процессе общения.

4.3. Низкий показатель общего уровня саморегуляции связан с превалированием этапа оценивания результатов при более низких показателях формально-динамических свойств индивидуальности и адаптивности.

Литература

1. Гуренкова Т.Н. Елисеева И.Н., Кузнецова Т.Ю. Психология экстремальных ситуаций. М.: Смысл, 2009. 320 с.
2. Дикая Л.Г. Социально-психологические аспекты профессиональной адаптации в стрессогенных условиях деятельности // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. Ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: PerSe, 2007. 624 с.

3. Ениколопов С.Н., Цыбульский Н.П. Психометрический анализ русскоязычной версии опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психологический журнал. 2007. Т. 28. С. 115–24.
4. Зубарев Д.Г. Формирование компетентности и навыков профессионалов опасных профессий // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности: сб. науч. статей III международной научно-практической конференции / Под ред. Р.В. Кадырова. Владивосток: Морской государственный университет, 2014. С. 17–20.
5. Миллер Л.В. Модель экстренной психологической помощи // Научно-практические и прикладные аспекты деятельности Центра экстренной психологической помощи ИЭП МГППУ: сб. статей. Вып. 1 / Под ред. И.А. Баева. М.: Экон-информ, 2011. С. 230–36.
6. Моросанова В.И. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» // Журнал практической психологии и психоанализа. 2004. № 2. С. 150–63.
7. Моросанова В.И. Регуляторные аспекты экстраверсии и нейротизма: новый взгляд // Вопросы психологии. 2001. №. 2. С. 59–73.
8. Рыбников В.Ю., Булыгина В.Г. Диагностические возможности теоретического конструкта «самоконтроль» // Российский психиатрический журнал. 2015. № 1. С. 11–16.
9. Самонов А.П. Психология для пожарных. Психологические основы подготовки пожарных к деятельности в экстремальных условиях. М.: Стройиздат, 1982. 79 с.
10. Смирнов В.Н. Психология управления персоналом в экстремальных условиях. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 256 с.
11. Федунина Н.Ю. Понятия устойчивости к травме и посттравматического роста // Консультативная психология и психотерапия. 2006. № 4. С. 69–80.

Peculiarities of self-regulation of extreme profile specialists

Kabanova T.N., PhD, Senior Researcher, the Laboratory of mental hygiene and psychoprophylaxis, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (tatianak0607@yandex.ru)

Pleshakova E.A., Student, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (jeni93@bk.ru)

Dubinsky A.A., Junior Researcher, the Laboratory of mental hygiene and psychoprophylaxis, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (aleksandr-dubinskij@yandex.ru)

Vasilchenko A.S., Junior Researcher, the Laboratory of mental hygiene and psychoprophylaxis, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (vasilchenko.alesya@gmail.com)

Individually-psychological characteristics were studied and profiles of the styles of self-regulation of the employees engaged in hazardous were determined. The mainly group consisted of 30 men aged 21 to 60 years, who are specialists of dangerous professions. The comparison group included 30 men from 22 to 60 years, whose professional activity was not associated with risk. The following methods were used: questionnaire "Style of self-regulation of behavior" by V. I. Morosanova; questionnaire of self-control (H. Grasmik, 1993, adaptation Bulygina V. G., Abdrazakova A. M., 2009); the questionnaire BIS/BAS, used to study the sensitivity to punishment and reward; the questionnaire formal-dynamic properties of individuality by V. M. Rusalov; the aggression questionnaire by A. Buss and M. Perry (adaptation Enikolopov S. N., Cybulski N. P., 2007); the scale of anxiety Charles D. Spielberger (State-Trait Anxiety Inventory – STAI); personal questionnaire of the G. and S. Eysenck – EPQ.

It was found that specialists hazardous professions are distinguished by: a higher level of development of the regulatory flexibility and individual system of conscious self-regulation activity; higher levels of extroversion, communication activity, the total adaptability; a lower level of reactive anxiety, trait anxiety and general emotional. Moreover, impulsiveness, egocentrism, lack of restraint and physical activity in the structure of self-monitoring specialists of dangerous professions associated with high levels of affective component of aggression and incoherence of parts of the process of self-regulation. There were allocated a 3 profile of self-regulation in specialists of dangerous professions: a) a high level of self-regulation – coupled with a high intellectual and physical development, the highest level of adaptability and general activity; b) medium – rapid response to emerging changes in the situation, the successful production alternatives, greater flexibility in the process of communicating with less intellectual and physical activity; c) low – the most developed stage of self-regulation is assessment of results with low

rates of formal-dynamic properties of individuality and adaptability at the same time.

Key words: extreme conditions, professional activity, dangerous profession, self-regulation, profiles of self-regulation, self-control, individual-typological characteristics, maladjustment, stressful factors.

References

1. Gurenkova T.N. Eliseeva I.N., Kuznetsova T.Yu. *Psikhologiya ekstre-mal'nykh situatsii* [The Psychology of extreme situations]. Moscow: Smysl Publ., 2009. 320 p.
2. Dikaya L.G. *Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty professional'noi adaptatsii v stressogennykh usloviyakh deyatel'nosti* [Socio-psychological aspects of professional adaptation in stress conditions]. *V Sbornike "Psikhologiya adaptatsii i sotsial'naya sreda: sovremennye podkhody, problemy, perspektivy"* [In journal "Psychology adaptation and social environment: current approaches, problems, prospects"]. Moscow: PerSe Publ., 2007.
3. Enikolopov S.N., Tsybul'skii N.P. *Psikhometricheskii analiz russkoyazychnoi versii oprosnika diagnostiki agressii A. Bassa i M. Perri* [Psychometric analysis of the Russian version of the questionnaire diagnostics of aggression A. Buss and M. Perry]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2007, Vol. 28, pp. 115–24 (In Russ.; abstr. in Engl.).
4. Zubarev D.G. *Formirovanie kompetentnosti i navykov professionalov opasnykh professii* [Formation of competence and skills of professionals in hazardous occupations]. In *sbornik nauchnykh statei III mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: "Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeyatel'nosti"* [Collection of scientific papers III international scientific-practical conference "Personality in extreme conditions and crisis situations of life"]. Vladivostok: Morskoi gosudarstvennyi universitet Publ., 2014, pp. 17–20.
5. Miller L.V. *Model' ekstrennoi psikhologicheskoi pomoshchi* [Model of emergency psychological aid]. In *sbornik statei "Nauchno-prakticheskie i prikladnye aspekty deyatel'nosti Tsentra ekstrennoi psikhologicheskoi pomoshchi IEP MGPPU"* [In collected articles "Scientific-practical and applied aspects of the activities of the center of emergency psychological help MGPPU IEP"]. Moscow: Ekon-inform Publ., 2011, Vol. 1, pp. 230–36.
6. Morosanova V.I. *Oprosnik «Stil' samoregulyatsii povedeniya»* [A Questionnaire "Style of self-regulation of behavior"]. *Zhurnal prakticheskoi psikhologii i psikhoanaliza* [Journal of practical psychology and psychoanalysis], 2004, no. 2, pp. 150–63. (In Russ.; abstr. in Engl.).
7. Morosanova V.I. *Regulyatornye aspekty ekstraversii i neirotizma: novyi vzglyad* [Regulatory aspects of extroversion and neuroticism: a new look]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 2001, no. 2, pp. 59–73. (In Russ.; abstr. in Engl.).

8. Rybnikov V.Yu., Bulygina V.G. Diagnosticheskie vozmozhnosti teoreticheskogo konstrukta «samokontrol'» [Diagnostic potential of the theoretical construct "self-control"]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal [Russian journal of psychiatry]*, 2015. no. 1, pp. 11–16. (In Russ.; abstr. in Engl.).
9. Samonov A.P. Psikhologiya dlya pozharnykh. Psikhologicheskie osnovy podgotovki pozharnykh k deyatel'nosti v ekstremal'nykh usloviyakh [Psychology for firefighters. Psychological foundations of training of firefighters to work in extreme conditions]. Moscow: Stroizdat Publ., 1982. 79 p.
10. Smirnov V.N. Psikhologiya upravleniya personalom v ekstremal'nykh usloviyakh [Psychology of personnel management in extreme conditions]. Moscow: Akademiya Publ., 2007. 256 p.
11. Fedunina N.Yu. Ponyatiya ustoichivosti k travme i posttravmaticheskogo rosta [The concept of resilience to trauma and posttraumatic-growth]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling psychology and psychotherapy]*, 2006, no. 4, pp. 69–80. (In Russ.; abstr. in Engl.).

Личностные диспозиции насильственного экстремизма

Давыдов Д.Г., кандидат психологических наук, руководитель лаборатории проблем социализации подросткового возраста, ГБУ Городской психолого-педагогический центр Департамента образования города Москвы (DavydovDG@edu.mos)

В статье раскрыты различия в сущности экстремизма и радикализма, обоснована необходимость введения уточняющего понятия «насильственный экстремизм». Показано, что идеология является объяснением экстремистского поведения, нежели его причиной. Идеология экстремизма часто эклектична, противоречива и легко может трансформироваться, меняя объект враждебного отношения в зависимости от ситуации. Для описания психологических причин экстремизма предложено использовать понятие диспозиции. Диспозиция представляет собой предпочитаемый способ субъективной интерпретации реальности и отражает как определенные потребности индивида, так и типичные социальные ситуации их удовлетворения, личный опыт человека. Рассмотрены следующие диспозиции насильственного экстремизма: Культ силы и агрессивность, Интолерантность, Аут-групповая враждебность, Конвенциональное принуждение, Социальный пессимизм и деструктивность, Мистичность, Борьба и преодоление, Нормативный нигилизм, Анти-субъективизм. Предложено использовать указанные диспозиции как диагностические критерии и как ориентиры в профилактической и коррекционной работе.

Ключевые слова: экстремизм, насилие, личностные диспозиции, авторитаризм, идеология, диагностика, профилактика.

Для цитаты:

Давыдов Д.Г. Личностные диспозиции насильственного экстремизма. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 1. С. 106-121. doi: 10.17759/psylaw.207070109

For citation:

Davydov N.G. The personal dispositions of violent extremism. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 1. pp.106-121. doi: 10.17759/psylaw.2017070109

Своеобразной платой за современную свободу общества и разнообразие в общественной жизни является появление радикальных социальных групп, ориентированных на насилие. Для такой угрозы все чаще применяется понятие экстремизма, вошедшее сначала в политический дискурс, а затем в юридическую и административную практику и, наконец, в научный оборот.

На первый взгляд, может показаться, что проблема экстремизма не самая важная, так как количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности ничтожно мало по сравнению с преступлениями иных видов. Но эти преступления подобны детонатору, так как посягают на мир и согласие между различными социальными (национальными, религиозными и т. д.) группами российского общества. То, что мы не видим сегодня на улицах скинхедов, не должно успокаивать. Благодаря ужесточению законодательства и решительным действиям правоохранительных органов, экстремизм загнан в подполье, хотя еще заметен [18] и периодически поднимает голову (вспомним события в Москве на Манежной площади в декабре 2010 г. и в районе Бирюлево в октябре 2013 г.).

Экстремизм – сравнительно новое понятие, относящееся к давно известному в человеческой истории типу поведения. Основные признаки такого поведения – крайняя нетерпимость к отдельным социальным группам, упрощенность и негибкость взглядов, склонность к широкому применению насилия и чрезмерной жестокости. Научный период осмысления этого феномена ведет отсчет от психологии масс (Г. Тард и Г. Лебон) и теории инстинктов социального поведения (У. Макдаугал). XX век с его кровавыми конфликтами всколыхнул интерес исследователей и привел к формированию нескольких научных подходов к проблемам авторитарной личности, фашизма, ксенофобии и национализма.

С введением в последние годы понятия «экстремизм» в научный дискурс встала проблема его определения. Как это часто случается в социальных науках, сколько-нибудь определенного подхода к наполнению этого понятия содержанием не найдено. Сам термин «экстремизм» (от лат. *extremus* – край, конец) появился в политико-философской терминологии в XVII в. и имел значение крайнего противоречия, чрезвычайности. Со временем, сложилось обобщенное понимание экстремизма как пропаганды и использования крайних средств (прежде всего насилия) для достижения каких-либо целей. К сожалению, слово «крайний» весьма нечетко описывает диапазон экстремистского поведения.

Прежде всего, экстремизм следует отличать от радикализма (от лат. *radicalis* – коренной, глубинный), который обычно относят к идеологии. Например, идея восстановления монархии в России является радикальной, но ее высказывание само по себе не является экстремизмом, если не сопровождается насильственными действиями, перечисленными в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» (№ 114-ФЗ от 25 июля 2002 г.).

Поскольку законодательство и политический дискурс довольно широко определяют экстремизм, возникает необходимость выделения объекта психологического анализа. Представляется, что такое уточнение может быть сделано переходом на поведенческий уровень и введением ключевого признака «насильственный», аналогично сложившейся традиции в зарубежных исследованиях (*violent extremism*). Это дает возможность оставить за рамками анализа радикальные идеологические течения, политические взгляды и просто мнения, противоречащее сложившимся в обществе взглядам.

В этой связи следует отметить распространенную ошибку напрямую выводить экстремизм как следствие из определенной идеологии [27]. Можно согласиться с Ю.А. Зубок и В.И. Чупровым, что отношение между насильственным экстремизмом и идеологией носит сложный характер и обусловлены рядом социальных факторов [17]. То, что идеология

определяет поведение, выглядит естественным с точки зрения здравого смысла, однако, как известно социальным психологам со времен экспериментов Р. Лапьера и Л. Фестингера, эта связь может носить и обратный характер. Действительно, проявления экстремизма обычно включают в себя и приверженность определенным взглядам, однако экстремистское поведение скорее оправдывается соответствующей идеологией, чем основывается на ней.

Существует примечательная форма насильственного подведения, похожего на экстремизм, но совершенно обходящегося без идеологии. Так, группировки футбольных хулиганов не прячутся за идеологией, не скрывают, что основной мотив их действий – желание чувствовать себя толпой, выплеснуть эмоции и накопившуюся агрессивность, развлечься [4]. Анализ ценностей правых экстремистов также подтверждает возможность фактически бесцельного совершения ими агрессивных действий [14].

С точки зрения наблюдаемого поведения, околофутбол может быть рассмотрен как вариант экстремизма: те же межгрупповая вражда, те же демонстративные агрессивные действия, отсутствует лишь идеологический фон. Именно в «футбольном экстремизме» ясно видна его неидеологическая и нерациональная природа экстремизма вообще. Действительно, нелепыми выглядят попытки найти рациональное объяснение насилию футбольных хулиганов. Глупо будет предположить, что похожие, обучающиеся в одних школах и живущие в соседних дворах подростки нападают друг на друга по причине нелюбви к футбольному клубу соперников. Аналогичные механизмы экстремистского поведения видны у враждующих поклонников музыкальных групп, территориальных образований («двор на двор») и т. д.

Идеологический аспект экстремизма все же не стоит упускать из виду, потребность в идеологии составляет одну из важных сторон экстремизма. Многие экстремистские группы озабочены выработкой или принятием идеологии, желают, чтобы они воспринимались как «идейные борцы». Распространение идеологии становится одним из средств борьбы, формой поведения: о том, насколько это важно для них, можно судить по их высокой издательской и сетевой активности, проводимой несмотря на преследования правоохранительных органов.

Очевидно, что экстремистское поведение возникает как ответ на потребность в объяснении своего поведения, в придании ему рациональности, и, таким образом, в уходе от когнитивного диссонанса. Можно предположить, что подходящая идеология делает агрессивное поведение «оправданным», снимает тревогу и угрызения совести за совершаемые поступки. Один из типичных аргументов скинхедов – *«Именно благодаря нашей тяжелой и опасной работе, всякая цветная нерусь понимает, что у русской нации есть кулаки»* [3, с. 26] – удивительно напоминает пример о вражде диких племен, приводимый У. Мак-Дауголлом: «Обыкновенно в этих войнах между племенами не преследуется никакой выгоды... И если кто-нибудь спросит у интеллигентного вождя, почему он ведет эти бессмысленные войны, он сошлется на то, что иначе соседи не будут уважать его народ и уничтожат его» [21, с. 206–207].

Таким образом, потребность в насилии создает не идеология, идеология оправдывает насилие. Собственно, сама идеология опасна как прикрытие, как обоснование и потому как стимулирование агрессии. Какая именно идеология подвернется для оправдания, это зависит от конкретной социальной ситуации. Это может быть ультранационализм или фашистские идеи, а может быть крайний анархизм или борьбы за экологию. Частный вывод

из этого может быть, например, таким: путь к профилактике национально окрашенного экстремизма путем изменения отношений к другой нации есть попытка влиять на следствие в надежде изменить причину.

Это делает понятным, почему идеология экстремизма эклектична и полна противоречий, почему она не рациональна. Например, «идеология» некоторых движений представляет собой невообразимую смесь левых и правых идей, часто противоречащих друг другу. Закономерно, что идеология экстремистских групп нестабильна и легко может трансформироваться, меняя объект враждебного отношения в зависимости от ситуации: сегодня враги проезжие нерусские, завтра – все нерусские, потом «неправильные» русские.

Если не идеология определяет экстремизм, тогда возникает соблазн найти некую базовую потребность или личностную черту (совокупность черт), которые ведут человека к экстремизму, или же выделить личностный тип экстремиста. Наиболее известный пример такого подхода – концепция авторитарной личности [1]. Персонологический подход, не учитывающий социальную ситуацию, в которой действует индивид, не позволяет, однако, сколько-нибудь удовлетворительно предсказать поведение человека [10]. Имеющиеся в современной литературе попытки выявить некие особые качества личности, присущие только экстремистам, по сути, приводят лишь к фиксации особенностей поведения, являющихся скорее следствием жизненной ситуации, а описываемые феномены не укладываются в рамки традиционных психологических концепций личности [33].

Очевидно, в исследовании экстремистского поведения нецелесообразно рассчитывать на выявление глубинных и неизменных личностных черт. В то же время обращение к поверхностному объяснительному уровню непосредственных побуждений (аттитюдов), тоже не оправдано, поскольку аттитюды весьма переменчивы и слабо связаны с реальным поведением [2, с. 284–286]. Здесь скорее важно обратить внимание на средний уровень – как личность удовлетворяет существующие базовые потребности в зависимости от социальной ситуации. Согласно одному из прицепов ситуационного подхода [28], результатом взаимодействия личности и ситуации является субъективная интерпретация. Следует предположить, что важные различия в предпочитаемых способах субъективной интерпретации и отличают лиц, склонных к насильственному экстремизму.

К подобным типичным для индивида способам субъективной интерпретации социальной реальности хорошо подходит термин «диспозиция», введенный В.А Ядовым [34]. Диспозиция, отражает как определенные потребности индивида, так и типичные ситуации их удовлетворения, личный опыт. Идея диспозиций требует сосредоточиться не на базовых личностных потребностях и качествах, а на временных, зато более актуальных и более прогностических проявлениях. С точки зрения профилактики, ориентация на выявление диспозиций предлагает больше обращать внимание на социальные ситуации, в которых реализуются потребности. Рассмотрение представлений об авторитарной личности Т. Адорно [1], Концепции правого авторитаризма Б. Альтмайера [36] и анализ основных потребностей и социальных условий, лежащих в основе экстремистского поведения [13], позволяют предложить перечень таких диспозиций, являющихся в то же время диагностическими признаками склонности к экстремизму.

1. Культ силы и агрессивность. Эта диспозиция связана с восприятием насилия как предпочитаемого способа разрешения конфликта и утверждения своей правоты. Проявлением данной диспозиции являются: восприятие реальности в таких категориях, как

сильный–слабый и господство–подчинение; «прагматизм насилия», т. е. вера в его эффективность как средства решения социальных проблем, допустимость агрессии как способа снятия фрустрации; «ценность насилия» – его связь со статусом, авторитетом, честью. Для этой диспозиции свойственна идентификация себя с образами, воплощающими силу, выставление напоказ своей силы и крепости. Противоположностью такой диспозиции выступает признание необходимости договариваться, учитывать мнение других.

Многие исследователи выводят склонность к экстремистскому поведению из социальных условий, прежде всего неустроенности, неудовлетворенности своим положением. С точки зрения теории Н. Миллера и Д. Долларда, агрессивный экстремизм имеет социальную природу и его источником выступает накапливающееся у индивида состояние фрустрации [37]. Фрустрация возникает в условиях, блокирующих достижение желаемой цели. Соответственно, финансовые проблемы семьи, безработица, отсутствие возможности социального продвижения на фоне навязчиво транслируемых в СМИ ценностей потребления и успеха, ведут к фрустрации. Естественным (но не неизбежным) следствием фрустрации является агрессия. Если непосредственно проявить агрессию в направлении фрустрирующих объектов (школа, родители, государство и т. д.) человек не может (например, вследствие ожидаемых негативных последствий), то агрессивные импульсы сдерживаются. Сдерживание само по себе может явиться источником дополнительной фрустрации. Кроме того, сдержанная агрессия обычно «смещается», направляется не против непосредственного источника фрустрации, а на какой-либо другой, как правило, безобидный объект (мигрантов, бездомных и т. д.).

В среде экстремистов, однако, достаточно много выходцев из вполне благополучных слоев населения. Здесь следует обратить внимание на то, что фрустрация может быть вызвана не только объективными причинами неблагополучия, но и завышенными ожиданиями [16]. В исследованиях, посвященных относительной депривации показано, что чувство неудовлетворенности, вызванное уверенностью людей в том, что они имеют меньше, чем того заслуживают, ведет к состоянию фрустрации и к агрессивному поведению [20]. Относительная депривация возникает вследствие сравнения своего социального положения и условий жизни с положением и условиями других людей. Продукция массовой коммуникации, рисуя «красивую жизнь», часто задает стандарт для сравнения. При этом, чем больше человек имеет, тем сильнее завидует тем, кто имеет больше. Поэтому неудовлетворенность своим положением в обществе проявляют не самые обездоленные, а относительно благополучные слои и социальные группы. Ответственность за свое «незавидное положение» индивид может возлагать на различные внешние обстоятельства, такие как несправедливые законы, массовая миграция, непропорциональность представительства в органах власти отдельных национальностей и т. п. Уличные беспорядки, демонстрации, погромы, террор, восстания – вот арсенал средств, к которым прибегают социальные группы, ощущающие себя обделенными и пытающиеся быстро и бесповоротно «восстановить справедливость» [9].

Важным социальным условием развития данной диспозиции выступает транслируемый обществом набор социальных ценностей и норм, известный как культура насилия. Хотя одним из неперенных атрибутов современного цивилизованного мира является формальное неприятие насилия, культура насилия в обществе сохраняется и служит мощным фактором, провоцирующим экстремизм. Как феномен культура насилия основана на существовании насилия как социальной ценности, как основания социального статуса и одновременно как средства разрешения проблем. Парадоксальным образом

насилие в обществе порицается и в то же время оправдывается и широко используется [31]. В этом парадоксе и заключена одна из главных трудностей профилактики экстремизма. Убежденность экстремистов в ценности насилия – это не есть проявление какого-то особого, «девиантного», мышления. Это лишь крайняя степень согласия с ценностями насилия, свойственного большинству. Если быть внимательным, то можно заметить, что лозунги экстремистов часто напоминают аргументы отдельных, вполне легальных политических лидеров о необходимости показывать кулаки, чтобы «наше государство уважали».

Представления о насилии и противостоянии вообще занимают значимое место в картине мира современного человека [6; 39], отражены в мифах и древних символах человечества, воспевающих сакральность борьбы, «общекосмический дуализм противостояния светлых и темных сил» [15, с. 357]. Ценность насилия окружает человека с раннего детства в содержании мультфильмов, сказок, в распространенности детских военных игрушек [5].

Ключевым проявлением культуры насилия и провокации экстремизма, является язык. В актуальном дискурсе СМИ тема насилия не только присутствует, она ощутимо связана с социальной идентичностью [12]. Замечено, что насильственный дискурс СМИ в тоталитарных обществах усиливается [7], что непосредственно сказывается на росте враждебных установок у населения. Удивительно, но даже педагоги часто обращаются к «насильственным» метафорам, формируя тем самым конфронтационность в образе мира своих учеников [24]. Казалось бы, безобидные метафоры, вроде «дать по рукам» или «выбивать дурь», в педагогической коммуникации закрепляют у обучаемых представление о насилии как одном из возможных средств разрешения социальных проблем.

2. Интолерантность. Экстремистское поведение, независимо от поддерживающей идеологии, сопровождается характерными установками стремления к однозначности образа мира, неприятия отличий других людей, отрицания возможности инакомыслия и стремления навязать окружающим свои взгляды любой ценой. Выделение этой диспозиции логически следует из определения насильственного экстремизма. Так, для лиц склонных к экстремистскому поведению характерно отрицание ценностей универсализма (по Ш. Шварцу, – понимания, терпимости, защиты благополучия всех людей) [14]. Потребность, лежащая в основе интолерантности, отражает необходимость иметь простой и однозначный образ мира, избегать связанного с противоречиями когнитивного диссонанса. Важную роль играет социальная среда, избавляющая индивида от конфликтов с неопределенностью и приветствующая однозначную («правильную») интерпретацию реальности. Противоположностью этой диспозиции выступает терпимость к противоречиям, готовность согласиться с правом другого на иную точку зрения, даже если она кажется неверной, готовность принять возможную неправильность своей собственной позиции, осознание того, что наличие других типов культур и других мировоззрений вполне допустимо.

3. Аут-групповая враждебность. Диспозиция выражает потребности в аффилиации, групповой сплоченности и в высокой самооценке. Ведущей здесь выступает потребность в принадлежности к «своей» социальной группе. Это ведет, с одной стороны, к необходимости очертить границы группового членства, а с другой, обеспечить групповую сплоченность. Как замечает Д. Майерс, социальное определение того, кем вы являетесь, подразумевает определение того, кем вы не являетесь [20, с. 452]. Только ощущение, что есть «Они»

рождает желание самоопределиваться по отношению к «Ним», обособиться от «Них» в качестве «Мы» [26, с. 84]. Фундаментальный принцип выражен Б.Ф. Поршневым так: «..... всякое противопоставление объединяет, всякое объединение противопоставляет, мера противопоставления есть мера объединения» [25, с. 14]. Закономерно, что самым легким и надежным способом идентификации является поиск враждебной группы. Желание самоопределиваться по типу «Мы» против «Они» поддерживает чувство враждебности к иным группам. Неважно, против кого объединяться – против тех, кто живет в другом дворе, приехал из другого города, имеет другую национальность, веру, внешность [16]. Групповая сплоченность, в свою очередь, приводит к подверженности давлению «своей» социальной группы (чаще всего это группа сверстников). В результате формируется готовность совершить правонарушение «за компанию». Действительно, большинство экстремистских проявлений совершается спонтанно в составе небольших по численности групп [17].

Враждебность к другим группам может служить средством формирования позитивного образа Я [11]. Так, обнаружено, что уровень физической агрессии правых экстремистов обратно связан с их самооценкой [14]. Согласно теории социальной идентичности Г. Теджфела, индивид стремится благоприятно оценивать свою группу и таким образом поднять собственную самооценку. Поэтому в своих отношениях группы сравнивают себя с другими по выгодным для себя критериям. Если другая группа угрожает доминантной по критериям сравнения, ее представители вызывают неприязнь [40]. В экспериментальных исследованиях показано, что угроза самооценке приводит к усилению негативных оценок представителей другой группы, в отношении которой существуют негативные стереотипы. Это, в свою очередь, способствует повышению самооценки у испытуемых [38]. Таким образом, проявление экстремистской позиции к другой национальной или религиозной группе часто является следствием потребности в аффилиации с «сильной» группой и в позитивной самооценке.

Диспозиция активизируется в ситуации, когда индивид не находит других критериев, достаточных для формирования позитивного Я, и когда другие, нормативные, социальные группы являются для него недоступными или непривлекательными.

4. Конвенциональное принуждение. Идея этой диспозиции высказана Т. Адорно, который отмечал у авторитарной личности тенденцию выискивать людей, не уважающих общие (конвенциональные) ценности, чтобы осудить, отвергнуть и наказать их. Диспозиция ярко проявляется как приоритет восстановления справедливости перед гуманистическими ценностями в виде жесткости требований к себе и другим и запросах на введение цензуры.

Механизм формирования этой диспозиции соответствует модели «фрустрация–агрессия». По мысли Т. Адорно, индивид, подавляя враждебные чувства по отношению к авторитетам своей группы (в том числе к родителям), переносят «плохие» качества этих носителей власти – их воображаемую непорядочность, корыстность, властолюбие – на группы чужаков, и, затем, обвиняет их [1, с. 56-57]. Таким образом, вытесненная авторитарная агрессия переадресуется группам чужаков. Придя к убеждению, что есть люди, заслуживающие наказания, индивид находит отдушину, в которую он может направлять свои глубинные агрессивные импульсы и считать себя при этом вполне правильным человеком. Поэтому насилие столь часто оправдывается моралистическими речами.

5. Социальный пессимизм и деструктивность. Содержанием диспозиции являются: предрасположенность представлять мир как мрачный, непредсказуемый и опасный; общая враждебность, цинизм и очернение различных человеческих проявлений (дружбы, брака, секса и т. п.). Характерны эсхатологизм, негативный взгляд в будущее, ожидание катастрофы. В интерпретации поведения других проявляется подозрительность. Кроме того, эта диспозиция проявляется как в снижении ценности жизни противников, так и в невысокой ценности собственной жизни [3, с. 28; 33]. Собственная жизнь и жизнь окружающих с легкостью приносятся в жертву «идее». Если принять точку зрения Т. Адорно, то в основе этой диспозиции лежит проекция своих неосознанных, инстинктивных импульсов на внешний мир.

Значимым последствием этой диспозиции является склонность к формированию образа врага. Экстремисты не воспринимают своих идеологических противников в качестве нормальных людей, поэтому не чувствуют необходимым применять к ним нормы человеческих отношений, чувствовать сострадание. Типичное обоснование отказа в сочувствии звучит так: «Во имя нашего дела, во имя Белой Идеи мы не щадим себя и за это получаем священное право не щадить наших врагов» [30].

6. Мистичность. В основе данной диспозиции лежит уход от ответственности [32] и потребность в защите от страха перед реальностью [35], стремление к объяснению явлений окружающего мира простыми, но эмоционально яркими схемами, потребность в романтизации и потребность в устранении логических противоречий в своем поведении. Прежде всего – это тенденция индивида приписывать собственную ответственность внешним, неподвластным собственному контролю силам. Заметным признаком здесь является суеверность, увлечение астрологией и т. д. В объяснении текущих событий индивид пытается найти символы, имеющие особое значение. Любовь к символам (знакам, числам, эмблемам и т. д.) сочетается с опорой на мистические откровения или интуицию, заменяющую рациональное познание и логическое рассуждение. Диспозиция может проявляться в виде веры в мистическое предначертание собственной судьбы и особую миссию своей социальной группы, что, в свою очередь, сочетается с установками национального (расового и т. д.) шовинизма и ксенофобии. В качестве наиболее явного примера такой диспозиции можно назвать нацистский оккультизм.

7. Борьба и преодоление. Основой подобной диспозиции служат потребности в неадаптивной активности, поисковом поведении, поиске ощущений. Прежде всего, это проявляется как стремление к героическим действиям, к неизвестному, к приключениям и преобразованиям, готовность к риску, готовность жертвовать собой ради идеи. Говоря о юношеском возрасте, А.Б. Залкинд и Л.С. Выготский подобные диспозиции называют «доминантой романтики» и «доминантой усилия»; они характеризует тягу молодых людей к сопротивлению, преодолению, к волевым напряжениям, которые в условиях мирного времени и благоустроенной городской среды выплескиваются в виде протеста против воспитательного авторитета [8, с. 37]. Неадаптивная активность в концепции В.А. Петровского, хотя и служит источником развития личности, всегда предполагает определенную вероятность девиаций поведения [23]. Согласно В.С. Ротенбергу, если социальная среда не дает возможности реализовать потребность в поисковой активности, следствием может стать немотивированная жестокость [29]. Потребность человека в разнообразных, новых и сложных ощущениях бывает столь сильной, что человек, которые ищет ощущения, часто рискует в физическом или социальном плане только ради того, чтобы получить такой опыт [41]. Указанные потребности могут быть реализованы и

социально приемлемыми путями, например, занятием экстремальными видами спорта [3]. Но если для современного экстремального спорта обычно нужна дорогая экипировка и длительная подготовка, то участие в противоправных акциях, побоищах футбольных хулиганов или расистских нападениях позволяют индивиду сравнительно просто получить искомый «адреналин». Иными словами, люди, потребности которых в активности и романтизме традиционные социальные институты удовлетворить не могут, становятся легкой добычей экстремистских организаций, обещающих «...жизнь, полную героизма и приключений, жертвенности, гордую и сильную жизнь и героическую смерть» [19].

8. Нормативный нигилизм. Эта диспозиция связана с установкой на игнорирование законов и социальных норм поведения, убежденностью в том, что ради дела можно переступить через принятые в обществе нормы поведения. Здесь речь идет о демонстративном игнорировании социальных норм «большинства» и противопоставлении им норм своей социальной группы («моя жизнь – мои правила»). Часто это сопровождается демонстрацией презрения к «быдлу», т. е. к людям, соблюдающим законы. Очевидно, базой для такой диспозиции служит нерешенная потребность в персонализации, ведущая к «застреванию» индивида на второй, конфликтной, фазе индивидуации в модели личностного развития А.В. Петровского [22]. Противоположной диспозицией выступает понимание смысла законодательного регулирования и убежденность в необходимости соблюдать нормы поведения, даже те, которые индивиду не нравятся.

9. Анти-субъективизм. Эта диспозиция проявляется в неприятии субъективных проявлений: интроспекции, фантазии, чувственных переживаний и т. д. Диспозиция проявляется в акцентировании значимости физической реальности, в ориентации на простые идеи, непосредственные действия. Характерным признаком является демонстративное пренебрежительное отношение к гуманитарным наукам и психологии, к отдельным направлениям в художественной литературе, визуальном искусстве (например, к авангардизму, символизму, абстракционизму). Творческий подход, проявление чувств, сложные мыслительные модели вызывают непонимание и насмешки. В основе такой диспозиции лежат боязнь проявления подлинных чувств, избегание личной свободы (ответственности быть субъектом) и связанных с ней неопределенности и угроз своему Я.

Таким образом, описание диспозиций позволяет сосредоточиться не на базовых личностных потребностях и качествах, а на изменчивых, зато более прогностических категориях. Диспозиции не являются статичными элементами, их иерархия и состав могут меняться в зависимости от социальной ситуации и применительно к конкретным видам экстремизма. Перечисленные диспозиции могут служить как диагностическими критериями для оценки склонности к насильственному экстремизму (с помощью, например, соответствующих шкал установок), так и в качестве ориентиров при разработке профилактических и коррекционных технологий.

Литература

1. Адорно Т. Исследование авторитарной личности. М.: Академия исследований культуры, 2001. 416 с.
2. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2002. 364 с.
3. Беликов С. Антифа. Молодежный экстремизм в России. М.: Алгоритм, 2012. 256 с.

4. *Бримсон Д.* Бешенная армия: Облик футбольного насилия. СПб.: Амфора. 2009. С. 302.
5. *Бютнер К.* Жить с агрессивными детьми. М.: Педагогика, 1991. 144 с.
6. *Венедиктова Л.Н.* Концепт «война» в языковой картине мира (сопоставительное исследование на материале английского и русского языков): автореф. дисс... канд. филол. Наук. Тюмень, 2004. 19 с.
7. *Власова Е.В.* Речевая агрессия в печатных СМИ: На материале немецко- и русскоязычных газет 30-х и 90-х гг. XX века: автореф. дис... канд. филол. наук. Саратов, 2005. 22 с.
8. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Детская психология. М.: Педагогика, 1984. 432 с.
9. *Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют. СПб: Питер, 2005. 461 с.
10. Гришина Н.В. Ситуационный подход и его эмпирические приложения [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 24 URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 8.10.2016).
11. *Гурина О.Д.* Ксенофобские установки и личностные особенности подростков с девиантным поведением [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 1. С. 39–57.
12. *Давыдов Д.Г.* Военная идентичность как компонент общественного сознания // Социальные науки и современное общество. 2011. № 1. С. 65–76.
13. *Давыдов Д.Г.* Причины молодежного экстремизма и его профилактика в образовательной среде // Социология образования. 2013. № 10. С. 4–18.
14. *Дворянчиков Н.В., Ениколопов С.Н., Сокольская М.Д., Фурсова И.А.* Ценностные ориентации правых экстремистов // Психологическая наука и образование. 2010. № 5. С. 92–103.
15. *Дугин А.Г.* Философия политики. М.: Аркогея, 2004. 614 с.
16. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 37–46.
17. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Самоорганизация в проявлениях молодежного экстремизма // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 78–88.
18. *Кирсанов А.И., Давыдов Д.Г., Завальский А.В., Скрибцова Н.А.* Характеристика экстремизма в молодежной среде и его профилактика в образовательной организации (по результатам экспертного опроса) [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №1. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/1/Kirsanov_Davydov_Zavalskij_Skrib.phtml (дата обращения: 17.09.2016).

19. *Краткий курс НБП*. 2006 [Электронный ресурс]. URL: http://limonka.nbp-info.ru/print_1226837610.html (дата обращения: 21.07.2014).
20. *Майерс Д.* Социальная психология. СПб.: Питер, 2000. 688 с.
21. *Мак-Дауголл У.* Основные проблемы социальной психологии. М.: Космос. 1916. 281 с.
22. *Петровский А.В.* Проблема развития личности с позиций социальной психологии // Вопросы психологии. 1984. № 4. С. 15–29.
23. *Петровский В.А.* Психология неадаптивной активности. М.: Российский открытый университет, ТОО «Горбунок», 1992. 224 с.
24. *Поддьяков А.Н.* Конфронтационность в образе мира у участников образовательного процесса // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2004. № 1. С. 15–22.
25. *Поршнев Б.Ф.* Противопоставление как компонент этнического самосознания. М.: Наука. 1973. 88 с.
26. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. 232 с.
27. Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ): сб. материалов социологического исследования / М-во регионального развития Российской Федерации, Правительство Белгородской обл., Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Белгородский гос. ун-т». Белгород: Константа, 2008. 319 с.
28. *Росс Л. Нисбетт Р.* Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 2000. 429 с.
29. *Ротенберг В.С., Бондаренко С.М.* Мозг. Обучение. Здоровье. М: Просвещение, 1989. 239 с.
30. *Салазар.* Азбука Славянских Бритоголовых [Электронный ресурс] 2008. URL: <http://d-zubov.livejournal.com/28116.html> (дата обращения: 20.09.2014).
31. *Федунина Н.Ю., Сугизаки Э.* Насилие в школе. Осмысление проблемы в зарубежных источниках // Современная зарубежная психология. 2012. № 3. С. 71–85.
32. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М.: Флинта; Московский психолого-социальный институт; Прогресс, 2006. 248 с.
33. *Хадысов М.А.* Исследование причин и условий экстремизма как основа формирования политики противодействия экстремизму (криминологический аспект) // Фундаментальные исследования. 2015. № 2. С. 1811–1814.
34. *Ядов В.А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности //

Методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Е.В. Шороховой. М.: Наука, 1975. С. 89–105.

35. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 1999. 576 с.
36. Altemeyer B. The Authoritarian Specter. Cambridge: Harvard University Press, 1996. 384 p.
37. Dollard J., Dobb L.W., Miller N. E., Mowrer O.H., Sears R.R. Frustration and aggression. London: Routledge, 2001. 150 p.
38. Fein S., Spencer S.J. Prejudice as self-image maintenance affirming the self derogating others // Journal of Personality and Social Psychology. 1997. № 73. С. 31–44.
39. Finley, L. Building a peaceful society: Creative integration of peace integration. Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2011. 216 p.
40. Tajfel H. Differentiation between social groups : studies in the social psychology of intergroup relations. London; New York: Published in cooperation with European Association of Experimental Social Psychology by Academic Press, 1978. 474 p.
41. Zuckerman M. Sensation seeking and risky behavior. Washington, DC: American Psychological Association, 2007. 309 p.

The personal dispositions of violent extremism

Davydov D.G, PhD (Psychology), Head of the Laboratory of adolescent socialization, Moscow city Psychological & Pedagogical Centre (DavydovDG@edu.mos)

The paper presents the differences in the nature of extremism and radicalism, and the necessity of introducing the concept of "violent extremism." It is shown that the ideology is the explanation of extremist behavior, rather than its cause. The ideology of extremism often eclectic, contradictory and can easily be transformed by changing the object of hostility, depending on the situation. For the description of the psychological causes of extremism it is proposed to use the concept of personal disposition. Disposition is the preferred way to subjective interpretation of reality and reflects both the specific needs of a person as well the typical social situations where it realized and personal experience. Considered the following dispositions of violent extremism: the Cult of force and aggression, Intolerance, Out-group hostility Conventional coercion, Social pessimism and destructiveness, Mystical, Fighting and overcoming, Nihilism to law, Anti-subjectivism. It is proposed to use these dispositions as diagnostic criteria and for preventing and correcting.

Key words: extremism, violence, personal dispositions, authoritarianism, ideology, diagnosis, prevention.

References

1. Adorno T. Issledovanie avtoritarnoi lichnosti [A study of the authoritarian personality]. Moscow: Publ. Akademiya issledovaniy kul'tury, 2001. 416 p.
2. Andreeva G.M. Sotsial'naya psikhologiya [Social Psychology]. Moscow: Publ. Aspekt Press, 2002. 364 p.
3. Belikov S. Antifa. Molodezhnyi ekstremizm v Rossii [Antifa. Youth extremism in Russia]. Moscow: Publ. Algoritm, 2012. 256 p.
4. Brimson D. Beshennaya armiya: Oblik futbol'nogo nasiliya [The face of football violence]. Saint-Petersburg: Publ. Amfora. 2009. p. 302.
5. Byutner K. Zhit' s agressivnymi det'mi [Live with aggressive children]. Moscow: Publ. Pedagogika, 1991. 144 p.
6. Venediktova L.N. Kontsept «voina» v yazykovoi kartine mira (sopostavitel'noe issledovanie na materiale angliiskogo i russkogo yazykov): Avtoref. diss... kand. filol. nauk [The concept of "war" in the linguistic image of the world (comparative research on a material of English and Russian). Ph. D. (Psychology) Thesis], Tyumen', 2004. 19 p.
7. Vlasova, E.V. Rechevaya agressiya v pechatnykh SMI: Na materiale nemetsko- i russkoyazychnykh gazet 30-kh i 90-kh gg. XX veka: Avtoref. dis... kand. filol. nauk

- [Verbal aggression in the print media: On a material of German and Russian-language newspapers the 30's and 90's. XX century. Ph. D. (Philology) Thesis]. Saratov, 2005. 22 p.
8. Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii v 6 t. T. 4. Detskaya psikhologiya* [Collected Works: in 6 vol. Vol.4. Child psychology]. Moscow: Publ. Pedagogika, 1984. 432 p.
 9. Gurr, T.R. *Pochemu lyudi buntuyut* [Why men rebel]. Saint-Petersburg: Piter, 2005. 461 p.
 10. Grishina N.V. *Situatsionnyi podkhod i ego empiricheskie prilozheniya* [Situational approach and its empirical applications] [Elektronnyi resurs] . *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Research]. 2012. 5(24). URL: <http://psystudy.ru> (Accessed 8.10.2016).
 11. Gurina O.D. *Ksenofobskie ustanovki i lichnostnye osobennosti podrostkov s deviantnym povedeniem* [Xenophobic attitude and the personal characteristics of adolescents with deviant behavior.]. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo* [Psychology and Law]. 2016(6). no. 1, pp. 39-57
 12. Davydov D.G. *Voennaya identichnost' kak komponent obshchestvennogo soznaniya* [Military identity as a part of Public mind]. *Sotsial'nye nauki i sovremennoe obshchestvo* [Social Science and Modern Society]. 2011. no.1, pp. 65-76.
 13. Davydov D.G. *Prichiny molodezhnogo ekstremizma i ego profilaktika v obrazovatel'noi srede* [The Causes of Youth Extremism and Ways to Prevent It in the Educational Environment]. *Sotsiologiya obrazovaniya* [Sociology of Education]. 2013. no.10, pp. 4-18.
 14. Dvoryanchikov N.V., Enikolopov S.N., Sokol'skaya M.D., Fursova I.A. *Tsennostnye orientatsii pravyykh ekstremistov* [Value Orientations of the Right-Wing Extremists]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. 2010. no.5, pp. 92-103.
 15. Dugin A.G. *Filosofiya politiki* [Political Philosophy]. Moscow: Arcogeia, 2004. 614 p.
 16. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. *Molodezhnyi ekstremizm. Sushchnost' i osobennosti proyavleniyav* [The nature and the peculiarities of manifestation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2008. no.5, pp. 37-46.
 17. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. *Samoorganizatsiya v proyavleniyakh molodezhnogo ekstremizma* [Self-organization in the manifestations of youth extremism]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2009. no.1, pp. 78-88.
 18. Kirsanov A.I., Davydov D.G., Zaval'skii A.V., Skribtsova N.A. *Kharakteristika ekstremizma v molodezhnoi srede i ego profilaktika v obrazovatel'noi organizatsii (po rezul'tatam ekspertnogo oprosa)* [Characteristics of extremism among youth and its prevention in the educational organization (based on the expert survey)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru]. (Accessed 10.10.2016). (In Russ., Abstr. in Engl.).
 19. *Kratkii kurs NBP* [The brief guide of the National Bolshevik Party]. 2006. [Elektronnyi resurs] URL: http://limonka.nbp-info.ru/print_1226837610.html (Accessed 21.07.2014).

20. Myers D. Sotsial'naya psikhologiya [Social Psychology]. Saint-Petersburg: Publ. Piter, 2000. 688 p.
21. McDougall W. Osnovnye problemy sotsial'noi psikhologii [The main problems of social psychology]. Moscow: Publ. Kosmos. 1916. 281 p.
22. Petrovskii A.V. Problema razvitiya lichnosti s pozitsii sotsial'noi psikhologii [The problem of personality development from the standpoint of social psychology]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*. 1984. no.4, pp. 15-29.
23. Petrovskii V.A. Psikhologiya neadaptivnoi aktivnosti [Psychology maladaptive activity]. Moscow: Publ. Rossiiskii otkryti universitet, TOO "Gorbunok", 1992. 224 p.
24. Podd'yakov A.N. Konfrontatsionnost' v obraze mira u uchastnikov obrazovatel'nogo protsessa [Confrontational in the image of the world at participants of the educational process]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology.]* 2004. no.1, pp. 15-22.
25. Porshnev B.F. Protivopostavlenie kak komponent etnicheskogo samosoznaniya [The opposition as a component of ethnic identity]. Moscow: Publ. Nauka. 1973. 88 p.
26. Porshnev B.F. Sotsial'naya psikhologiya i istoriya [Social Psychology and History]. Moscow: Publ. Nauka, 1979. 232 p.
27. Prichiny rasprostraneniya etnicheskogo ekstremizma i ksenofobii sredi molodezhi (Tsentral'nyi federal'nyi okrug) : sbornik materialov sotsiologicheskogo issledovaniya [The reasons for the spread of ethnic extremism and xenophobia among young people (Central Federal District): a collection of materials of sociological research]. Publ. M-vo regional'nogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii, Pravitel'stvo Belgorodskoi obl., Federal'noe agentstvo po obrazovaniyu, Gos. obrazovatel'noe uchrezhdenie vyssh. prof. obrazovaniya "Belgorodskii gos. un-t". Belgorod: Publ. Konstanta, 2008. 319 p.
28. Ross, L. Nisbett R. Chelovek i situatsiya. Uroki sotsial'noi psikhologii [The man and the situation. Lessons from social psychology]. Moscow: Publ. Aspekt Press, 2000. 429 p.
29. Rotenberg V.S., Bondarenko S.M. Mozg. Obuchenie. Zdorov'e [Brain. Education. Health]. Moscow: Publ. Prosveshchenie, 1989. 239 p.
30. Salazar. Azbuka Slavyanskikh Britogolovykh [ABC for Slavic Skinheads] [Elektronnyi resurs] 2008. URL: <http://d-zubov.livejournal.com/28116.html> (data obrashcheniya 20.09.2014).
31. Fedunina N.Yu., Sugizaki, E. Nasilie v shkole. Osmyslenie problemy v zarubezhnykh istochnikakh [Violence in school. Understanding the problems in foreign sources]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya [Modern foreign psychology]*. 2012. no.3, pp. 71—85.
32. Fromm E. Begstvo ot svobody [Escape from Freedom]. Moscow: Flinta : Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut : Progress, 2006. 248 p.
33. Khadysov M.A. Issledovanie prichin i uslovii ekstremizma kak osnova formirovaniya politiki protivodeistviya ekstremizmu (kriminologicheskii aspekt) [The study of the

- causes and conditions of extremism as a basis for the policies to fighting extremism (criminological aspect)]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research]. 2015. no.2, pp. 1811-1814.
34. Yadov V.A. O dispozitsionnoi regulyatsii sotsial'nogo povedeniya lichnosti [The dispositional regulation of person social behavior] In *Metodologicheskie problemy sotsial'noi psikhologii. [dispositional regulation of social behavior of the person]*. Moscow: Nauka, 1975, pp. 89-105.
 35. Yalom I. *Ekzistentsional'naya psikhoterapiya* [Existential psychotherapy]. Moscow: Publ. Klass, 1999. 576 p.
 36. Altemeyer B. *The Authoritarian Specter*. Cambridge: Harvard University Press, 1996. 384 p.
 37. Dollard J., Dobb L.W., Miller N. E., Mowrer O.H., Sears R.R. *Frustration and aggression*. London,: Routledge, 2001. 150 p.
 38. Fein, S., Spencer, S.J. Prejudice as self-image maintenance affirming the self derogating others. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. no.73, pp. 31—44.
 39. Finley, L. *Building a peaceful society: Creative integration of peace integration*. Charlotte, NC: Information Age Publishing. 2011. 216 p.
 40. Tajfel H. *Differentiation between social groups : studies in the social psychology of intergroup relations*. London; New York: Published in cooperation with European Association of Experimental Social Psychology by Academic Press. 1978. 474 p.
 41. Zuckerman M. *Sensation seeking and risky behavior*. Washington, DC: American Psychological Association. 2007. 309 p.

Особенности психологического насилия (моббинга) в условиях эмиграции

Ковальчишина Н.И., кандидат психологических наук, психолог, Ltd. "PSY-CONSULTING" (natkov4@mail.ru)

В статье рассматривается проблема психологического насилия (моббинга) в организациях, его психологические особенности в условиях эмиграции.

Анализируются виды моббинга, его отрицательное влияние на личность, негативные последствия которого не только отражаются на психическом и психологическом здоровье человека, но и приводят к физическим заболеваниям, а также к самоубийству.

Автор подчеркивает, что в условиях эмиграции (на примере Израиля) психологическое насилие переживается более остро и характеризуется затяжным депрессивным состоянием. Одной из важных причин такого состояния является снижение прежнего социального статуса эмигранта, невозможность быстрого включения в новый социум, потеря значимых социальных связей, необходимость принятия иных социальных норм, порой, противоречащих устоявшимся ранее взглядам. На фоне подобных негативных явлений у человека появляются агрессия, желание доминировать и любой ценой восстановить утраченный статус.

Проблема моббинга в современном мире имеет очень большое значение и требует действенного подхода на государственном уровне. Именно психологическая безопасность является условием, обеспечивающим формирование и развитие функционального комфорта, поддержание высокого уровня личностно-эмоциональной защищенности и социально-психологической умелости, оптимизацию резервных возможностей личности в деятельности.

Ключевые слова: психологическое насилие, психологическая травля, моббинг, эмиграция, социальный статус, идентичность, агрессия, депрессия.

Для цитаты:

Ковальчишина Н.И. Особенности психологического насилия (моббинга) в условиях эмиграции. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 1. С. 122-130. doi: 10.17759/psylaw.207070110

For citation:

Kovalchishina N.I. Characteristics of psychological violence (mobbing) in terms of emigration. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 1. pp.122-130.

doi: 10.17759/psylaw.2017070110

Современное развитие мира характеризуется всевозможными политическими и экономическими изменениями, что приводит к росту напряженности в социальном обществе. Каждый человек хотя бы раз в своей жизни сталкивался с психологическим насилием в социальной среде, где в качестве нормы позиционируются неадекватные требования руководства, психологическая травля молодых сотрудников, несправедливая оценка работы, угроза увольнения и др. Так, по данным ВОЗ число людей, сталкивающихся с психологическим насилием на работе, постоянно растет. Позиция непринятия во внимание проявлений моббинга на рабочем месте со стороны работодателей, невмешательство руководителей организаций в их урегулирование, минимальная законодательная защищенность жертв моббинга, слабый опыт исследования данной проблемы определяют ее актуальность на современном этапе развития многих государств. Несмотря на значительный интерес к обозначенной проблеме, методы и механизмы профилактики и предотвращения моббинга в организации применяются в основном в странах развитой рыночной экономики, а проблема влияния моббинга на людей, которые по различным обстоятельствам покинули свою страну, эмигрировали, практически не исследовалась.

Проблеме психологического насилия в организациях было посвящено огромное количество исследований как зарубежных (D.Chappel, C.Knorz, H.Leymann, D.Zapf, D. Goleman и др.), так и отечественных психологов (В.А.Бодров, С.А.Дружилов, Ю.Н.Емельянов, Е.С.Корыстина, С.И.Макшанов, Л.А.Петровская, Е.В.Сидоренко, Т.Г.Яничева и др.).

Понятие «моббинг» было введено в 1963 г. К. Лоренцем. Он определял моббинг как феномен группового нападения нескольких мелких животных на более крупного противника (Lorenz K., 1963). Однако, анализ существующих определений моббинга показал, что основу характеристики этого явления различными учеными составляет трактовка шведского исследователя Х. Леймана, дополненная мировой научной мыслью такими составляющими, как частота проявления, единичность или групповое представление, частотность акций, их временная длительность, а также плановый или случайный характер, конфликтность, цель и др.

Х. Лейман определил 45 вариаций поведения, типичных для моббинга: утаивание необходимой информации, социальная изоляция, клевета, непрекращающаяся критика, распространение необоснованных слухов, высмеивание, крики и т.д. Поскольку организация оставляет без внимания такое поведение своих сотрудников, потакает или даже провоцирует эти действия, можно сказать, что жертва, судя по всему, беспомощная против силы и численности, на самом деле затравлена. Здоровье и психическое состояние человека, подвергшегося таким нападкам, сильно страдают, появляются заболевания на нервной почве и чувство социальной неполноценности (Leymann H., 1990).

Основываясь на позиции Х. Леймана, можно утверждать, что «моббинг на рабочем месте» – это совокупность, продолжительных и регулярных, негативных преднамеренных действий, осуществляемых одним или несколькими индивидами по отношению к работнику или их группе с целью навредить их должностному, социальному статусу, повлиять на достижение трудовой успешности. Сущность моббинга состоит в том, что, являясь одним из проявлений неуставного поведения, он способствует сдерживанию в развитии работника, его успешности, что влияет на достижение организацией целей

развития, в том числе на обеспечение ее конкурентоспособности на рынке труда (Корыстина Е.С., 2012).

Моббинг – психологическое давление, травля коллектива или его части (руководства, подчиненных или коллег) в отношении работника, осуществляемое с целью вынудить человека сменить работу. Моббинг в организации, как правило, выражается в постоянной и часто необоснованной критике, в распространении о сотруднике заведомо ложной информации (слухов и сплетней), подрывающей профессиональную компетентность и репутацию. Также моббинг проявляется в виде насмешек и провокаций, прямых оскорблений и запугиваний, бойкота и демонстративного игнорирования, в нападках, ущемляющих честь и достоинство и даже в виде причинения материального или физического вреда. Цель моббинга – вывести сотрудника из психологического равновесия (Колодей К., 2007).

Традиционно выделяют два вида моббинга: 1) вертикальный – когда психологический террор в отношении работника исходит от начальника; 2) горизонтальный – когда психологический террор исходит от коллег.

Моббинг может быть также открытым и латентным. Открытый моббинг – это крайняя его степень, выражающаяся в открытых насмешках, издевательствах, оскорблениях и других унижающих человека действиях.

В случае латентного моббинга, психологическое давление происходит в форме скрытого действия. Оно разворачивается по принципу доведения человека до увольнения по собственному желанию из-за невозможности пережить изоляцию со стороны коллектива, чувства информационного вакуума вокруг себя. Поскольку важную и необходимую информацию ему, как правило, предоставляют поздно (когда для исправления ситуации он уже не в силах ничего предпринять), либо вовсе эту информацию утаивают. Неформальное общение с начальником и коллегами резко сводится к минимуму. Сослуживцы начинают его сторониться, обращаясь исключительно по делу.

Цель латентного моббинга – сделать пребывание на рабочем месте невыносимым, вынудить покинуть предприятие. Для человека, такое отношение коллектива в большинстве случаев становится тяжким испытанием, и он, не выдерживая прессинга, пишет заявление об уходе.

Латентный моббинг может проявляться и по вертикали, когда руководитель просто не замечает результаты труда работника, дает ему самую невыгодную работу, проводит в его отсутствие важные совещания, игнорирует всякую инициативу с его стороны, блокируя возможности продвижения работника по карьерной лестнице.

Проведенное в 2000 г. в странах Европейского Союза исследование показало, что домогательства и запугивание стали распространенными явлениями в этом регионе. Как указывают исследователи, в 2002 г. в Германии жертвами групповой травли стали более 800 тысяч работников (речь идет о целенаправленном психологическом давлении на работника со стороны группы коллег). Во Франции число актов агрессии в отношении работников транспорта, включая таксистов, возросло до 3051 в 2001 г., до 3185 – в 2002 г. (Рекош К.Х., 2002). По оценкам экспертов, жертвами такой формы насилия в Испании стали 22% работников органов государственного управления. В США эта проблема стоит более остро: в

каждом четвертом американском офисе люди страдают от корпоративной травли. Причина 20% всех самоубийств в Швеции – моббинг. Японские компании еще до принятия сотрудника на работу, при подписании трудового договора, стараются обезопасить себя, специально оговаривая случаи суицида. А один случай моббинга в Швейцарии обходится работодателю в сумму, сопоставимую с годовой зарплатой сотрудника: потери рабочего дня, стремительная сменяемость персонала, негативное разрушающее мотивацию воздействие на сослуживцев жертвы моббинга ложатся тяжким бременем на бюджет компании (Скавитин А.В., 2004).

Как подчеркивает Н. Дэвэнпорт, моббинг не такое уж и безобидное явление по сравнению с изнасилованием или другими проявлениями физического насилия. Эффект, который он производит на жертву, особенно если это длится достаточно долго, имеет такую разрушительную силу, что некоторые люди, подумывают о самоубийстве (Davenport N., 1999).

Медицинские исследования, проводимые в Европе и США, показали, что люди, подвергающиеся на работе эмоциональному насилию, очень быстро становятся психологически изолированными. Не получив положительных оценок и растратив все силы на бессмысленные доказательства, жертвы моббинга становятся уязвимыми и беспомощными. Их начинают терзать различные - фобии, падает - самооценка, появляются характерные стресса симптомы – головная боль, простуда. Соответственно развиваются хронические заболевания, а вынужденное отсутствие на работе из-за плохого самочувствия вызывает новые моббинг-атаки (Дружилов С.А., 2011).

Вопросы социально-психологической адаптации мигрантов рассматривали многие авторы (В.В. Гриценко, Г.У. Солдатова, А.А. Налчаджян, Н.С. Хрусталева, J. Berry, S. Vochneg, R.Y. Bourhis, S.H. Horovitz, R.Redfield). По их мнению, любая эмиграция – это потеря, травма, сильнейший стресс. Человек сталкивается с необходимостью жить, принимая эту потерю, и параллельно усваивать новые нормы и правила, быстро ориентироваться на новом месте, адаптироваться в новом социальном окружении. Наряду с этим происходит трансформация собственной идентичности человека, начинается переосмысление своего Я, своих способностей и возможностей, места в мире, определение новых границ для взаимодействия с окружающими (Хрусталева Н.С., 2014).

Большое значение в жизни человека, как известно, имеет его социальный статус и удовлетворенность им. Процесс эмиграции меняет всю социальную структуру эмигранта – изменяется его статус, его социальные роли, все его связи и отношения. В условиях эмиграции человек теряет значимые социальные связи, поддерживавшие его в прошлом, и это деструктивно сказывается на его психическом здоровье.

Следует отметить, что снижение социального статуса, незнание языка порождают страх и неуверенность у эмигрантов, снижая ощущение собственной значимости и уменьшая чувство собственного достоинства. Часто приобретенные ранее навыки, профессиональная квалификация становятся в эмиграции бесполезными или невостребованными. Резко падает самооценка, формируется негативное отношение к собственной личности. На фоне резкого падения уровня жизни и невозможности найти свое место в новом обществе, человек вдруг осознает свою никчемность и ненужность. Однако, как правило, многие эмигранты имеют хорошее образование, достаточно высокое социальное положение и безбедное существование в прошлом, что не позволяет их

самооценке опуститься. Наблюдается некая двойственность восприятия себя: ощущение неполноценности и собственной значимости сосуществуют, представление о себе теряет целостность, становится неустойчивым, разрушая личность и препятствуя успешной адаптации. Снижается авторитет этих людей, их способность оказывать влияние на представителей других статусных групп, исчезают статусные привилегии и т.д. В результате меняется круг знакомых, выгодных и престижных связей. Человек перемещается в менее престижную нишу, где иные люди, иные возможности и иные социальные шансы. Как следствие, срабатывают психологические защиты, человек отгораживается от мира, в котором ему необходимо социализироваться, теряется доверие к окружающим, проявляются внешняя агрессия и стремление доминировать.

Так, по данным социологического опроса русскоязычного населения Израиля было установлено, что более 60% репатриантов испытывало на себе психологическое насилие со стороны таких же репатриантов, приехавших на 10 – 15 лет раньше. Анализируя проявление моббинга на предприятиях Израиля, в которых основным трудовым коллективом являются русскоязычные израильтяне с различным эмигрантским стажем, можно выделить несколько отличительных характеристик данного явления.

1. Для предприятий Израиля, в период экономических кризисов, характерно частое сокращение или слияние. В связи с этим в организациях наблюдается некоторая нервозность, особенно среди молодых работников (проработавших от года до трех лет). Те, кто сумел продержаться 7 – 10 лет, имеют больше шансов остаться и соответственно они не заинтересованы в принятии «новичков».

2. Специфика организации работы многих предприятий характеризуется спонтанностью и бессистемностью (нечеткие и часто противоположные требования, отсутствие адекватной временной нормы для выполнений заданий, постоянная спешка). Соответственно, такое положение дел приводит к еще большей напряженности в коллективах, провоцируя работников со стажем на оказание психологического давления на тех, кто работает недавно.

3. Отношения между начальством и сотрудниками тоже неоднозначные. Часто наблюдается неравное отношение к сотрудникам, которое выражается в особых производственных поощрениях и финансовых бонусах для «своих».

4. Неблагоприятный психологический климат в организациях (ограничение элементарных потребностей работника, отсутствие взаимного доверия и признания, распускание слухов и травля, конфликты из-за рабочих заданий, иногда личностные конфликты).

5. Желание самоутвердиться за счет унижения другого. Чем ниже общеобразовательный и культурный уровень человека, тем больше он склонен к унижению окружающих. Характерные высказывания, свойственные подобным индивидам: «я натерпелась, теперь и ты попробуй», «это в Союзе ты был доктор, а тут ты никто», «какой прок от твоего образования?», «молчи и делай, иначе уволят», «я начальник и ты будешь делать, как я сказал» и т.п.

6. Неприятие инакомыслящих. Например, в последнее время участились конфликты среди работников из-за политического противостояния России и Украины.

Можно привести и другие факторы, которые способствуют проявлениям моббинга в организациях: незнание языка, финансовая зависимость от государства (займы, кредиты и др.), различие культур, образов жизни воспитания, обычаев, клановость общества и т.д.

Известно, что любая социальная изоляция может причинять боль, оказаться причиной стресса, а намеренное причинение изоляции, может привести к психическим и психологическим расстройствам.

По результатам исследования психологического состояния русскоязычных работников пяти крупных предприятий Израиля (124 респондента) было выявлено: 26,6% сотрудников имеют все признаки депрессии (подавленное настроение, раздражительность, недовольство собой, забывчивость и др.); 25% респондентов постоянно испытывают тревогу и страх; у 33,8% опрошенных низкая самооценка; 14,6 % - безразличны к происходящему (ощущение безысходности). Наблюдаются также психосоматические проявления и изменения в поведении: головная боль, аллергические реакции, боль в спине и шее, потеря сознания, бессонница, пониженная работоспособность, тенденция к изоляции от коллег и др.

Таким образом, проблема моббинга в современном мире имеет очень большое значение и требует действенного подхода на государственном уровне. Именно психологическая безопасность является условием, обеспечивающим формирование и развитие функционального комфорта, поддержание высокого уровня личностно-эмоциональной защищенности и социально-психологической умелости, оптимизацию резервных возможностей личности в деятельности. Обеспечение психологического здоровья сотрудников должно стать первостепенным приоритетом в организациях, так как системы, обладающие культурой подавления, делают людей одинаково инертными, зависимыми, непродуктивными и неспособны дать обществу перспективных высокоразвитых профессионалов, ведущих общество к прогрессу и процветанию.

Литература

1. Дружилов С.А. Психологический террор (моббинг) на кафедре вуза как форма профессиональных деструкций [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. № 3(17).
2. Колодей К. Моббинг. Психотеррор на рабочем месте и методы его преодоления / Пер. с нем. Е.И. Высочиновой. Харьков: Гуманитарный центр, 2007. – 368 с.
3. Корыстина Е.С. Моббинг в организации, его виды и причины возникновения // Кадровик: ежемес. научно-практич. журнал. 2012. № 7 – С. 120 – 125.
4. Психология миграционных процессов // Психология кризисных и экстремальных ситуаций: психическая травматизация и ее последствия / Под ред. Н.С. Хрусталевой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. С.325–349.
5. Рекош К.Х. Моббинг и проблема его преодоления во Франции // Труд за рубежом. 2002. № 2. С. 97–105.
6. Скавитин А.В. Проблема притеснений на рабочих местах // Менеджмент в России и за рубежом. 2004. N 5. С. 118–126.

7. *Davenport N., Schwartz R.D., Elliott G.P.* Mobbing: Emotional Abuse in the American Workplace. Ames, IA: Civil Society Publishing, 1999.
8. *Leymann H.* Mobbing and psychological terror at workplaces // *Violence and Victims.* 1990. № 5. P. 119–125.

Characteristics of psychological violence (mobbing) in terms of emigration

Kovalchishina N.I., PhD (Psychology), psychologist, Ltd. "PSY-CONSULTING" (natkov4@mail.ru)

In the article the problem of psychological violence (mobbing) in organizations, his psychological characteristics in emigration.

Analyzes the types of mobbing, its negative influence on the personality, negative consequences which not only affect physical and psychological health, but also lead to physical diseases, and suicide.

The author emphasizes that in conditions of exile (in Israel) psychological violence is experienced more acutely and is characterized by a prolonged depressed state. One important reason for this situation is the decline of the former social status of the emigrant, being able to quickly inclusion in the new society, loss of important social ties, the need to adopt different social norms, sometimes contradicting previously established views. Against the background of such negative phenomena in humans appear aggression, desire to dominate at any cost to regain lost status.

The problem of mobbing in the modern world is very important and requires a robust approach at the state level. That psychological safety is a condition for ensuring the formation and development of functional comfort, maintaining a high level of personal emotional security and social-psychological skills, optimization of reserve possibilities of the person in activities.

Key words: psychological violence, psychological harassment, mobbing, emigration, social status, identity, aggression, depression.

References

1. Druzhilov S.A. Psikhologicheskii terror (mobbing) na kafedre vuza kak forma professional'nykh destruktzii [Psychological terror (mobbing) at the Department of the University as a form of professional destructions] [Elektronnyi resurs] // *Psikhologicheskie issledovaniya: elektron. nauch. zhurn. [Psychological researches: electronic scientific journal]*. 2011. no. 3(17).
2. Kolodei K. Mobbing. Psikhoterror na rabochem meste i metody ego preodoleniya [Psychoterror in the workplace and methods to overcome it]. Khar'kov: Publ. Gumanitarnyi tsentr, 2007. 368 p.
3. Korystina E.S. Mobbing v organizatsii, ego vidy i prichiny vozniknoveniya [Mobbing in the organization, its types and its causes] // *Kadrovik: ezchemes. nauchno-praktich. Zhurnal [HR: a monthly scientific journal]*. 2012. no. 7. pp. 120 – 125.

4. Psikhologiya migratsionnykh protsessov [Psychology of migration processes] // Psikhologiya krizisnykh i ekstremal'nykh situatsii: psikhicheskaya travmatizatsiya i ee posledstviya [Psychology of crisis and extreme situations: Mental trauma and its consequences] / In Khrustalevoi N.S. (eds.). Saint Petersburg: Publ. SPbGU, 2014. pp.325–349.
5. Rekosh K.Kh. Mobbing i problema ego preodoleniya vo Frantsii [Mobbing and problem overcome it in France] // Trud za rubezhom [Work abroad]. 2002. no. 2. pp. 97–105.
6. Skavitin A.V. Problema pritesnenii na rabochikh mestakh [The problem of harassment in the workplace] / Menedzhment v Rossii i za rubezhom [Management in Russia and abroad]. 2004. no. 5. pp. 118–126.

Криминальные наклонности и психодиагностика

Собчик Л.Н., доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт Прикладной Психологии, член-корреспондент Международной Академии информатизации при ООН, научный редактор «Московского психологического журнала» (luniso@ya.ru)

Методы психологической диагностики приближают психологию к основным научным направлениям, которые предполагают измерительную точность и статистическую достоверность. Комплект методик, в который входят опросники, должен дополняться проективными тестами, в которых стимульный материал носит невербальный характер. В статье приводятся результаты обследований разных групп лиц, преступивших закон, а также скрининговые исследования контингента молодежных групп и подростков. Показатели высокой, спонтанно проявляющейся агрессивности, черты эмоциональной незрелости, низкий самоконтроль и примитивно-потребностная иерархия ценностей на статистически достоверном уровне выявляются в данных психодиагностического исследования, позволяя тем самым выделить группу риска противоправного поведения и разработать превентивные меры психолого-педагогического и социального характера. Психодиагностика является эффективным инструментом при изучении криминальной predisposition и дает ключ к научно обоснованному подходу в разработке превентивных мер, направленных на снижение уровня преступности.

Ключевые слова: криминальные наклонности, личностные особенности, агрессивность, психодиагностика, типологические свойства, комплекс программ, превентивные меры.

Для цитаты:

Собчик Л.Н. Криминальные наклонности и психодиагностика. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 1. С. 131-143. doi: 10.17759/psylaw.2017070111

For citation:

Sobchik L.N. Criminal tendencies and psychological testing. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 1. pp.131-143. doi: 10.17759/psylaw.2017070111

Справедливость вершимого правосудия при оценке криминального поступка зависит не только от полноты информированности в области юриспруденции, но и от правильной оценки субъекта правонарушения – человека, его индивидуально-личностных особенностей.

Личностные свойства человека, преступившего закон, скрытые мотивы его поведения, присущая ему иерархия ценностей, уровень выраженности и направленность агрессивности, степень личностной зрелости и развития самоконтроля над собственными эмоциями – все это в значительной степени влияет на оценку вменяемости субъекта криминальных действий. Непосредственный тип реагирования, характерный для конкретного человека как ведущая тенденция в его характере, контролируемый в обычных условиях привитыми навыками социализированного поведения, может проявляться в экстремальных ситуациях самым разрушительным и антисоциальным образом.

Предупреждение преступности – серьезная проблема, решение которой должно основываться на научных разработках, которые прямо указывают на корни преступного поведения.

Прямой опрос, метод наблюдения, изучение истории преступления и предшествующего событию периода, психиатрическая оценка состояния преступника безусловно необходимы, но не всегда могут дать исчерпывающий ответ на те вопросы, которые связаны с глубинными проблемами, лежащими в основе преступления. Ответить на эти сложные вопросы может помочь анализ данных сочетанного подхода, когда личностные особенности правонарушителей и социальные факторы оцениваются с позиций психолого-психиатрической экспертизы с применением психодиагностических тестов.

К сожалению, личностные опросники мало используются психологами в судебной экспертизе. Традиционно психологическое исследование сводится к применению экспериментально-психологических методик, направленных на изучение познавательных процессов – памяти, внимания, типа мышления, уровня интеллекта, работоспособности. Используются методы: «Классификация понятий»; «Исключение предметов»; запоминание 10 слов; сложение и вычитание, по Крепеллину; опосредованное запоминание методом пиктограмм; «Сравнение понятий»; «Последовательные картинки»; «Недостающие детали»; «Таблицы отыскивания чисел»; «Кольца Ландольта»; «Кодирование», «Пословицы и поговорки»; «Кубики Кооса»; вопросы на словарный запас, на общую осведомленность, на решение логических задач. Все это – проверенный и достаточно надежный инструмент, способствующий дифференциальной диагностике, позволяющий оценить уровень интеллекта, особенности мыслительной деятельности и лишь в незначительной степени – некоторые личностные установки. Дифференциально-диагностические критерии экспериментально-психологического исследования прекрасно освещены в известных каждому психологу и большинству психиатров «старой закалки» работах Б.В. Зейгарник и С.Я. Рубинштейн. Они широко используются и по сей день.

Но большинство личностных аспектов и тех важнейших, уже упомянутых, проблем, напрямую связанных с поступками, которые при определенных обстоятельствах могут расцениваться как преступление, можно выявить, оценить и обрисовать только с помощью психодиагностических тестов.

Методы психологической диагностики (Собчик Л.Н., 1987) применялись при изучении личностных особенностей преступников уже в 70-е гг. Стандартизированный

многофакторный метод исследования личности СМЛ (адаптированный тест ММРІ) позволяет распознать особенности личности и выявляет predisposition к криминальному поведению (Собчик Л.Н., 2010). Шкалы достоверности являются подстраховкой от установочных и защитных тенденций, искажающих результаты обследования. Однако вербальные тесты все же создают риск для мотивационных искажений. Хорошим дополнением к тесту СМЛ является проективная методика – модифицированный тест Л. Сонди (Собчик Л.Н., 2006). При дефиците времени можно применять методику ИТО (индивидуально-типологический опросник) (Собчик Л.Н., 2002, 2006). При исследовании склонности к конфликтному поведению можно использовать диагностику межличностных отношений ДМО (Собчик Л.Н., 2002). Обычно применяемый для оценки агрессивности фрустрационный тест Розенцвейга оказался неуспешным даже при обследовании явных преступников. Эффективнее проявил себя разработанный автором статьи тест ВФТ (Собчик Л.Н., 2002, 2008), который выявляет не только уровень агрессивности обследуемого лица, но и тот круг межличностных контактов, в котором больше проявляется агрессия, а также показывает, какая фрустрированная потребность вызывает у данной личности наиболее выраженное агрессивное поведение. Проективный тест Роршаха (Белый Б.И., 1993, 2005) позволяет вскрыть корни неосознаваемой агрессии, плохо поддающейся контролю. Эта методика является прекрасным инструментом для глубокого изучения личности. В помощь психологам, владеющим тестом Роршаха, автором публикации совместно с программистами разработана программа, в которой все регистрирующие и вычислительные функции этого теста осуществляются автоматически, что облегчает работу психолога и исключает возможность математических ошибок. Результаты, полученные в результате обчета данных проведенного вручную обследования, психолог, благодаря этой компьютерной программе, может сравнить с диагностическими таблицами, отражающими взгляды видных ученых, имеющих большой опыт применения теста Роршаха.

В первую очередь, видимо, следует посмотреть, что дает использование методов психодиагностики, если рассматривать саму проблему преступления с точки зрения личности. Есть ли такое явление – личность преступника, т. е. существует ли такое понятие? Может ли быть генетически унаследована predisposition к антисоциальному, разрушительному, агрессивному поведению, и если может, то как ее диагностировать?

В основе большой, в социальном плане весьма значимой группы преступлений лежит высокий уровень агрессивности. Агрессия – это всего лишь высвобожденная активность, направленная на самоутверждение и достижение эгоцентрической цели. Спровоцирована она окружающими или спонтанна, контролируется ли она рассудком или рассудок отступает и даже оправдывает агрессию? Она может вспыхивать в ответ на задетое кем-то самолюбие или на угрозу собственной жизни, но может подпитываться надуманными обидами и подозрениями, может лежать в основе корыстных поступков, когда обогащение совершается путем жестокой расправы над жертвой.

Целый ряд интересных наблюдений связан с работой по изучению криминальных наклонностей, которая проводилась автором совместно с сотрудниками лаборатории профессора А.Р. Ратинова (Институт предупреждения преступности) в 1972–1976 гг. Нами были обследованы несколько групп лиц, совершивших преступления. Условные обозначения обследованных групп были связаны с характером преступлений, совершенных членами каждой репрезентативной группы. В связи с этим они звучали следующим образом: «хулиганы», «грабители», «разбойники», «убийцы» и «расхитители государственной собственности». Средний профиль группы «хулиганов» в методике СМЛ (высокая шкала

импульсивности при неадекватно завышенной самооценке, низком самоконтроле и выраженной эмоциональной незрелости) почти полностью совпадал с профилем, типичным для подростка с гипертимной акцентуацией, что в общих чертах соответствует жизненным наблюдениям: именно подростки чаще всего хулиганят, а хулиганство как вид противоправного поведения характерен для индивидов с гипертимным типом реагирования при выраженной эмоциональной незрелости. В давние времена некто по фамилии Холлигэн вместе со своими друзьями смущал покой благопристойного Лондона шумными выходками в нетрезвом состоянии. В дальнейшем это имя стало нарицательным, а поступки хулиганов – более brutальными.

Средний профиль группы «грабителей» отличался от «хулиганского» меньшей импульсивностью и большей корыстностью и враждебностью (профиль СМИЛ с высокими – более 90 баллов – показателями по шкале враждебности, импульсивности, иррациональной агрессивности и с заниженными шкалами, которые отражают самоконтроль и способность к тонким чувствам). Усредненные профили «разбойников» проявляли сходство с группами как «грабителей», так и «убийц», по высоте занимая также промежуточное место (иррациональная агрессивность, высокая импульсивность, завышенная самооценка, низкий уровень тревожности, отсутствие гуманных побуждений). Средние данные СМИЛ в группе «убийц» отличались еще более выраженной агрессивностью, иррациональностью, эмоциональной жесткостью, повышенной обидчивостью, низким уровнем тревожности и гуманности. В связи с крайне заостренным индивидуализмом, выраженным в основном чрезвычайно низкой психологической совместимостью с другими людьми, эмоциональной холодностью при легко загорающейся враждебности, перерастающей в разрушительную агрессию, они не тяготеют к объединению в группы (Собчик Л.Н., 2010).

Для этих трех групп правонарушителей, по данным СМИЛ, оказалась характерной завышенная позитивная самооценка (каждый из них к себе как к личности относился без всякого унижения), а свои агрессивные действия по отношению к другим они полностью оправдывали тем, что окружающий мир жесток и несправедлив и что их действия носили характер самозащиты или мести за все те злоключения, которые выпали на их долю. Это психология «степного волка», так убедительно очерченная Г. Гессе в его одноименном романе. Проблема этих людей уходит корнями в те социальные условия, которые на определенном этапе фрустрировали насущную для стеничных личностей потребность в положительной самооценке при отсутствии необходимых позитивных атрибутов, позволяющих им утвердиться в этом мнении. Не имея реальной возможности в социально приемлемом самоутверждении, они используют антисоциальный путь самореализации, разрушительный путь Герострата. По типологии – это личности гипертимного типа с эксплозивными чертами, высокой спонтанностью и свойствами экспансивно-шизоидной акцентуации (или с аналогичными психопатическими чертами, так как именно психопатические личности больше склонны к дезадаптации по антисоциальному типу, особенно при наличии патологии влечений; тогда агрессия несет на себе отпечаток избыточной или извращенной сексуальности). В основе формирования этих тенденций часто обнаруживалась органически измененная почва (травмы головного мозга, ранняя алкоголизация – иногда еще в утробе матери, наркомания, инфекции, производственная интоксикация) и дефицит эмоционального тепла в раннем детстве.

Самые интересные результаты дало изучение той группы правонарушителей, которая обозначена как «расхитители государственной собственности». Обращает на себя внимание тот факт, что если на имущество и жизнь простых людей в то недавнее время

покушались слабо интегрированные, эмоционально незрелые психопатические личности, то государственное имущество в тихий «застойный» период спокойно растаскивали совершенно нормальные люди, усредненный профиль которых был более спокойным, чем средние данные по России в целом. Он весь находился в коридоре сбалансированной нормы, и лишь незначительное повышение 6-й шкалы (в пределах 58–60 Т) в профиле, лишенном признаков дезадаптации и стресса, говорит о том, что это не просто «нормальные» личности, это тот тип сверх адаптивного обывателя, который хорошо приспосабливается к любым условиям. При этом их весьма практичный ум, лишенный богатого воображения и фантазии, способствует умению все хорошо просчитать и, используя накопленный опыт и знания, найти в законодательстве те «щели», которые позволят долгое время обходить законы и набивать собственные карманы, нисколько не опасаясь возмездия. Бесстрашие их до ареста и беззаботность после разоблачения были обусловлены тем, что они все спланировали надолго вперед. Размеры награбленного позволяли рассчитывать на безбедное существование семьи «расхитителя» после его ареста, а ему самому – вполне сносное отбывание срока с богатыми передачами, которых хватило бы и на ближайшее окружение, и (чем черт не шутит) на досрочное освобождение («авось начальнички окажутся сговорчивыми!»). А после освобождения их ждали сбереженные членами семьи «накопления», что гарантировало успешную социальную реадaptацию. Самоуважение у личностей данного типа прямо пропорционально их представлению о собственном материальном благосостоянии, поэтому позитивная самооценка у них сохранялась несмотря ни на что. Словом, социально-правовая база каждой эпохи формирует определенный стиль противоправной деятельности. Если агрессивные преступления по своей социально-психологической сущности обнаружили сходство с теми же проблемами за рубежом, то противоправные действия, связанные с законами экономики страны, оказались достойными этих законов.

В эту группу оказались включенными также те расторопные хозяйственники, уравновешенные, гармоничные личности с легким налетом авантюризма (ведущие в линейном профиле – 4-я, 9-я и 6-я шкалы), которые проявляли предприимчивость, вытаскивая свое производство или колхоз из убыточного статуса и развала, пытаются «подправить» неразумное законодательство и самостоятельно выйти на межпроизводственные экономически выгодные контакты, минуя государственный контроль. Те из них, кому удалось дожить до наших дней, теперь, скорее всего, преуспевают в качестве предпринимателей.

Немалый опыт использования психодиагностических методик накопился в контексте судебной психолого-психиатрической экспертизы, в основном на базе ГНЦССП имени В.П. Сербского. Так, научным коллективом под руководством профессора Б.В. Шестаковича совместно с автором статьи помимо привычного диагноза реактивной депрессии была выделена новая нозологическая группа – гипоманиакальный вариант реактивного состояния с экзальтацией и бравадой, развивающийся в состоянии стресса и избыточной эмоциональной напряженности (Собчик Л.Н., 1985). Это исследование подтвердило, что ведущая индивидуально-типологическая ориентация оказывает главное влияние на формирование клинического синдрома при дезадаптации. Ретроспективный анализ данных о личности больных этого круга убедительно показал, что они всегда отличались гипертимными чертами, оптимизмом, самоуверенностью, легко загорающейся враждебностью, облегченным отношением к социальным нормам поведения, пониженным самоконтролем. Эти тенденции оказались доминирующими и в ситуации серьезной угрозы самой жизни. В этот момент их девизом оставались такие сентенции как «Лучше прожить 30

лет соколом, чем 300 – вороном», в отношении убитого: «Так ему и надо», «Случись все снова, я поступил бы также», «Погибать – так с музыкой».

Что касается противоправного поведения у лиц со склонностью к сексуальному насилию, то среди них наибольшую опасность представляют лица с патологией влечения. Иногда такие особенности проявляются даже у интеллектуально сохранных, успешно проявляющих себя в своей профессиональной карьере лиц. Так, у одного из обследованных в процессе судебной психологической экспертизы был обнаружен профиль СМЛ с высокими (выше 90 Т) пиками по 6-й и 8-й шкалам при утопленной 2-й и повышенных 1-й и 4-й шкалам, что свидетельствует о том, что испытуемый переживает свое состояние как некую болезненную одержимость, противиться которой не в его силах. По данным Роршах-теста отмечено обилие сексуальных ассоциаций при достаточно высоком и сохранном интеллекте, сниженный самоконтроль при аффективной насыщенности переживаний и ситуативно обусловленном повышении уровня тревожности, что говорит о парциальном нарушении в сфере сексуального влечения без нарушений в сфере интеллектуальной деятельности, которая отличается достаточно высоким уровнем IQ.

Особо опасной является агрессивность при выраженных психических расстройствах в рамках шизофрении, алкоголизма, органического поражения центральной нервной системы, эпилепсии (Собчик Л.Н., 2010). Она брутальна, т. е. не корригируема социальными и психологическими методами, не всегда поддается смягчению лечебно-медицинскими мерами. В контексте дифференциально-диагностического исследования она четко выявляется данными психодиагностического тестирования: высокие пики по 6-й, 8-й, 4-й шкалам СМЛ при крайне низких показателях по шкалам, способствующим сдерживанию импульсивности и направленным на самоконтроль (2-я, 7-я шкалы профиля СМЛ); шкала агрессивности по ИТО, избыточный фактор s+ (садистические тенденции) при отрицательном выборе по фактору e (отсутствие моральных установок) в методике портретных выборов Сонди (модифицированный метод портретных выборов МПВ), оппозиционными ответами S (белые промежуточные образы) по Роршах-тесту, преобладанием внешне-обвиняющей реакции по тесту ВФТ, цветовым рядом МЦВ с 7-м и 3-м эталонами на первой позиции. Проявление повышенной агрессивности в судебно-экспертной практике часто наблюдается у возбудимых, эксплозивных, импульсивных, а также эпилептоидных личностей как пограничная патология, занимающая промежуточное место между нормой и явным психическим расстройством.

В целях предупреждения преступности особенно эффективно изучение личностной predisposition вне грубой патологии, что может способствовать разработке превентивных мер, которые могут быть применены, когда речь идет о подростках, о молодежи. В основе девиантного поведения всегда как минимум две составляющие: психологическая и социальная.

Социально-привитые нормативы могут составлять внешние атрибуты поведения, фасад личности, но агрессивность как ведущая тенденция (или одна из ведущих в структуре личности тенденций) лежит в основе тех антисоциальных форм реагирования, которые могут привести к преступным действиям на фоне эмоциональной насыщенности переживаний. Но именно психодиагностика способна прогнозировать такую предрасположенность и выявить склонность к такого рода действиям. Своевременно выявленные базисные свойства личности подсказывают вероятность «прорыва» неадекватных реакций, а также и варианты возможного усиления контроля данной

конкретной личности и овладения ситуацией под влиянием разумно проведенной психологической коррекции.

Исходя из той точки зрения, что агрессия чаще всего проявляется как реакция на противодействие и в основном достигает максимальной выраженности в экстремальной ситуации, было предпринято изучение непосредственных поведенческих реакций в экстремальных ситуациях. Исследование показало выраженную зависимость типа реагирования в экстремальных условиях от базовых, врожденных свойств личности.

Показатели психодиагностических методик выявляют степень выраженности той или иной из индивидуально-типологических тенденций, которые формируют личность и проливает свет на особенности поведения человека в экстремальных условиях (Собчик Л.Н., 2010). Основные индивидуально-типологические характеристики сводятся в основном к восьми – это тревожность, спонтанность, агрессивность, ригидность, эмоциональная лабильность, интроверсия, экстраверсия. Именно эти тенденции пронизывают все древо личности по вертикали – от генетической предрасположенности, через темперамент, далее – через характер (вырисовывающийся в процессе взаимодействия темперамента и социального окружения) к личностным свойствам – и до вершинных уровней личности, определяющих индивидуально избранный стиль социальной направленности (Собчик Л.Н., 2008, 2014). Именно эти восемь базовых личностных свойств можно обнаружить в качестве основных показателей целого ряда методик, создававшихся разными авторами: 8 главных из 10 базовых шкал СМЛ, 8 факторов теста Л. Сонди, 8 цветовых эталонов в методе цветовых выборов МЦВ (модификация восьми-цветового теста М. Люшера), 8 шкал методики ИТО, 8 октантов в схеме теста ДМО (адаптированная диагностика межличностных отношений Т. Лири). Статистический анализ показал достоверную связь между близкими по психологической сущности показателями всех этих тестов, что позволяет с большей уверенностью считать результаты психодиагностического исследования валидными (Собчик Л.Н., 2008, 2014).

Личности с ведущей индивидуально-личностной тенденцией, проявляющейся повышенной тревожностью, склонны преувеличивать опасность ситуации. Состояние страха в экстремальных ситуациях может вылиться в блокировку активности, в ограничительное поведение или паническое бегство, т. е. форму поведения, имеющую аналог в животном мире в виде мимикрии, замирания, мнимой смерти. Они, как правило, совестливы, законопослушны, и даже оказавшись в силу обстоятельств в криминальной среде, лишь вынужденно подчиняются общим правилам сосуществования, могут добросовестно выполнять роль хранителей общих ценностей, помогать в осуществлении разных мер предосторожности, но сами на смелые или жестокие поступки не способны.

Агрессивность – полярный тревожности тип реагирования и проявляется характеристиками сильного «Я», противопоставляющего жесткости окружающего мира стремление к самореализации и наступательность. Если это качество выражено избыточно и не уравновешено осторожностью, предостерегающей от опрометчивых действий, то активность такого человека может проявляться криминальными действиями.

Сензитивность тесно связана с повышенной и тонко дифференцированной чувствительностью человека в отношении различных нюансов средового воздействия, с реакцией на эмоциональную теплоту или холодность психологического микроклимата – как стрелка барометра, реагирующая на изменение температуры и давление атмосферы. Эта

индивидуально-типологическая характеристика формирует зависимый паттерн характера и включена в структуру слабого типа реагирования, для которого характерна выраженная зависимость от поведения более сильной личности или от реакций толпы. Поэтому личность данного типа, даже будучи вовлеченной в криминальную деятельность, ведет себя по отношению к группе конформно, хотя общая активность группы антисоциальна.

Напротив, спонтанность – это свойство, проявляющееся высокой поисковой активностью, лидерскими чертами и импульсивностью. Неконтролируемая спонтанность в экстремальной ситуации может привести к необдуманным и рискованным действиям, а в сочетании с агрессивностью представляет собой наиболее выраженный тип неконформного и антисоциального поведения.

Интроверсия представляет собой типологическое свойство, проявляющееся внешней пассивностью при высокой интрапсихической активности и отражает стремление индивида к уходу в себя, в мир своего «Я».

Личности данного типа скорее асоциальны, чем антисоциальны. В состоянии социально-психологической дезадаптации поведение личности такого типа может проявляться иррациональным, непредсказуемым поведением или аутичностью. В норме – это тип отрешенного от реальной действительности ученого или схимника, но при избыточной выраженности этого свойства в сочетании с высокой спонтанностью личность такого типа можно встретить среди наркоманов и бомжей.

Экстраверсия – противоположное интроверсии свойство, связанное с высокой внешней реактивностью и низкой интрапсихической активностью. Без адекватного баланса, который придает умеренная интровертированность, избыточная экстраверсия проявляется в неразборчивой и поверхностной общительности, отсутствии опоры на опыт и суетливом, неконструктивном поведении. Проступки личностей данного типа большей частью связаны с раздражительной активностью, для которой примером может служить настоящий преступник, умело манипулирующий настроением и поступками преданных ему инфантильных личностей.

Эмоциональная лабильность – индивидуально-типологическое свойство, в основе которого лежит нервно-психическая неустойчивость, проявляющаяся в изменчивости эмоционального настроения и активности в сильной зависимости от референтной группы. Личности данного типа склонны драматизировать ситуацию и тем самым оказывать эмоциональное воздействие на окружающих. Их преступления чаще носят аморальный характер. Артистизм и умение перевоплощаться в разные образы является основой их криминальной активности.

Ригидность представляет собой субъективный и самоутверждающийся тип реагирования. В противовес эмоциональной лабильности ригидность базируется на тугоподвижности нервных процессов: индивида сперва трудно столкнуть с места, спровоцировать на действия, вызвать реакцию, но затем уже его не остановить, не укротить. Поведение ригидных личностей проявляется в отсутствии гибкости в сложных ситуациях, легко загорающейся враждебности, трудностях переключения в быстро меняющихся условиях. Личности с высокой ригидностью в сочетании с иррациональностью встречаются чаще всего в случаях наиболее жестоких и корыстных преступлений.

Врожденные базовые свойства характера заостряются и становятся причиной затрудненной социально-психологической дезадаптации в подростковом периоде развития личности. Едва наметившиеся контуры цельной личности подвергаются двустороннему воздействию изнутри и снаружи. Мощный всплеск выбрасываемых в кровоток гормонов, бурное развитие признаков половой принадлежности, пробудившийся сексуальный интерес при отсутствии привитой культуры любовных отношений приводит к уродливым формам поведения в контактах с противоположным полом. Представители тормозимого типа замыкаются в себе, отгораживаются, ведут себя угловато, неуклюже, проявляют негативизм в присутствии особ другого пола, испытывают комплекс неполноценности; гипертимные, возбудимые личности ведут себя в этой ситуации то нарочито нагло и демонстративно, то агрессивно и запальчиво. Их сексуальная озабоченность принимает иногда уродливые формы. Но ведь это происходит с ними впервые, у них нет ни опыта, ни правильного понимания смысла и ценности интерсексуальных отношений и их физиологических и социальных последствий. Таково же их отношение к курению и алкоголю: чем более запретным представляется им это занятие, тем больше их к нему тянет. Изменение очертаний фигуры и лица, ломка голоса, характерные для молодых людей 13–15 лет, нарушают привычный образ «Я». Уже не ребенок, еще не взрослый, подросток мучительно ищет образ своего нового «Я» – и не скоро его находит. Избыток физической энергии, высокая поисковая активность с тенденцией к самореализации сталкиваются с проблемой освоения новой социальной роли, связанной со вступлением во взрослую жизнь, представление о которой зиждется на книжных сведениях, на впечатлениях, почерпнутых в кинофильмах или с экранов телевидения, и на той модели социума, которую подросток видит в своем окружении – семья, школа, двор. Еще только вступая во взрослую жизнь, на ее пороге, подросток испытывает на себе противоречивость существующей в его сознании «идеальной» модели мира и реальной действительности. Чем больше различаются они между собой, тем больше проявляется тот когнитивный диссонанс, который по-разному переживается разными по своим личностным особенностям подростками. У большинства этот стресс сопровождается горькими разочарованиями, ломкой самосознания, изменением или обновлением субъективного образа «Я» в связи с новым пониманием своего места в окружающем мире, протестными реакциями против авторитарного тона взрослых, тенденциями к низвержению идеалов старшего поколения.

В эпоху перемен и социальных пертурбаций, когда прежняя идеология и ценности рушатся, а новые идеалы еще не сформированы, разрушенной и искаженной оказывается модель социально желательной личности и иерархия ценностей, что в первую очередь сказывается на молодом, нарождающемся поколении и проявляется разочарованностью, нигилизмом, негативным отношением к окружающим взрослым, бунтарскими тенденциями с отрицанием любых авторитетов (высокий профиль по шкалам импульсивности, индивидуалистичности, ригидности, оптимистичности и пессимистичности одновременно в методике СМЛ, что говорит о неустойчивой самооценке, воинствующем индивидуализме и обостренном упрямстве, выбор цветов – 73 на первых позициях, s+!!m-!!! по Сонди). Эти данные предупреждают о том, что можно ожидать непредсказуемых поступков. В такой момент «героем» в глазах подростка может стать антисоциальная личность, а ценности уличной группы сверстников могут обрести наибольшую значимость и увести его в сферу противоправных действий. На фоне жестокой ломки привычных с детства стереотипов и столкновения с правдой реальной жизни могут возникнуть мысли о самоубийстве (профиль СМЛ с высокими шкалами пессимизма, импульсивности и низкой шкалой оптимизма и жизнелюбия, выбор МЦВ – 60752341 или 70654132), могут также появиться пагубные привычки и пристрастия, а также действия, которые подпадают под рубрику

антисоциальных. Отсюда девиантное поведение подростков во многом является результатом неправильного воздействия на них социального окружения. Дисгармоничные отношений в семье, недостаток внимания к проблемам формирующейся личности подростка, отсутствие тепла и понимания, репрессивный характер стиля воспитания, карательный подход педагогического коллектива – все это нередко приводит к тому, что подросток и в семье и в школе оказывается «плохим». И он идет туда, где он «хороший», туда, где ему говорят: «Какой славный парень, здорово играет на гитаре», «Славный малый, пьет и курит – как мы», «Молодец, стянул у отца десятку, пойдем, выпьем пива», – и он идет в дворовую компанию, где его научат «многому». По сути, проступки подростков инициируются не столько стремлением нарушить правила жизни, сколько спонтанным, неконтролируемым самоутверждением.

Неустойчивость слабо интегрированной личности в определенных условиях приводит к антисоциальному поведению. Это с очевидностью заметно, когда по данным психодиагностического исследования выявлены признаки повышенной спонтанности поведения в сочетании с агрессивностью у незрелой личности, нет показателей, отражающих способность к самоконтролю, а иерархия ценностей эгоцентрично-примитивная – без опоры на мораль социального окружения и на собственную нравственность, которая еще не сформирована.

Думаю, что нужно подчеркнуть главное: криминальные тенденции сами по себе не являются врожденными. Разные сочетания индивидуально-типологических свойств создают богатую палитру личностных паттернов, каждый из которых в сложившейся социально-психологической ситуации может проявиться. Но как? Исследования, проводимые на больших репрезентативных группах, дают возможность выявлять зону риска возникновения криминального поведения значительно раньше, чем это произойдет в реальности, и могут способствовать своевременной коррекции таких явлений, предупреждая их пагубные последствия (Собчик Л.Н., 2014).

Алгоритм автоматизированной психодиагностической модели личности, позволяющий осуществлять многостороннее изучение личностных свойств путем сравнительного анализа показателей разных методик, реализован автором статьи в виде комплекса компьютерных программ. Комплекс имеют общую организованную базу, что удобно для статистической обработки массовых исследований. С ним легко можно познакомиться в облачном исполнении программы в интернете по ссылке «О-человеке» в поисковой системе Яндекс.

Литература

1. Белый Б.И. Тест Роршаха. Практика и теория / Под ред. Л. Н. Собчик. СПб.: ООО «Каскад», 2005. 240 с.
2. Собчик Л.Н. Психологический анализ опыта использования ЭВМ в научно-практических целях // Психологические проблемы автоматизации научно-исследовательских работ. М.: Наука, 1987. С. 215-225.
3. Собчик Л.Н., Шестакович Б.М., Свириновский Я.М. Психодиагностические аспекты изучения легких форм реактивных состояний // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1985. С. 579–583.

4. Собчик Л.Н. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности СМЛ. М.: Боргес, 2008. 250 с.
5. Собчик Л.Н. Метод портретных выборов, модифицированный тест восьми влечений Л. Сонди. М.: Боргес, 2006. 118 с.
6. Собчик Л.Н. Диагностика психологической совместимости. СПб.: Речь. 2002. 75 с.
7. Собчик Л.Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб.: Речь, 2008. 612 с.
8. Собчик Л.Н. Практическое руководство по психодиагностике. Вербальный фрустрационный тест. СПб.: Речь. 2002. 20 с.
9. Собчик Л.Н. Психодиагностика в медицине. М.: Боргес, 2009. 330 с.
10. Собчик Л.Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. 5-е изд., испр. и доп. СПб.: Речь, 2010. 634 с.
11. Собчик Л.Н. Искусство психодиагностики. СПб.: Речь, 2014. 160 с.
12. Собчик Л.Н. Психодиагностика как инструмент исследования личности // Материалы V съезда Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество». Т. III. Москва: МГУ, 2013. С. 225–226.
13. Собчик Л.Н. Искусство психологической диагностики // Журнал психологической диагностики. 2014. № 2. С. 76–95.

Criminal tendencies and psychological testing

Sobchik L. N., Doctor of psychology, Professor, chief researcher, Institute of Applied Psychology, corresponding member of International Academy of Informatization at the UN, the scientific editor of "Moscow psychological journal" (luniso@ya.ru)

Methods of psychological diagnostics closer to the psychology main research areas, which involve measuring the accuracy and statistical reliability. A set of methods that includes questionnaires should be complemented with projective tests in which the stimulus material is verbal in nature. The article presents the results of surveys of different groups of persons in conflict with the law, as well as screening tests contingent of youth groups and adolescents. High performance, spontaneously manifested aggressiveness, traits, emotional immaturity, low self-control and primitive-the requirement of the hierarchy of values at statistically significant level are identified in the data psychodiagnostic study, thus allowing to allocate the risk of wrongful conduct and to develop preventive measures of psycho-pedagogical and social nature. Psychological testing is an effective tool in the study of criminal predisposici and gives the key to a science-based approach in the development of preventive measures aimed at reducing crime.

Key words: criminal tendencies, personality traits, aggressiveness, psychological, typological properties, complex programs, preventive measures.

References

1. Belyi B.I. Test Rorshakha. Praktika i teoriya [The Rorschach Test. Practice and theory]. In. Sobchik L. N. (eds.). Saint Petersburg: Publ. OOO «Kaskad», 2005. 240 p.
2. Sobchik L.N. Sobchik L.N. Psikhologicheskii analiz opyta ispol'zovaniya EVM v nauchno-prakticheskikh tselyakh [Psychological analysis of the experience performance of the computer in scientific and practical purposes]// Psikhologicheskie problemy avtomatizatsii nauchno-issledovatel'skikh rabot [Psychological problems of automation of scientific research]. Moscow: Publ. Nauka, 1987. pp. 215-225.
3. Sobchik L.N., Shestakovich B.M., Svirinovskii Ya.M. Psikhodiagnosticheskie aspekty izucheniya legkikh form reaktivnykh sostoyanii [Psychodiagnostic aspects of mild forms of the reactive states]// Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova [Journal of Neurology and psychiatry them. S. S. Korsakov]. 1985. pp. 579–583.
4. Sobchik L.N. Standartizirovannyi mnogofaktorny metod issledovaniya lichnosti SMIL [Standardized multifactorial method of studying personality SMIL]. Moscow: Publ. Borges, 2008. 250 p.

5. Sobchik L.N. Metod portretnykh vyborov, modifitsirovannyi test vos'mi vlechenii L. Sondii [The method of election portrait, modified test eight elections L. Sondhi]. Moscow: Publ. Borges, 2006. 118 p.
6. Sobchik L.N. Diagnostika psikhologicheskoi sovместимости [Diagnosis of psychological compatibility]. Saint Petersburg: Publ. Rech'. 2002. 75 p.
7. Sobchik L.N. Psikhologiya individual'nosti. Teoriya i praktika psikhodiagnostiki The psychology of personality. Theory and practice of psycho-diagnostics [The psychology of personality. Theory and practice of psycho-diagnostics]. Saint Petersburg: Publ. Rech', 2008. 612 p.
8. Sobchik L.N. Prakticheskoe rukovodstvo po psikhodiagnostike. Verbal'nyi frustratsionnyi test [A practical guide to psycho-diagnostics. Verbal frustration test]. Saint Petersburg: Publ. Rech'. 2002. 20 p.
9. Sobchik L.N. Psikhodiagnostika v meditsine [Diagnostics in medicine]. Moscow: Publ. Borges, 2009. 330 p.
10. Sobchik L.N. Psikhologiya individual'nosti. Teoriya i praktika psikhodiagnostiki [The psychology of personality. Theory and practice of psycho-diagnostics]. 5-e izd., ispr. i dop. Saint Petersburg: Publ. Rech', 2010. 634 p.
11. Sobchik L.N. Iskusstvo psikhodiagnostiki [The art of diagnostics]. Saint Petersburg: Publ. Rech', 2014. 160 p.
12. Sobchik L.N. Psikhodiagnostika kak instrument issledovaniya lichnosti [Psychological testing as a tool for the study of personality]// Materialy V s"ezda Obshcherossiiskoi obshchestvennoi organizatsii «Rossiiskoe psikhologicheskoe obshchestvo» [Materials of the V Congress of the all-Russian public organization "Russian psychological society"]. Vol. III. Moscow: Publ. MGU, 2013. pp. 225–226.
13. Sobchik L.N. Iskusstvo psikhologicheskoi diagnostiki [The art of psychological diagnosis] // Zhurnal psikhologicheskoi diagnostiki [Journal of psychological diagnostics]. 2014. no. 2. pp. 76–95.

Формирование жизненных стратегий условно осужденных несовершеннолетних: программа и методологические принципы

Кожевникова Е.Н., адъюнкт очной формы факультета научно-педагогических кадров Академии ФСИИ России, Федеральное казенное учреждение высшего образования Академия федеральной службы исполнения наказаний (katekozhevnikova@mail.ru)

Симакова Т.А., кандидат психологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра Академии ФСИИ России, Федеральное казенное учреждение высшего образования Академия федеральной службы исполнения наказаний (simakovatanea@yandex.ru)

В статье рассматривается возможность расширения психолого-педагогического инструментария исправления осужденных через создание программы формирования их жизненных стратегий. Дается определение понятия жизненной стратегии условно осужденного несовершеннолетнего. Раскрывается необходимость комплексного воздействия на личность осужденного с учетом различного рода условий и факторов. Подробно описываются методологические принципы организации психологической коррекционной работы. Обосновывается разработка и использование в образовательной сфере методологии субъектно-соучаствующего подхода. Наряду с рассмотрением различного рода программ коррекции личности осужденных, описываются цель, задачи приемы и техники программы формирования жизненных стратегий условно осужденных несовершеннолетних. Делается вывод о том, что программы психологического сопровождения и коррекции наряду с контролем и ограничениями играют одну из главных ролей в процессе исправления и ресоциализации условно осужденных несовершеннолетних, а их разработка и применение становятся одним из наиболее востребованных направлений современной пенитенциарной психологической науки и практики.

Ключевые слова: жизненная стратегия, несовершеннолетний условно осужденный, программа формирования, методологические принципы, исправление, коррекция.

Для цитаты:

Кожевникова Е.Н., Симакова Т.А. Формирование жизненных стратегий условно осужденных несовершеннолетних: программа и методологические принципы. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 1. С. 144-153. doi: 10.17759/psylaw.2017070112

For citation:

Kozhevnikova E. N., Simakova T. A. The formation of life strategies juvenile probation: the program and methodological principles. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 1. pp. 144-153. doi: 10.17759/psylaw.2017070112

Современные социально-политические события в стране и мире расширяют круг направлений профессиональной деятельности сотрудников психологических отделений ФСИН России. В соответствии с «Концепцией развития уголовно-исполнительной системы (УИС) до 2020 года» особое внимание уделяется усилению психолого-педагогической работы с осужденными [1]. Перед психологами ставится важная психолого-педагогическая цель формирования законопослушного поведения у осужденных, правосудие в отношении несовершеннолетних осужденных должно обеспечивать их ресоциализацию. В этом контексте, наряду с формированием отдельных компонентов правопослушного поведения, особое значение имеет работа по формированию их жизненных стратегий.

Исправление осужденных подразумевает осуществление комплексного воздействия на личность с учетом различного рода условий и факторов, среди которых можно выделить: внешние (средовые) факторы – порядок отбывания уголовного наказания, макро- и микросреда, динамика адаптации к осуждению и внутренние (интрапсихические) факторы – особенности личности осужденных: смысложизненные и ценностные ориентации, особенности временного ориентирования, уровень нравственно-правовой надежности, локус контроля. Ресоциализация несовершеннолетних осужденных не должна сводиться исключительно к послаблению режима содержания, поскольку это может спровоцировать «обогащение» криминогенной природы личности подростка новыми патологическими качествами, такими как приспособленчество, тунеядство, безответственность, иждивенчество [10]. Эффективная гуманизация предполагает компенсацию дефицитарного психолого-педагогического воздействия на личность несовершеннолетнего осужденного на предшествующих этапах развития.

В настоящее время изменилось представление и о формах оказываемой психологической помощи, значительно расширились границы консультационных и психотерапевтических направлений в работе с осужденными. Научно обосновано и доказано на практике, что внедрение новых подходов, методов и технологий в процесс психологического сопровождения осужденных способствует повышению эффективности исправительного воздействия и ресоциализации [7; 8]. Анализ отечественного и зарубежного опыта пенитенциарной психологической практики позволяет заключить, что наиболее эффективными формами психологической помощи были и остаются индивидуальное консультирование и групповая терапия [4, с. 109].

В пенитенциарной практике применяются различного рода программы коррекции личности осужденных: «Снижение агрессивности у лиц, осужденных за насильственные преступления к наказаниям, не связанным с лишением свободы» [7], «Осознание своей роли в семье» [11] и др.

Однако типовых программ недостаточно для возможности их вариативного использования при индивидуализации процесса исправления, в связи с чем нами разрабатывается психологическая программа формирования жизненных стратегий

несовершеннолетних осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях.

Опираясь на теоретический анализ работ по проблеме жизненных стратегий и проведенное исследование в области проблемы формирования жизненных стратегий условно осужденных несовершеннолетних, в основу программы положено ключевое понятие «жизненная стратегия», определяющееся как интегративное личностное образование, включающее осознанность прошлого, настоящего и будущего, социально ориентированные нормы и ценности, позитивную активность, ответственность, навыки правопослушного поведения [3; 5; 9].

Основная цель программы - развитие личности несовершеннолетнего условно осужденного, включающее:

- усвоение знаний о природе человеческой психики, об основах правопослушного поведения, о гражданских правах и обязанностях;
- формирование умений по постановке краткосрочных и долгосрочных целей, планированию задач их осуществления, нахождению алгоритма решения проблемных ситуаций;
- формирование навыков саморегуляции (определения собственных эмоциональных состояний, самообладания, самоподдержки).

Этапы реализации программы: диагностический, формирующий (деятельностный) и рефлексивный (результативный).

В программе использовались основные психолого-педагогические технологии: информационные (лекционный метод, групповая дискуссия, метод беседы и др.); гностические (кейсы проблемных ситуаций, мозговой штурм и др.); социально-психологические (ролевые игры, кинотренинг, психогимнастические упражнения, ведение записей в дневниках и др.).

Процесс формирования жизненных стратегий условно осужденных несовершеннолетних, с учетом специфики условий исполнения данного вида наказания, включает ряд общеметодологических принципов.

Базируясь на анализе трудов отечественных ученых (А.В. Брушлинский, О.К. Тихомиров, Ф.Е. Василюк, Б.С. Братусь, А.С. Горбатенко, В.П. Зинченко, В.В. Козлов, В.А. Мазилев, В.М. Поздняков, П.Н. Шихирев, А.М. Столяренко и др.), а также на результатах контент-анализа диссертационных работ и исследований по юридической и педагогической психологии по проблеме формирования жизненных стратегий, представляется важным в качестве методологических принципов организации психологической коррекционной работы рассматривать следующие.

Принцип системности в изучении и интерпретации психолого-педагогических явлений. Он ориентирует на анализ исследуемых явлений одновременно в структурном, функциональном и генетическом аспектах, со вскрытием их системной детерминации, психологических механизмов и наблюдаемых эффектов (закономерностей).

Принцип развития отражает факт двойственности становления человеческой индивидуальности в части касающейся жизненной стратегии, где одна сторона («внутренняя») базируется на закономерностях и механизмах индивидуализации, а другая («внешняя») – на социализации. В рассматриваемой программе этот принцип предполагает компенсацию дефицитарного психолого-педагогического воздействия на личность несовершеннолетнего осужденного на предшествующих этапах развития. В связи с тем, что психика человека как открытая функциональная система в силу процессуальности функционирования способна породить новые содержания (причем в контексте как позитивных, так и негативных элементов жизненной стратегии), требуется создавать в образовательной среде специальные условия для выработки фиксированных проявлений жизненной стратегии личности. Это необходимо для контроля и ограничения (в необходимых случаях) поведения участников рамками существующих социально-правовых норм в условиях психолого-педагогического сопровождения жизнедеятельности условно осужденных несовершеннолетних.

Принцип субъектности. Он выражает гуманистический взгляд на восприятие взрослеющего человека в качестве субъекта в учебно-социальной среде и жизнедеятельности в целом. Субъектность раскрывается в понимании человека в качестве распорядителя своего ресурсного потенциала (телесного, душевного, духовного), обладающего развитым чувством ответственности и инициативности. Реализация этого принципа в образовательном и коррекционном процессах требует изучения у респондента доминирующего вида активности (эгоцентрического, группоцентрического, просоциального или духовного), предопределяющего в итоге построение учебно-коррекционного процесса (выполнение заданий по предписаниям, выполнение рамочных заданий, сопровождающихся дифференцированным педагогическим контролем, выполнение заданий с использованием элементов самоконтроля).

Принцип комплексного подхода ориентирует на поиск адекватного методического инструментария и при решении практических задач в сфере учебно-воспитательного процесса, чтобы в процессе психолого-коррекционного сопровождения несовершеннолетних целостно учитывать взаимосвязь всех влияющих факторов развития (включая депривационные явления) и управлять их взаимодействием.

Принцип позитивности воздействий психологического сопровождения при личностной и групповой динамике обозначает центрированность педагогов, психологов, социальных работников и обучающихся на положительном опыте. Обращающиеся к психологу обучающиеся, с одной стороны, находятся в разбалансированном состоянии, а с другой – часто имеют негативные установки по отношению к опыту самопреобразований (любая попытка что-либо изменить приводит только к худшему, пусть все остается как есть – не лучший способ, но проверенный). Поэтому появление потребности во взаимодействии в коррекционном процессе «психолог (педагог, социальный работник) – несовершеннолетний», а также нахождение и изложение несовершеннолетним проблемной ситуации следует понимать в качестве первого шага позитивной трансформации.

Использование принципа позитивности не базируется на подбадривании несовершеннолетнего, но требует снaстройкi его как субъекта с имеющимися личностными ресурсными возможностями, независимо от актуального состояния в настоящем времени, чтобы повысилась жизненная энергия в преодолении кризисной ситуации. Юношеский максимализм очень часто заставляет подростка утрировать степень

негативного состояния: «Моя жизнь окончательно испорчена», «Мне остается только катиться под откос, «Ничего уже нельзя исправить» и т. д.. Игнорирование субъектного потенциала и фиксации позитивных сдвигов, пусть имеющих относительную величину, превращает коррекционную работу в безрадостную и бесперспективную работу, что является психологически неоправданным опытом и обречено на педагогическое фиаско. На позициях определения позитивной перспективы развития, приучения к гигиене и пошагового упражнения в правильном поведении была построена воспитательная работа А.С. Макаренко. Постепенно вырабатываются навыки самоактуализации и осуществляется тренировка их проявления при неблагоприятных условиях социальной среды, ближайшего окружения и социума в целом.

Из содержания принципа единства сознания и деятельности вытекает, что не может быть развития деятельности без участия сознания и преобразования сознания вне деятельности. Реализация этого принципа предполагает видеть в каждом несовершеннолетнем не только объект, но субъект психолого-педагогического воздействия и саморазвития. Пассивное участие несовершеннолетнего в педагогическом процессе по принуждению, реализация психологических защит снижает до полного устранения позитивные влияния образовательно-коррекционной деятельности на подопечного. Вне деятельности не может происходить позитивных преобразований, важно помнить, что условия организации учебного процесса вторичны по отношению к процессам организации вовлеченности в нее обучающихся в общем контексте коррекционного процесса.

Принцип деятельности тесно связан с принципом единства сознания и деятельности. Разные виды деятельности требуют преимущественного участия определенных психических свойств, а разные психические свойства наиболее успешно реализуются в соответствующих им видах деятельности. Отсюда следует, что качественно различным видам ведущей деятельности соответствует определенный и своеобразный комплекс психических особенностей личности несовершеннолетнего. При этом следует подчеркнуть, что характерологические особенности личности лежат в основе формирования индивидуального стиля жизненной стратегии, не предопределяя фатально ее социальной направленности. Это означает, что индивидуально-психологические особенности, сами по себе не являясь причиной успешного или неуспешного поведения, участвуют в формировании способов его осуществления. Всякая человеческая деятельность есть деятельность в конкретных условиях той или иной социальной ситуации. Сама ситуация имеет динамический, изменяющийся в процессе и в результате деятельности характер. Изменение и смена ситуации соответствуют смене этапов или видов деятельности. Объективное содержание ситуации отражается действующим субъектом и приобретает для него субъективное значение (личностный смысл), подвергаясь оценке с точки зрения выполняемой деятельности. Более или менее адекватное отражение ситуации и ее оценка служат основой выбора того или иного варианта поведения путем принятия соответствующего решения.

Исходя из положения о ведущем виде (типе) деятельности (А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин) все системообразующие психические новообразования формируются в онтогенезе на определенных этапах развития благодаря целенаправленной деятельности. В сюжетно-ролевой игре дошкольника формируются зачатки рефлексии и самооценки, начальное обучение нацелено на развитие произвольности познавательных процессов, организованное общение подростков формирует конструктивные коммуникативные способности, обучение в старших классах способствует формированию мировоззрения,

развитию профессиональной мотивации и осуществлению профессионального выбора, профессиональное образование нацелено на формирование профессионально важных качеств личности. Депривация развития личности на каждом из перечисленных этапов замедляет формирование, вплоть до полной остановки, перечисленных новообразований, что, в свою очередь, не может не сказываться на формировании позитивной жизненной стратегии.

Современная образовательная среда нуждается в реализации методологии субъектно-соучаствующего подхода (Аксенова Г.И.,

Василюк Ф.Е., Слостенин В.А.) [2]. В отличие от объектно-деятельностного подхода он ориентирует педагогов, психологов и социальных работников на рассмотрение каждого несовершеннолетнего и учебной группы как субъектов образовательно-коррекционной деятельности и признание у них психологического потенциала, позитивной ответственности за уровень сформированности жизненной стратегии. Так, при организации учебно-воспитательного процесса в рамках специальной коррекционной программы психолог, придерживающийся идей субъектно-соучаствующего подхода, на основе результатов комплексной индивидуальной психодиагностики разрабатывает программу психологического сопровождения (индивидуальную или групповую), в рамках которой, обеспечивается поэтапное повышение качества жизненной стратегии у несовершеннолетних, в том числе через систему учебно-воспитательных мероприятий (тренинги развития мотивации личностного роста и саморазвития, навыков позитивного целеполагания, развития познавательных процессов, обучающие занятия по развитию правосознания) на основе индивидуального подхода.

Реализация методологических принципов на этапах теоретического исследования проблемы и конструирования образовательного пространства лежит в основе создания условий для критической оценки его актуального состояния, с одной стороны, и творческого преобразования – с другой. Критическая ассимиляция достижений из других отраслей гуманитарного знания, практической психологии, отечественной и зарубежной пенитенциарной педагогики, валеологии обеспечит непротиворечивость применяемых методов и методик исследования и психологического воздействия, что в свою очередь обеспечивает расширенный ресурс разработки комплексного методического инструментария, адекватного задачам учебно-воспитательного коррекционного процесса в рамках разрабатываемой программы.

Подводя итог вышесказанному, можем заключить, что программы психологического сопровождения и коррекции, наряду с контролем и ограничениями, играют одну из главных ролей в процессе исправления и ресоциализации условно осужденных несовершеннолетних, а их разработка и применение становятся одним из наиболее востребованных направлений современной пенитенциарной психологической науки и практики.

Литература

1. Аксенова Г. И., Аксенова П. Ю. Проблема адаптации личности в отечественной психологии // Прикладная юридическая психология. 2012. № 4. С. 28–36.
2. Аксенова Г.И., Кожевникова Е.Н. Теоретические подходы к проблеме жизненных стратегий условно осужденных несовершеннолетних //

Прикладная юридическая психология. 2014. № 3. С. 39–47.

3. *Дебольский М.Г.* Социология и психология осужденных в местах лишения свободы: учеб.-метод. пособие / Под общ. ред. проф. О.Г. Ковалева. М: ГУ НИИ УИС Минюста России, 2005. 161 с.
4. *Кожевникова Е. Н.* Выбор жизненных стратегий условно осужденных несовершеннолетних как средство их самореализации // Психологические проблемы самореализации современной молодежи: материалы VI Международного семинара молодых ученых и аспирантов 23 апреля 2014 г. Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2014. С. 48–53.
5. *Колесникова З. А., Штефан Е. Ф.* Психокоррекционная программа «Снижение агрессивности у лиц, осужденных за насильственные преступления к наказаниям, не связанным с лишением свободы. М.: Международная уголовная реформа, 2008. 169 с.
6. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФСИН России. URL: <http://фсин.рф>. (дата обращения: 10.11.2016).
7. Психологическая поддержка позитивных трансформаций личности несовершеннолетних осужденных в облегченных условиях содержания (воспитательных центрах): монография / Под общ. ред. Д.В. Сочивко. Рязань: Академия ФСИН России, 2013. 160 с.
8. *Поздняков В.М.* Методологические и теоретические основы юридической психологии: Методологические и теоретические основы юридической психологии. Лекция. Рязань: РИПЭ МВД РФ, 1997. 44с.
9. *Рубинштейн С.Л.* Самосознание личности и ее жизненный путь // Психология личности. 1982. Т1. №2. С. 127–132.
10. *Симакова Т. А.* Некоторые теоретико-методологические аспекты гуманизации и ресоциализации несовершеннолетних осужденных: постановка проблемы // Прикладная юридическая психология. 2013. № 1. С. 11–15.
11. *Хачатурян С. Д.* Психокоррекционная работа с несовершеннолетними, осужденными к наказанию без лишения свободы, по программе «Осознание своей роли в семье»: практическое пособие / С.Д. Хачатурян, Федеральная служба исполнения наказаний, Владимирский юридический ин-т Федеральной службы исполн. наказаний. Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2012. 11 с.

The formation of life strategies juvenile probation: the program and methodological principles

Kozhevnikova E. N., adjunct full-time faculty of scientific and pedagogical staff of the Academy of the Federal penitentiary service of Russia, Federal state institution of higher education Academy of the Federal penal service (katekozhevnikova@mail.ru)

Simakova T. A., candidate of psychological Sciences, senior researcher of the research Department of the scientific center of the Academy of the Federal penitentiary service of Russia, Federal state institution of higher education Academy of the Federal penal service (simakovatanea@yandex.ru)

The article deals with the possibility of extension of psycho-pedagogical Toolkit of prisoners through the establishment of programs of formation of their life strategies. The definition of the concept of life strategy conditionally convicted minors. Reveals the need for an integrated impact on the personality of the convict subject to various conditions and factors. Describes in detail the methodological principles of the organization of psychological correctional work. Explains the development and use in education methodology of the subject-citizen participation approach. Along with a review of various programs of correction of the person convicted, describe the purpose, tasks, methods and techniques of the program of formation of life strategies probation and parole of juveniles. It is concluded that the programs of psychological support and correction, along with controls and constraints play a major role in the process of correction and re-socialization of conditionally convicted juveniles, and their development and application become one of the most popular areas of the modern prison psychological science and practice.

Key words: life strategy, minors conditionally condemned, the program of formation, guidance, correction, correction.

References

1. Aksenova G. I., Aksenova P. Iu. Problema adaptatsii lichnosti v otechestvennoi psikhologii [A problem of an individual's adjustment in native psychology]. Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia-Applied legal psychology, 2012, no. 4, pp. 28–36.
2. Aksenova G. I., Kozhevnikova E. N. Teoreticheskie podkhody k probleme zhiznennykh strategii uslovno osuzhdennykh nesovershennoletnikh [Theoretical approaches to the question of life strategies of underage teenagers under suspended sentence]. Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia-Applied legal psychology. 2014. no. 3, pp. 39–47.

3. Debol'skij M. G. Sociologija i psihologija osuzhdennyh v mestah lishenija svobody [Debol'skii M. Sociology and Psychology of convicts in prison]: Uchebno-metodicheskoe posobie [Study guide] / Pod obshh. red. dokt. jurid. nauk, kand. psiholog. nauk, prof. O. G. Kovaleva. Moscow : GU NII UIS Minjusta Rossii, 2005. 161 p.
4. Kozhevnikova E.N. Vybor zhiznennyh strategij uslovno osuzhdennyh nesovershennoletnih kak sredstvo ih samorealizacii [The choice of life strategies among convicted juveniles under suspended sentence as a means of fulfillment of their personal potential] materialy VI mezhdunarodnogo seminaru molodyh uchenyh i aspirantov «Psihologicheskie problemy samorealizacii sovremennoj molodezhi» [Records of the VI International Workshop for young scientists and graduate students «Psychological problems of the modern youth self-fulfillment»]. Tambov city, TROO Publishing "Business-Science-Society, April 23, 2014, pp. 48–53.
5. Kolesnikova, Z.A., Shtefan, E.F. Psihokorrekcionnaja programma «Snizhenie agressivnosti u lic, osuzhdennyh za nasil'stvennye prestuplenija k nakazaniyam, ne svjazannym s lisheniem svobody» [Psycho program "Reduction in the aggressiveness of those convicted of violent crimes to punishments not related to deprivation of liberty] / Z.A.Kolesnikova, E.F.Shtefan. Moscow: Penal Reform International, 2008. – 169 pp.
6. Konceptcija razvitija ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda:utv. rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 14 oktjabrja 2010 g. № 1772-r [Concept of development of penal system in Russian Federation before 2020: approved by the order of Russian Federation Government dated 14 October 2010 № 1772-r] Russian Academy of Law Management official website. (Accessed 10.11.2016)
7. Sochivko D.V. Psihologicheskaja podderzhka pozitivnyh transformacij lichnosti nesovershennoletnih osuzhdennyh v oblegchennyh uslovijah sodержanija (vospitatel'nyh centrach). [Psychological support of positive personal transformation of sentenced juvenile offenders in minimum security institutions (study centers)]. Ryazan city: Russian Academy of Law Management, 2013. 160 p.
8. Pozdniakov V.M. Metodologicheskie i teoreticheskie osnovy iuridicheskoi psikhologii [Methodological and theoretical fundamentals of legal psychology]: leksiia [Lecture]. Ryazan city, RIPE of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation 1997. 44 p.
9. Rubinshtejn S. L. Samosoznanie lichnosti i ee zhiznennyj put' [Personality self-consciousness and its life journey]. Psihologija lichnosti - Psychology of personality RUMO.: MSU, 1982. pp. 127-132.
10. Simakova T. A. Nekotorye teoretiko-metodologicheskie aspekty gumanizacii i resocializacii nesovershennoletnih osuzhdennyh: postanovka problemy [Particular theoretical and methodological aspects of humanization and re-socialization of juvenile offenders: stating a problem]. Prikladnaja iuridicheskaja psihologija - Legan phychotechnology. 2013. no. 1, pp. 11-1511.

11. Hachaturjan S. D. Psihokorrekcionnaja rabota s nesovershennoletnimi, osuzhdennymi k nakazaniju bez lishenija svobody, po programme «Osoznanie svoej roli v sem'e» [Psycho work with juveniles sentenced to punishment without deprivation of liberty, under the program "Awareness of their role in the family"]: praktičeskoe posobie [a practical guide] / S. D. Hachaturjan ; Federal'naja sluzhba ispolnenija nakazanij, Vladimirskij juridičeskij in-t Federal'noj sluzhby ispoln. nakazanij. Vladimir : VJuI FSIN Rossii, 2012. 111 p.

О взаимном доверии сотрудников уголовно-исполнительной системы и осужденных женщин

Узлов Н.Д., кандидат медицинских наук, доцент, Березниковский филиал Пермского государственного национального исследовательского университета
(nick.uzlov@yandex.ru)

Аман Н.Н., мастер производственного отдела ФКУ ИК-28 ГУФСИН России по Пермскому краю, дипломированный специалист-психолог

В статье приводятся результаты исследования доверия между сотрудниками исправительной колонии (инспекторами и работниками производственной зоны) и осужденными женщинами, отбывающими наказание за преступления: 1) небольшой и средней тяжести, 2) тяжкие и особо тяжкие преступления. Использовались: модификация методики оценки доверия/недоверия А.Б. Купрейченко; шкалы доверия Розенберга, принятия других Фейя и доброжелательности Кэмпбелла. Констатирован факт большего доверия к осужденным женщинам за тяжкие и особо тяжкие преступления работниками производственной сферы, объясняемые спецификой их трудового взаимодействия; со стороны заключенных в целом установлена тенденция к проявлению большего доверия к сотрудникам УИС, чем ответная реакция последних, проявляющаяся большей степенью недоверия.

Ключевые слова: доверие/недоверие, взаимное доверие, исправительная колония, сотрудники уголовно-исправительной системы, осужденные женщины.

Для цитаты:

Узлов Н.Д., Аман Н.Н. О взаимном доверии сотрудников уголовно-исполнительной системы и осужденных женщин. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 1. С. 154-168.
doi: 10.17759/psylaw.2017070113

For citation:

Uzlov N.D., Aman N.N. About the mutual trust of the employees of the penal system and convicts women. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 1. pp. 154-168.
doi: 10.17759/psylaw.2017070113

Постановка проблемы

В последние годы проблеме доверия уделяется большее внимание представителями различных наук – философами, социологами, политологами, экономистами, психологами и др. Особый интерес представляет исследование доверия к правоохранительным органам. Согласно результатам опроса, проведенного ВЦИОМ в конце 2014 г., 56% россиян относятся к полиции с доверием, при этом 13% доверяют ей полностью, а 43% – лишь в определенной степени. В то же время 41% россиян считают, что на сотрудников органов внутренних дел положиться нельзя, чуть менее четверти респондентов (21%) дали положительную оценку деятельности сотрудников правоохранительных органов в оказании помощи гражданам. Еще 58% опрошенных считают помощь полиции в решении проблем несущественной, а 13% и вовсе уверены, что полицейские приносят людям больше вреда [3].

Среди обилия различных контекстов изучения доверия обращает на себя внимание ограниченное число работ, посвященных изучению доверия в юридической психологии, разных сферах юриспруденции, уголовно-исправительной системе (УИС). На дефицит такого рода исследований как нового прикладного запроса, указывает М.М. Заварцева [10]. Отечественные исследования посвящены, главным образом, изучению доверия у несовершеннолетних преступников, к числу которых можно отнести диссертационные работы А.А. Кокуева [12] и Н.Б. Астаниной [2]. Следует особо отметить публикации Л.А. Дмитриевой, акцентирующей внимание на формировании доверительных отношений между персоналом УИС и осужденными как фактора, способствующего их исправлению [5–7].

В теоретическом плане представляется важным рассмотрение соотношения понятий «доверие» и «недоверие». В данной работе мы придерживаемся определения доверия, данного А.Б. Купрейченко [13]. Автор определяет доверие другим людям как ценностное отношение субъекта к партнеру, предполагающее позитивное прогнозирование его поведения, а также интерес, уважение, готовность проявить по отношению к нему добрую волю. Это социально и экзистенциально ценное качество, являющееся условием удовлетворения эмоциональных потребностей человека в признании, принятии, интимности, обеспечивающее переживание его связи с миром и целостности бытия. Соответственно, недоверие – это сомнение в правдивости, подозрительность, отсутствие доверия. С.Н. Ениколопов и Ю.М. Кузнецова определяют недоверие как ожидание негативных последствий от действий партнера, который ассоциируется с ощущением опасности, оценивается как незначимый или имеющий отрицательную значимость [9]. В современной литературе нет единства взглядов относительно соотношения доверия и недоверия. Одни авторы рассматривают их как противоположные, взаимоисключающие феномены [1; 17], другие доказывают, что доверие и недоверие независимы друг от друга [20]. Критерии доверия и недоверия человека другим людям подробно рассмотрены в работах А.Б. Купрейченко и ее коллег [8; 13–15], которые показали, что доверие и недоверие – относительно автономные психологические феномены, имеющие как сходные, так и различные характеристики: признаки, условия возникновения, критерии и функции в регуляции жизнедеятельности субъекта. Основные функции доверия – социальное познание и обмен. Основные функции недоверия – самосохранение и обособление. Существует асимметрия критериев и факторов доверия и недоверия. Авторы подчеркивают, что «... содержание и степень опасений (недоверия), как правило, не эквивалентны содержанию и уровню надежд (доверия). Приобретения от оправдания доверия и потери в результате подтверждения недоверия в большинстве случаев ни качественно, ни

количественно, ни психологически не являются эквивалентными. «Если ожидания доверия не оправдаются (ситуация низкой удовлетворенности ожиданий), ничего страшного не произойдет – мы просто не получим “выигрыш”. Если же подтвердятся ожидания недоверия, то, впусив на свою “территорию” опасного партнера, мы можем потерять нечто высокозначимое» [14, с. 57].

Важнейшей характеристикой взаимоотношений между персоналом пенитенциарных учреждений и осужденными является их нормативность. Однако, как показывают наблюдения, чрезмерная зарегламентированность поведения (отсутствие «степеней свободы») приводит к сильному психическому напряжению, опасению, страху и способствует нарушению установленных в исправительном учреждении норм. На взаимоотношения между персоналом и осужденными оказывают влияние и неофициальные нормы, являющиеся элементом корпоративной культуры сотрудников уголовно-исполнительной системы и субкультуры осужденных, и деление этих групп по принципу «мы» и «они» [4; 16]. Несмотря на то, что взаимоотношения между персоналом и осужденными носят институциональный и ролевой характер, при взаимодействии конкретных субъектов они не лишены личностного аспекта. Пенитенциарное учреждение является структурой, которая выполняет кроме исправительной и ряд других важных функций – воспитательную, трудовую и др., реализация которых невозможна без проявлений доверия между осужденными и персоналом. Разного рода нестыковки, непонимание, разногласия порождали противоположное явление – феномен недоверия.

Н.Г. Соболев специально рассматривает «феномен недоверия в уголовно-исполнительной системе» и приводит рейтинг наиболее типичных суждений относительно источников возникновения и механизмов его функционирования: а) недоверие возникает в силу специфики мест лишения свободы; б) в связи с особенностями корпоративной культуры персонала УИС; в) в связи с распространенной в УИС криминальной субкультуры осужденных; г) с преобладанием в действиях и поступках сотрудников пенитенциарных учреждений репрессивного уклона, поощряемого руководством и/или разделяемого большинством сотрудников; д) в связи с определенной функциональной обособленностью отдельных работников и служб УИС; е) в силу наличия у сотрудников установки враждебности и негативизма в отношении осужденных. Автор сводит факторы, детерминирующие возникновение и реализацию «феномена недоверия в УИС», к двум основным группам – объективным и субъективным. К первой группе факторов он относит нормативные документы, регламентирующие деятельность УИС и различия в социально-правовом статусе. Группу субъективных факторов образуют личностные особенности сотрудников и осужденных, организационная культура и этика персонала исправительных учреждений, криминальная субкультура осужденных и др. [18].

Таким образом, изучение различных аспектов доверия между субъектами пенитенциарной системы (сотрудников УИС и лиц, находящихся в заключении) представляется крайне важным не только в теоретическом, но и практическом плане – с точки зрения соблюдения законности, прав осужденных, осуществления исправительных, воспитательных, профилактических и других мероприятий, системы безопасности, выполнения поставленных производственных задач, функционирования учреждения в целом.

Сказанное выше определило цель эмпирического исследования – изучение взаимного доверия между сотрудниками УИС (инспекторами и работниками производственной зоны)

и двумя категориями осужденных женщин: за преступления небольшой и средней тяжести (1-я группа); за тяжкие и особо тяжкие преступления (2-я группа).

Материалы и методы

В соответствии с целью исследования были сформированы четыре группы испытуемых в общем количестве 100 человек, в равной доле респондентов в каждой группе по 25 чел. Все испытуемые – женщины. Исследование проводилось на базе ФКУ ИК-28 ГУФСИН России по Пермскому краю в мае 2016 г. ИК-28 специализируется на выпуске специальной одежды для промышленных предприятий различного профиля, комплектов костюмов для полиции и военной формы для российской армии.

Персонал ИК-28 был представлен лицами зрелого возраста (от 22 до 50 лет), в основном со средне-специальным (больше инспектора) и высшим (больше работники производственной сферы) образованием, примерно одинаковым семейным статусом, с преобладающим стажем работы от 5 до 15 лет.

В формировании выборки осужденных мы руководствовались «Классификацией преступлений по степени тяжести», разработанной на основе анализа УК РФ [11]. Возраст осужденных женщин – от 22 до 54 лет. В группе осужденных за преступления небольшой и средней тяжести преобладали лица с более высоким образовательным уровнем, в обеих группах отмечалось преобладающее представительство одиноких и разведенных женщин (соответственно 92 и 80%). В первой группе доминировали женщины, отбывающие срок за причинение тяжкого вреда здоровью, преступления, связанные с оборотом наркотиков и грабеж; во второй – лица, совершившие убийства, разбойные нападения, занимавшихся наркоторговлей.

В работе, наряду с клинической беседой, использовались следующие психодиагностические методики:

1. Адаптированный для данного исследования вариант методики «Оценка доверия/недоверия сотрудника к коллегам и руководителям организации» (автор А.Б. Купрейченко) [13]. Методика включает себя 5 шкал доверия: «Надежность»; «Знание»; «Приязнь»; «Единство»; «Расчет» и 5 шкал недоверия: «Нерасчетливость», «Неприязнь», «Ненадежность», «Незнание», «Непредсказуемость». Опросник представляет собой 20 высказываний, которые предлагается оценить по степени согласия по 5-балльной шкале: от «полностью не согласен» до «полностью согласен». В качестве дополнительных показателей вычислялись суммарные (интегральные) значения шкал доверия и недоверия, а также их соотношение (индекс доверия/недоверия).

2. Опросники, оценивающие качество межличностного взаимодействия испытуемых: «Шкала доверия М. Розенберга», «Шкала принятия других» В. Фейя и «Шкала доброжелательности» Дж. Кэмпбелла. Оценка показателей этих шкал осуществляется в баллах, позволяющих оценить уровень выраженности измеряемых качеств (низкий, средний или высокий) и дают представление о том, как, на их взгляд, партнеры по «вынужденному» взаимодействию проявляют доверие или недоверие, а также качества коммуникатора, позволяющие сделать общение более доверительным и открытым.

Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью t-критерия Стьюдента.

Дизайн исследования

Методический прием, который был использован в данной работе, заключался в следующем. Исходя из определения доверия как «убежденности в честности и порядочности человека, веры в искренность и добросовестность его поступков», каждая группа испытуемых наделяла теми или иными качествами доверия предлагаемые для оценивания категории: работники УИС – осужденных, осужденные – взаимодействующий с ними персонал колонии. Таким образом, были получены субъективные оценки, характеризующие степень доверия и взаимного доверия: «Я считаю (мне представляется), что они такие...». Методический подход к проведению эмпирического исследования можно представить в виде двух схем (рис. 1 и 2).

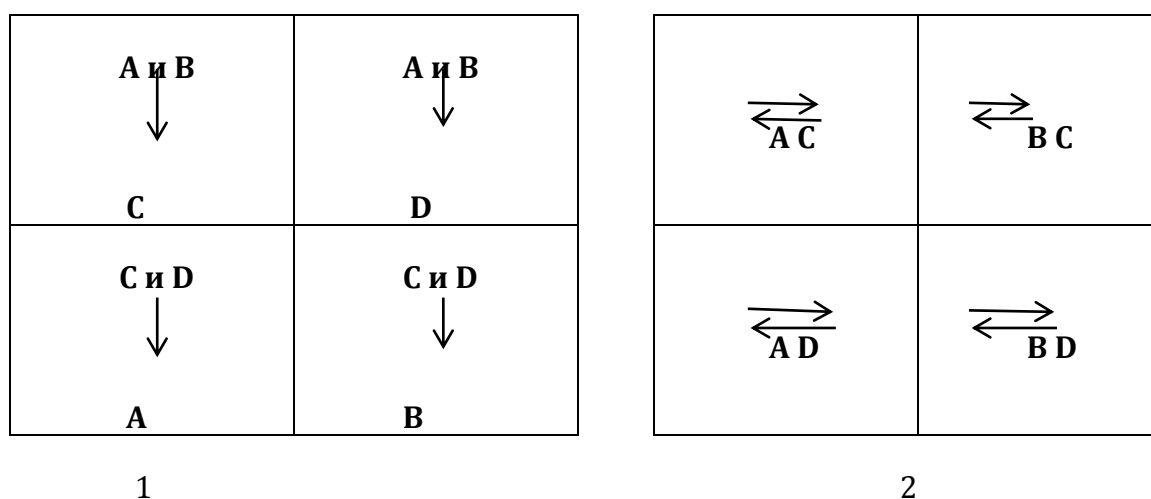

Рис: 1. Сравнительные оценки доверия; 2. Взаимные оценки доверия:

А – инспектора жилой и промышленной зоны;

В – работники промышленной зоны;

С – осужденные за преступления небольшой и средней тяжести;

Д – осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления

Полученные результаты и их обсуждение

А. Оценка доверия сотрудниками УИС осужденных женщин

В сравнительной оценке **доверия инспекторами производственной и жилой зоны обеих категорий осужденных (A → C и D)** было установлено, что осужденные за преступления небольшой и средней тяжести наделяются большим доверием, на что указывают статистически значимые различия в показателях надежности ($p < 0,001$), единства ($p < 0,05$), приязни ($p < 0,001$), расчета ($p < 0,001$), и соответственно меньшим недоверием – по нерасчетливости ($p < 0,001$), неприязни ($p < 0,001$), ненадежности ($p < 0,001$),

незнания ($p < 0,001$) и непредсказуемости ($p < 0,001$). Отсутствие различий обнаружено только по показателю «знание» ($p > 0,05$). Статистически значимых различий по шкалам межличностного общения не установлено, при этом шкала доверия Розенберга указывала на низкий уровень по отношению к обеим группам испытуемых-осужденных.

Совсем иначе оценивали **доверие к осужденным работники производственной сферы (B → C и D)**. Оказалось, что они выше оценивали надежность осужденных 2-й группы в сравнении с теми, кто совершил менее тяжкие преступления ($p < 0,01$) и приятнее к ним относились ($p < 0,001$), одновременно они ниже проявляли к ним недоверие: ценили их нерасчетливость ($p < 0,05$), испытывали меньшую неприязнь ($p < 0,05$). Соответственно, интегральный показатель доверия к этой категории заключенных у них оказывается выше ($p < 0,05$), а недоверия – ниже, хотя и без статистически значимой разницы.

По шкалам межличностного общения также не было выявлено статистически значимых различий. Как и у инспекторов, у работников производственного сектора обнаружился низкий уровень доверия и чуть более высокий уровень доброжелательности к осужденным 2-й группы.

Объяснения этому факту мы видим в специфике работы производственной зоны, в отличие от инспекторов, задача которых заключается в постоянном контроле и предупреждении нарушений правил отбывания наказания осужденными. Оказалось, что здесь играют роль несколько факторов, оказывающих влияние на формирование доверия:

1) прагматический. Из опыта работы установлено, что в швейной бригаде женщин, отбывающих наказание, в количестве 50 чел. бригадиром предпочтительнее поставить осужденную с большим сроком, так как период ее становления как бригадира составляет несколько месяцев (обучение работы с подчиненными, администрацией предприятия, ведению документации и др.);

2) материальный. Швеи, осужденные за тяжкие преступления, чаще заинтересованы в работе (нужно получать зарплату, чтобы выживать, так как многие не получают помощи из дома, выплачивать иски и др.), и поэтому они реже, в отличие от осужденных 1-й группы, являются злостными нарушителями технологической дисциплины, т. е. не в их интересах допускать брак в работе. Совсем иначе обстоят дела со швеями с маленькими сроками, которые часто не желают работать, осваивать производство, предпочитая «качать» права, вступают в конфликты с администрацией (а администрация требует выполнения норм выработки и качества продукции);

3) фактор профессионализации. За 2–3 года работы осужденная становится специалистом высокого уровня, овладевает необходимыми знаниями и навыками, часто – на уровне мастера, способная передавать свой опыт ученикам. Так обеспечивается преемственность и непрерывность производственного процесса.

В этих условиях между работниками производственной зоны и осужденными на длительные сроки устанавливаются более интенсивные и более доброжелательные отношения, поскольку в совместной деятельности они не только лучше узнают, но и в ряде случаев полагаются друг на друга. Все это делает их отношения более человечными.

Сравнительный анализ **оценки персоналом доверия к осужденным за преступления небольшой и средней тяжести (A и B → C)** показал, что позиции доверия к

ним у сотрудников колонии близки, но имеют большие значения у работников производственной сферы по параметрам «единство» ($p < 0,05$), что означает наличие у них некой общности, возможно даже принципов, в отличие от инспекторов; и большой уровень недоверия к ним по параметрам: «нерасчетливость» ($p < 0,001$), «незнание» ($p < 0,05$), «непредсказуемость» ($p < 0,001$), интегральному показателю недоверия ($p < 0,01$); однако инспектора отличаются от них большим принятием по Фейю ($p < 0,01$).

Сравнение *оценок доверия к осужденным за тяжкие и особо тяжкие преступления указанными категориями сотрудников УИС (A и B → D)* обнаруживает общность близости взглядов на доверие только по позиции «нерасчетливость» ($p > 0,05$), по всем остальным параметрам работники производственной сферы испытывают большее доверие к этой категории осужденных, чем инспектора ($p < 0,001$), и, соответственно, меньшее недоверие ($p < 0,05$), на что указывают различия в интегральных значениях, хотя по шкалам межличностного общения статистической разницы не выявлено.

Б. Оценка доверия к персоналу колонии осужденными

Оценки доверия к персоналу колонии осужденными за преступления небольшой и средней тяжести (C → A и B) показали, что респонденты данной группы практически одинаково оценивают по уровню доверия/недоверия обе категории работников колонии, с которыми им приходится повседневно взаимодействовать, за исключением параметра «непредсказуемости», приписываемой больше инспекторам ($p < 0,05$). По шкалам межличностного общения работники производственной сферы наделяются большим доверием, т. е. им присваиваются такие качества, как большая доброта, честность, способность прийти на помощь ($p < 0,01$); большая доброжелательность ($p < 0,001$); высокая способность к принятию других ($p < 0,01$).

Осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления оценивают доверие к обеим категориям сотрудников колонии (D → A и B) примерно одинаково, при этом испытывают большее единство с теми, с кем им приходится взаимодействовать, исполняя трудовую повинность ($p < 0,05$); точно так же они оценивают личностно-коммуникативные качества персонала, не видя между группами особых различий ($p > 0,05$).

Оценка доверия осужденных женщин к инспекторам производственной и жилой зоны (C и D → A) свидетельствует о фактическом отсутствии различий в оценке осужденными обеих категорий доверия/недоверия к ним, а также по шкалам межличностных отношений. Различия касаются лишь параметра «нерасчетливости» ($p < 0,05$), которая приписывается инспекторам осужденными 1-й группы, т. е. качеств, указывающих на недоучет информации, дающей возможность осуществлять контроль над ситуацией и снижающей ее неопределенность и уязвимость. Очевидно, что речь здесь идет о таких ситуациях, снижающих доверие, в которых проявляется несправедливость, вероломство, избыточное проявление властных и должностных полномочий и т. п.

Аналогичные результаты получены и при *оценке доверия осужденными работников производственной сферы (C и D → B)*. Они показывают равно одинаковое доверие к ним (с отсутствием достоверных различий) обеих категорий осужденных, как по шкалам доверия/недоверия, так и по шкалам межличностного общения ($p > 0,05$); при этом по шкалам доброжелательности и принятия другие женщины, осужденные за преступления небольшой и средней тяжести, регистрируют показатели выше среднего и высокого уровня.

В. Оценка взаимного доверия между персоналом колонии и осужденными

Оценка взаимного доверия между инспекторами и осужденными за преступления небольшой и средней тяжести (A → C) указывает на ряд существенных различий. Так, осужденные и инспектора существенно расходятся идеологически, прежде всего, в их взглядах на жизненные цели и ценности (показатель «единство», $p < 0,001$); в оценке надежности осужденные оценивают выше своих надзирателей, в отличие последних о них ($p < 0,05$); аналогичным образом они выше оценивают и приязнь, т. е. веру в инспекторов ($p < 0,001$). Недоверие к инспекторам приписывается по показателям «нерасчетливости» ($p < 0,001$) и «непредсказуемости» ($p < 0,05$). Иными словами, осужденные полагают, что инспектора ведут себя не всегда последовательно и рационально или даже во вред себе, не доверяя заключенным, и в их действиях присутствует волюнтаризм, не позволяющий прогнозировать их поведение.

Оценки различаются также по шкале доверия Розенберга, где в границах низкого уровня присутствует все-таки тенденция большего доверия осужденных к инспекторам, в отличие от последних, демонстрирующих обратное ($p < 0,01$). То же самое можно сказать и об оценке интенсивности принятия друг друга: ожидания относительно инспекторов у осужденных этой категории статистически значимо выше, хотя и незначительно ($p < 0,05$), чем экспектации инспекторов.

Оценка взаимного доверия между инспекторами и осужденными за тяжкие и особо тяжкие преступления (A → D) указывает на его отсутствие, или, по крайней мере, находится на очень низком уровне. Можно также утверждать, что инспектора не доверяют своим подопечным, о чем свидетельствуют также сравнительно низкие показатели по шкале Розенберга ($p < 0,01$). Их представления друг о друге совпадают только по двум параметрам: «знание» и «нерасчетливость» (т. е. вторичная выгода от поведения при контакте с человеком, за которую потом придется расплачиваться). Обе группы обследованных в личностных и деловых контактах применяют как раз «расчет», который, как полагают осужденные, используется инспекторами в отношении них в значительно большей степени, чем они сами могли бы его применить ($p < 0,001$), что вполне объяснимо с точки зрения неравноправности отношений заключенных и персонала исправительной колонии, и оценивается как фактор принуждения. Очевидно, что длительный срок взаимодействия в условиях пенитенциарного учреждения позволяет им достаточно хорошо изучить друг друга и выявить слабые места в межличностном взаимодействии. Осужденные также более склонны оценивать инспекторов как недоброжелательных к ним субъектов ($p < 0,01$), что, в общем-то, вполне объяснимо: в течение многих лет накопились обиды, претензии, обвинения в несправедливости и проч.

Оценки **взаимного доверия между работниками производственной сферы и осужденными за преступления небольшой и средней тяжести (B → C)** позволяют заключить, что доверие/недоверие друг к другу между ними обеспечивается только за счет знания/незнания и расчета/нерасчетливости ($p < 0,05$); по всем остальным параметрам обнаруживаются статистически значимые различия: «надежности/ненадежности» ($p < 0,01$); приязни/неприязни (соответственно $p < 0,05$ и $p < 0,01$); а также «непредсказуемости» ($p < 0,001$). Общий вывод, который можно сделать, заключается в том, что уровень недоверия работников производственной сферы значительно выше такового, обнаруженного у заключенных-женщин ($p < 0,05$). Недоверие к последним характеризуется также низкими

показателями по шкале Розенберга ($p < 0,001$); низкими к ним проявлениями доброжелательности ($p < 0,001$) и принятия ($p < 0,001$).

Оценка параметров **взаимного доверия между работниками производственной сферы и осужденными за тяжкие и особо тяжкие преступления (A → D)** показывает гораздо больше точек сближения по доверию друг другу, чем в анализируемых выше парах испытуемых. Они проявляют себя в таких показателях доверия, как «надежность», «знание» и «расчет», и недоверия – «нерасчетливости», «неприятности», «незнания» и «непредсказуемости», а также в интегральных показателях ($p > 0,05$). Одновременно испытуемые выявляют статистически значимые различия по параметрам единства ($p < 0,01$) и приятности ($p < 0,05$): осужденные приписывают работникам производственной сферы больше указанных качеств, чем последние заключенным-женщинам, осужденным на длительные сроки отбывания наказания. Различия обнаруживаются также по параметру «ненадежность» ($p < 0,01$), которая также больше приписывается данной категории осужденных. Дистанция меньшего доверия к осужденным проявляет себя и в шкале Розенберга ($p < 0,01$), а также шкале доброжелательности, которой осужденные женщины за тяжкие и особо тяжкие преступления сильнее наделяют тех, с кем им приходится повседневно взаимодействовать на производстве ($p < 0,05$).

Оценивая в целом отношения доверия между персоналом исправительной колонии и осужденными, можно увидеть интересную тенденцию: оказывается, что уровень доверия осужденных к персоналу несколько выше, чем персонала к ним, при этом наибольший уровень доверия проявляют осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления к работникам производственной сферы. Более сложные параллели обнаруживают отношения недоверия: наиболее низкие уровни проявляются во взаимоотношениях инспекторов с осужденными за преступления небольшой и средней тяжести, наиболее высокие – инспекторов с женщинами, отбывающими наказание за более тяжкие преступления.

Результаты, полученные с помощью опросника А.Б. Купрейченко, в целом согласуются с данными на основе шкал Кэмпбелла и Розенберга: осужденные обеих групп в целом оценивают одинаково доверие инспекторов, в то время как последние оценивают доверие заключенных значительно ниже. То же самое можно сказать и о доброжелательности: оценки осужденных доброжелательного к ним отношения со стороны надзирателей заметно выше. Аналогичные данные мы видим и во взаимной оценке осужденных и персонала производственной зоны, где указанные тенденции проявляют себя еще более ярко. «Шкала принятия других» направлена на изучение степени интенсивности отношений принятия других людей. Эти взаимоотношения у респондентов характеризуются в основном средним уровнем интенсивности, что может косвенно свидетельствовать о благоприятном психологическом климате в данном пенитенциарном учреждении.

Полученные нами данные свидетельствуют о наличии двух векторов доверия: один из них, направляемый заключенными в сторону персонала исправительной колонии, указывающий на их стремление к большим доверительным отношениям и более высоким оценкам способности этих людей проявлять доверие к осужденным; другой – противоположный, сдерживающий, с акцентом большего недоверия работников пенитенциарного учреждения к преступницам, отбывающими наказание, связанный также со спецификой работы, должностными инструкциями по поддержанию правопорядка и

трудовой дисциплины. Что стоит за этим – чисто человеческая потребность в более теплых и доброжелательных отношениях или затаенная корысть, еще предстоит выяснить.

Оценивая в целом результаты работы, можно сказать, что они согласуются с ранее опубликованными наблюдениями одного из авторов данной статьи [19], показавшим, что восприятие преступника, отбывающего наказание, в оценках сотрудников полиции и работников ГУФСИН носит в основном негативный характер, в то время как осужденные склонны давать более высокие и позитивные оценки правоохранителям. Все это не способствует росту взаимопонимания и доверия, а также является серьезным барьером в деле продвижения исправительных и реабилитационных мероприятий.

В свете вышесказанного возникает необходимость актуализации доверия как профессиональной позиции персонала исправительных учреждений, на что указывает, в частности, Л.А. Дмитриева в своих публикациях [5; 6], включающей, как минимум, три важных аспекта: 1) расширение коммуникативного диапазона работниками УИС: распознавание и использование как манипулятивных стратегий, так и приемов диалогового общения, способствующих формированию доверительных отношений между сотрудниками УИС и осужденными; 2) более широкое использование различных способов укрепления доверия инспекторами при работе с женщинами, осужденными за преступления небольшой и средней тяжести; 3) проявление, наряду с доверием, большей бдительности работниками производственной зоны во взаимодействии с осужденными за тяжкие и особо тяжкие преступления; при этом особо следует обратить внимание на такой аспект доверия, как «единство» (некая общность, близость взглядов и представлений о жизни, возможно основанных на оценочности, сочувствии или человеческих симпатиях к осужденной), что может быть чревато определенными негативными последствиями, как в плане служебной деятельности, так и некоторой личностной деформации.

Литература

1. Антоненко И.В. Социальная психология доверия: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Ярославль, 2006. 48 с.
2. Астанина Н.Б. Особенности феномена доверия у несовершеннолетних правонарушителей мужского пола: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.06. М., 2011. 21 с.
3. ВЦИОМ: уровень доверия россиян к правоохранительным органам растет [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/society/20141107/1032140642.html> (дата обращения: 14.04.2016).
4. Дебольский М.Г., Локтева О.А. Взаимоотношения между персоналом пенитенциарных учреждений и осужденными // Энциклопедия юридической психологии. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. С. 240–241.
5. Дмитриева Л.А. Доверие в профессиональной позиции персонала исправительных учреждений // Уголовно-исполнительная система России: стратегия развития. Материалы научно-практической конференции (26–27 мая 2005 г.). Ч. 1. М.: НИИ ФСИН России, 2005. С.98–100.
6. Дмитриева Л.А. Социально-психологическое исследование доверия в рамках

- комплексной разработки проблематики оптимизации взаимоотношений между персоналом УИС и осужденными // Психолого-криминологическая диагностика личности осужденного и социально-психологическое сопровождение исполнения уголовного наказания. Матер. междунар. научно-практ. семинара (г. Владимир, 2 ноября 2004 г.). Владимир: ВЮИ ФСИН, 2005 (б). С. 48–52.
7. *Дмитриева Л.А.* Психологические особенности доверия у персонала пенитенциарных учреждений и осужденных // Судебная психиатрия. Пенитенциарная психиатрия и психология. Вып. 6. М.: ФГУ «ГНЦ ССП Росздрова», 2009. С.79–96.
 8. *Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества /Отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсияновой.* М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2013. 564 с.
 9. *Ениколопов С.Н., Кузнецова Ю.М.* Подросток как объект социального недоверия // Социальное положение детей, подростков и молодежи в современном обществе: матер. Всеросс. научно-практ. конференции 13–14 мая 2010 г.: в 2 ч. Ч. I. Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2010. С. 101–106.
 10. *Заварцева М.М.* Доверие: новые перспективы мультидисциплинарных исследований // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С.14–21.
 11. Классификация преступлений по степени тяжести [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uznik.net/index.php/2009-01-08-22-04-50/2009-05-31-15-56-40/343-2009-06-07-06-25-37> (дата обращения: 11.05.2016).
 12. *Кокуев А.А.* Особенности доверия к себе и другим у несовершеннолетних преступников, отбывающих наказание в виде лишения свободы: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2003. 21 с.
 13. *Купрейченко А.Б.* Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. 571 с.
 14. *Купрейченко А.Б., Табхарова С.П.* Критерии доверия и недоверия личности другим людям // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 2. С. 55–67.
 15. *Купрейченко А.Б., Табхарова С.П.* Отношение к соблюдению нравственных норм делового поведения в зависимости от вектора доверия и недоверия у руководителей и рядовых сотрудников // Психология в экономике и управлении. 2009. № 2. С.56–63.
 16. *Маняхин А.В.* Социально-психологическая характеристика особенностей ролевого взаимодействия сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы и лиц, осужденных к лишению свободы // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия: Психология. 2014. № 3. С. 99–104.
 17. *Скрипкина Т.П.* Психология доверия: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2000. 264 с.
 18. *Соболев Н.Г.* К вопросу о раскрытии понятия «феномен недоверия» в уголовно-исполнительной системе // Психологическое обеспечение в уголовно-исполнительной системе / Под ред. М.Г. Дебольского. М: ФСИН России, 2007. С.

33–36.

19. Узлов Н.Д. Общение с маргинальным субъектом: перцептивный аспект (на примере взаимного восприятия осужденными, работниками правоохранительных органов и представителями социальных служб друг друга) // Социальная безопасность и защита человека в условиях новой общественной реальности: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пермь, 16 декабря 2015 г.) / Под общ. ред. З.П. Замараевой, М.И. Григорьевой; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2015. С. 240–245.
20. Lewicky R.J., Stevenson M., Bunker B.B. The three components of interpersonal trust: instrument development and differences across relationships // The Ohio State University: WPS. Feb., 1997. Columbus, OH: Max M. Fisher College of Business, Ohio State University.

About the mutual trust of the employees of the penal system and convicts women

Uzlov N.D., PhD (Medicine), Associate Professor, Berezniki Branch of the Perm State National Research University (knots51@mail.ru)

Aman N.N., Master of Production Department, Federal Official Institution Penal Colony – 28 of the Main Department of the Federal Penitentiary Service of Russia for Perm region, a graduate of the psychologist (aman.natalia@yandex.ru)

The article presents the results of a study of trust between employees of a penal colony (inspectors and employees of the production zone), and women who are serving sentences for the crimes of 1) small and moderate, 2) such grave and particularly grave crimes. There were used a modification of the methods of assessment of trust/distrust by A. B. Kupreychenko, M. Rosenberg's Faith in People Scale, Acceptance of Others Scale by William F. Fey and J. Campbell's Benevolence Scale. The fact of greater confidence on the part of employees of the production department to the women who are serving a sentence for a grave or especially grave crime was fixed, it was explained the specifics of their interaction in the work. The general trend to exercise greater trust by inmates to employees of the penal system was detected than their response reaction that appear of a greater degree of distrust.

Key words: trust/distrust, mutual trust, a penal colony, employees of the penal system, convicted women.

References

1. Antonenko I.V. Social'naya psihologiya doveriya [Social psychology of trust]: avtoreferat dis. d-ra psihol. nauk [Social psychology of trust. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Yaroslavl', 2006. 48 p. (In Russ.).
2. Astanina N.B. Osobennosti fenomena doveriya u nesovershennoletnih pravonarushitelej muzhskogo pola [The features of the phenomenon of trust among juvenile offenders male: avtoreferat dis. kand. psihol. nauk. [Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2011. 21 p. (In Russ.).
3. VCIOM: uroven' doveriya rossiyan k pravoohranitel'nym organam rastet [Elektronnyj resurs]. All-Russian Center for Public Opinion Research: the level of trust of Russians towards the law enforcement is growing. URL: <http://ria.ru/society/20141107/1032140642.html> (Accessed 14.04.2016) (In Russ.).
4. Debol'skij M.G., Lokteva O.A. Vzaimootnosheniya mezhdru personalom penitenciarnyh uchrezhdenij i osuzhdennymi [Relationships between prison staff and prisoners]. In

Enciklopediya yuridicheskoy psihologii [Encyclopedia of legal psychology]. Moscow: Publ.YUNITI-DANA, 2003, pp. 240–241 (In Russ.).

5. Dmitrieva L.A. Doverie v professional'noj pozicii personala ispravitel'nyh uchrezhdenij [Trust in the professional roles of correctional staff]. Ugolovno-ispolnitel'naya sistema Rossii: strategiya razvitiya [Criminal-Executive system of Russia: strategy of development]. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii (26-27 maya 2005 g.) [Materials of scientific-practical conference, May 26-27, 2005]. Part 1. Moscow: Publ. NII FSIN Rossii, 2005, pp.98-100 (In Russ.).
6. Dmitrieva L.A. Social'no-psihologicheskoe issledovanie doveriya v ramkah kompleksnoj razrabotki problematiki optimizacii vzaimootnoshenij mezhdru personalom UIS i osuzhdennymi [A socio-psychological study of trust in the framework of the complex research of the problem of optimizing the relationships between employees of the penal system and prisoners]/ Psihologo-kriminologicheskaya diagnostika lichnosti osuzhdenного i social'no-psihologicheskoe soprovozhdenie ispolneniya ugovnogo nakazaniya [Psycho-criminological diagnosis the personality of the convict and socio-psychological support for the execution of criminal penalties]. Mater. mezhdunar. nauchno-prakt. seminar, 2 noyabrya 2004 g., g. Vladimir [Materials of the international scientific-practical seminar November 2, 2004]. Vladimir: Publ. VYUI FSIN, 2005, pp. 48-52 (In Russ.).
7. Dmitrieva L.A. Psihologicheskie osobennosti doveriya u personala penitenciarnyh uchrezhdenij i osuzhdennyh [Psychological peculiarities of the confidence of prison staff and prisoners]. Sudebnaya psihiatriya. Penitenciarnaya psihiatriya i psihologiya [Forensic psychiatry. Penitentiary psychiatry and psychology]. Issue 6. Moscow: Publ. FGU «GNC SSP Roszdrava», 2009, pp.79-96 (In Russ.).
8. Doverie i nedoverie v usloviyah razvitiya grazhdanskogo obshchestva /otv. red. A.B. Kuprejchenko, I.V. Mersiyanovoj [Trust and distrust in terms of the development of civil society. In A. B. Kuprejchenko, I. V. Mersiyanova (eds)]. Moscow: Publ.: NIU VSE, 2013. 564 p. (In Russ.).
9. Enikolopov S. N., Kuznecova YU. M. Podrostok kak ob"ekt social'nogo nedoveriya [The teenager as an object of social distrust]// Social'noe polozhenie detej, podrostkov i molodyozhi v sovremennom obshchestve [the Social situation of children, adolescents and youth in modern society]. Mater. Vseross. nauchno-prakt. konferencii 13-14 maya 2010 g.[Materials of All-Russian scientific-practical conference May 13-14, 2010]. In 2 parts. Part 1. Ufa: Publ.: ISEI UNC RAN, 2010, pp. 101-106 (In Russ.).
10. Zavarceva M. M. Doverie: novye perspektivy mul'tidisciplinarnyh issledovanij [Trust: the new frontier for multidisciplinary studies]. Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya [Applied Legal Psychology], 2014, no. 1, pp. 14-21 (In Russ.).
11. Klassifikaciya prestuplenij po stepeni tyazhesti [Classifying crimes by severity] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.uznik.net/index.php/2009-01-08-22-04-50/2009-05-31-15-56-40/343-2009-06-07-06-25-37> (Accessed 11.05.2016) (In Russ.).
12. Kokuev A.A. Osobennosti doveriya k sebe i drugim u nesovershennoletnih prestupnikov, otbyvayushchih nakazanie v vide lisheniya svobody [Features of trust to himself and

- others at juvenile offenders, serving a sentence of imprisonment]: avtoreferat dis. ... kand. psihol. nauk [Ph. D. (Psychology) Thesis]. Rostov n/D, 2003. 21 p. (In Russ.).
13. Kuprejchenko A.B. Psihologiya doveriya i nedoveriya [The psychology of trust and distrust]. Moscow: Publ.: Institut psihologii RAN, 2008. 571 p. (In Russ.).
 14. Kuprejchenko A. B., Tabharova S. P. Kriterii doveriya i nedoveriya lichnosti drugim lyudyam [The criteria of trust and distrust of the individual to others]. Psihologicheskij zhurnal [Psychological Journal], 2007, vol. 28, no.2, pp. 55-67 (In Russ.).
 15. Kuprejchenko A. B., Tabharova S. P. Otnoshenie k soblyudeniyu npravstvennyh norm delovogo povedeniya v zavisimosti ot vektora doveriya i nedoveriya u rukovoditelej i ryadovyh sotrudnikov [Relation to compliance of moral norms in business conduct depending on the vector of trust and distrust among managers and ordinary employees]. Psihologiya v ehknomike i upravlenii [Psychology in economy and management], 2009, no. 2, pp. 56-63 (In Russ.).
 16. Manyahin A.V. Social'no-psihologicheskaya harakteristika osobennostej rolevogo vzaimodejstviya sotrudnikov uchrezhdenij ugovolno-ispolnitel'noj sistemy i lic, osuzhdennyh k lisheniyu svobody [Socio-psychological characteristic features of the role interaction of employees of penal system and persons convicted to deprivation of liberty]. Vestnik YUzhno-Ural'skogo gos. un-ta. Seriya Psihologiya [Bulletin of the South Ural State University. Series Psychology], 2014, no. 3, pp. 99-104 (In Russ.).
 17. Skripkina T. P. Psihologiya doveriya. Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenij [The psychology of trust. Textbook for students of higher pedagogical educational institutions]. Moscow: Publ.: Academy, 2000. 264 p. (In Russ.).
 18. Sobolev N. G. K voprosu o raskrytii ponyatiya «fenomen nedoveriya» v ugovolno-ispolnitel'noj sisteme [To the issue of disclosure of «the phenomenon of distrust» in the penal system]. Psihologicheskoe obespechenie v ugovolno-ispolnitel'noj sisteme [Psychological support in the penal system]. In Debolsky (eds). Moscow: Publ.: FSIN Rossii, 2007, pp. 33-36 (In Russ.).
 19. Uzlov N.D. Obshchenie s marginal'nym sub"ektom: perceptivnyj aspekt (na primere vzaimnogo vospriyatiya osuzhdennymi, rabotnikami pravoohranitel'nyh organov i predstaviteleyami social'nyh sluzhb drug druga) [The conversation with marginal subject: perceptive aspect (for example on the mutual perception of prisoners by law enforcement officials and representatives of social services to each other)]. Social'naya bezopasnost' i zashchita cheloveka v usloviyah novej obshchestvennoj real'nosti [Social safety, social security and human protection in conditions of new social reality]: materialy VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Perm', 16 dekabrya 2015 g.) [Collection of materials of the VII international scientifically and practical conference (Perm, December, 16, 2014)]. In Z.P. Zamarayeva and M.I.Grigoryeva (eds.). Perm: Publ.: Perm State University, 2015, pp. 240-245 (In Russ.).
 20. Lewicky R. J., Stevenson M., Bunker B. B. The three components of interpersonal trust: instrument development and differences across relationships. *The Ohio State University: WPS*. – Feb., 1997. Columbus, OH: Max M. Fisher College of Business, Ohio State University.

Проблема дифференциации экспертных установок при КСППЭ юридически значимых эмоциональных состояний

Савина О.Ф., кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (psyhol@yandex.ru)

Морозова М.В., кандидат психологических наук, заведующая отделением психологии, ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (marina@serbsky.ru)

В статье рассматриваются психологические аспекты проблемы симуляции в практике проведения КСППЭ. Рассмотрены симуляция психического расстройства как ведущая мотивационная линия в экспертной ситуации, ее диагностически значимые признаки, а также частные варианты установок в структуре полимотивированного поведения. Выделены варианты и проанализированы механизмы симуляции аффекта, обобщены феноменологические признаки данной установки, предложены методологические приемы дифференциации декларируемых «симптомов» аффекта от истинных признаков особого эмоционального состояния. Проанализировано влияние алекситимии на способность сообщать диагностически значимую информацию, показано отличие данного феномена от симулятивных описаний декларируемых переживаний. Рассмотрена и проиллюстрирована на конкретном примере наиболее сложная для экспертной диагностики и квалификации «сюрсимуляция» аффекта с маскированием его признаков нарочито утяжеленной картиной предъявляемого состояния. Проанализированы механизмы реагирования поведения в рамках превышения пределов самообороны и неосторожного убийства, варианты их презентации как состояния внезапно возникшего сильного душевного волнения.

Ключевые слова: психологическая установка, симуляция, аффект.

Для цитаты:

Савина О.Ф., Морозова М.В. Проблема дифференциации экспертных установок при КСППЭ юридически значимых эмоциональных состояний. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 1. С.169-181.
doi: 10.17759/psylaw.207070114

For citation:

Savina O.F., Morozova M.V. The problem of the differentiation of expert attitudes of

emotional States and affect. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 1. pp.169-181.
doi: 10.17759/psylaw.2017070114

В психиатрии дифференциация психопатологии от ее симуляции всегда была в центре внимания и в целом достаточно исследована [5; 11]. Разработаны специальные методические приемы выявления симулятивных тенденций и в патопсихологии, в частности, при проведении экспериментально-психологического исследования [3; 6]. Как в психиатрии, так и в клинической психологии не менее значимо распознавание диссимуляции психических расстройств, что зачастую является более сложным, а неумение вовремя квалифицировать скрываемое или маскируемое болезненное состояние может быть чревато негативными последствиями для самого пациента и окружающих. Эта проблематика приобретает особое значение в судебно-психиатрической экспертизе, поскольку неверная диагностика имеет социальное и юридическое значение.

Однако спектр установок, с которыми сталкиваются эксперты, не исчерпывается указанными двумя позициями, он значительно шире и многообразнее, зависит от мотивации и состояния подэкспертных, которые могут неоднократно меняться в процессе судебно-следственных действий, что влечет за собой и смену «самопрезентации». Помимо традиционно выделяемых симуляции, диссимуляции, аггравации, метасимуляции и сюрсимуляции, которые на весь посткриминальный юридически значимый период, как правило, становятся смыслообразующими мотивационными линиями поведения, существуют и более частные установочные тенденции, как входящие в структуру базовой мотивации, так и проявляющиеся на фоне в целом полимотивированного поведения изолированно или в отдельные периоды экспертного исследования. В обобщенном виде экспертная практика позволяет выделить следующие их виды: социальная желательность и стремление произвести благоприятное впечатление на эксперта; «гипермотивация» – достижение успеха или избегание ситуаций неудачи, в том числе без соотнесения с экспертными задачами; стремление привлечь внимание к своим проблемам или обратить внимание на незаурядность собственной личности; естественная защита с избирательным сообщением информации; оппозиция; бравада.

Определение особенностей экспертной мотивации – необходимое условие объективного и эффективного исследования, психолог должен уже на первых его этапах, при установлении контакта проанализировать отношение подэкспертного как к экспертизе в целом, так и к проводимому экспериментально-психологическому обследованию, поскольку это обуславливает и сам ход взаимодействия, и круг диагностических гипотез, и выбор критериев интерпретации результатов [9].

Оценка внешне сходных высказываний или решений экспериментальных заданий в зависимости от установки обследуемого может иметь диаметрально противоположный характер от заложенного в них смысла или подтекста на фоне нюансов и сочетания мотивационных линий. Так, признак, актуализируемый при проведении операции обобщения, у эндогенного больного квалифицируется как латентный, при личностном расстройстве и выраженности истерического радикала – претенциозный, при симуляции или оппозиционности – нарочитый [1]. Этот же самый признак при «гипермотивации» оценивается именно как ее проявление – результат желания найти «правильный» ответ, даже если он объективно невозможен и проба носит провокационный характер.

Соответственно, только интеграция всех полученных данных с учетом применяемых дифференцированных тактик взаимодействия с подэкспертным, вариантов его коррекции и ответной реакции на нее дает важную информацию. При этом следует иметь в виду, что, хотя диагностика симуляции базируется на теории патопсихологических симптомокомплексов [2], позволяющей на основании патопсихологического эксперимента выявить структуру истинных нарушений психической деятельности, соотносимых с конкретными психическими расстройствами, разграничивая их с нарочито предъявляемой продукцией, в случае симуляции или диссимуляции заболевания результаты экспериментально-психологического исследования даже при комплексной психолого-психиатрической экспертизе имеют вспомогательный характер, а вывод о наличии психического расстройства или установочного поведения формулируется врачом-психиатром.

В рамках настоящей статьи нам представляется наиболее важным рассмотреть аспекты выявления установок при решении экспертных вопросов, входящих в компетенцию психолога, в частности, квалификации аффекта или его отсутствия [7; 8; 10]. Проблема «симуляции» юридически значимых психологических эмоциональных состояний в последнее время достаточно остро заявляет о себе в экспертной практике. В то же время методологии, позволяющей грамотно установить и показать наличие установки на аффект, преодолеть нарочитые высказывания, маскирующие значимые феномены, прийти к обоснованному выводу, в настоящее время в достаточном объеме для формулирования доказательного заключения не существует. Имеющиеся критерии апеллируют к обратному: не выявлено определенных признаков – нет и юридически значимого эмоционального состояния. Если же признаки аффекта декларируются, но у психолога возникает гипотеза о наличии установочного (защитного) поведения, то профессиональная задача эксперта усложняется, поскольку возникает необходимость выявить «слабое звено» – рассогласованность, несоответствие, шаблонность и др. в предъявляемой подэкспертным симптоматике.

Все более частые попытки симуляции аффективных состояний, «внезапно возникшего душевного волнения» во многом имеют социальные корни на фоне активного развития научных представлений о вариантах и особенностях протекания юридически значимых эмоциональных состояний, а также методологии их экспертной квалификации. Современные разработки активно внедряются в экспертную практику, что влечет за собой рост информированности о специфических проявлениях состояний, подпадающих под категорию аффекта, не только психологов, но и специалистов с юридическим образованием, в частности адвокатов, а в конечном итоге – и обывателей. Это приводит к тому, что эксперту-психологу нередко приходится сталкиваться с умелым и последовательным предъявлением феноменологии аффекта, а также парадоксальными случаями, которые, прибегая к клинической терминологии, можно было бы назвать «сюрсимуляцией» – когда с высокой степенью вероятности у подэкспертного в момент деликта имелась аффективно обусловленная дезорганизация деятельности, но он стремится сделать «картину» еще более «убедительной» и «тяжкой». В результате такой позиции подэкспертного оценить характер и степень выраженности перенесенного состояния крайне затруднительно. Именно при наличии указанных двух типов экспертных установок нередко проводятся повторные экспертизы, поляризуются мнения участников процесса, а подэкспертный, «набираясь опыта» или вживаясь в протрагированные реалии, уже сам затрудняется четко дифференцировать собственные переживания от последующих напластований. Все это предъявляет повышенные требования к профессиональной компетентности психолога-

эксперта, включающей помимо достаточного объема знаний еще и субъективный опыт, позволяющий выстраивать и подкреплять гипотезы о симулятивных тенденциях, а также навыки строить беседу таким образом, чтобы добиться максимальной точности воспроизведения индивидуализированных переживаний и изменений в сознании, восприятии и деятельности. Наблюдаемая «трансформация» протекания аффективных реакций, расшатывающая традиционные каноны и маркеры экспертной диагностики, также усложняет дифференциацию защитно-установочных высказываний от «классического» аффекта и нетипичных форм его проявления.

Свою лепту в исследуемую проблематику вносит и возрастающее число случаев, занимающих некую промежуточную нишу между психопатологией и психологическими механизмами дизрегуляции [4]. Психиатры не квалифицируют их как болезненные, не находя глубины нарушений сознания в соответствии с критериями МКБ-10, психологи же как раз в силу изменений психической деятельности и дополнительной симптоматики, выходящих за рамки привычных феноменов, характерных для состояния аффекта, испытывают трудности как с постулированием особого эмоционального состояния, так и с выстраиванием системы его обоснования и доказательства.

Остановимся на наиболее значимых проблемах, возникающих при проверке гипотезы о наличии установки на симуляцию аффекта. Обычно в этом случае предъявляемая картина переживаний в целом соотносится с рядом значимых диагностических критериев аффекта. Перед психологом возникают две сложных задачи: во-первых, установить факт симуляции, во-вторых, доказательно обосновать свою точку зрения, поскольку нередко многие материалы уголовного дела уже отражают установочные тенденции обвиняемого, соотносятся со стратегией защиты, выстраиваемой адвокатом и его подзащитным.

Хотя первичным механизмом симулятивного поведения является мотивация, успешность этой деятельности обусловлена наличием определенных когнитивных и личностных составляющих подэкспертного. При экспертном анализе следует принимать во внимание образовательный уровень, характер специальных знаний, общий жизненный опыт обследуемого, а также наличие времени и возможностей для эффективной выработки стратегии защиты до первых содержательных показаний.

Наиболее примитивным и распространенным, но вместе с тем и легким для дезавуирования является предъявление полной амнезии самого момента деликта, а порой и последующих событий. В сознании не только обывателя, но нередко и профессиональных юристов, вовлеченных в процесс, все, что субъект не помнит, совершается как бы без его воли – принятия осознанного решения, а отсутствие воспоминаний отождествляется с грубыми нарушениями сознания. Реально же за ссылками на забывание могут стоять феномены, определяемые разными психологическими механизмами.

Во-первых, это проявление защитной мотивации с осознанным искажением информации. Подэкспертный, как правило, сообщает, что не помнит самого момента совершения агрессивных действий, нередко и побуждений к ним, а также предшествующих событий, своих переживаний и последующего, вплоть до нескольких часов, включая даже отсроченный сон. Указание на столь длительный период, о котором у субъекта не сохраняется никаких воспоминаний, противоречит квалифицирующим признакам аффекта и может свидетельствовать о нарочитом характере самоотчета. В одних случаях способность субъекта правонарушения к регуляции своего поведения на тот момент подтверждается

объективными сведениями (если они содержатся в материалах уголовного дела) о сложной организации его деятельности и соотносительности ее с ситуацией правонарушения. В других случаях за предъявляемой амнезией маскируется истинно перенесенное состояние (аггравация), симптоматика которого оценивается подэкспертным как недостаточная для вынесения желательного экспертного решения. Во-вторых, относительно длительная амнезия может быть также связана с состоянием алкогольного опьянения и наркотической интоксикации, и не иметь аффективных механизмов. В-третьих, забывание действий, не согласующихся с привычными стереотипами поведения, нежелательных, имеющих негативные социальные последствия, может быть результатом функционирования психологических защитных механизмов, в частности, вытеснения и отрицания, а не сознательной, продуманной тактикой в судебно-следственной ситуации. В-четвертых, тотальная амнезия характерна для психопатологических состояний (временное болезненное расстройство), и эти случаи не входят в компетенцию психолога.

Наиболее сложными для экспертной оценки являются аггравация и «сюрсимуляция» – ссылки на тотальную амнезию, не характерную для аффекта, при наличии опосредованных свидетельств возможных изменений в произвольной регуляции деятельности (мощная энергетическая разрядка с множественностью, стереотипностью агрессивных действий, нарушение коммуникации со свидетелями и др.) и выраженности эмоционального напряжения в момент деликта, особенно если есть сведения о длительной психотравмирующей ситуации и кумуляции отрицательных переживаний. В качестве примера можно привести парадоксальный случай из экспертной практики. Подэкспертный К. декларировал полную амнезию, безапелляционно заявляя психологу-эксперту, что находился в состоянии аффекта. При уточняющих вопросах, попытках добиться индивидуализированных показаний отвечал шаблонно и пытался продемонстрировать более грубые нарушения в структуре деятельности, соотносимые с психопатологическими симптомами, но не укладывающиеся в картину ни одного из временных болезненных расстройств в соответствии с критериями МКБ-10. Коррекция со стороны психолога вызывала реакцию злости, раздражения, демонстрируемого уязвленного самолюбия от факта недоверия. И лишь на заключительном этапе исследования подэкспертный при обсуждении своих проблем с нейтральным для него лицом (другим обследуемым) смог уяснить для себя то обстоятельство, что его рассказ эксперту и у того вызывает сомнение и представляется явной ложью. Субъективно неожиданная для подэкспертного информация обусловила острые стрессовые переживания («решалась судьба») вплоть до личностного кризиса с пересмотром своей позиции и потребностью быть понятым, которая приобрела доминирующий характер и вытеснила симулятивную установку. Не надеясь уже добиться желательной для него квалификации аффекта, подэкспертный при очередной беседе с аффективной охваченностью сообщил эксперту о своих истинных переживаниях в момент криминала как бы с проживанием его вновь, нюансированностью в передаче всех значимых моментов, предъявлением индивидуализированных особенностей восприятия, ощущения, реагирования и др. Данное ретроспективное самописание в полной мере соответствовало критериям аффекта и соотносилось с объективными материалами уголовного дела. При удержании подэкспертным первоначально избранной линии поведения с большей долей вероятности могла быть допущена экспертная ошибка. Такой пример, хотя и не поддается прямому научному обобщению, но указывает на необходимость применения сложных, разнонаправленных тактик беседы, наличие определенной «обратной связи» – понимания того, как преподносимые сведения воспринимаются экспертом, без нарушения пределов компетенции и размывания границ исследования.

Кроме ссылок на амнезию момента совершения криминальных действий имеют место и другие варианты симуляции, которые основаны уже на некоторой информированности подэкспертных об особенностях «внезапно возникшего сильного душевного волнения». Среди наиболее распространенных представлений неспециалиста о проявлениях аффекта можно отметить указания на изменения со стороны сознания, восприятия и сопровождающие их вегетативные проявления («внезапно отключился», «как в тумане», «кровь прилила к голове», «всего затрясло», «искры перед глазами», «как не со мной происходило», слабость (или сила) была, «ноги ватные», «усталость сильная»), а порой и на продуктивную симптоматику – галлюцинации в виде необычных объектов, голоса, воздействие и др. Часто встречаются ссылки на нарушения самоконтроля и регуляции в момент деликта («автоматически все делал», «все происходило помимо моей воли»), а также мышления и оценочной деятельности («мыслей не было», «не понимал, что происходит»). Используется и юридическая квалификация «сильное душевное волнение» без содержательного, индивидуализированного его наполнения.

Наиболее легко распознается и квалифицируется экспертом в качестве установочной версия с предъявлением практически всего «набора» признаков, упомянутых в литературных источниках как характерных для аффекта, при том, что в материалах дела содержатся объективные сведения, противоречащие этому.

Более сложны случаи, когда шаблонные «симптомы» частично пересекаются с действительной феноменологией аффекта или сочетаются с описанием реальной психотравмирующей ситуации. Практически любой интеллектуально развитый, способный к самоанализу человек, переживший в процессе конфликта эмоциональное возбуждение, может впоследствии актуализировать и его специфические проявления – фиксацию на источнике отрицательных эмоций с некоторым сужением поля восприятия, доминирование аффективной логики, изменение характера оценочной и прогностической деятельности (выпадение аспектов социальных последствий для себя и меры ущерба для других), субъективную импульсивность высказываний и отдельных действий. Вживание в защитную версию, естественные реакции самооправдания в сочетании с устойчивой линией поведения, ориентированной на последующий привилегированный состав преступления, обуславливают предъявление подэкспертным относительно сложной системы «симптомов», направленных на доказывание наличия особого эмоционального состояния. Это облегчается тем, что субъективно такие лица с психологической точки зрения не испытывают вины в связи с отсутствием умысла на убийство, поскольку совершенные агрессивные действия заранее не планировали, в криминальной ситуации они носили ситуативный характер и имели в своей структуре аффективные механизмы.

Другой вариант – шаблонную симптоматику актуализируют субъекты, пережившие аффект, но неспособные к полноценной саморефлексии и самоотчету, нюансировке переживаний, в том числе за счет наличия алекситимии. Даже при направленных вопросах они дают скудные, внешне однотипные описания, не имея ресурсов для выражения индивидуальных эмоций, прибегают к общепринятым, бытующим штампам. Задача психолога дифференцировать одно явление от другого при схожести данных беседы указанного контингента и симулянтов. Наиболее эффективным и успешным в этом плане является смена тактик исследования. Предваряя первый этап беседы о правонарушении, эксперт объясняет важность передачи только собственных непосредственных ощущений, а не опосредованно полученной информации. Затем подэкспертному предоставляется возможность самостоятельно, без наводящих вопросов, изложить содержание

произошедших событий, включая предысторию, особенности своих переживаний, их динамики и состояния в момент деликта. Лица с признаками алекситимии в целом кратко сообщают информацию о себе, примитивно или никак не могут охарактеризовать себя, при беседе о правонарушении подменяют «внутреннее» «внешним» – значительное внимание уделяют различным атрибутам ситуации и событийному ряду. При этом им представляется, что они в достаточном объеме рассказали эксперту все, что необходимо, порой переадресовывают его к материалам уголовного дела. То есть форма, насыщенность и содержательность изложения у таких лиц имеют единый характер без особой зависимости от того, какой временной и юридически значимый период времени они описывают.

При симулятивной установке, как правило, отмечается развернутая самопрезентация, стремление как можно ярче и красочнее описать переживания, предшествующие самому деликту, поскольку они могут уложиться в широкий диапазон фрустрирующих житейских ситуаций, имеющих в собственном опыте. О моменте правонарушения сообщается более осторожно во избежание ошибочных для желаемого результата высказываний, акцентируется внимание на невозможности иного способа реагирования, кроме агрессивного. Наибольшие затруднения, поскольку это не пережито лично, вызывает воспроизведение динамики состояния с развитием фазы «взрыва», его завершением и переходом к астении – все известные симптомы актуализируются практически одновременно (например, «все потемнело» и одновременно «ватные ноги») вне зависимости от закономерности течения эмоциональных реакций и без нюансировки.

Следующий этап строится на совместной работе психолога и подэкспертного и предполагает, с одной стороны, индивидуализацию событий криминальной ситуации и переживаний субъекта, с другой – проверку изложенного на релевантность критериям аффекта. Экспертом задаются уточняющие, включая провокационные, вопросы, в том числе с нарушением временной логики и неоднократным возвращением в различные точки континуума предкриминальной–посткриминальной ситуации. Такие дополнительные расспросы позволяют получить дополнительные сведения для дифференциации аффекта от его симуляции. Лица, пережившие аффект, даже при слабых ресурсах саморефлексии (вплоть до алекситимии) обычно дают пусть и неполные, но индивидуализированные описания пережитого, что сопрягается с общей картиной и объективными данными о ситуации правонарушения. При этом некоторые актуализируемые феномены своего состояния на тот момент субъективно воспринимаются ими как некий инсайт, «откровение» и вызывают эмоциональные реакции по сути аналогичные катарсису. При симуляции подэкспертные чаще шаблонно повторяют сумму описанных симптомов или же начинают путаться в них, противоречиво соотнося декларируемую феноменологию не с теми характерными для аффекта этапами динамики эмоциональной реакции. При неоднократных воспроизведениях в рамках диалога с экспертом единая смысловая линия также не всегда удерживается.

Еще один аспект дифференциальной диагностики сопряжен с юридической квалификацией действий, приведших к смерти или тяжким телесным повреждениям, но в силу привилегированного состава преступления предусматривающей минимальные сроки наказания – ст. ст. 108 (ч.1) и 109 УК РФ. Остановимся сначала на событийной predisпозиции ст.108 УК РФ, когда имеет место объективно крайне сложная и угрожающая подэкспертному ситуация. В одних случаях она приобретает психотравмирующий характер, и при витальной опасности действия для самозащиты совершаются по аффективным механизмам («внезапно возникшее сильное душевное волнение») – развивается стрессовое

состояние, соответствующее критериям аффекта. В процессе такого аварийного реагирования личностный уровень регуляции редуцируется, актуализируются двигательные стереотипии и автоматизмы, способность соотносить меру агрессии и социальные последствия своих действий утрачивается. В других случаях, наоборот, ответная реакция детерминируется мобилизацией личностных ресурсов (самооборона или превышение ее пределов).

В сознании подэкспертного вынужденная агрессия в условиях реальной угрозы, как правило, отождествляется с правонарушением, совершенным в аффекте, понимаемом как экстремальное состояние, резко выпадающее из привычного для него спектра реагирования. В полной мере отнести экспертную позицию таких лиц к вариантам симуляции было бы не вполне корректно, поскольку они столкнулись с субъективно безвыходным положением, а их действия при осознанной необходимости самозащиты все равно совершаются на фоне выраженного эмоционального напряжения/возбуждения. Однако при данном мобилизующем личностные и психофизиологические ресурсы состоянии, в отличие от аффекта, не наблюдается выраженных изменений со стороны сознания и восприятия, хотя присутствует фиксация на источнике угрозы. Сложность ситуации, переживание чувства страха за свою жизнь, здоровье (или безопасность крайне значимого лица) влияют на способность соотносить меру деструктивности своих действий с требованиями ситуации, снижая ее, но не нарушая, как и возможность целостно оценивать достигнутый результат, ориентироваться в значимых внешних параметрах. При дифференциации аффекта и состояния мобилизации ресурсов в условиях объективной угрозы ведущими критериями разграничения являются степень изменения восприятия и сознания, ориентации в ситуации и содержание доминирующих переживаний.

Как показывает экспертная практика, пытаясь донести до психолога выраженность угрозы, исходящей от потерпевшего, своего беспомощного состояния и содержание собственного сознания подэкспертные нередко актуализируют феноменологию, которая входит и в структуру квалификационных признаков аффекта. Порой это бывает связано с намеренным преувеличением нарушения функций контроля и прогноза в связи с выбранной тактикой защиты, ориентированной на вменение ответственности по составу преступления внезапно возникшего сильного душевного волнения, а не превышения пределов самообороны. Такая стратегия определяется как стереотипными представлениями о «предпочтительности» аффекта («был не в себе») как извиняющего фактора совершения агрессивных действий с трагическим исходом, так и неуверенностью в возможности доказать, что инкриминируемые действия определялись необходимой самообороной. Этой же позиции зачастую придерживаются и адвокаты. Выбор данной защитной тактики подэкспертным неэффективен, а только усложняет работу эксперта и может привести к вынесению решения не только об отсутствии аффекта, но и о наличии установки на его симуляцию. Тогда как при изложении реально пережитого стрессового состояния в ситуации витальной угрозы психолог в своем заключении, даже не сделав вывода об аффекте, укажет на субъективную безвыходность положения подэкспертного и невозможность выбора им иного способа реагирования.

Экспертные коллизии могут возникать и при исследовании криминальных ситуаций, когда фатальный исход определяется «неосторожностью» с принципиально различными обстоятельствами событий и состояниями субъекта правонарушения. В первом случае в конфликтной ситуации, как правило, имеет место обоюдное противостояние, и все участники событий находятся в той или иной степени выраженности эмоционального

возбуждения, но сохраняют при этом контролирующие и оценочные функции, стремятся избежать нанесения непоправимого вреда. И только стечение обстоятельств приводит к тому, что последствия физической агрессии влекут смертельный исход или тяжкие телесные повреждения – например, вследствие удара при падении после несильного толчка или нанесение объективно незначительного повреждения, но критической локализации. Неприятие для себя факта убийства, ощущение субъективной непричастности к нему формируют и защитную, в какой-то мере недостаточно осознанную, линию поведения со стремлением вывести агрессивные действия за рамки произвольно регулируемой деятельности – это и влечет за собой ссылки на особое состояние с предъявлением феноменов, характерных для аффекта, и одновременным указанием на подконтрольность агрессии, отсутствие противоправного умысла.

Вторая группа случаев встречается достаточно редко в экспертной практике, поскольку у судебно-следственных органов не возникает потребности в экспертном психолого-психиатрическом освидетельствовании таких обвиняемых. Проблемы возникают только тогда, когда по фактологии предкриминального периода с высокой степенью вероятности можно предположить развитие аффекта – деструкции предшествует длительная (острая) психотравмирующая или конфликтная ситуация, а у субъекта правонарушения наличествует спектр переживаний, которые могли бы привести к аффективной разрядке. При ознакомлении с материалами уголовного дела одной из первых у эксперта возникает гипотеза об аффекте на момент криминала. В беседе подэкспертный, пытаясь снять с себя вину за трагические последствия, возлагая ее на особое состояние, приведшее к утрате самоконтроля, также стремится объяснить свои действия «сильным душевным волнением», ссылается на запомывание и, в то же время, указывает на их случайность.

Продемонстрируем на конкретном примере такую экспертную коллизию. Хотя в данном случае у подэкспертной Ю. не отмечалось симулятивной продукции как таковой, она воспроизводила все события случившегося до деталей, но считала, что не помнит момента нанесения удара ножом. Ю. обвинялась в убийстве мужа, которое произошло на кухне – в тот момент она готовила обед. Юридическая квалификация данного события вызывала и у следствия, и у суда проблемы в связи с комплексом переживаний Ю. При экспертном освидетельствовании она сообщила, что очень любила своего мужа, прожила с ним около 18 лет. На протяжении этого срока, как было видно из объективных свидетельств, супруг в связи с постоянным злоупотреблением спиртными напитками социально и личностно деградировал – перестал работать, утратил какие-либо интересы, стал неопрятен в быту, время проводил исключительно праздно и жил на средства хорошо адаптированной супруги. В то же время в силу большой эмоциональной привязанности Ю. вытесняла все негативные обстоятельства, считала мужа «прекрасным человеком», каждый (практически ежедневный) факт употребления им спиртного расценивала как случайный, искала ему оправдания, но при этом и сильно ругала мужа, беспокоясь преимущественно о его соматическом благополучии. Верила словам мужа, что он более не будет выпивать, строила оптимистические перспективы, несмотря на то, что была вынуждена выполнять в отношении него даже элементарные гигиенические процедуры; полагала, что муж уже почти отказался от алкоголя, хотя уменьшавшийся объем употребляемого спиртного был обусловлен снижением толерантности. Такие обстоятельства приводили к возникновению реакций раздражения, обиды и неоправданных надежд, но с учетом личностной структуры и системы личностных смыслов у Ю. не происходило кумуляции эмоционального напряжения, полностью отсутствовал спектр устойчивых негативных эмоций в отношении

супруга. Объективно фрустрирующая, сложная и истощающая ресурсы ситуация для данной женщины таковой не была. В день правонарушения супруг вновь пришел домой в состоянии сильного алкогольного опьянения, хотя Ю. была уверена, что в этот раз такого не произойдет. Ситуативно у нее возникло огорчение, что муж вновь вредит своему здоровью, она стала укорять его, убеждать в том, что он должен заботиться о себе и не выпивать, при этом продолжала готовить ему еду. В процессе высказывания упреков резко обернулась, держа в руках нож, в то время как муж стоял в непосредственной близости за ее спиной. При повороте жены и вследствие его плохой координации движений нож вошел ему в грудную клетку практически на всю длину лезвия. Исходя из динамики ситуации, можно было бы предположить, что очередная выпивка мужа явилась «последней каплей», вызвавшей непосредственное отреагирование отрицательных эмоций в агрессивных действиях с запоминанием момента наибольшего эмоционального напряжения, на что указывал в своем ходатайстве и адвокат, в то же время полагавший, что все произошло еще и по неосторожности. При экспертизе было вынесено решение об отсутствии у Ю. аффекта, затем эксперт был вызван в суд, поскольку в связи с выраженностью психотравмирующих воздействий, острым переживанием Ю. чувства вины, горя и раскаянием, нехарактерностью для нее агрессивных форм поведения у суда возникли сомнения в правильности заключения комиссии. В ходе судебного разбирательства эксперт пояснил, что у Ю. отсутствовали характерные для аффекта изменения психической деятельности взрывного характера, какие-либо агрессивные импульсы в целом, а ссылки на запоминание нанесения удара ножом являются субъективной защитой и не соответствуют ее же изложению событий.

Таким образом, при диагностике аффекта в случае возникновения гипотез о его симуляции важно обращать внимание на индивидуализируемый характер предъявляемой симптоматики перенесенного (или якобы перенесенного) состояния и феноменологии, его сопровождающей, с учетом личностной структуры подэкспертного, эмоциональных и интеллектуальных ресурсов, спектра и способов его реагирования, защитных механизмов. Вышеприведенные варианты и модели симулятивного поведения могут стать методическими ориентирами в работе психолога-эксперта.

Литература

1. Кудрявцев И.А., Лавринович А.Н., Москаленко Е.П., Сафуанов Ф.С. Особенности патопсихологической квалификации результатов экспериментально-психологического исследования в условиях судебно-психиатрической экспертизы. М., 1985. 27 с.
2. Кудрявцев И.А., Сафуанов Ф.С. Патопсихологические симптомокомплексы нарушений познавательной деятельности при психических заболеваниях: факторная структура и диагностическая информативность // Журнал невропатологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 1989. № 6. С. 86–92.
3. Кудрявцев И.А., Морозова М.В., Савина О.Ф. Принципы сбора и анализа экспертной информации: метод. пособие // О современных видах и методах комплексных судебно-психиатрических экспертных исследований: сб. методических рекомендаций и пособий для врачей / Под ред. Т.Б. Дмитриевой. М.: РИО ФГУ «ГНЦССП Росздрава», 2008. С. 81–130.
4. Морозова М.В., Савина О.Ф., Сафуанов Ф.С., Ткаченко А.А. К вопросу

дифференциации и экспертной оценки эмоциональных состояний // Рос. психиатр. журн. 2014. № 5. С. 38–46.

5. *Пелипас В.Е.* Симуляция психических расстройств и ее распознавание при судебно-психиатрической экспертизе: метод. рекомендации // Под науч. руководством Б.В. Шостаковича. М., 1983. 26 с.
6. *Рубинштейн С.Я.* Экспериментальные методики патопсихологии и опыт применения их в клинике (практическое руководство). М.: Апрель-Пресс; изд-во Института психотерапии, 2004. 222 с.
7. *Сафуанов Ф.С.* Аффект: судебно-психологический экспертологический анализ // Психологический журнал. 2001. №3. С. 15–25.
8. *Сафуанов Ф.С., Дозорцева Е.Г., Печерникова Т.П., Шишков С.Н., Сулимовская Е.И.* Судебно-психологические экспертные критерии диагностики аффекта у обвиняемого: пособие для врачей и психологов / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Е.В. Макушкина. М., 2007. 43 с.
9. *Сафуанов Ф.С.* Судебно-психологическая экспертиза: учебник. М.: Юрайт, 2014. 421 с.
10. *Сафуанов Ф.С., Савина О.Ф., Морозова М.В., Исаева И.В.* Критерии судебно-психологической экспертной оценки юридически релевантных эмоциональных состояний у обвиняемых: метод. рекомендации. М.: ФГБУ «ФМИЦПН имени В.П. Сербского» Минздрава России, 2016. 28 с.
11. *Ткаченко А.А.* Симуляция и диссимуляция психических расстройств // Руководство по судебной психиатрии: практ. Пособие. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. А.А. Ткаченко. М.: Юрайт, 2013. С. 448–509.

The problem of the differentiation of expert attitudes of emotional States and affect

Savina O.F., PhD (Psychology), Research Associate, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (psyhol1@yandex.ru)

Morozova M.V., PhD (Psychology), the head of Department of psychology, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (marina@serbsky.ru)

The article presents the results of a study of trust between employees of a penal colony (inspectors and employees of the production zone), and women who are serving sentences for the crimes of 1) small and moderate, 2) such grave and particularly grave crimes. There were used a modification of the methods of assessment of trust/distrust by A. B. Kupreychenko, M. Rosenberg's Faith in People Scale, Acceptance of Others Scale by William F. Fey and J. Campbell's Benevolence Scale. The fact of greater confidence on the part of employees of the production department to the women who are serving a sentence for a grave or especially grave crime was fixed, it was explained the specifics of their interaction in the work. The general trend to exercise greater trust by inmates to employees of the penal system was detected than their response reaction that appear of a greater degree of distrust.

Key words: psychological setting, simulate, affect.

References

1. Kudryavtsev I. A., Lavrinovich A. N., Moskalenko E. P., Safuanov F. S. Osobennosti patopsychologitceskoj kvalifikacii rezultatov eksperimentalno-psychologitceskogo issledovaniya v uslovijach sudebno-psychiatritceskoj expertizy [Peculiarities of pathopsychological qualification of the results of experimental-psychological research in the conditions of judicial-psychiatric examination]. M., 1985. 27 p.
2. Kudryavtsev I. A., Safuanov F. S. Patopsychologitceskie simtomokompleksy narushenij poznavatelnoj dejatel'nosti pri psichitceskich zabojevanijach: faktornaja struktura i diagnostitceskaja informativnost [Pathopsychological symptom of disorders of cognitive activity in mental illness: the factor structure and diagnostic informativeness] // Jurnal nevropatologii i psichiatrii im. S.S. Korsakova. 1989. no. 6. pp. 86-92.
3. Kudryavtsev I. A., Morozova M. V., Savina O. F. Principy sbora i analiza ekspertnoj informacii // Metoditceskoe posobie [Principles of obtaining and analyzing expert

- information : Handbook] // Sbornik metoditceskich rekomendacij i posobij dlja vratcej pod red. T.B. Dmitrievoj / O sovremennyh vidach i metodach kompleksnyh sudebno-psyhiatritceskich ekspertnyh issledovanij. Moscow: Publ. RIO FGU «GNCSSP Roszdrava», 2008. pp. 81-130.
4. Morozova M. V., Savina O. F., Safuanov F. S., Tkachenko A. A. K voprosu differenciacii i ekspertnoj ocenki emocionalnyh sostojanij [The question of differentiation and forensic evaluation of emotional States] // Ros. Psihiatr. jurn. 2014. no. 5. pp. 38-46.
 5. Pelipas V. E. Simulyatcija psichitceskich rasstrojstv i ejo raspoznavanie pri sudebno-psyhiatritceskoj ekspertize [Simulation of mental disorders and its recognition in the forensic psychiatric examination: methodological guidance] // pod nautcnym rukovodstvom Shostakovicha B.V. Moscow, 1983. 26 p.
 6. Rubinstein S. J. Experimentalnyje methodiki pathopsichologii i opyt primeneniya ich v klinike (praktitceskoe rukovodstvo) [Experimental methods of pathopsychology and experience of their application in the clinic (a practical guide). Moscow: Publ. Aprel-Press, izd-vo Instituta psihoterapii, 2004. 222 p.
 7. Safuanov F. S. Affekt: sudebno-psichologitceskij ekspertologitceskij analiz [Affect: forensic psychological expertology analysis] // Psichologitceskij jurnal. 2001. no.3. pp.15-25.
 8. Safuanov F. S., Dozortseva E. G., Pechernikova T. P., Shishkov S. N., Sulimovskiy E. I. Sudebno-psichologitceskije ekspertnyje kriterii diagnostiki affekta u obvinjaemogo: Posobie dlja vratcej i psichologov [Forensic psychological expert diagnostic criteria affect the accused : a Manual for physicians and psychologists] // Pod red. T. B. Dmitrievoy, E. V. Matushkina. M., 2007. 43 p.
 9. Safuanov F.S. Sudebno-psichologitceskaja ekspertiza. Utcebnik. [Forensic psychiatric examination. Tutorial.]. // Moscow: Publ. Yurajt., 2014. 421 p.
 10. Safuanov F. S., Savina O. F., Morozova M. V., Isaeva I. V. Kriterii sudebno-psichologitceskoj ekspertnoj otcenki yuriditceski relevantnyh sostojanij u obvinjaemyh : Metoditceskie rekomendacii. [Criteria for psychological expert assessment of legally relevant emotional state of the accused : guidelines.]. Moscow: Publ. FGBU «FMICPN im. V.P. Serbskogo» Minzdrava Rossii. 2016. 28 p.
 11. Tkachenko A. A. Simulatcija i dissimulatcija psichitceskich rasstrojstv [Simulation and dissimulate mental disorders.] // Rukovodstvo po sudebnoj psichiatrui : Prakt. posobiye / pod red. Tkachenko A. A. – 2-e izd., pererab. i dop. Moscow : Publ. Yurajt, 2013. pp.448-509.

Сила воображения и слабость датировки: о двух источниках искажений в автобиографической памяти

Нуркова В. В., доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии факультета психологии ФБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова» (nourkova@mail.ru)

Василенко Д.А., клинический психолог, выпускница ФБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова» (baskun4ak@mail.ru)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с пластичностью автобиографической памяти, учет которых важен на всех этапах правоприменительной практики. По результатам анализа кейсов и массовых исследований делается вывод о том, что различные компоненты воспоминаний демонстрируют неодинаковую подверженность нарастающим со временем искажениям. Максимальное количество ошибок наблюдается при локализации события во времени и установлении последовательности микро-событий в рамках более общего события. При этом сохраняется высочайшее доверие к истинности своих воспоминаний. Далее на материале результатов экспериментов и данных, полученных при анализе повторных интервью политических деятелей, обсуждается основной механизм трансформации воспоминаний – инфляция воображением, который заключается в том, что воспоминание о продукте воображения ошибочно принимается человеком за воспоминание о реальном случае и встраивается в систему автобиографической памяти. Приводятся данные о том, что повышение субъективной вероятности события и авторитетность источника, от которого ретроспективно исходит искажающее описание события, оказывают дополнительное влияние на принятие его новой версии.

Ключевые слова: конструктивность когнитивных процессов, автобиографическая память, субъективная достоверность, пластичность воспоминаний.

Для цитаты:

Нуркова В.В., Василенко Д.А. Сила воображения и слабость датировки: о двух источниках искажений в автобиографической памяти. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 1. С.182-192.
doi: 10.17759/psylaw.207070115

For citation:

Nourkova V.V., Vasilenko D.A. The power of imagination / The weakness of dating: on two

origins of autobiographical memory distortion. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 1. pp.182-192. doi: 10.17759/psylaw.2017070115

В современной правоприменительной практике все большую роль играют объективные источники – например, данные, полученные в рамках криминологических, биологических и технических экспертиз. Однако ошибочно было бы полагать, что полное устранение фактора человеческой субъективности из области правовых взаимоотношений является возможным и желательным. В большинстве случаев инициирование, течение и завершение процесса как гражданского, так и уголовного судопроизводства опирается на психологические, в частности, мнемические феномены. Так, само содержание обращения гражданина в органы юстиции по сути представляет собой вербально оформленное воспоминание о травмировавшей его ситуации прошлого. Ход разбирательства немыслим без фиксации показаний потерпевших, свидетелей и подозреваемых, которые также заключаются в извлечении материала из памяти. Уже в рамках судебного заседания доказательная база по делу рассматривается и оценивается судьями и присяжными не нейтрально, а неизбежно преломляется сквозь призму их личного опыта. Отсюда следует, что знание закономерностей работы памяти является существенной компетенцией для работников правовой сферы [1].

Особенно важным представляется понимание проблемы пластичности автобиографической памяти и способность квалифицированно отслеживать действие факторов, провоцирующих искажение воспоминаний. Ниже будут рассмотрены результаты современных исследований, которые отвечают на вопросы о том, какие аспекты автобиографических воспоминаний наиболее подвержены трансформациям и какие механизмы обуславливают данный процесс.

Наиболее пластичные компоненты автобиографических воспоминаний

Для проверки предположения о неравномерной чувствительности различных компонентов воспоминаний к искажениям нидерландский исследователь У. Вагенаар в течение 6 лет ежевечерне записывал одно-два наиболее значимых эпизода из произошедших за день (Wagenaar, 1986). Каждое из событий записывалось в стандартном формате, включающем в себя ответы на вопросы «Что?», «Кто?», «Где?», «Когда?» и наиболее яркую критическую для воспроизведения отличительную деталь события. За шестилетний период было собрано 2400 описаний событий. Процедура тестирования началась через полгода после записи первого события и заключалась в том, что ассистент предъявлял автору «подсказки» для воспроизведения до тех пор, пока событие не было точно воспроизведено, либо не было признано, что оно не поддается воспроизведению. Подсказки предъявлялись в 24 возможных вариантах последовательностей: Что?; Кто?; Где?; Когда? Ответ считался правильным, если после соответствующего количества подсказок следовало название оставшихся ключевых параметров.

Вагенаар установил, что различные аспекты воспоминания в целом демонстрировали неравную вероятность аккуратного воспроизведения. Точнее всего по подсказкам воспроизводились главное действующее лицо воспоминания (при предъявлении единичного ключа типа «Кто?» остальные ключи воспроизводились со следующей вероятностью: «Что?» – 62%, «Где?» – 29% и «Когда?» – 2%, итого в среднем 31% точных

ответов) и локализация места события (после ключа «Где?» остальные ключи воспроизводились со следующей вероятностью: «Кто?» – 28%, «Что?» – 58% и «Когда?» – 3%, итого в среднем 30% точных ответов). Существенно хуже воспроизводилась суть события (после ключа «Что?» остальные ключи воспроизводились со следующей вероятностью: «Кто?» – 26%, «Где?» – 29% и «Когда?» – 2%, итого в среднем 19% точных ответов). Датировка события представляла наибольшую трудность (после ключа «Когда?» остальные ключи воспроизводились со следующей вероятностью: «Что?» – 19%, «Где?» – 13% и «Кто?» – 7%, итого в среднем 13% точных ответов). Из приведенных данных видно, что наиболее эффективно актуализация воспоминания осуществлялась после подсказок типа «Что?» и «Где?», промежуточное положение занимала подсказка «Кто?», а подсказка по времени продемонстрировала наименьшую эффективность, причем независимо от времени, прошедшего после записи события.

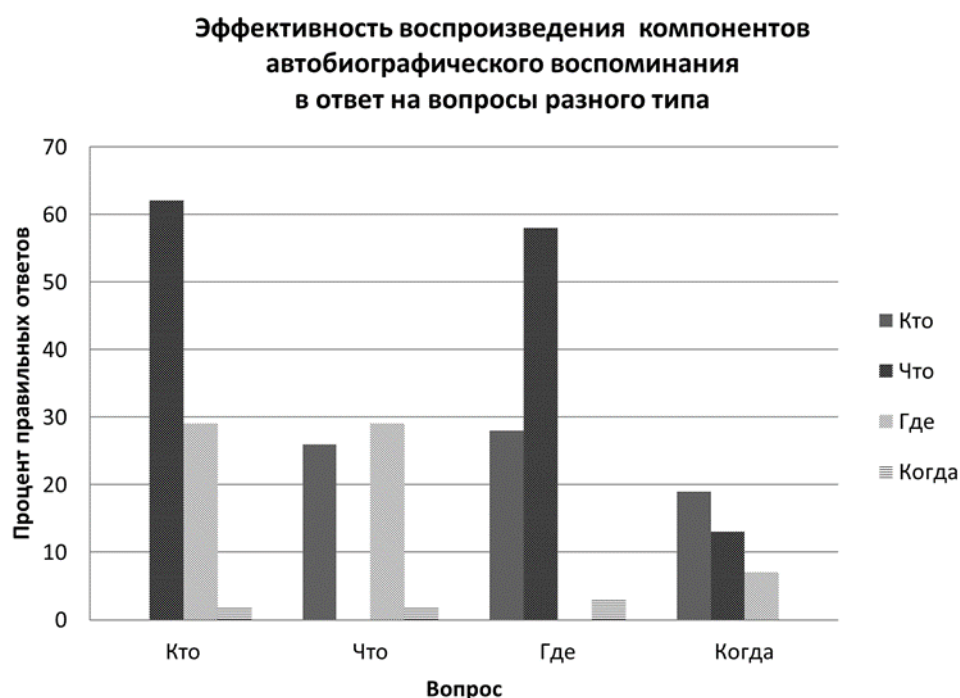

Рис.1. Эффективность воспроизведения компонентов воспоминания в ответ на вопросы разного типа (по данным Wagenaar, 1986)

Вывод об особой уязвимости для трансформаций временного (в формах датировки и событийной последовательности) аспекта воспоминаний, сделанный Вагенааром в результате анализа единичного случая, подтверждается и в массовых исследованиях воспоминаний респондентов о хорошо задокументированных общественно значимых событиях. Анджо Конвей с коллегами исследовали спонтанную пластичность АП на материале воспоминаний о террористических атаках на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке 11.09.2001 (Conway, et al., 2009). В исследование была включена репрезентативная выборка респондентов (около 700 человек), которая приняла участие в опросе в течение суток после события и затем еще дважды с годичным интервалом. Респонденты заполняли опросник из 12 пунктов, включающих вопросы типа «Где вы находились в тот момент, когда узнали о террористической атаке на ВТЦ?», «Кто находился рядом с вами в тот момент, когда вы узнали о событии?», «В какой конкретно час вы узнали о событии?», и т. п. Кроме того респонденты давали ретроспективный отчет о своем эмоциональном состоянии после

того, как они узнали о событии. При этом они могли отметить любое количество из 15 перечисленных в списке состояний (например, гнев, ненависть, беспомощность, потребность быть рядом с другими людьми, растерянность, ужас и др.).

Авторы получили следующие основные результаты. Во-первых, это результат о независимости динамики аккуратности воспоминаний от пола, возраста, уровня образования и места проживания респондентов. Во-вторых, высокую консистентность в данном исследовании показала оценка эмоционального состава и интенсивности первичной реакции на событие. Устойчивость ответов варьировала для разных вопросов. Так, наиболее устойчивыми оказались ответы на вопросы о месте получения информации и об окружающих в этот момент людях (80–87% идентичных в последовательных временных срезах ответов), а наименее устойчивыми – вопросы о точном времени (29% идентичных ответов) и о действиях, последовавших сразу за известием («Кто был первым, кому вы позвонили после случившегося?», «Кто был первым, кто позвонил вам после случившегося?», 37% идентичных ответов). При этом для всех пунктов наблюдался высокий уровень субъективного доверия к воспоминаниям (в среднем 4.5 из 5 баллов), который не демонстрировал снижения со временем.

Таким образом, можно заключить, что даже личные воспоминания, закрепленные дневниковой записью, не отличаются высокой точностью, а наибольшей уязвимостью характеризуются временные аспекты воспоминания и его сюжетная составляющая. Очевидно не только теоретическое, но и прикладное значение данного результата – люди действительно достаточно хорошо помнят, кто действовал как центральный актанта события прошлого и где это событие имело место, и экстраполируют свою уверенность в точности этих аспектов воспоминания на другие его аспекты, а именно, на воспоминания о сюжетной последовательности в дате события, которые на самом деле могут воспроизводиться неточно.

Механизмы трансформации автобиографических воспоминаний: инфляция воображением и ошибочная атрибуция источника происхождения материала

Ряд экспериментов, проводившихся в течение последних 20 лет, показал, что определенные процедуры способны привести к формированию ложных воспоминаний, обладающих высокой субъективной достоверностью и представленных в форме подробного, яркого и детального образа (Pezdek, Lam, 2007; Wade, et al., 2007; Нуркова, 2008).

Максимальный эффект присвоения ложных воспоминаний дает механизм, названный «инфляция воображением» (от англ. inflate – раздувать, надувать). Действие данного механизма является следствием того, что создание перцептивно богатого образа, адресованного прошлому, практически не отличается от следа реально произошедшего события и может ошибочно включиться в систему АП. При этом повторные акты воображения усиливают эффект, имитируя припоминания. Таким образом, происходит ошибочная атрибуция источника происхождения содержания сознания – воспоминание о продукте воображения принимается человеком за воспоминание о реальном случае. Дополнительное влияние оказывают также адресация к авторитетному источнику, подтверждающему истинность воспоминания (например, родитель или фотография) и субъективное повышение вероятности реальности события.

Так, в одной из пионерских работ Хаймена, Хасбанда и Биллинга данный механизм был продемонстрирован на материале имплантации воспоминаний о низко вероятных событиях детства (Human, Husband, Billings, 1995). Экспериментаторы заранее запрашивали у родителей студентов – участников исследования описания событий, которые произошли с их детьми в дошкольном детстве. Также были созданы описания ложных событий якобы относящихся к возрасту 5–6 лет «на свадебном обеде пролил чашу с пуншем на одежду одного из родителей невесты» и «в бакалейном магазине произошла эвакуация из-за неправильно сработавшей пожарной сирены». Испытуемых просили трижды последовательно как можно более детально вспомнить все события. К третьему интервью было воспроизведено 94% из верифицированных родителями воспоминаний и 25% из сконструированных экспериментаторами.

В следующей серии экспериментов Хаймана и Пентланда (Human, Pentland, 1996) было показано, что возможно формировать ложные воспоминания, не прибегая к их описанию. Процедура включала в себя три последовательных интервью. Испытуемому предлагался список ключевых слов (возраст, место, занятие, вовлеченные в действие люди), в ответ на которые нужно было воспроизвести конкретное воспоминание. Предлагаемые наборы относились либо к реальным случаям из детства испытуемых (данные были получены от родителей), либо были сконструированы экспериментатором. В том случае, если испытуемый из экспериментальной группы не мог сразу вспомнить событие по заданным ключевым словам, его просили в течение минуты максимально ярко и детально вообразить заданное событие. В контрольной группе испытуемого просили в течение того же времени пытаться вспомнить событие, не представляя его. В условиях торможения воображения на второй или третьей сессии истинные события воспроизводились в 30% случаев, а в условиях воображения воспроизведение истинных воспоминаний состоялось в 65% случаев. С другой стороны, в условиях торможения воображения ложное воспоминание так или иначе сформировалось в 12% случаев, в то время как в экспериментальных условиях – в 37%. Важно отметить, что субъективная ясность ложных воспоминаний возрастала с каждым интервью. Таким образом, был получен результат о вкладе воображения в формирование воспоминаний, причем как адресующихся к реально произошедшим событиям, так и полностью ложных.

Впечатляющие результаты были получены группой под руководством Н. Спаноса для имплантации рационально невозможных для запоминания событий младенчества (Spanos, et al., 1999). В данном случае испытуемых приглашали принять участие в образовательном тренинге «Мир глазами младенца». Испытуемому предлагалось проделать ряд упражнений, представляя себе то, что мог бы увидеть вокруг себя младенец, находящийся в детской кроватке, в частности «вращающийся механизм над своей колыбелью». Затем через неделю испытуемых опрашивали снова, причем тематика тренинга и последующей встречи с исследователями были для них субъективно независимыми. На повторной встрече 92% испытуемых утверждали, что помнят первые месяцы своей жизни. При этом 54% генерировали подробный образ вращающейся игрушки у них над колыбелью.

Поскольку все манипуляции по имплантации сконструированных воспоминаний, включающие воображение, исходят из тезиса о том, что «вообразить событие – значит пережить событие», а в акте воображения ведущим является визуальный компонент, возникла идея дополнить вербальное описание ситуации убедительными визуальными образами в качестве триггера воображения.

Классической в данном направлении исследований стала работа К. Уейд с коллегами (Wade et al., 2002), в которой авторы с помощью редактора PhotoShop создавали коллажи, включающие в себя фрагмент детской фотографии испытуемого с родителем, помещенные в корзину летящего воздушного шара. Данный контекст рассматривался как невозможный, поскольку в Новой Зеландии, где проводилось исследование, полеты детей на воздушном шаре запрещены. Испытуемым в течение трех последовательных интервью показывали реальные и фальсифицированные фотографии и просили рассказать о тех событиях, которые на них изображены. После каждого предъявления фальсифицированной фотографии проводилась процедура направленного воображения, в рамках которой требовалось представить детально целевую ситуацию. К третьему интервью были созданы убедительные для самих испытуемых воспоминания о 94% событий, построенных на основе реальных фотографий и более чем о 50% событий – из опирающихся на фальсифицированные фотографии. Интересно, что анализ речевой продукции испытуемых, принявших ложные воспоминания, показал преимущественно активный характер конструирования воспоминаний. Было выявлено, что только 30% утверждений из отчетов были основаны на информации, извлеченной из фотографии (в обоих случаях: на основе фальсифицированной фотографии и на основе реальной фотографии), а остальные 70% адресовались ситуации за пределами кадра. Данная интерпретация была значительно усилена в последующей работе Линдсея с коллегами, где испытуемым показывались нейтральные фотографии, не имеющие отношение к целевому ложному событию, которое предлагалось «вспомнить» (Lindsay, 2004). Испытуемым показывали групповое фото одноклассников и просили воспроизвести два реальных и одно ложное событие. Демонстрация нейтральной фотографии давала даже больший эффект, чем в предыдущем исследовании – более 60% генерировали подробное воспоминание о ложном событии.

Приведем пример интервью из исследования Уейда с коллегами, в котором фиксируется развитие ложного воспоминания:

Интервью 1.

Интервьюер (показывает фотографию полета на воздушном шаре): Итак, расскажите мне все, что возможно, о событии, которое запечатлено на этой фотографии.

Интервьюируемый: Хм... Никогда не думал, что я летал на воздушном шаре.

Интервьюер: Вы ничего не помните об этом событии?

Интервьюируемый: Это действительно я на фото... Но нет никакого воспоминания.

Интервьюер: Может быть, вы хотите подумать несколько минут, чтобы попытаться найти воспоминание? Вспомнить хоть что-то об этом событии?

Интервьюируемый: Нет.. Честно, у меня ничего не получается. Это так досадно...

Интервью 3.

Интервьюер: Попробуйте вспомнить о событии все, что возможно, ничего не оставляя вне своего внимания.

Интервьюируемый: Хм, пытаюсь определить сколько лет было тогда моей сестре... Пытаюсь разобраться, когда точно это было... Ну я определенно уверен, что это было, когда я учился в первом классе... школа была неподалеку... Хм... За 10\$ или около того можно было залезть на воздушный шар и подняться метров на 20. Должно быть, это было в субботу, и я был там вместе с родителями... не совсем уверен в этом... но точно не с бабушкой. Не могу вспомнить точно, кто из взрослых был тогда со мной. Нет, я все-таки абсолютно уверен, что там была мама, и это она сделала фотографию с земли, когда я был в воздухе.

Как уже было указано выше, вероятность принятия ложного воспоминания и субъективная уверенность в его истинности возрастают в том случае, если оценка вероятности того, что событие имело место в реальности, высока, а утверждение о реальности события исходит из авторитетного источника.

В работе Дж. Маззони экспериментатор изображал врача-психотерапевта, который на основе анализа рассказанного испытуемым сновидения приходил к «выводу», что данный сон свидетельствовал о наличии в опыте «подавленного» воспоминании об утоплении (Mazzoni et al., 1999). Исходившее от экспериментатора утверждение о том, что после просмотра видеоматериалов он совершенно уверен в том, что в показанной по телевидению хронике с места событий терактов в Москве в 1999 г. присутствовали кадры с домашними животными, приводили к тому, что значимое меньшинство респондентов включали рассказы о различных животных в свои воспоминания об этих событиях (Нуркова, Лофтус, Бернштейн, 2004).

Предпринимались также попытки повышения субъективной вероятности события, которые однозначно влияли на восприимчивость к ложным воспоминаниям (Mazzoni, Loftus, Kirsch, 2001). Участников эксперимента помещали в специально организованную среду, где явление «одержимость дьяволом» представлялось как вполне рядовое и вероятное событие. Для этого в помещении, где испытуемые якобы «ждали», пока их вызовут для проведения основного эксперимента, размещались предметы, направленные на то, чтобы повысить субъективную вероятность целевого феномена, например, журналы со статьями об одержимости дьяволом, газеты, где политические деятели признавались, что в детстве были одержимы и т. д. (конечно, все эти предметы были специально изготовлены для эксперимента). Проведя около получаса в подобной обстановке, испытуемые демонстрировали склонность соглашаться с утверждением о том, что были в прошлом свидетелями одержимости дьяволом.

Отчасти параллельно с данными работами разворачивался анализ зафиксированных в средствах массовой информации воспоминаний различных политических деятелей. Так Дэниель Гринберг проанализировал три последовательных публичных выступления президента США (2001–2009) Джорджа Буша, в которых он вспоминал о том, как он узнал об атаке на Всемирный торговый центр 9.11.2001 (Greenberg, 2004). В первом интервью от 4.12.2001 на вопрос, как он узнал о террористических актах в Нью-Йорке, Буш ответил, что находился в штате Флорида в аудитории и увидел на экране включенного беззвучно телевизора самолет, врезающийся в башню Всемирного торгового центра. При этом он подумал «Ужасная ошибка пилота» и сказал: «Должно быть, произошла ужасная катастрофа». Затем в аудиторию вошел начальник администрации Энди Кард и произнес: «Америка атакована». Спустя 16 дней 20.12.2001 Буш озвучил другое воспоминание. По его словам, его советник Карл Ров принес новость, сообщив, что инцидент в Нью-Йорке произошел по вине маленького двухмоторного самолета. Буш утверждал, что сначала подумал об ошибке пилота и не мог поверить, что случилось подобное несчастье. Поэтому

он предположил, что у пилота произошел инфаркт. Подойдя к экрану работающего телевизора, Буш увидел таран южной башни ВТЦ в тот момент, когда Энди Кард вошел в аудиторию и сказал: «Америка атакована!». Третье и самое краткое из рассматриваемых интервью было дано 05.01.2002. В нем Буш сказал следующее: «Я сидел в аудитории, туда зашел шеф моей администрации в тот момент, как я увидел по телевидению, как самолет протаранил первую башню ВТЦ. Сначала я подумал, что это ошибка пилота или что-то случилось с самолетом. Но Энди сказал, что Америка атакована». Кроме очевидных несовпадений в трех приведенных интервью, очевидно, что воспоминания президента США включают в себя объективно невозможные элементы. Буш не мог видеть по телевидению тарана Северной башни ВТЦ, так как съемочные группы приехали на место после первого «акта» трагедии, в прямом эфире происходил таран второй Южной башни. Автор считает, что причина ошибочности воспоминаний в ретроспективной проекции последующей информации на изначально зафиксированную ситуацию, которая характеризовалась неопределенностью и высокой стрессогенностью. Данный эффект, заключающийся во влиянии информации, полученной после свершения события, на содержание воспроизводимого события, был назван *post-event information effect*, является универсальным и верифицирован в десятках исследований (см. обзор: French, Garry, Loftus, 2009).

Выводы

- Анализ литературы по проблеме пластичности АП приводит к выводу о том, что она является восприимчивой как к внутренним, так и к внешним факторам трансформации ее содержаний, что контрастирует с высоким доверием её носителя к истинности автобиографических воспоминаний.
- Выявлены наиболее пластичные компоненты воспоминаний: его временная локализация и сюжетная последовательность микро-событий в рамках целостного события.
- Для того, чтобы автобиографическое воспоминание было принято как истинное, оно должно опираться на детализированный образ, который может быть как результатом проживания реального события, так и результатом акта воображения. Частота присвоения ложного воспоминания возрастает в том случае, если его описание исходит из заслуживающего доверия источника и оценивается как высоко вероятное. Многократное включение сконструированного воспоминания в психологический обиход делает его практически неотличимым от ранее сформировавшихся воспоминаний.

Финансирование

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №15-36-01045 «Регуляция самоидентичности системой автобиографической памяти».

Литература

1. Нуркова В.В. Проблема истинности автобиографических воспоминаний в процессе судопроизводства // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 5. С. 15–30.
2. Нуркова В.В., Бернштейн Д.М., Лофтус Э.Ф. Эхо взрывов: сравнительный анализ воспоминаний москвичей о террористических актах 1999 г. (Москва) и 2001 г. (Нью-Йорк) // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 1. С. 67–74.

3. Нуркова В.В. Доверчивая память: Как информация включается в систему автобиографических знаний // Когнитивные исследования: сб. науч. Трудов / Под ред. В.Д. Соловьева и Т.В. Черниговской. Т. 2. М.: Институт психологии РАН, 2008. С. 87–102.
4. Conway A., Skitka L.J., Hemmerich J.A., Kershaw T.C. Flashbulb Memory for 11 September 2001 // Applied Cognitive Psychology. 2009. Vol. 23(5), P. 605–623.
5. French L., Garry M., Loftus E.F. False memories: A kind of confabulation in non-clinical subjects // Confabulation. Views from neuroscience, psychiatry, psychology, and philosophy / W. Hirstein (Ed.). Oxford, NY: Oxford University Press, 2009. P. 33–67.
6. Greenberg D. President Bush's False 'Flashbulb' Memory of 9/11/01 // Applied Cognitive Psychology. 2004. Vol. 18, P. 363–370.
7. Hyman I.E., Husband T.H., Billings F.J. False memories of childhood experiences // Applied Cognitive Psychology. Vol. 9(3), P. 181–197.
8. Hyman I.E., Pentland J. The role of mental imagery in the creation of false childhood memories // Journal of Memory and Language. 1996. Vol. 35 (2). P. 101–117.
9. Lindsay D. S., Hagen L., Read J. D., Wade K. A., & Garry M. True photographs and false memories // Psychological Science. 2004. Vol.15, P.149–154.
10. Mazzoni G. A. L., Lombardo P., Malvagia S., & Loftus E. F. Dream interpretation and false beliefs // Professional Psychology: Research and Practice. 1999. Vol.30, P. 45–50.
11. Mazzoni G.A.L., Loftus E.F., Kirsch J. Changing beliefs about implausible autobiographical events: a little plausibility goes a long way // Journal of Experimental Psychology: Applied. 2001. Vol. 7 (1), P.51-59.
12. Pezdek K., Lam S. What research paradigms have cognitive psychologists used to study "False memory," and what are the implications of these choices? // Consciousness and Cognition. 2007. Vol.16, P.2–17.
13. Spanos N. P., Burgess C. A., Burgess M. F., Samuels C., & Blois W. O. Creating false memories of infancy with hypnotic and non-hypnotic procedures // Applied Cognitive Psychology. 1999. Vol.13(3), P.201-218.
14. Wade K. A., Garry M., Read J. D., & Lindsay S. A picture is worth a thousand lies: Using false photographs to create false childhood memories // Psychonomic Bulletin & Review. 2002. Vol.9, P.597–603.
15. Wade K.A.1., Sharman S.J., Garry M., Memon A, Mazzoni G., Merckelbach H., Loftus E.F. False claims about false memory research // Conscious and Cognition. 2007. Vol.16(1), P.18-28.
16. Wagenaar W.A. My memory: A study of autobiographical memory over six years // Cognitive Psychology. 1986. Vol.18, P.225–252.

The power of imagination / The weakness of dating: on two origins of autobiographical memory distortion

Nourkova V. V., Ph.D., DocSci in Psychology, Full Professor, Lomonosov Moscow State University
(Nourkova@mail.ru)

Vasilenko D. A., Ph.D. student in Psychology, Lomonosov Moscow State University
(baskun4ak@mail.ru)

The article focuses on issues of autobiographical memory malleability which are of high relevance to forensic practice. Taking into account both single case report and mass studies we revealed that time is the weakest aspect of autobiographical recollection. Namely, dating of past event and ordering of event components are prone to memory distortion to the maximum extent. Paradoxically, it coincides with high confidence in accuracy of event recalled. Then we shifted to the most discussed in the relevant literature mechanism of memory transformation i.e. imagination inflation. This mechanism consists of mistaking just imagined event for a real one. We also noted that high subjective probability of imagined event and reliable source of misinformation make significant impact into memory transformation.

Key words: constructiveness of cognition, autobiographical memory, subjective confidence, autobiographical memory's malleability.

Funding

This work was supported by grant RFH № 15-36-01045.

References

1. Nourkova V.V. Problema istinnosti avtobiograficheskikh vospominanij v processe sudoproizvodstva [The problem of autobiographical memory accuracy during forensic process] // *Psikhologicheskii Zhurnal [Psychological Journal]*, 1998, vol. 19, no. 5, pp.15–30.
2. Nourkova V.V., Bernstein D.M., Loftus E.F. Echo vzryvov: sravnitel'nyi analiz vospominanyi moskvichei o terroristicheskikh aktah 1999 g. (Moscvva) i 2001 g. Niu (Yiork) [Echo of explosions: Comporative analysis of recollections about the terrorists attacks at 1999 (Moscow) and 2001 (New-York city)] // *Psikhologicheskii Zhurnal [Psychological Journal]*. 2003, vol. 24, no. 1, pp. 64–72.

3. Nourkova V.V. Doverchivaja pamjat': Kak informacija vključaetsja v sistemu avtobiograficheskikh znanij. Kn: Kognitivnye issledovanija: sb. nauchnyh trudov. T. 2 / [Credulous Memory: How the information is accepted by a system of autobiographical knowledge. Cognitive studies]. V.D. Soloviev, T.V.Chernigovskaya (eds.) Moscow: Institut psihologii RAN Publ., 2008, pp. 87–102.
4. Conway A., Skitka L.J., Hemmerich J.A., Kershaw T. C. Flashbulb Memory for 11 September 2001 // *Applied Cognitive Psychology*. 2009. Vol.23 (5), P. 605-623.
5. French L., Garry M., Loftus E.F. False memories: A kind of confabulation in non-clinical subjects. In W.Hirstein (Ed.): *Confabulation. Views from neuroscience, psychiatry, psychology, and philosophy*. Oxford, NY: Oxford University Press, 2009. P. 33–67.
6. Greenberg D. President Bush's False 'Flashbulb' Memory of 9/11/01 // *Applied Cognitive Psychology*. 2004. Vol.18, P. 363–370.
7. Hyman I.E., Husband T.H., Billings F.J. False memories of childhood experiences // *Applied Cognitive Psychology*. Vol.9(3), P.181-197.
8. Hyman I.E., Pentland J. The role of mental imagery in the creation of false childhood memories // *Journal of Memory and Language*. 1996. Vol.35 (2), P.101-117.
9. Lindsay D. S., Hagen L., Read J. D., Wade K. A., & Garry M. True photographs and false memories // *Psychological Science*. 2004. Vol.15, P.149–154.
10. Mazzoni G. A. L., Lombardo P., Malvagia S., & Loftus E. F. Dream interpretation and false beliefs // *Professional Psychology: Research and Practice*. 1999. Vol.30, P. 45–50.
11. Mazzoni G.A.L., Loftus E.F., Kirsch J. Changing beliefs about implausible autobiographical events: a little plausibility goes a long way // *Journal of Experimental Psychology: Applied*. 2001. Vol. 7 (1), P.51-59.
12. Pezdek K., Lam S. What research paradigms have cognitive psychologists used to study "False memory," and what are the implications of these choices? // *Consciousness and Cognition*. 2007. Vol.16, P.2–17.
13. Spanos N. P., Burgess C. A., Burgess M. F., Samuels C., & Blois W. O. Creating false memories of infancy with hypnotic and non-hypnotic procedures // *Applied Cognitive Psychology*. 1999. Vol.13(3), P.201-218.
14. Wade K. A., Garry M., Read J. D., & Lindsay S. A picture is worth a thousand lies: Using false photographs to create false childhood memories // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2002. Vol.9, P.597–603.
15. Wade K.A.1., Sharman S.J., Garry M., Memon A, Mazzoni G., Merckelbach H., Loftus E.F. False claims about false memory research // *Conscious and Cognition*. 2007. Vol.16(1), P.18-28.
16. Wagenaar W.A. My memory: A study of autobiographical memory over six years // *Cognitive Psychology*. 1986. Vol.18, P.225–252.

Формирование феномена стигматизации в отношении лиц, пострадавших при чрезвычайных ситуациях у представителей различных социальных групп

Захарова Н.М., кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник Отдела неотложной психиатрии и помощи при чрезвычайных ситуациях ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (natali_oslo@mail.ru)

Баева А.С., кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник Отдела неотложной психиатрии и помощи при чрезвычайных ситуациях ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России

Гурин И.В., кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник Отдела неотложной психиатрии и помощи при чрезвычайных ситуациях ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России

Шкурко В.В., младший научный сотрудник Отдела неотложной психиатрии и помощи при чрезвычайных ситуациях ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России

В представленной работе рассматривается феномен стигматизации, являющийся одним из неблагоприятных социально-психологических последствий чрезвычайных ситуаций, повышающих уровень уязвимости личности и, при этом, остающийся недостаточно изученным. Авторами проведено исследование по выявлению стигматизации в отношении лиц, пострадавших от чрезвычайных ситуаций среди жителей двух регионов, неоднократно подвергавшихся террористическим атакам: Северная Осетия (города Беслан и Владикавказ) и Центральный регион (город Москва). Анализ полученных данных позволил сделать заключение о наличии признаков стигматизации в отношении пострадавших в обеих группах респондентов, недостаточной осведомленности в обществе об особенностях индивидуальных форм реагирования на стресс, проявлений постстрессовых психических расстройств, а также о переносе общественных стереотипов в отношении лиц, страдающих психическими заболеваниями на пострадавших. Определены социально-демографические факторы, обуславливающие внешнюю стигматизацию. Показано, что степень

выраженности стигматизирующих тенденций зависит от принадлежности респондента к определенной социальной группе и от предшествующего травматического опыта.

Ключевые слова: последствия чрезвычайной ситуации, пострадавшие, стигматизация.

Для цитаты:

Захарова Н.М., Баева А.С., Гурин И.В., Шкурко В.В. Формирование феномена стигматизации в отношении лиц, пострадавших при чрезвычайных ситуациях у представителей различных социальных групп. [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2017(7). № 1. С. 193-205.
doi: 10.17759/psylaw.2017070116

For citation:

Zakharova N.M., Baeva A.S., Gurin I.V., Shkurko V.V. Formation of the phenomenon of stigmatization against individuals affected in emergencies from representatives of various social groups. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2017(7), no. 1. pp.193-205.
doi: 10.17759/psylaw.2017070116

Жизнь в современном мире происходит в условиях постоянной угрозы внезапного возникновения чрезвычайных ситуаций (природных и техногенных катастроф, террористических атак, локальных войн и т.д.), которые являются стрессорами высокой интенсивности, способными вызывать различные формы психической и психологической дезадаптации [1, 3, 4]. При этом, масштаб негативных социально-психологических последствий чрезвычайных ситуаций охватывает значительно большее число людей, чем официально признаются пострадавшими. Повсеместное развитие средств массовой информации, всеобъемлющее и масштабное освещение катастроф нередко приводят к обострению социальных конфликтов в обществе. Страх, тревога, постоянное, в том числе, неосознанное ожидание катастрофы порождают ненависть и недоверие между социальными и национальными группами [13].

Кроме того, вследствие пережитого тяжелого эмоционального стресса, население, которое непосредственно не пострадало при чрезвычайной ситуации, оказывается втянутым в, так называемый, индигенный конфликт [6] - расслоение общества на «виновных» и «пострадавших». Обвинения в недостаточности усилий по спасению погибших, приводят к дополнительному разобщению и выделению, так называемых «мало пострадавших», с усилением у последних формирующегося чувства вины перед погибшими («синдром выжившего»). Данный конфликт оказывает неблагоприятное влияние на психическое здоровье всего населения, приводя к избирательности общения, ограничению социальных контактов, нарушению межличностных отношений. С течением времени интерес общества к проблемам пострадавших снижается. При этом, получение различных материальных выплат, компенсаций, социальных льгот, формирование у некоторых поведения «жертвы», способствуют появлению негативного отношения к пострадавшим, выделению их в отдельную группу.

Возникновение конфликтов на разных уровнях социального общежития приводит к развитию такого неблагоприятного социально-психологического феномена как стигматизация. Выделяют внешнюю (несправедливое отношение социума к пострадавшему) и внутреннюю (чувство стыда, вины, боязнь дискриминации) стигму. Большинство авторов, занимавшихся проблемой стигматизации [4, 9-12], указывают на тесную связь этих явлений.

Следует отметить, что до настоящего времени, феномен стигматизации пострадавших при различных чрезвычайных ситуациях остается недостаточно изученным. Известно, что стигматизация приводит к утяжелению уже имеющихся психических, психологических и поведенческих расстройств, препятствует их обратному развитию, вызывает дополнительные сложности для адаптации в условиях изменившихся обстоятельств и пережитого негативного опыта [2, 5, 7]. Это требует, с нашей точки зрения, от психиатров и психологов особого внимания к данной проблеме, дальнейшего изучения факторов, способствующих как возникновению, так и преодолению феномена стигматизации.

Цель исследования: Изучение отношения различных групп общества, к лицам пострадавших в результате чрезвычайных ситуаций. Выявление признаков стигматизации общества в отношении пострадавших и факторов социально-демографического порядка, влияющих на ее выраженность.

Материалы и методы.

В работе использовался метод интервью с помощью опросника «Психическое нездоровье в общественном сознании», разработанного В.С. Ястребовым и соавт. (2001), который исходя из поставленных задач, был адаптирован и дополнен необходимыми тестовыми вопросами.

В исследовании приняли участие две группы респондентов, проживающих в населенных пунктах, подвергавшихся террористическим атакам, отличающихся концентрацией пострадавших на душу населения, а также этно-культуральными особенностями.

Первую группу составили лица, проживающие на территории Республики Северная Осетия – Алания, в городах Беслан и Владикавказ. За период с 1988 по 2010 гг в этом регионе было совершено 17 террористических актов против гражданского населения. Общее число погибших составило 488 человек (из них более 200 детей), раненых 973 (0,21 % пострадавших от населения региона).

Было опрошено 47 человек (32 мужчины (68,1%) и 15 женщин (31,9%)). Средний возраст респондентов составил 30,6 лет. Практически половина обследуемых - 24 чел. имели высшее (техническое и гуманитарное) образование, 23 чел. средне-специальное. Все исследуемые имели постоянное место работы. Большинство опрошенных - 40 чел. знали о чрезвычайных ситуациях из СМИ, два человека являлись непосредственно пострадавшими от ЧС, 1 чел. является родственником погибшего при ЧС.

Вторую группу составили лица, проживающие на территории Центрального Федерального округа, в городе Москва. За период с 1993 по 2011 гг совершено 12

террористических актов против гражданского населения. Общее число погибших составило 196 человека, раненых 648 (0,007% пострадавших от населения региона).

Было опрошено 51 человек (14 мужчин (27,5%) и 37 женщин (72,5%)). Средний возраст респондентов составил 30,8 лет. Большинство респондентов - 37 человек, имели высшее медицинское образование, остальные средне-специальное – 10 чел., неоконченное среднее – 4 чел. Все исследуемые имели постоянное место работы. Большинство опрошенных - 45 чел. знали о чрезвычайных ситуациях из СМИ, 4 человека являлись непосредственно пострадавшими от ЧС, 1 является родственником погибшего при ЧС.

Опрос проводился анонимно, не выборочно. В исследовании учитывались социально-средовые и демографические характеристики респондентов, такие как: гендерные, возрастные различия, образование, занятость, семейное положение, место жительства. Исследовалось их отношение к:

- чрезвычайным ситуациям;
- пострадавшим при чрезвычайных ситуациях;
- необходимости оказания пострадавшим при ЧС медицинской помощи;
- социально-правовому статусу пострадавших;
- освещению последствий чрезвычайных ситуаций в средствах массовой информации.

Следует отметить, что, несмотря на анонимность, после ознакомления с опросником, примерно четверть предполагаемых участников отказалась от участия в опросе, затрудняясь ответить на «неудобные», «провокационные», с их точки зрения, вопросы.

Результаты и обсуждение.

Отношение респондентов к пострадавшим при чрезвычайных ситуациях.

В большинстве случаев (80,8% (48,9% м., 31,9% ж.) в Северной Осетии и 60% (17,6% м., 41,2% ж.) в Москве), представители изучаемых групп всех возрастов проявляли жалость и сочувствие к лицам, пострадавшим вследствие чрезвычайных ситуаций и подчеркивали, что они такие же члены общества как и все, только попавшие в сложные жизненные обстоятельства (55,3% (29,8% м., 25,5% ж.) в Северной Осетии и 68% (15,7% м., 54,9% ж.) в Москве).

В то же время, значительная часть опрошенных: 76,6%, (48,9% м., 27,7% ж.) в Северной Осетии и 46% (17,6% м., 35,3% ж.) в Москве утверждали, что поведение пострадавших может быть иногда необъяснимо с точки зрения здравого смысла. Это утверждение коррелирует с молодым возрастом (до 30 лет) и средним образованием, у респондентов обеих групп.

Оценивая патохарактерологические и личностные особенности пострадавших, ряд респондентов отметили, что эти лица чрезмерно назойливы и бесцеремонны (23,4%, (17%

м., 6,4% ж.) в Северной Осетии и 12% (5,9% м., 5,9% ж.) в Москве). Большинство же опрошенных обратили внимание на то, что пострадавшие в ЧС замкнуты и отгорожены (51,1% (29,8% м., 21,3% ж.) в Северной Осетии и 62% (43,1% м., 17,6% ж.) в Москве), а также ранимы и эмоционально лабильны (43% (34% м., 19% ж.) в Северной Осетии и 72% (17,6% м., 52,9% ж.) в Москве). При этом неприятные, раздражающие моменты в поведении пострадавших в ЧС чаще отмечают мужчины, а ранимость и эмоциональную лабильность – женщины.

Кроме того, практически треть опрошенных (28% (6,4% м., 12,6% ж.) в Осетии и 28% (9,8% м., 17,6% ж.) в Москве), причем женщины в два раза чаще мужчин, полагают, что пострадавшие склонны преувеличивать свои страдания.

Следует отметить также, что подавляющее большинство респондентов обеих групп (95% в Северной Осетии, 93% в Москве), как мужчины, так и женщины, утверждали, что отношение к пострадавшим должно определяться в каждом случае индивидуально.

Представление респондентов о необходимости оказания пострадавшим при ЧС медицинской помощи

На вопросы, связанные с психическими расстройствами, возникающими у пострадавших вследствие чрезвычайных ситуаций, опрошенные давали противоречивые ответы.

С одной стороны, более трети респондентов обеих групп признавали тот факт, что у всех лиц, переживших чрезвычайную ситуацию развиваются психические расстройства (29,8% (12,8% м., 17% ж.) в Северной Осетии и 38% (11,8% м., 25,4% ж.) в Москве) и им необходимо лечиться у психиатров (40,4% (27,6% м., 12,8% ж.) в Северной Осетии и 40% (13,7% м., 25,5% ж.) в Москве, к тому же, значительное большинство опрошенных, как в Северной Осетии (78,7% (46,8% м., 31,9% ж.)), так и в Москве (84% (23,5% м., 58,8% ж.) убеждены, что от лечения у психиатра гораздо больше пользы, чем вреда.

С другой стороны, четверть респондентов в Северной Осетии (23,4% (14,8% м., 8,5% ж.)) отрицала возможность возникновения у пострадавших психических расстройств, предполагая, что «существуют только люди, которые не хотят соблюдать общественные нормы».

Интересен тот факт, что, большинство опрошенных в Северной Осетии - 76,6% (53,2% м. и 23,4% ж.) считали, что со страхами, возникающими после перенесенного стресса можно справиться усилием воли, «взяв себя в руки». Практически все, согласившиеся с этим утверждением – молодые люди в возрасте до 30 лет, преимущественно мужчины, знающие о чрезвычайных ситуациях по сообщениям в СМИ. Можно предположить, что это вероятно связано, с относительно молодым возрастом респондентов, отсутствием жизненного опыта, недостаточной осведомленности о влиянии чрезвычайных ситуаций на психическое здоровье.

В то же время, только четверть респондентов - 24% (11,8% м., 11,8% ж.), проживающих в г. Москве согласились с данным высказыванием, что, вероятно, связано с наличием у более, чем половины опрошенных, медицинского образования.

Утверждение, что врач-психиатр вряд ли способен помочь лицам, перенесшим чрезвычайную ситуацию, поддержали 16,7% (10% м., 6,7% ж.) респондентов, проживающих в Республике Северная Осетия. Такое же количество респондентов в Северной Осетии (16,7%) считают, что помощь пострадавшим должны оказывать не психиатры, а священники или другие представители различных религиозных конфессий. Примечательно, что это утверждение также коррелировало с молодым возрастом (до 30 лет), средним образованием и мужским полом.

Больше трети респондентов - 36,2% (27,7% м., 8,5% ж.), проживающих в Северной Осетии считают, что душевное состояние лиц, перенесших теракт никогда не изменится, в то время, как большинство опрошенных, проживающих в г. Москве с данным утверждением не согласны. Очевидно, что данный факт также обусловлен наличием специализированного (медицинского) образования и специфическим профессиональным опытом у последних.

Следует также отметить, что в целом, практически все респонденты обеих групп давали оптимистичный прогноз по поводу психического здоровья пострадавших, считая, что их состояние может улучшиться.

Представления респондентов о социальном и правовом статусе пострадавших

Проведенное исследование показало, что больше половины опрошенных респондентов: 62% (34% м., 28% ж.) в Северной Осетии и 54% (20% м., 44% ж.) в Москве, считают, что поведение пострадавших может быть совершенно непредсказуемым. Этот показатель коррелирует с молодым возрастом (до 30 лет) в обоих субъектах.

Абсолютное большинство лиц, принявших участие в опросе, утверждают, что данные граждане, пострадавшие при ЧС, должны иметь такие же права, как и остальные члены общества. Одновременно с этим, практически четверть опрошенных и в Москве – 26% (11,8% м., 14,9% ж.) и в Северной Осетии – 23,4% (17% м., 6,4% ж.) считают, что судьбу и вопросы лечения пострадавших должно решать общество, так как сами они «не могут понимать, что для них лучше», а помощь со стороны государства должна осуществляться пожизненно (23,3% (19,10% м., 4,9% ж.) в Северной Осетии и 26% (7,8% м., 17,6% ж.) в Москве).

Кроме того, более половины респондентов считают, что пострадавшие часто используют ситуацию для получения собственной выгоды в виде: больших денежных компенсаций (67,5% в Северной Осетии и 35% в Москве); бесплатной медицинской помощи (70% в Северной Осетии и 43% в Москве); бесплатного образования (34% в Северной Осетии и 27,5% в Москве). Подчеркивая значимость вышесказанного, большинство респондентов (80,9% (51,1% м., 29,8% ж.) в Северной Осетии и 86% (27,5% м., 56,9% ж.) в Москве) считают, что помощь пострадавшим должна определяться индивидуально. Вышесказанные утверждения чаще встречаются среди лиц, старше 30 лет, что на наш взгляд связано с полученным жизненным опытом и сложившейся жизненной позицией.

Как следует из утверждений всех опрошенных, никто из представителей обеих групп не избегает общения с пострадавшими, а также партнерских, либо приятельских отношений с данной группой лиц, несмотря на сложности взаимодействия с последними.

Отношение респондентов к освещению последствий чрезвычайных ситуаций в средствах массовой информации

Проведенное исследование показало, что больше половины респондентов в Северной Осетии (53,2%) и две трети в Москве (70%) не считают, что СМИ должны освещать проблемы пострадавших и через несколько лет после чрезвычайной ситуации.

Четверть опрошенных (по 25,5% в Северной Осетии и в Москве), причем женщин вдвое больше, чем мужчин, ответили, что повторные публикации и телевизионные репортажи вызывают у них интерес к произошедшим событиям.

Однако, часть респондентов отметили, что длительное освещение СМИ чрезвычайных ситуаций вызывает у них раздражение (38,3% (29,8% м., 8,5% ж.) в Северной Осетии и 38% (11,8% м., 33,3% ж.) в Москве), негодование (29,7% (19,1% м., 10,6% ж.) в Северной Осетии и 19,6% (11,8% м., 7,8% ж.) в Москве), а также страх повторения событий (48,9% (21,3% м., 27,7% ж.) в Северной Осетии и 31,3% (7,8% м., 23,5% ж.) в Москве).

При этом, большинство опрошенных респондентов обеих групп (76,6% в Северной Осетии и 84% в Москве) отмечали у себя неприятные переживания, возникающие в ответ на многократное и продолжительное освещение чрезвычайных ситуаций в СМИ. Респонденты характеризовали их как «внутреннее напряжение», тревогу, «непрерывное ожидание беды». Данные симптомы чаще отмечали у себя женщины старше 30 лет, имеющие семьи.

Необходимо также добавить, что более половины опрошенных проживающих как в Северной Осетии (53,2% (33,2% м., 20% ж.), так и в Москве (54% (19,6% м., 36,2% ж.) сообщили, что, по их мнению, средства массовой информации склонны преувеличивать страдания пострадавших. Данное утверждение коррелировало с возрастом старше 30 лет, как среди мужчин, так и среди женщин.

Отношение респондентов к чрезвычайным ситуациям

С утверждением, что чрезвычайные ситуации будут происходить всегда согласились большинство представителей обеих групп: 76% (46% м., 30% ж.) в Северной Осетии и 96% (40% м., 66% ж.) в Москве.

Абсолютно все опрошенные респонденты проживающие, как в Москве, так и в Северной Осетии согласны, с утверждением, что от чрезвычайных ситуаций никто не застрахован.

Примерно четверть опрошенных считают, что теракты происходят по вине только представителей государственной власти (25,5% (12,7% м., 12,7% ж.) в Осетии и 23,5% (5,9% м., 17,6% ж.) в Москве). В то же время, ряд респондентов согласны с утверждением, что в происхождении чрезвычайных ситуаций виновато все общество (23,4% (10,6% м., 12,8% ж.) и 37,2% (7,8% м., 29,4% ж.) в Москве).

Следует отметить, что большая часть опрошенных игнорировала вопросы, связанные с политической тематикой.

Почти половина опрошенных респондентов, проживающих в Северной Осетии - 44,7% (44,7% м., 21,5% ж.) и четверть респондентов, проживающих в Москве - 26% (9,8% м., 15,7% ж.) указали, что стараются избегать мест, где может произойти чрезвычайная ситуация. Также следует отметить, что значительная часть респондентов обеих групп сообщили, что длительное время находятся в ожидании чрезвычайной ситуации (25,55% (12,8% м., 12,8% ж.) в Северной Осетии и 18% (7,8% м., 9,8% ж.) в Москве), что косвенно свидетельствует о повышенном уровне тревоги.

Заключение

Межличностные конфликты, поиск «виновных», противопоставление группы «потерпевших» остальному населению пострадавшего региона, возникающие после пережитых чрезвычайных ситуаций, приводят к развитию различных форм психической дезадаптации у населения, а со временем - к стигматизации отдельных групп.

Проведенное исследование показало, что признаки стигматизации отмечаются в обеих группах опрошенных, причем как в отношении самих пострадавших, так и в отношении оказываемой им медицинской, психиатрической и социальной помощи, а также освещения чрезвычайных ситуаций в СМИ.

Исследование продемонстрировало, что отношение общества к лицам, пострадавшим при чрезвычайных ситуациях, неоднозначное. С одной стороны, в обществе проявлялись жалость и сочувствие к людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, с другой - настороженность, из-за возможной непредсказуемости и необъяснимости их поведения с точки зрения «здорового смысла» окружающих. Формально, большинство опрошенных согласны поддерживать с лицами, пережившими чрезвычайную ситуацию, профессиональные и дружеские отношения, но при этом характеризуют их как замкнутых, отгороженных, ранимых и сложных в общении. По мнению большинства респондентов, все пострадавшие нуждаются в оказании им специализированной психиатрической помощи. Характерно, что такие высказывания чаще встречаются в группе лиц, проживающих на территории Республики Северная Осетия.

Также исследование выявило, что в регионе с более высоким процентом пострадавших в чрезвычайных ситуациях на душу населения, признаки стигматизации общества несколько выше. Большинство опрошенных лиц, проживающих на территории Республики Северная Осетия, считают, что перенесшие ЧС склонны преувеличивать свои страдания, а их психологические проблемы являются проявлениями слабости и безволия. Кроме того, большинство представителей этого региона также обращают особое внимание на выгоды пострадавших от «своего положения», которые заключаются в получении денежных компенсаций, бесплатного образования и дорогостоящих медицинских услуг.

Таким образом, анализ полученных данных позволяет говорить о недостаточной осведомленности в обществе в отношении особенностей индивидуальных форм реагирования на стресс, в понимании природы и проявлений постстрессовых психических расстройств, а также о переносе общественных стереотипов в отношении лиц, страдающих психическими заболеваниями на пострадавших.

На выраженность стигматизационных процессов в обществе влияет структура и динамика психических расстройств, развивающихся у пострадавших в связи с

перенесенным стрессом. Степень выраженности стигматизирующих тенденций зависит от принадлежности респондента к определенной социальной группе (территориальной, образовательной, демографической (пол, возраст), профессиональной) и от предшествующего травматического опыта (опыта переживания чрезвычайных ситуаций).

Проведенное исследование свидетельствует о необходимости внедрения дестигматизационных мероприятий, как на ранних, так и на отдаленных этапах ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Необходимо повышать толерантность различных слоев общества к пострадавшим при чрезвычайных ситуациях путем просветительской работы с родственниками, медицинскими, социальными работниками и населением в целом.

Литература

1. Бовина И.Б., Бовин Б.Г. Стигматизация: социально-психологические аспекты (Часть1) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63778.shtml> (дата обращения: 06.04.2017)
2. Дубицкая Е.А. Стигматизация и самостигматизация больных депрессией и их родственников. «Аспиранский вестник Поволжья». Самара, 2008. № 3-4.- С.195-199.
3. Ениколопов С.Н. Стигматизация и проблема психического здоровья // Медицинская (клиническая) психология: традиции и перспективы (К 85-летию Юрия Федоровича Полякова). М.: Московский городской психолого-педагогический университет, 2013. С. 109-121.
4. Кекелидзе З.И., Бедина И.А., Тюменкова Г.В. Реинтеграция в социум лиц, пострадавших в чрезвычайных ситуациях. Психиатрия чрезвычайных ситуаций. Руководство: в 2 т. под ред. проф. З.И. Кекелидзе. 2-е изд, испр. и доп. М., 2011 Т. 2. С.311-321.
5. Кекелидзе З.И., Бедина И.А., Шпорт С.В., Баева А.С., Алкеева-Костычева Е.А, Сидоров-Моисеев И.И., Цекин В.П. Клинико-социальные факторы стигматизации лиц, пострадавших при чрезвычайных ситуациях//Методические рекомендации. М.: ФГБУ «ФМИЦПН» Минздрава России. 2015. 20 с.
6. Портнова А. А. Индигенный конфликт: неблагоприятный тип отсроченного массового реагирования на тяжелый эмоциональный стресс. Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2006. 106(2). С. 13-16.
7. Тюменкова Г.В., Бедина И.А. Проблемы стигматизации лиц, перенесших чрезвычайную ситуацию. Материалы международной конференции «Психиатрия чрезвычайных ситуаций». М., 2006. С.74-75.
8. Ястребов В.С., Михайлова И.И., Гонжал О.А. и др. Факторы стигматизации лиц с психическими расстройствами: методические рекомендации. Научный центр

психического здоровья. М.:И., 2009.

9. *Goffman E.* Stigma: Notes on the Management of Spoiledidentity. N.Y.: Prentice-Hall, 1963. Chapters 1 and 2 (3-6). 335 p.
10. *Haghighat R.* A unitary theory of stigmatization. *British Journal of Psychiatry.* 2001. V. 178, P. 207-215.
11. *Hatzenbuehler M.L., Phelan J.C., Lin B.G.* Stigma as a Fundamental Cause of Population Health Inequalities. *Am J. Public Health.* 2003. V.103(5), P. 813-821.
12. *Link B., Phelan J.* Conceptualizing stigma. *Annual Review of Sociology*, 27 mental illness: Patients' anticipations and experiences. *International Journal of mentally ill.* Internaitonal Journal of Law and Psychiatry. 2001. V.24, P. 469-486.
13. *Padela A.I., Heisler M.* The Association of Perceived Abuse and Discrimination After September 11, 2001, With Psychological Distress, Level of Happiness, and Health Status Among Arab Americans. *American Journal of Public Health.* 2010. Vol. 100(2), P. 284-291.

Formation of the phenomenon of stigmatization against individuals affected in emergencies from representatives of various social groups

Zakharova N. M., PhD (Medicine), senior researcher of the Department of urgent psychiatry and the help at emergency situations of Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (natali_oslo@mail.ru)

Baev A. S., PhD (Medicine), senior researcher of the Department of urgent psychiatry and the help at emergency situations of the Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation

Gurin I. V., PhD (Medicine), senior researcher of the Department of urgent psychiatry and the help at emergency situations of the Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation

Shkurko V. V., Junior researcher of the Department of urgent psychiatry and the help at emergency situations of the Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation

In this article the authors consider the phenomenon of stigmatization as one of the unfavorable socio-psychological results of emergency situations raising the level of personality vulnerability though not studied enough so far. A study was made to reveal stigmatization with relation to persons who had suffered from emergency situations, among the inhabitants of the two regions exposed to terroristic attacks: that of North Ossetiya (the town of Beslan and the city of Vladikavkaz) and the Central Region (the city of Moscow). Analysis of the obtained data permitted one to make a conclusion of the presence of signs of stigmatization in both groups of respondents, of insufficient awareness in society of the specificities of individual forms of response to stress, of manifestations of post-stress mental disorders, as well as a transfer of social stereotypes related to persons with mental disorders to the victims. Socio-demographic factors causing outward stigmatization have been defined. A degree of expression of stigmatization tendencies depends on a respondent's social status as well as on the past traumatic experience.

Key words: impact of the emergency situation, affected, stigma.

References

1. Bovina I.B., Bovin B.G. Stigmatization: the socio-psychological aspects (Part 1) [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2013. no. 3 (In Russ., abstr. in Engl.)
2. Dubitskaya E.A. Stigmatizatsiya i samostigmatizatsiya bolnih depressiey i ih rodstvennikov [Stigma and self-stigmatization of patients with depression and their relatives] // «Aspirantskiy vestnik Povolgya» [the postgraduate Bulletin of the Volga region], 2008. no. 3-4. pp. 195-199.
3. Enikolopov S.N. Stigmatizatsiya i problema psicheskogo zdorovia. Medizinskaia (klinicheskaja) psichologiya: traditsii i perspektivi [Stigma and mental health problems. Medical (clinical) psychology: traditions and prospects]. Moscow: Publ. Moskovskiy gorodskoy psichologo-pedagogicheskij universitet, 2013. pp. 109-121.
4. Kekelidze Z.I., Bedina I.A., Tyumenkova G.V. Reintegratsiya v sozium liz, postradavshih v chrezvichaynih situatsiyah. Psihiatria chrezvichaynih situatsiy [Reintegration into society of persons injured in emergencies. Psychiatry emergencies]. *Rukovodstvo v 2-h tomah*, In Kekelidze Z.I. (ed). 2-e izdanie, isprav. i dopoln. Moscow, 2011. Vol.2. pp. 311-321.
5. Kekelidze Z.I., Bedina I.A., Shport S.V., Baeva A.S., Alkeeva-Kosticheva E.A. Sidorov-Moiseev I.I. Tsekin V.P. Kliniko-sotsialnie faktori stigmatizatsii lits, postradavshih pri chrezvichaynih situatsiyah. Metodicheskie rekomendatsii [Clinical and social factors of the stigmatization of persons affected during emergency situations. Methodical recommendations]. Moscow: Publ. FGBU «FMITSPN» Minzdrava Rossii. 2015. 20 p.
6. Portnova A.A. Indigennyi konflikt: neblagopriyatnyy tip otsrochennogo massovogo reagirovaniya na tyageliy emotsionalnyy stress [Indigenous conflict: the unfavorable type of delayed mass reaction to severe emotional stress]// *Gurnal nevrologii i psichiatrii im. S.S. Korsakova [Journal of neurology and psychiatry. S. S. Korsakov]*. 2006. Vol.106(2). pp. 13-16.
7. Tyumenkova G.V., Bedina I.A. Problemi stigmatizatsii lits, perenessih chrezvichaynyuyu situatsiyu [The problem of stigmatization of persons who have suffered an emergency] // *Materiali megdunarodnoy konferentsii «Psihiatriya chrezvichaynih situatsiyah» [Proceedings of the international conference "Psychiatry emergencies"]*. Moscow, 2006. pp. 74-75.
8. Yastrebov V.S., Mihaylova I.I., Gongal O.A. et. Al. Faktori stigmatizatsii lits s psicheskimi rasstroystvami: metodicheskie rekomendatsii. Nauchniy tsentr psicheskogo zdoroviya [Factors stigmatization of people with mental disorders: guidelines. Scientific center of mental health]. Moscow.: I., 2009. 30 p.
9. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiledidentity. N.Y.: Prentice-Hall, 1963. Chapters 1 and 2 (3-6). 335 p.
10. Haight R. A unitary theory of stigmatization. *British Journal of Psychiatry*. 2001. V. 178, P. 207-215.

Захарова Н.М., Баева А.С., Гурин И.В., Шкурко В.В. Формирование феномена стигматизации в отношении лиц, пострадавших при чрезвычайных ситуациях у представителей различных социальных групп. *Психология и право psyandlaw.ru* 2017. Том 7. №1. С. 193-205.

Zakharova N.M., Baeva A.S., Gurin I.V., Shkurko V.V. Formation of the phenomenon of stigmatization against individuals affected in emergencies from representatives of various social groups. *Psychology and law psyandlaw.ru* 2017. Vol. 7. no.1. pp. 193-205.

11. Hatzenbuehler M.L., Phelan J.C., Lin B.G. Stigma as a Fundamental Cause of Population Health Inequalities. *Am J. Public Health.* 2003. V.103(5), P. 813-821.
12. Link B., Phelan J. Conceptualizing stigma. *Annual Review of Sociology*, 27 mental illness: Patients' anticipations and experiences. *International Journal of mentally ill.* Internaitonal Journal of Law and Psychiatry. 2001. V.24, P. 469-486.
13. Padela A.I., Heisler M. The Association of Perceived Abuse and Discrimination After September 11, 2001, With Psychological Distress, Level of Happiness, and Health Status Among Arab Americans. *American Journal of Public Health.* 2010. Vol. 100(2), P. 284-291.

Психологическая юриспруденция как междисциплинарная наука и область психопрактики

Поздняков В.М., доктор психологических наук, профессор, кафедра уголовного права и процесса юридического факультета, Российский университет дружбы народов (pozdneyakov53@mail.ru)

В статье аргументировано показано, что в России все чаще стали издаваться монографии юристов по ключевым юридико-психологическим явлениям, а в диссертациях при формулировании положений на защиту делаются критика по «вестернизации» отечественного законодательства и отстаиваются психологизированные позиции. В то же время критически отмечается, что в области правовой идеологии и политики, а также при внесении инноваций в законодательство по-прежнему, как и в советский период, доминирует правовая догматика, а психологические реалии учитываются фрагментарно. Причина подобного положения дел в том, что до сих пор в рамках вузовской подготовки и дополнительного образования отечественных юристов, в отличие от зарубежной практики, недостаточное внимание уделяется развитию психологической культуры, а в итоге нет полноценного диалога между юристами и психологами. С учетом возможностей интегративной методологии обоснован предмет психологической юриспруденции как междисциплинарной науки и области психопрактики, ориентированной на выявление закономерностей и механизмов развития правосознания и правового бытия различных субъектов правовой активности и направленной на разработку психологически обоснованных мер по совершенствованию правовой идеологии и политики, систем правотворчества, правоохраны и профилактики правонарушений, психотехнических методов и приемов в деятельности сотрудников правоприменительных органов. Для конструктивного развития психологической юриспруденции обозначены ключевые направления научных исследований и узловые практикоориентированные проблемы.

Ключевые слова: антропологическая парадигма, интегративная методология, правовое бытие, правосознание, профессионализм деятельности и личности, психологическая культура юристов, юридическая психология, психологическая школа в праве, психологическая юриспруденция.

Для цитаты:

Поздняков В.М. Психологическая юриспруденция как междисциплинарная наука и область психопрактики. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 1. С. 206-219. doi: 10.17759/psylaw.207070117

For citation:

Pozdnyakov V.M. Psychological jurisprudence as an interdisciplinary science and the area of psychological practice. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologii i pravo [Psychology and Law]*, 2017(7), no. 1. pp.206-219.
doi: 10.17759/psylaw.2017070117

Как известно, термин «юриспруденция» (от лат. *juris prudentia* – правоведение) в словарях трактуется одновременно и как совокупность наук о праве (Словарь иностранных слов, 2010), и как практическая деятельность особой категории специалистов – юристов, влияющая на жизнь людей в социуме (Юридический словарь, 1953). В постсоветской России, несмотря на провозглашение курса на построение правового государства, право продолжает преимущественно разрабатываться как инструмент политики государства и совершенствования деятельности его институтов. В то же время во многих развитых странах мира, где созданы условия функционирования гражданского общества, усилия юристов направлены на то, чтобы «... в центр анализа природы и содержания права ставить человека, ... в самом человеке обнаруживать условия, актуализирующие правовой взгляд на мир и на правовое бытие в нем, т. е. смотреть на право как на то, что имманентно присуще человеку» (Малахов В.П., 2005).

Отечественными юристами в последние годы издан ряд монографий (Резников Е.В., 2014; Сорокин В.В., 2015; Шагиева Р.В., Казаков В.Н., 2015; Погребная Ю.К., 2016; Политова И.П., 2016 и др.), которые посвящены ключевым юридико-психологическим феноменам. При этом в монографиях критикуется состояние современной юридической психологии. Так, заведующий кафедрой теории права и государства Алтайского госуниверситета профессор В.В. Сорокин во Введении к монографии «Правовая психология: вопросы общей теории права» констатирует: «На сегодняшний день юридическая психология как таковая отсутствует. А то, что принято называть юридической психологией, сведено к факультативной части криминалистики» (Сорокин В.В., 2015).

Выход из создавшегося положения некоторыми юристами (в частности, профессором И.Н. Сорокотягиним – зав. кафедрой Уральской правовой академии, являющимся также автором и ряда учебников по юридической психологии) предлагается реализовать путем разработки и преподавания в вузах «психологической юриспруденции», в структуре которой выделять две составляющие – правовую и юридическую психологию. При этом ученый, не определяя объект, предмет и методолого-теоретические основы психологической юриспруденции, априорно утверждает, что юридическая психология должна заниматься лишь «... анализом применения достижений психологии в процессе юридической деятельности (следственной, судебной, адвокатской и др.), выявлением психологических качеств участников правоотношений (обвиняемого, потерпевшего, свидетеля и т. д.), разработкой и использованием психологической диагностики лиц, перенесших нервно-психические перегрузки при выполнении профессионального долга» (Сорокотягин И.Н., 2011). Иначе говоря, юридической психологии отведена роль «обслуживающей дисциплины», а разработка ключевых проблем права, касающихся его методологии и теории, правосознания, правопонимания и правотворчества, оставлена за юристами.

Обозначенный подход, на наш взгляд, не нов. Так, авторитетным правоведом М.С. Строговичем в одном из первых выпусков «Психологического журнала» была сформулирована следующая позиция: «психологизировать» юриспруденцию должны именно юристы, объясняя все правовые явления и процессы с позиции психологии, но без участия психологов» (Строгович М.С., 1980). Подобный ориентир привел к тому, что почти полвека в отечественной науке развитие правовой теории и многие инновации в законодательстве (особенно в постсоветской России) происходили преимущественно на основе правовой догматики или прямого заимствования зарубежного опыта, но не базировались на результатах исследований отечественных психологов, в том числе на монографическом уровне изучавших закономерности правовой ментальности и отношения к праву представителей различных групп и слоев общества. В итоге в современной России ситуацию в правовой сфере можно определить по русской пословице «Всё гладко на бумаге, а в жизни буераки и овраги». При этом серьезной критике в СМИ и со стороны институтов гражданского общества подвергается деятельность законодателей, правоохранительных органов и судов.

Объективно следует отметить, что в последнее десятилетие в диссертационных исследованиях юристов актуализирован интерес к юридико-психологическим явлениям и процессам, а поэтому в положениях, выносимых на защиту, всё чаще дается критика по «вестернизации» отечественного законодательства и отстаиваются психологизированные формулировки. Кроме того, проведенный в 2010 г. интернет-опрос на тему «Психология и право» свидетельствует, что крайне важным является повышение психологической компетентности юристов разных областей профдеятельности (на это указали все участники опроса, причем 12,5% из них выразили мнение, что это «очень важно, больше, чем для других профессий»). Одновременно со стороны почти двух третей респондентов (64,71%) обращено внимание на «актуальность разработки и проведения для юристов специальных психологических тренингов, где обеспечивается повышение компетентности для реализации новых видов юридической деятельности (осуществление медиации, в том числе в рамках процедуры «восстановительного правосудия», участие в переговорах при заключении сделок, сопровождение риэлтерской и коллекторской деятельности, преодоление конфликтного взаимодействия с клиентами и др.).

Рефлексируя тренды в правовой науке и практике, а также базирясь на проведенных историографическом и компаративном исследованиях по юридической психологии, нами в докладе на международной конференции «Психология и право в динамично развивающемся мире» были аргументированы базовые положения психологической юриспруденции как междисциплинарной науки и области психопрактики (Поздняков В.М., 2012).

Как известно, еще в начале XX в. видный русский юрист Л.И. Петражицкий – родоначальник психологической школы в праве аргументировано доказывал: «Поскольку право – психологическое явление, то его роль как социального регулятора заключается в создании новых импульсов поведения людей» (Петражицкий Л.И., 1907). Актуальность опоры на психологию в развитии юриспруденции подчеркивал и методолог отечественной психологии С.Л. Рубинштейн, который отмечал, что «... нельзя готовить и издавать законы, не изучая уровень правовой культуры и правосознания в обществе, нельзя и применять законы, не учитывая психологические особенности индивидов» (Рубинштейн С.Л., 1957). Однако отечественными юристами, как критично заметил психолог В.М. Аллахвердов, «... при обсуждении роли сознания в области правоформирования по-прежнему (как и в советский период) на передний план ставится само право, а остальные процессы берутся

при рассмотрении лишь выборочно» (Аллахвердов В.М., 2000). Главная причина подобного положения, на наш взгляд, в том, что пока нет полноценного научного диалога между психологами и юристами. В итоге в России право, в основе которого должна быть постоянно уточняемая социальная теория, разрабатывается юристами без должного учета новейших достижений разных отраслей психологии. Однако именно они, как отмечено директором Института психологии РАН А.Л. Журавлевым (2011), уже закладывают основы новой антропологической парадигмы.

С учетом приведенных замечаний, в качестве **объекта психологической юриспруденции** обосновано изучение особенностей правовой активности различных субъектов (на уровне личности, групп, организаций, общностей более массового уровня – этнических, конфессиональных, профессиональных и др.). **Предмет психологической юриспруденции** состоит в выявлении психологических фактов, закономерностей и механизмов возникновения, развития и проявлений правосознания и правового бытия различных субъектов правовой активности, а также разработке психологически обоснованных мер по совершенствованию правовой идеологии и политики, систем правотворчества, правоохраны и профилактики правонарушений, психотехнических методов и приемов в деятельности сотрудников правоприменительных органов.

Выбор в качестве объекта психологической юриспруденции правовой активности различных субъектов связан с тем, что, согласно юристам В.М. Баранову и В.И. Гойману, она есть «... имманентное качество людей, вовлеченных в сферы права, и может приобретать различную степень интенсивности, причем не только в правомерном, но и в противоправном поведении, а поэтому можно вести речь о позитивной и негативной правовой активности» (Баранов В.М., Гойман В.И., 1986). Выбор же в качестве узловых составляющих ее предмета категорий «правосознание» и «правовое бытие» требует переориентации по проблемному полю исследований. В качестве **ключевых направлений исследований по психологической юриспруденции** представляется важным обозначить следующие:

- выявление в психоисторическом и компаративном анализе детерминант и закономерностей трансформации содержания правосознания и правового бытия у различных субъектов правовой активности;
- анализ психологических основ правопонимания и регулятивной сущности права, роли институтов гражданского общества для обоснования новых моделей правотворчества, правоохраны и правоприменения;
- совершенствование психологического категориально-понятийного аппарата, предназначенного для использования в теории права и в разных видах законодательства, а также при изучении и преобразовании правовой реальности;
- исследование влияния правовой ментальности и правовой культуры на изменение ценностных приоритетов в правовой идеологии, политике, законодательстве (криминализация/декриминализация деяний и др.);
- изучение особенностей правосознания у различных типов людей и социальных групп (общностей), их отношения к динамично изменяющейся правовой реальности;

- психология правонарушающего, преступного и юридико-виктимного поведения и их предупреждение;
- психотехнологии и психотехники в профессиональной деятельности различных категорий юристов;
- психология профессионально-акмеологического развития личности и коллективов юристов.

Для успешной разработки вышеуказанных направлений требуется **интегративная методология**, охватывающая юриспруденцию одновременно и как науку, и как область практики. Важность ее создания неоднократно обсуждалась на Методологическом семинаре по юридической психологии в Институте психологии РАН, а подходы содержатся в публикациях ряда психологов (А.М. Столяренко, В.В. Романов, Ф.С. Сафуанов, Д.В. Сочивко, А.Н. Сухов, В.И. Черненилов, Ю.А. Шаранов и др.). В аспекте совершенствования психотехнических разработок актуальной является ориентация на ряд методологических принципов: процессуально-акторного развития правосознания, субъектности правовой активности, системности в изучении и интерпретации юридико-психологических явлений, позитивности психологических воздействий на людей, оказавшихся в ситуации конфликта с законом (Поздняков В.М., 1997).

В аспекте междисциплинарной релевантности психологической юриспруденции нами поддерживается позиция психолога В.В. Знакова, что для выявления закономерностей изменений в правосознании и правовом бытии требуется одновременно реализовывать две исследовательские программы – «когнитивную» и «экзистенциальную», так как их данные дополняют и обогащают друг друга. При этом когнитивный план изучения правовой реальности характеризуется акцентом на изучении трансформаций правосознания, а поэтому связан с большим интересом к изучению типичных фактов и правил, чем к исключениям. В то же время в экзистенциальной плоскости анализа (Франкл В., 1990) важно выявление смысла правового бытия для разных субъектов, а в итоге на установлении закономерностей структуризации ими идентичности в соответствии с системой конструкторов, отражающих субъективное отношение «Я – правовой мир» (Знаков В.В., 2007). Данные, полученные на основе двух подходов, позволят понять, как происходит отражение субъектами правовой реальности и как с учетом имеющихся субъектных предпочтений ими строится правопослушное (ориентированное на нормы законов) или антисоциальное (на признании иных ценностей) поведение.

При современном развитии теории права должны учитываться динамичные трансформации в общественном сознании, а также данные мониторинга по другим составляющим антропосоциогенеза (традиционные верования и установки людей, новые ценности и стереотипы восприятия, усваиваемые под влиянием СМИ и Интернета), так как они активно влияют на изменения в мотивации и поведении людей. Поэтому для современного права актуальным является не только продолжение выяснения на основе догматики сущности права и выработка все новых и новых дефиниций (т. е. реализация традиции, заложенной еще И. Кантом), но и проверка действующих моделей и вводимых новых понятий на соответствие фактам реальности (Малахов В.П., 2013; Правовые модели и реальность, 2014; Камышанский В.П., Карнушин В.Е., 2016). При этом в XX в. усилиями экзистенциалистов (С. Кьеркегор, Ж.-П. Сартр, М. Штирнер, Э. Гуссерль и др.), социологов (Т.

Парсонс, И. Хейзинга) и этнометодологов (П. Бурдьё, Ч. Гарфинкель) доказано, что продуктивной является работа с теориями «среднего уровня».

При психологическом анализе правового бытия всегда необходимо выяснять специфику детерминации и механизмы правовой активности у различных субъектов. Следует согласиться с позицией психолога И.С. Клециной, что **в основе правовой активности субъектов различного уровня могут лежать разные психологические реалии**: на уровне личности – особенности правовой идентичности, на уровне межличностных отношений в группах – социальные групповые установки, на уровне межгрупповых отношений – социально-правовые стереотипы, на уровне отношений в макрообщностях и между ними – существующие социальные представления (Клецина И.С., 2003). Учет указанных психологических реалий как базовых характеристик правового бытия различных субъектов позволяет выбрать ориентиры и в воспитательно-превентивной деятельности.

В контексте изучения правовой субъектности крайне актуально выяснение закономерностей по такому феномену, как **надситуативная активность личности** – особая форма целеполагания, когда субъект строит образ возможного, но избыточного относительно исходных целевых ориентаций, а в результате преобразование ситуации принимает форму реализуемой индивидом надситуативной цели в поведении. Как отмечает В.А. Петровский (Петровский В.А., 1993), это происходит при реализации зрелой личностью не только целеполагания (построение поведения на основе осознанности своих устремлений типа «для чего»), но и смысловой сообразности (построение поведения на основе осознанности своих устремлений типа «ради чего»). Учет данных различий, на наш взгляд, крайне важен при выявлении субъектной правовой активности как в ситуации риска (анализа обоснованности/необоснованности экстремистских проявлений), так и при определении способности человека преодолевать возникающие противоречия: внутриличностные (между потребностями и способностями, осознаваемыми целями и неосознаваемыми мотивами, притязаниями и уровнем компетентности и т. п.); между целями и задачами личности и нормами-ограничениями при ориентации на ценности и традиции групп, в которых она существует (Абульханова К.А., 1997).

Для разработки психотехнических основ юриспруденции важно опереться на системный подход, современные концептуальные модели по мониторингу, прогнозированию и экспертизе (Столяренко А.М., 2011). В перспективе в сотрудничестве с юристами-преподавателями предстоит разработать вузовские спецкурсы по специализациям магистров, а в контакте с юристами-практиками – наставления и иные методические документы, обеспечивающие эффективное выполнение различными категориями сотрудников правоприменительных органов оперативно-служебных задач.

Как известно, для уголовной юстиции ключевым является понятие «вменяемость». Его содержание юристами рассматривается как ситуативная субъектность обвиняемого, проявившаяся лишь в криминальной ситуации. Нами поддерживается позиция психолога Л.В. Алексеевой, что необходимо использовать и дополнительное понятие «уголовно-правовая дееспособность», чтобы отразить типичные возможности субъекта и характеризовать его в более широком уголовно-правовом контексте как субъекта уголовной ответственности и наказания. Ведь проявление характеристик личности в уголовно-релевантных ситуациях может быть не явным и не очевидным, а поэтому и востребованы специальные психологические познания в рамках судебно-психологической

экспертизы (Алексеева Л.В., 2002). Адекватный учет их результатов при реализации юристами уголовно-процессуальных действий (особенно в случаях взаимодействия с «аномальными личностями», число которых постоянно растет) востребует целенаправленное повышение **психологической культуры юристов**. Она не сводится, на наш взгляд, только к формированию у юристов профессионально-психологической компетентности, обеспечивающей использование психологических техник и приемов при реализации профессионально-служебных задач (Соколов Н.Я. 2015), но и востребует развитие у них аутопсихологической компетентности и стремления к достижению акме в профессионально-личностном росте Поздняков В.М., 2016).

Сегодня юридическим факультетам отечественных вузов, учитывая возросшие требования работодателей и нормативы новых образовательных стандартов, следует перейти от сложившейся информационно-обучающей традиции к созданию в образовательных учреждениях инновационной среды (Делия В.П., 2008; Михайлова О.Б., 2015), базирующейся на тесной взаимосвязи с наукой и практикой.

Анализ зарубежного опыта подготовки юристов свидетельствует о том, что сегодня в университетах тенденцией становится расширенное ознакомление обучающихся с достижениями психологии, в отличие от России, где в соответствии с ФГОС-3+ дисциплина «Юридическая психология» переведена в разряд факультативной. Так, в Великобритании в Thames Valley University психологически ориентированное обучение юристов ведется по двум уровням: 1) по первоначальной программе «Прикладная психология в контексте криминологии» (FdSc), имеющей длительность обучения 2 года и основанной на непрерывной профессиональной практике, и 2) по продвинутой программе «Психология и криминология» (BSc Hons) с длительностью обучения 3 года, которая обеспечивает углубленное понимание выпускниками механизмов криминального поведения и развитие у них навыков проведения криминально-психологических исследований. В ряде университетов США введены объединенные аспирантские программы «Психология и право», по итогам успешного прохождения которых присваиваются сразу две степени – доктора философии и доктора права.

В целом, учитывая, что профессия юристов относится к типу «человек–человек» (по классификации Е.А. Климова) и предрасполагает к профдеформации и профвыгоранию личности, представляется важным **при подготовке будущих юристов обращать внимание на развитие сразу двух сторон профессионализма: профессионализма деятельности и профессионализма личности**. При этом с учетом глобализации и одновременно роста требований к соблюдению прав и свобод человека представляется важным при профразвитии личности будущих юристов ориентироваться на рекомендации Международного бюро просвещения ЮНЕСКО, обратившего внимание на выработку у выпускников психологической готовности и способности действовать «автономно», «интерактивно» и в «социально гетерогенных группах».

Развитие у будущих юристов «автономности», на наш взгляд, может успешно происходить при ориентации в профподготовке и воспитании на возвышение таких характеристик личности, как самоэффективность, оптимизм и жизнестойкость. Развитие у будущих юристов «интерактивности» ориентирует на формирование социально-психологической зрелости: развитие эмоционального интеллекта, психологической наблюдательности и коммуникативной гибкости, обеспечивающих диалогичность в коммуникации; реализацию антиманипулятивных и конфликто-профилактических

воздействий. Для поведения юристов в «социально гетерогенных группах» надо формировать этнопсихологическую культуру, предполагающую готовность и способность к толерантному взаимодействию с разными типами клиентов.

В заключение подчеркну, что затронутые в публикации проблемы по психологической юриспруденции, а также повышению психологической культуры юристов потребуют расширения дискуссии и конструктивного взаимодействия между юристами и психологами.

Литература

1. Абульханова К.А. Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: ИП РАН, 1997. С. 56–74.
2. Алексеева Л.В. Взаимоотношение психологии и уголовного права в аспекте экспертологии // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 6. С. 60–71.
3. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс (Экспериментальная психологика). Т. 1. СПб.: ДНК, 2000. С. 41.
4. Баранов В.М., Гойман В.И. Книги о правомерном поведении личности // Советское государство и право. 1986. № 6. С. 144.
5. Делия В.П. Формирование и развитие инновационной образовательной среды гуманитарного вуза: науч. издание. М.: ООО «ДЕ-ПО», 2008. 484 с.
6. Знаков В.В. От психологии субъекта – к психологии человеческого бытия // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М., 2007. С. 334–335.
7. Камышанский В.П., Карнушин В.Е. Гражданское правоотношение: социально-психологический аспект. М., 2016. С. 597.
8. Клецина И.С. Отношения как многоуровневый конструкт: социально-психологический анализ // Интегративный подход в психологии: сб. науч. статей. СПб.: Изд-во РГПУ имени А.И. Герцена, 2003. С. 48–69.
9. Малахов В.П. Основы философии права: учеб. пособие. М., 2005. С. 5.
10. Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2013. 151 с.
11. Михайлова О.Б. Психология становления инновационного потенциала личности: монография. М., 2013.
12. Оробинский В.В. Чему всё еще не учат на юрфаке. Ростов н/Д: Феникс, 2015. 203 с.
13. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1907. Т. 2. С. 84.

14. *Петровский В.А.* Феномен субъектности в психологии личности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1993. С. 7.
15. *Погребная Ю.К.* Кризис современного российского правосознания: монография. М.: ИНФРА-М, 2016. 192 с.
16. *Поздняков В.М.* Психологическая юриспруденция как область интересов юристов и психологов // Психология и юриспруденция в динамично изменяющемся мире. Сборник материалов международной научно-практ. конференции. М.: РУДН, 2012. С. 307–316.
17. *Поздняков В.М.* Методологические и теоретические основы юридической психологии. Лекция. Рязань: РИПЭ МВД России, 1997. 34 с.
18. *Поздняков В.М.* Профессиональная культура юриста и развитие ее психологической составляющей на разных уровнях вузовской подготовки // Современное образование: векторы развития. Сб. материалов Междунар. научно-практ. конференции. М.: МПГУ, 2016.
19. *Политова И.П.* Воля и волеизъявление: монография. М.: Проспект, 2016. 112 с.
20. Правовые модели и реальность: монография / О.А. Акопян, Н.В. Власова, С.А. Грачева и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.Е. Рафалюк, Н.И. Хлуденева. М.: ИНФРА-М, 2014. 280 с.
21. *Резников Е.В.* Теоретические проблемы правовой идентичности: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 199 с.
22. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 332 с.
23. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 2010. 597 с.
24. *Соколов Н.Я.* Профессиональная культура юристов. Понятие. Сущность. Содержание: учебное пособие. М.: Проспект, 2015. 320 с.
25. *Сорокин В.В.* Правовая психология: вопросы общей теории права: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. С.4.
26. *Сорокотягин И.Н., Сорокотягина Д.А.* Юридическая психология: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 133–134.
27. *Столяренко А.М.* Психологическая системология. Теория, исследования, практика. М., 2011. С. 272–308.
28. Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М., 2007. С. 20–21.
29. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

30. *Шагеева Р.В., Казаков В.Н.* Человек в правовой сфере: личностно-деятельностный подход: монография. М.: Норма; ИНФРА-М, 2015. 208 с.
31. *Строгович М.С.* Некоторые вопросы использования психологических знаний в юридической работе // Психологический журнал. 1980. № 6. С. 96–107.
32. Юридический словарь / Гл. ред. С.Н. Братусь и др. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1953. 774 с.

Psychological jurisprudence as an interdisciplinary science and the area of psychological practice

Pozdnyakov V. M., Dr. Sci. (Psychology), Professor, Department of criminal law and procedure, law faculty, Peoples' Friendship University of Russia (pozdneyakov53@mail.ru)

The article convincingly demonstrates that Russia is increasingly began to publish monographs lawyers on key legal and psychological phenomena, and in dissertations in the formulation of the provisions on the protection of delatsya criticism of "Westernization" of the state legislation and upheld psychological and position. At the same time, critically, it is noted that in the field of legal ideology and policies, and in making innovations in the law still, as in Soviet period, dominated by legal dogma, and psychological realities are taken into account in fragments. The reason for this state of Affairs is that still within the framework of University training and further education of local lawyers, in contrast to international practice, insufficient attention is paid to the development of psychological culture, but in the end no full-fledged dialogue between lawyers and psychologists. Taking into account possibilities of integrative methodology justified the subject of psychological law as an interdisciplinary science and the field of psychological practice focused on the identification of regularities and mechanisms of development of legal awareness and legal existence of various actors in the legal activity aimed at the development of psychologically informed interventions for the improvement of legal ideology and politics, systems of law-making, law enforcement and crime prevention, psycho-technical methods and techniques in activities of law enforcement officials. For constructive development of psychological jurisprudence identified the key areas of research and nodal practice relevant problems.

Key words: anthropological paradigm, integrative methodology, legal existence, legal awareness, professionalism activity and persons, psychological culture of lawyers, legal psychology, psychological school of law, psychological law.

References

1. Abul'khanova K.A. Mirovozzrencheskii smysl i nauchnoe znachenie kategorii sub"ekta [Philosophical significance and scientific value of the category entity] // Rossiiskii mentalitet: voprosy psikhologicheskoi teorii i praktiki [Russian mentality: issues of psychological theory and practice]. Moscow: Publ. IP RAN, 1997. pp. 56–74.
2. Alekseeva L.V. Vzaimootnoshenie psikhologii i ugolovnogo prava v aspekte ekspertologii [The relationship between psychology and criminal law in the aspect of expertology] // *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]*. 2002. Vol. 23. no. 6. pp. 60–71.

3. Allakhverdov V.M. Soznanie kak paradoks (Eksperimental'naya psikhologika) [Consciousness as a paradox (Experimental psychologic)]. Vol. 1. Saint Petersburg: Publ. DNK, 2000. 41 p.
4. Baranov V.M., Goiman V.I. Knigi o pravomernom povedenii lichnosti [Books about lawful behavior of the person] // *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law]. 1986. no. 6. 144 p.
5. Deliya V.P. Formirovanie i razvitie innovatsionnoi obrazovatel'noi sredy gumanitarnogo vuza: nauch. Izdanie [he formation and development of innovative educational environment of the Humanities: scientific. edition]. Moscow: Publ. OOO «DE-PO», 2008. 484 p.
6. Znakov V.V. Ot psikhologii sub"ekta – k psikhologii chelovecheskogo bytiya [From the psychology subject to the psychology of human existence] // *Teoriya i metodologiya psikhologii: Postneklassicheskaya perspektiva* [the Theory and methodology of psychology: Postnonclassical prospect] / In Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. (eds.). Moscow, 2007. pp. 334–335.
7. Kamyshanskii V.P., Karnushin V.E. Grazhdanskoe pravootnoshenie: sotsial'no-psikhologicheskii aspekt [Civil legal relationship: a social-psychological aspect]. Moscow, 2016. 597 p.
8. Kletsina I.S. Otnosheniya kak mnogourovnevnyi konstrukt: sotsial'no-psikhologicheskii analiz [Relations as a multilevel construct: a social-psychological analysis] // *Integrativnyi podkhod v psikhologii: sb. nauch. Statei* [Integrative approach in psychology: collection of scientific works. articles]. Saint Petersburg: Publ. Izd-vo RGPU imeni A.I. Gertsena, 2003. pp. 48–69.
9. Malakhov V.P. Osnovy filosofii prava: ucheb. Posobie [The foundations of the philosophy of law: textbook. allowance]. Moscow, 2005. 5 p.
10. Malakhov V.P. Mify sovremennoi obshchepравovoi teorii: monografiya [The myths of modern legal theory: a monograph]. Moscow: Publ. YuNITI-DANA; *Zakon i pravo*, 2013. 151 p.
11. Mikhailova O.B. Psikhologiya stanovleniya innovatsionnogo potentsiala lichnosti: monografiya [Psychology of formation of innovative potential of personality: monograph]. Moscow, 2013.
12. Orobinskii V.V. Chemu vse eshche ne uchat na yurfake [What is still not taught in law school]. Rostov-on-don: Publ. Feniks, 2015. 203 p.
13. Petrazhitskii L.I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei нравstvennosti [The theory of law and state in connection with the theory of morality]. Saint Petersburg, 1907. Vol. 2. 84 p.
14. Petrovskii V.A. Fenomen sub"ektnosti v psikhologii lichnosti. Avtoref. dis. ... d-ra psikhol. Nauk [The phenomenon of subjectivity in personality psychology. Dr. Sci. (Psychology) Diss.]. Moscow, 1993. 27 p.

15. Pogrebnaya Yu.K. Krizis sovremennogo rossiiskogo pravosoznaniya: monografiya [The crisis of the modern Russian justice: monograph]. Moscow: Publ. INFRA-Moscow, 2016. 192 p.
16. Pozdnyakov V.M. Psikhologicheskaya yurisprudentsiya kak oblast' interesov yuristov i psikhologov [Psychological jurisprudence as the interests of lawyers and psychologists] // Psikhologiya i yurisprudentsiya v dinamichno izmenyayushchemsya mire. Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakt. Konferentsii [Psychology and law in a rapidly changing world. The collection of materials of international scientific-pract. conference]. Moscow: Publ. RUDN, 2012. pp. 307–316.
17. Pozdnyakov V.M. Metodologicheskie i teoreticheskie osnovy yuridicheskoi psikhologii. Lektsiya [Methodological and theoretical foundations of juridical psychology. Lecture]. Ryazan: Publ. RIPE MVD Rossii, 1997. 34 p.
18. Pozdnyakov V.M. Professional'naya kul'tura yurista i razvitie ee psikhologicheskoi sostavlyayushchei na raznykh urovnyakh vuzovskoi podgotovki [Professional culture of the lawyer and the development of its psychological component at different levels of University education] // Sovremennoe obrazovanie: vektory razvitiya. Sb. materialov Mezhdunar. nauchno-prakt. Konferentsii [Modern education: the vectors of development. SB. materials Intern. nauchno-prakt. conference]. Moscow: Publ. MPGU, 2016.
19. Politova I.P. Volya i voleiz'yavlenie: monografiya [Will and the will: a monograph]. Moscow: Publ. Prospekt, 2016. 112 p.
20. Pravovye modeli i real'nost': monografiya [Legal models and reality: monograph] / O.A. Akopyan, N.V. Vlasova, S.A. Gracheva i dr.; in Tikhomirov Yu.A., Rafalyuk E.E., Khludeneva N.I. (eds.). Moscow: Publ. INFRA-M, 2014. 280 p.
21. Reznikov E.V. Teoreticheskie problemy pravovoi identichnosti: monografiya [Theoretical problems of legal identity: monograph]. Moscow: Publ. YuNITI-DANA, 2014. 199 p.
22. Rubinshtein S.L. Bytie i soznanie [Being and consciousness]. Moscow: Publ. Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957. 332 p.
23. Slovar' inostrannykh slov [Dictionary of foreign words]. Moscow: Publ. Russkii yazyk, 2010. 597 p.
24. Sokolov N.Ya. Professional'naya kul'tura yuristov. Ponyatie. Sushchnost'. Soderzhanie: uchebnoe posobie [Professional culture of lawyers. Concept. Self. Contents: tutorial]. Moscow: Publ. Prospekt, 2015. 320 p.
25. Sorokin V.V. Pravovaya psikhologiya: voprosy obshchei teorii prava: monografiya [Legal psychology: questions of General theory of law: the monograph]. Moscow: Publ. Yurlitinform, 2015. 34 p.

26. Sorokotyagin I.N., Sorokotyagina D.A. Yuridicheskaya psikhologiya: uchebnik. 2-e izd., pererab. i dop [Legal psychology: a textbook. 2-e Izd.]. Moscow: Publ. Yurlitinform, 2011. pp. 133–134.
27. Stolyarenko A.M. Psikhologicheskaya sistemologiya. Teoriya, issledovaniya, praktika [Psychological systemology. Theory, research, practice]. Moscow, 2011. pp. 272–308.
28. Teoriya i metodologiya psikhologii: Postneklassicheskaya perspektiva [Theory and methodology of psychology: Postnonclassical prospect] / In Zhuravlev A.L., Yurevich A.V.. Moscow, 2007. pp. 20–21.
29. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla [Man in search of meaning]. Moscow: Publ. Progress, 1990. 368 p.
30. Shagieva R.V., Kazakov V.N. Chelovek v pravovoi sfere: lichnostno-deyatel'nostnyi podkhod: monografiya [People in the legal field: the personal-activity approach: monograph]. Moscow: Publ. Norma; INFRA-M, 2015. 208 p.
31. Strogovich M.S. Nekotorye voprosy ispol'zovaniya psikhologicheskikh znaniy v yuridicheskoi rabote [Some questions about the usage of psychological knowledge in legal work] // Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]. 1980. no. 6. pp. 96–107.
32. Yuridicheskii slovar' [Law dictionary] / In S.N. Bratus' i dr (eds.). Moscow: Publ. Gos. izd-vo yuridicheskoi literatury, 1953. 774 p.

Как построить предметный вид судебно-психологической экспертизы

Сафуанов Ф.С., доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ГОУ ВО МГППУ; руководитель лаборатории психологии ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (safuanovf@rambler.ru)

Анализируется методология разработки предметных видов судебных экспертиз с применением психологических знаний. Рассматривается история становления предметных видов судебной психологической экспертизы и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. Показана их трансформация и расширение под влиянием изменений отечественного законодательства. Исходя из определения предмета исследования судебного эксперта-психолога, делается вывод о том, что первым этапом построения предмета отдельного вида судебной экспертизы должен быть анализ ее юридического значения. Обсуждаются варианты правовых последствий и роль экспертного заключения в припринятии судебных решений. На втором этапе производится экспертологический анализ. Он заключается в выделении психологических признаков правовых норм (юридических критериев). Третий этап психологического анализа заключается в соотнесении экспертных понятий с знаниями в научной психологии. Показана необходимость адаптации и трансформации общенаучных психологических знаний (как базовой науки) в судебно-психологические экспертные знания (специальные знания эксперта). Обсуждаются пути формирования специальных знаний эксперта-психолога и границы его компетенции.

Ключевые слова: судебная экспертология, судебно-психологическая экспертиза, комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, экспертные понятия.

Для цитаты:

Сафуанов Ф.С. Как построить предметный вид судебно-психологической экспертизы. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 1. С.220-239. doi: 10.17759/psylaw.2017070118

For citation:

Safuanov F.S. How to build substantive judicial-psychological examination. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiiia i pravo [Psychology and Law]*, 2017(7), no. 1. pp.220-239. doi: 10.17759/psylaw.2017070118

Виды судебных экспертиз с применением психологических знаний

Существует множество классификаций видов судебной экспертизы, отличающихся разными основаниями типологии [20]. В уголовно-процессуальном законодательстве (ст. 207 УПК РФ) выделяют основную и дополнительную экспертизы (назначаемую при недостаточной ясности или неполноте заключения эксперта), первичную и повторную (назначаемую в связи с сомнениями в обоснованности заключения эксперта или наличия противоречий в выводах эксперта или экспертов по тем же вопросам). По количеству экспертов одной или разных специальностей, участвующих в производстве судебной экспертизы, различают экспертизы единоличные и комиссионные (ст. 21, 22 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»), при этом комиссионная экспертиза, проводимая экспертами разных специальностей, именуется комплексной (ст. 23 того же закона). По возможности непосредственного освидетельствования подэкспертного лица выделяют экспертизы очную и заочную (в том числе и посмертную). По месту и условиям проведения судебные экспертизы живых лиц подразделяются на стационарные, амбулаторные и проводимые в зале судебного заседания. По процессуальному положению подэкспертных лиц различают экспертизы обвиняемых (подозреваемых, подсудимых), свидетелей и потерпевших (в уголовном процессе), истцов, ответчиков и лиц (детей), в чьих интересах ведется судопроизводство (в гражданском процессе).

Наиболее же важная классификация основана на выделении предметных видов судебно-психологической экспертизы (СПЭ).

Первая в истории СПЭ типология предметных видов СПЭ была разработана М.М. Коченовым [10]. Он выделил следующие виды СПЭ в уголовном процессе:

- способности давать показания;
- беспомощного состояния потерпевших по делам об изнасиловании;
- несовершеннолетних обвиняемых;
- аффекта;
- по делам о происшествиях, связанных с управлением техникой.

Эти виды СПЭ действительно различаются предметом исследования, несмотря на то, что третий из них обозначен по объекту, а пятый – по поводу назначения экспертизы.

Данные предметные виды СПЭ составили основу для дальнейшего развития, совершенствования и расширения частных предметов экспертиз с участием психологов, которые в настоящее время проводятся в форме не только СПЭ, но и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ).

Это развитие протекает по двум основным взаимодействующим векторам.

Первый вектор – это совершенствование всей суммы знаний о различных аспектах СПЭ и КСППЭ, включающей теоретические, методологические, организационно-правовые

аспекты, динамику представлений об основных экспертных понятиях, разнообразные научных разработок на стыке психологии, права и смежных наук (психиатрии, сексологии, наркологии, криминологии, суицидологии, виктимологии и др.).

Второй вектор – это коренные изменения в отечественном законодательстве, оказывающие глубокое воздействие на теорию и практику СПЭ и КСППЭ. Произошедшая после принятия нового УК РФ (действующего с 1.01.1997) полная смена законодательного поля страны (касающаяся как материального, так и процессуального права) обусловила:

– видоизменение принципов производства традиционных видов СПЭ и КСППЭ обвиняемых (индивидуально-психологических особенностей, аффекта) с разработкой и уточнением критериев судебно-психологической экспертной оценки их личности, эмоциональных реакций и состояний;

– введение в практику новых предметных видов СПЭ или КСППЭ – экспертизы «возрастной невменяемости» несовершеннолетних (ч. 3 ст. 20 УК РФ), ограниченной способности обвиняемого с психическим расстройством осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими (ст. 22 УК РФ), психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ).

– распространение СПЭ и КСППЭ на гражданское судопроизводство (по делам о способности к совершению сделки, о возмещении морального вреда, о судебных спорах между родителями о воспитании ребенка, об ограничении дееспособности).

Все эти динамичные преобразования правовых норм, продолжающиеся и в наши дни, выдвигают повышенные требования к построению предметных видов СПЭ и КСППЭ, поскольку именно от правильной их разработки, от точного определения частных предметов судебных экспертиз с участием психолога зависят организационно-правовые формы производства экспертиз, методологические принципы психологического экспертного исследования, критерии судебно-психологической оценки психической деятельности подэкспертных, которые в конечном счете внедряются в практику государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений и, соответственно, в практику уголовного и гражданского судопроизводства.

Методология разработки предметных видов судебно-психологических экспертиз

Исходя из формулировки общего предмета СПЭ, который определяется как *закономерности и особенности структуры и протекания психических процессов (психической деятельности) подэкспертного лица, имеющие юридическое значение и влекущие определенные правовые последствия* [16], ясно, что без четкого и недвусмысленного представления о правовых последствиях заключения эксперта (комиссии экспертов), имеющего доказательственное значение, невозможно понять частный предмет исследования судебного эксперта-психолога в каждом конкретном виде экспертизы. Из этого следует, что первым и необходимым этапом при разработке конкретного предметного вида СПЭ является правовой анализ.

Правовой анализ. Анализ юридического значения отдельного вида СПЭ (табл.1–4) должен показать:

1. *Возможные правовые последствия экспертного заключения.* При всем разнообразии эти последствия сводятся к нескольким вариантам.

Во-первых, выводы эксперта-психолога или совместные выводы экспертов психологов и психиатров могут приводить к индивидуализации уголовной ответственности и наказания обвиняемых. Например, они могут выступать обстоятельством, смягчающим наказание (ч. 2 ст. 61 УК РФ), освобождающим от уголовной ответственности (ч. 3 ст. 20 УК РФ), учитываемом при вынесении наказания (ст. 22 УК РФ).

Во-вторых, экспертные заключения могут использоваться для квалификации определенных статей УК РФ и ГК РФ. К примеру, установление аффекта у обвиняемого будет учитываться как один из признаков состава преступления по ст. 107 или 113 УК РФ. Экспертные заключения по делам о недействительности сделок могут способствовать определению ст. 177 или 178 ГК РФ. Заключение СПЭ о способности потерпевшей по делу о половом преступлении к оказанию сопротивления является предпосылкой определения ее «беспомощного состояния» и одним из элементов состава преступления по ст. 131 УК РФ («Изнасилование»).

В-третьих, правовые последствия экспертных заключений могут обуславливать ограничение в участии в судопроизводстве подэкспертного лица. Так, согласно ст. 196 УПК РФ, потерпевший не может допрашиваться по обстоятельствам, имеющим значение для расследования и разрешения уголовного дела, в случае вывода экспертов о его неспособности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, или давать о них показания.

Таблица 1

Соотношение правовых и экспертных понятий при СПЭ обвиняемых

Предметный вид СПЭ обвиняемого	Индивидуально-психологические особенности	Ограниченная вменяемость (КСПЭ)	Аффект
Юридическое значение	Индивидуализация уголовной ответственности и наказания (ч.2 ст.61 УК РФ)	Учет психического расстройства, не исключаяющего вменяемости, при назначении наказания и возможное основание для назначения принудительных мер медицинского характера (ст.22 УК РФ)	Квалификация ст. 107 (Убийство, совершенное в состоянии аффекта), ст.113 (Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта)
Правовое понятие	Обстоятельства, характеризующие	–	Аффект

	личность обвиняемого (п.3 ч.1 ст.73 УПК РФ)		
Юридический критерий	–	Неспособность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими вследствие психического расстройства	–
Экспертное понятие	Существенное влияние ИПО на поведение во время совершения инкриминируемого ему деяния	<p>1. Психическое расстройство, ограничивающее способность к осознанной регуляции действий.</p> <p>2. Психическое расстройство, определяющее общественную опасность обвиняемого</p>	<p>Аффект:</p> <p>1) Физиологический ,</p> <p>2) кумулятивный</p>

Таблица 1

**Соотношение правовых и экспертных понятий при СПЭ обвиняемых
(продолжение)**

Предметный вид СПЭ обвиняемого	Психическое состояние матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка	Возрастной невменяемости несовершеннолетнего (КСППЭ)
Юридическое значение	Квалификация ст.106 УК РФ (Убийство матерью новорожденного ребенка)	ч.3 ст.20 УК РФ (Возраст, с которого наступает уголовная ответственность)
Правовое понятие	Убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации (ст. 106 УК РФ)	–
Юридический критерий	–	Нарушение способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством
Экспертное понятие	Повышенное эмоциональное (психическое) напряжение, вызванное психотравмирующей ситуацией	Личностная незрелость, обусловленная не психопатологическими факторами, ограничивающая способность к осознанной регуляции действий

Таблица 2

Соотношение правовых и экспертных понятий при СПЭ свидетелей и потерпевших

Предметный вид СПЭ потерпевшего или свидетеля	Способность давать показания	Способность потерпевшего по половым преступлениям оказывать сопротивление	Психическое состояния лица, окончившего жизнь самоубийством
Юридическое значение	п.4 ст.196 УК РФ, ст.56 УПК РФ	Квалификация ст. 131 (Изнасилование) и ст. 132 (Насильственные действия сексуального характера)	Квалификация ст. 11 УК РФ (Доведение до самоубийства)
Правовое понятие	–	Беспомощное состояние	Причинно-следственная связь между действиями обвиняемого и самоубийством потерпевшего
Юридический критерий	Способность правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать показания	Нарушение способности понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказывать сопротивление виновному	–
Экспертное понятие	Способность к восприятию важной для дела информации и способность воспроизводить эту информацию	Нарушение способности понимать сексуальную направленность и социальное значение совершаемых с ним насильственных действий или оказывать сопротивление	Причинно-следственная связь между действиями обвиняемого и возникновением и развитием психического состояния потерпевшего в период, предшествовавший самоубийству

Таблица 3

Соотношение правовых и экспертных понятий при КСПЭ в гражданском процессе

Предметный вид СПЭ в гражданском процессе	Способность к совершению сделки (сделкоспособность) (КСПЭ)		Ограничение дееспособности вследствие психического расстройства (КСПЭ)
Юридическое значение	Ст.177 ГК РФ (Недействительность сделки, совершенной гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими)	Ст. 178 ГК РФ (Недействительность сделки, совершенной под влиянием заблуждения)	Ч.2 ст. 30 ГК РФ (Ограничение дееспособности гражданина)
Правовое понятие	–	Заблуждение относительно предмета и природы сделки	–
Юридический критерий	Нарушение способности понимать значение своих действий или руководить ими	–	Способность понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц вследствие психического расстройства
Экспертное понятие	Неспособность к осознанному принятию решения и его исполнению	Нарушение способности понимать существо сделки вследствие ошибочного восприятия и оценки ситуации	Прогностическая оценка способности к осознанному принятию решения или исполнению, реализации принятого решения при совершении сделки

Таблица 3

Соотношение правовых и экспертных понятий при КСПЭ в гражданском процессе (продолжение)

Предметный вид СПЭ в гражданском процессе	По делам о компенсации морального вреда (КСПЭ)
Юридическое значение	Ст.151 ГК РФ (Компенсация морального вреда)
Правовое понятие	Нравственные страдания
Юридический критерий	-
Экспертное понятие	Изменения психической деятельности гражданина: степень, стойкость – обратимость, длительность. Причинно-следственная связь между действиями причинителя вреда и возникшими изменениями психики

Таблица 4

Соотношение правовых и экспертных понятий при КСПЭ по защите интересов ребенка

Предметный вид СПЭ в гражданском процессе по семейному кодексу	По делам о спорах между родителями о воспитании и месте жительства ребенка (КСПЭ) Ст.65 СК РФ (Осуществление родительских прав) Ст.66 СК РФ (Осуществление родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка)	
Юридическое значение	Правовое понятие	Экспертное понятие
П.3 ст.65	Нравственные и иные личные качества родителей	Индивидуально-психологические особенности каждого из родителей; психические расстройства каждого из них
Постановление Пленума ВС РФ от 27 мая 1998 г. № 10	Особенности психического развития ребенка	Индивидуально-психологические особенности ребенка; особенности и уровень его психического развития

П.3 ст.65, ст.57	Учет мнения ребенка	Способность ребенка к выработке и принятию самостоятельных решений
П.3 ст.65	Отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком	Психологическое отношение каждого из родителей к ребенку
П.3 ст.65	Привязанность ребенка к каждому из родителей, братьям и сестрам	Психологическое отношение ребенка к каждому из родителей, другим членам семьи
П.3 ст.65	Возможность каждого из родителей создания ребенку условий для воспитания и развития	Возможное негативное влияние психического состояния, индивидуально-психологических особенностей каждого из родителей на психическое состояние и особенности психического развития ребенка
П.1 ст.66	Непричинение вреда психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию вследствие общения с ребенком	

2. Роль заключения СПЭ при определении правовых последствий. Эксперт-психолог должен понимать, что при принятии решения об индивидуализации уголовной ответственности и наказания, о квалификации тех или иных статей уголовного или гражданского кодексов, о других судебных решениях его экспертные выводы как доказательство по делу оцениваются наряду с иными доказательствами. Только их оценка судом с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела, является основой для судебного решения.

Так, экспертное установление аффекта не приведет к квалификации ст. 107 УК РФ («Убийство, совершенное в состоянии аффекта»), если суд не сочтет поведение потерпевшего «противоправным или аморальным» (установление последнего обстоятельства не входит в компетенцию психолога). Вывод эксперта-психолога о том, что потерпевшая в момент совершения полового акта с нею не могла понимать характер и значение действий обвиняемого и не могла оказывать сопротивление, будет служить определению у потерпевшей «беспомощного состояния». Но в случае, если суд сочтет, что

лицо при совершении действий сексуального характера не осознавало, что потерпевшая находилась в беспомощном состоянии, он не будет квалифицировать действия подсудимого по ст. 131 или 132 УК РФ. Заключение психолога по делу о месте жительства ребенка имеет важное значение для судебного решения, однако суд будет руководствоваться и иными соображениями, учитывая, в частности, проявление одним из родителей большей заботы и внимания к ребенку; социальное поведение родителей; морально-психологическую обстановку, которая сложилась в месте проживания каждого из родителей; привлечение родителей ребенка к административной или уголовной ответственности; наличие судимости; состояние на учете в психоневрологическом, наркологическом диспансерах; климатические условия жизни ребенка, проживающего с родителем, при проживании родителей в разных климатических поясах; возможность своевременного получения медицинской помощи; наличие или отсутствие у родителей другой семьи; привычный круг общения ребенка (друзья, воспитатели, учителя); привязанность ребенка не только к родителям, братьям и сестрам, но и к дедушкам, бабушкам, проживающим с ними одной семьей; приближенность места жительства родственников (бабушек, дедушек, братьев, сестер и т. д.), которые реально могут помочь родителю, с которым остается проживать ребенок, в его воспитании; удобство расположения образовательных учреждений, спортивных клубов и учреждений дополнительного образования, которые посещает ребенок, и возможность создания каждым из родителей условий для посещения таких дополнительных занятий; цель предъявления иска [14].

Четкое понимание роли экспертного заключения в принятии решения суда очерчивает и границы компетенции психолога в каждом предметном виде экспертизы.

Следующим этапом методологического анализа является выработка экспертного понятия – частного предмета СПЭ.

Экспертологический анализ. Экспертные судебно-психологические понятия занимают промежуточное положение между общепсихологическими и правовыми.

1. *Соотношение экспертных понятий и общепсихологических явлений.* Согласно принципам общей судебной экспертологии [5], специальные знания судебного эксперта являются не прямым аналогом знаний базовой науки, а требуют определенной трансформации. Применительно к СПЭ можно сказать, что экспертные понятия не могут быть заимствованы в неизменном виде из теории психологии, поскольку связь СПЭ с общей психологией всегда опосредована: общепсихологические понятия не содержат никакой информации об их юридической значимости, о том, какие правовые последствия могут проистекать из их диагностики. Так, констатация «фрустрации» или «стресса» у обвиняемого в убийстве ничего не будет говорить о возможности правовой квалификации его преступления, если мы не выделим такие качества данных эмоциональных состояний, которые могли бы быть идентифицированы с определенными элементами состава преступления, в соответствии с уголовным законодательством. Категория «личности» значима для уголовного права лишь в контексте уяснения ее влияния на осознанно-волевое поведение. Понятие «психическое расстройство» иррелевантно для правовой оценки, если эксперты не укажут на такие его свойства, которые нарушают или ограничивают способность обвиняемого осознавать свои действия или руководить ими [20]. Особенно ярко эта трансформация видна на примере экспертологического анализа СПЭ аффекта у обвиняемого [17]. Экспертное понятие «аффект», с одной стороны, уже общепсихологического понимания аффекта как одной из разновидностей эмоциональных

явлений [3; 18], из всего многообразия аффектов охватывает только аффекты гнева и страха, сопровождающиеся частичным сужением сознания [26]. С другой стороны, значимые для квалификации аффективных преступлений свойства «внезапно возникшего сильного душевного волнения» характерны не только для аффектов (в общепсихологическом понимании), но и для иных выраженных эмоциональных состояний, обуславливающих нарушения осознанной регуляции криминальных действий [27], что учитывается в правоприменении, в частности, в решениях Верховного Суда РФ [22].

2. *Соотношение экспертных понятий и правовых норм.* М.М. Коченов в своей докторской диссертации [11] выдвинул положение, что теория СПЭ имеет дело с психологическим содержанием некоторых юридических понятий, «описывающих поведение людей и его внутренние механизмы, фиксирующих временные психические состояния, изменения сознания под влиянием различных факторов».

Эти правовые нормы (табл. 1–4) могут быть сформулированы на языке «профанного» дискурса, «житейских», по терминологии Л.С. Выготского, понятий (например, как «нравственные страдания», «заблуждение», «привязанность ребенка к родителю» и т. п.), а могут представлять собой так называемые юридические критерии, которые, как правило, сформулированы в психологических понятиях, раскрывающих наиболее интегративные, обобщенные особенности как отражения окружающего мира, так и регуляции поведения («способность понимать значение своих действий или руководить ими», «способность правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать показания», «способность понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказывать сопротивление виновному» и т. п.).

При втором варианте экспертологический анализ сводится к трансформации юридического критерия в критерий «психологический». Так, в основе юридически значимой способности понимать значение своих действий или руководить ими по смыслу ст. 177 ГК РФ лежит способность гражданина к осознанному принятию решения или исполнению, реализации принятого решения (при совершении сделки) [19]. Для определения способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством (ч. 3 ст. 20 УК РФ) необходимо диагностировать личностную незрелость, обусловленная не психопатологическими факторами, ограничивающая способность к осознанной регуляции действий [9].

В первом же варианте (правовая норма без юридического критерия) выделение судебно-психологического экспертного понятия происходит через более сложный и опосредованный анализ. Характерными примерами такого экспертологического анализа является соотнесение правовых и экспертных понятий в СПЭ по делам о компенсации морального вреда [23; 29], по делам о спорах между родителями о воспитании и месте жительства ребенка [6; 24].

И только после четкого определения судебно-психологических экспертных понятий, составляющих частные предметы конкретных видов СПЭ или КСПЭ, наступает этап собственно психологического анализа.

Психологический анализ. Именно на этом этапе происходит соотнесение экспертных понятий со всей суммой знаний, полученной в результате обучения психологии в системе

высшего образования. Наиболее востребованные области научной психологии в судебной экспертизе – это общая, клиническая, социальная психология, психология развития, психодиагностика. Каждое судебно-психологическое экспертное понятие, проанализированное на предыдущих этапах как психологическое содержание правовых понятий или юридических критериев, на этой стадии методологического исследования выступает как вектор, задающий юридическое значение психологических явлений, описанных в общепринятых теориях.

Так, при производстве СПЭ индивидуально-психологических особенностей будут востребованы психологические знания о личностной регуляции поведения [16], КСППЭ ограниченной вменяемости – теоретические положения о влиянии психических расстройств на криминальные действия [21; 30], СПЭ аффекта – представления об аффекте в общей психологии [3].

КСППЭ психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка, требует применения знаний о материнской агрессии [4; 8].

КСППЭ психического состояния лиц, покончивших с собой, и способности потерпевших по половым преступлениям оказывать сопротивление будут соответственно основываться на теоретических положениях клинко-психологической суицидологии и виктимологии [1; 28].

В гражданском процессе при экспертизе «сделкоспособности» будут востребованы знания о психологии принятия решений, при экспертизе по защите интересов ребенка – знания возрастной психологии и психологии семьи и т. д.

Следует отметить, что практика судебных экспертиз с участием психолога нередко сталкивается с ситуациями, когда в общей психологии необходимые для выработки экспертного заключения знания оказываются недостаточными. Такие проблемные ситуации, в свою очередь, стимулируют научные исследования в общей и других областях психологии.

К примеру, именно проблемы судебно-экспертной диагностики в рамках КСППЭ привели к развитию идей о «патопсихологических симптомокомплексах» [12; 13], необходимость решения экспертных вопросов в отношении обвиняемых в преступлениях против жизни и здоровья граждан – к разработке психологических типологий криминальной агрессии [7; 15; 18]. Поэтому, как подчеркивал М.М. Коченов, наряду с тем, что СПЭ является одним из главных каналов проникновения накопленных в различных областях психологии знаний в юридическую практику, обобщение практики СПЭ само создает новые знания, становится достоянием не только юридической, но и общей психологии [11].

Заключение

Таким образом, методология построения предметного вида судебной экспертизы с применением психологических знаний заключается в последовательном и тщательном правовом, экспертологическом и собственно психологическом анализе каждого конкретного вида экспертизы.

Такая методология соотносится как с общепринятым определением предмета исследования судебного эксперта-психолога, так и со структурой специальных знаний лица, сведущего в психологии.

Процесс обучения специальным экспертным знаниям, в соответствии со смысловым их строением, можно представить как движение от внешних слоев к глубинным уровням: от усвоения общепсихологических представлений к формированию «экспертных» понятий и далее – к приобретению мотивационно-ценностного опыта профессиональной деятельности, т. е. формированию профессионального «образа мира». Непосредственное же использование специальных познаний в конкретном экспертном исследовании разворачивается как обратный процесс – от актуализации генерализованных «глубинных» смыслов к гносеологической и когнитивной переработке изучаемых психических явлений [20].

И, наконец, проведенный анализ показывает методологическую несостоятельность попыток ввести в практику СПЭ «новые» виды экспертизы, связанные с определением достоверности показаний и содержания сознания подэкспертных лиц [2; 25].

Литература

1. Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А. Диагностика суицидального поведения: метод. рекомендации. М., 1980. 55 с.
1. Смирнова С.А., Макушкин Е.В., Аснис А.Я. и др. О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Том 6. № 3. С. 61–78. doi:10.17759/psylaw.2016060306
2. Аффект: практика судебной психолого-психиатрической экспертизы: хрестоматия / Авторы-составители Ф.С. Сафуанов, Е.В. Макушкин. М.: Генезис, 2013. 312 с.
3. Брутман В.И., Ениколопов С.Н., Радионова М.С. Нежеланная беременность у жертв сексуального насилия // Вопросы психологии. 1995. № 1. С.33–40.
4. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология. Волгоград, 1979. 183 с.
5. Вострокнутов Н.В., Харитонова Н.К., Сафуанов Ф.С. Методологические основы экспертного подхода к правовой защите детей: метод. рекомендации. М., 2004. 28 с.
6. Гульдман В.В. Мотивация преступного поведения психопатических личностей // Криминальная мотивация. М., 1986. С.189–250.
7. Дмитриева Т.Б., Качаева М.А., Сафуанов Ф.С. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза психического состояния матери, обвиняемой в убийстве новорожденного ребенка: пособие для врачей и психологов. М., 2001. 32 с.
8. Дозорцева Е.Г. Аномальное развитие личности у подростков с противоправным поведением. М.: ГНЦ ССП им В,П, Сербского, 2004. 352 с.

9. *Коченов М.М.* Введение в судебно-психологическую экспертизу. М.: Изд-во Московского ун-та, 1980. 115 с.
10. *Коченов М.М.* Теоретические основы судебно-психологической экспертизы: автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 1991. 46 с.
11. *Кудрявцев И.А., Лавринович А.Н., Москаленко Е.П., Сафуанов Ф.С.* Особенности патопсихологической квалификации результатов экспериментально-психологического исследования в условиях судебно-психиатрической экспертизы: метод. рекомендации. М.: ГНЦ ССП им В.П. Сербского, 1985. 25 с.
12. *Кудрявцев И.А., Сафуанов Ф.С.* Патопсихологические симптомокомплексы нарушений познавательной деятельности при психических заболеваниях: факторная структура и диагностическая информативность // Журнал невропатологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 1989. Вып. 6. С. 85–92.
13. Обзор судебной практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей от 20 июля 2011 года (Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 июля 2011 года).
14. *Рапинова Н.А.* Саморегуляция поведения при совершении агрессивных насильственных действий: дис. ... канд. психол. наук. М., 1998. 229 с.
15. *Сафуанов Ф.С.* Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М.: Гардарика; Смысл, 1998. 192 с.
16. *Сафуанов Ф.С.* Аффект: судебно-психологический экспертологический анализ // Психологический журнал. 2001. № 3. С.15–25.
17. *Сафуанов Ф.С.* Психология криминальной агрессии. М.: Смысл. 2003. 300 с.
18. *Сафуанов Ф.С.* Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза в гражданском процессе // Медицинская и судебная психология. Курс лекций: учеб. пособие / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. М.: Генезис, 2004. С.577–586.
19. *Сафуанов Ф.С.* Судебно-психологическая экспертиза: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2014. 421 с.
20. *Сафуанов Ф.С., Вандыш-Бубко В.В.* Ограниченная вменяемость: судебно-экспертологический анализ // Юридическая психология. 2009. № 2. С. 6–9.
21. *Сафуанов Ф.С., Исаева И.В.* Анализ решений высших судов по аффективным преступлениям и проблемы судебной экспертизы // Российский судья. 2015. № 12. С.37–40.
22. *Сафуанов Ф.С., Харитонова Н.К., Дозорцева Е.Г. и др.* Компетенция комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о компенсации морального вреда // Практика судебно-психиатрической экспертизы: сб. № 43.

М., 2005. С. 326–336.

23. Сафуанов Ф.С., Харитонова Н.К., Русаковская О.А. Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. М.: Генезис, 2011. 192 с.
24. Сафуанов Ф., Шишков С.Н. Экспертиза «правдивости» показаний (возможности психологической экспертизы) // Законность. 1992. № 2. С. 13–14.
25. Ситковская О.Д. Судебно-психологическая экспертиза аффекта: метод. пособие. М., 1983. 71 с.
26. Судебно-психологические экспертные критерии диагностики аффекта у обвиняемого: пособие для врачей / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Е.В. Макушкина. М.: ФГБУ ГНЦССП им. В.П. Сербского Минздравсоцразвития России, 2004. 44 с.
27. Тихоненко В.А., Сафуанов Ф.С. Введение в суицидологию // Медицинская и судебная психология. Курс лекций: учеб. пособие / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. М.: Генезис, 2004. С. 266–283.
28. Шипшин С.С., Бердников Д.В., Калинина А.Н. Методические рекомендации по производству судебно-психологической экспертизы по делам о компенсации морального вреда // Теория и практика судебной экспертизы. 2010. № 4, С. 309–320.
29. Шишков С.Н., Сафуанов Ф.С. Влияние психических аномалий на способность быть субъектом уголовной ответственности и субъектом отбывания наказания // Государство и право. 1994. № 2. С. 82–90.

How to build substantive judicial-psychological examination

***Safuanov F.S.,** Dr.Sci. (Psychology), Professor, Head of the Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Head of the Laboratory of Psychology, Federal Medical Research Center for Psychiatry and Addiction of the Ministry of Health of the Russian Federation (safuanovf@rambler.ru)*

The methodology of the subject types of forensic examinations with the application of psychological knowledge is analyzed. The history of the formation of subject types of forensic psychological examination and a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination is considered. Shows their transformation and expansion under the influence of changes of domestic legislation. Based on the definition of the research subject of a legal expert-psychologist, concluded that the first step of building the subject of a separate judicial review should be the analysis of its legal significance. Discussed options for legal consequences and the role of expert opinion in making judicial decisions. The second step is expert intelligence analysis. It is the allocation of the psychological characteristics of legal rules (legal criteria). The third stage of psychological analysis consists in the correlation of concepts with expert knowledge in scientific psychology. The need of adaptation and transformation of scientific psychological knowledge (as basic science) in forensic psychological expertise (special knowledge of the expert) are shown. Discusses ways of formation of special knowledge of the expert-psychologist and the limits of its competence.

Key words: forensic expertology, it is judicial-psychological examination, a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination to expert concepts.

References

1. Ambrumova A.G., Tihonenko V.A. Diagnostika suicidal'nogo povedeniya: Metodicheskie rekomendacii [Diagnosis of suicidal behavior. Guidelines]. Moscow, 1980. 55 p.
2. Smirnova S.A., Makushkin E.V., Asnis A.Ya. About illegality determination of the validity of evidence through forensic examination. Information letter [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2016. Vol. 6, no. 3, pp. 61–78. doi:10.17759/psylaw.2016060306. (In Russ., abstr. in Engl.)
3. Affekt: praktika sudebnoj psihologo-psihiatricheskoj jekspertizy. Hrestomatija [Affect: the practice of judicial psychological-psychiatric examination: a reader]/ Avtory-sostaviteli: F.S. Safuanov, E.V. Makushkin. M.: Genezis, 2013. 312 p.

4. Brutman V.I., Enikolopov S.N., Radionova M.S. Nezhelannaja beremennost' u zhertv seksual'nogo nasilija [Unwanted pregnancy among victims of sexual violence] // *Voprosy psihologii [Problems of psychology]*. 1995. no. 1. pp.33-40.
5. Vinberg A.I., Malahovskaja N.T. Sudebnaja jekspertologija [Judicial expertology]. Volgograd, 1979. 183 s.
6. Vostroknutov N.V., Haritonova N.K., Safuanov F.S. Metodologicheskie osnovy jekspertnogo podhoda k pravovoj zashhite detej: Metodicheskie rekomendacii [Methodological basis of the expert approach to legal protection of children: method. recommendations]. Moscow, 2004. 28 p.
7. Gul'dan V.V. Motivacija prestupnogo povedenija psihopaticeskikh lichnostej [The motivation of criminal behavior psychopathic personalities] // *Kriminal'naja motivacija [Crime motivation]*. Moscow, 1986. pp.189-250.
8. Dmitrieva T.B., Kachaeva M.A., Safuanov F.S. Kompleksnaja sudebnaja psihologo-psihiatricheskaja jekspertiza psihicheskogo sostojanija materi, obvinjaemoj v ubijstve novorozhdenного rebenka: Posobie dlja vrachej i psihologov [Comprehensive forensic psychological and psychiatric examination of the mental state of mother accused of murdering newborn baby: a guide for physicians and psychologists]. Moscow, 2001. 32 p.
9. Dozorceva E.G. Anomal'noe razvitie lichnosti u podrostkov s protivopravnym povedeniem [Abnormal development of personality in adolescents with offending behaviour]. Moscow, 2004. 352 p.
10. Kochenov M.M. Vvedenie v sudebno-psihologicheskiju jekspertizu [Introduction to forensic psychological examination]. Moscow: Publ. Publishing house of Moscow University, 1980. 115 p.
11. Kochenov M.M. Teoreticheskie osnovy sudebno-psihologicheskoi jekspertizy. Avtoref. dis. dokt. psihol. Nauk [Theoretical bases of judicial-psychological examination. Dr. Sci. (Psychology) Thesis]. Moscow, 1991. 46 p.
12. Kudrjavcev I.A., Lavrinovich A.N., Moskalenko E.P., Safuanov F.S. Osobennosti patopsihologicheskoi kvalifikacii rezul'tatov jeksperimental'no-psihologicheskogo issledovanija v uslovijah sudebno-psihiatricheskoi jekspertizy: Metodicheskie rekomendacii [Peculiarities of pathopsychological qualification of the results of experimental-psychological study of forensic psychiatric assessment: a method. recommendations]. Moscow, 1985. 25 p.
13. Kudrjavcev I.A., Safuanov F.S. Patopsihologicheskie simptomokompleksy narushenij poznavatel'noj dejatel'nosti pri psihicheskikh zabolevanijah: faktornaja struktura i diagnosticheskaja informativnost' [Pathopsychological symptom complexes of disorders of cognitive activity in mental illness: the factor structure and diagnostic informativeness] // *Zhurnal nevropatologii i psichiatrii im. S.S. Korsakova [Journal of neuropathology and psychiatry named after S. S. Korsakov]*. 1989. Vol.6. pp. 85-92.

14. Obzor sudebnoj praktiki razreshenija sudami sporov, svjazannyh s vospitaniem detej ot 20 ijulja 2011 goda (Utverzhen Prezidiumom Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii 20 ijulja 2011 goda).
15. Ratinova N.A. Samoreguljacija povedenija pri sovershenii agressivno-nasil'stvennyh dejstvij. Dis. kand. psihol. Nauk. [Self-regulation of conduct in the Commission of aggressive and violent actions. Ph.D. (Psychology) Thesis] Moscow, 1998. 229 p.
16. Safuanov F.S. Sudebno-psihologicheskaja jekspertiza v ugolovnom processe [Forensic psychological expertise in criminal proceedings]. Moscow: Publ. Gardarika, Smysl. 1998. 192 p.
17. Safuanov F.S. Affekt: sudebno-psihologicheskij jekspertologicheskij analiz [Affect: forensic psychological expertology analysis] // *Psihologicheskij zhurnal [Psychological journal]*. 2001. no. 3. pp.15-25.
18. Safuanov F.S. Psihologija kriminal'noj agressii [The psychology of criminal aggression]. Moscow: Publ. Smysl. 2003. 300 p.
19. Safuanov F.S. Kompleksnaja sudebnaja psihologo-psihiatricheskaja jekspertiza v grazhdanskom processe [Comprehensive forensic psychological and psychiatric examination in civil process] // *Medicinskaja i sudebnaja psihologija. Kurs lekcij: Uchebnoe posobie [Medical and forensic psychology. A course of lectures: textbook. allowance]* / In Dmitrievoj T.B., Safuanova F.S. (eds.). Moscow, 2004. pp.577-586.
20. Safuanov F.S. Sudebno-psihologicheskaja jekspertiza: uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata [Judicial and psychological examination: a textbook for undergraduate academic]. Moscow: Publ. Izdatel'stvo Jurajt, 2014. 421 p.
21. Safuanov F.S., Vandysh-Bubko V.V. Ogranichennaja vmenjaemost': sudebno-jekspertologicheskij analiz [Limited sanity: forensic analysis expertelligence] // *Juridicheskaja psihologija [Legal psychology]*. 2009. no. 2. pp.6-9.
22. Safuanov F.S. Isaeva I.V. Analiz reshenij verhovnyh sudov po affektivnym prestuplenijam i problemy sudebnoj jekspertizy [Analysis of decisions of the Supreme courts of affective crimes and problems of judicial examination] // *Rossijskij sud'ja [the Russian judge]*, 2015. no. 12. pp.37-40.
23. Safuanov F.S., Haritonova N.K., Dozorceva E.G. i dr. Kompetencija kompleksnoj sudebnoj psihologo-psihiatricheskoi jekspertizy po delam o kompensacii moral'nogo vreda [The competence of the judicial complex psychological and psychiatric examination on Affairs about compensation of moral harm] // *Praktika sudebno-psihiatricheskoi jekspertizy: Sbornik [Practice forensic psychiatric examination]*. no. 43., 2005. pp. 326-336.
24. Safuanov F.S., Haritonova N.K., Rusakovskaja O.A. Psihologo-psihiatricheskaja jekspertiza po sudebnym sporam mezhdju roditeljami o vospitanii i meste zhitel'stva rebenka [Psychological-psychiatric examination in judicial disputes between parents on upbringing and place of residence of the child]. Moscow: Publ. Genezis, 2011. 192 p.

25. Safuanov F., Shishkov S. N. Jekspertiza «pravdivosti» pokazanij (vozmozhnosti psihologicheskoj jekspertizy) [Examination of the "truthfulness" of the testimony (psychological assessment)] // *Zakonnost' [Law]*.1992. no. 2. pp. 13-14.
26. Sitkovskaja O.D. Sudebno-psihologicheskaja jekspertiza affekta: Metodicheskoe posobie [It is judicial-psychological examination of affect: method. allowance]. Moscow, 1983. 71 p.
27. Sudebno-psihologicheskie jekspertnye kriterii diagnostiki affekta u obvinjaemogo: Posobie dlja vrachej [Forensic psychological expert diagnostic criteria affect the accused: a Handbook for doctors] / In Dmitrievoj T.B., Makushkina E.V. (eds.). Moscow, 2004.44 p.
28. Tihonenko V.A., Safuanov F.S. Vvedenie v suidologiju [Introduction to suicide-studying] // *Medicinskaja i sudebnaja psihologija. Kurs lekcij: Uchebnoe posobie [Medical and forensic psychology. A course of lectures: textbook. allowance]* / In Dmitrievoj T.B., Safuanova F.S. (eds.). Moscow, 2004. pp. 266-283.
29. Shipshin S.S., Berdnikov D.V., Kalinina A.N. Metodicheskie rekomendacii po proizvodstvu sudebno-psihologicheskoj jekspertizy po delam o kompensacii moral'nogo vreda [Guidelines for the production of forensic psychological examination in cases of compensation of moral harm] // *Teorija i praktika sudebnoj jekspertizy [Theory and practice of forensic]*. 2010. no.4. pp. 309-320.
30. Shishkov S.N., Safuanov F.S. Vlijanie psihicheskikh anomalij na sposobnost' byt' sub'ektom ugolovnoj otvetstvennosti i sub'ektom otbyvanija nakazanija [The influence of mental abnormality on the ability to be the subject of criminal responsibility and the subject of punishment] // *Gosudarstvo i pravo [State and law]*. 1994. no. 2. pp. 82-90.

Обоснованный риск как проблема юридической психологии

Ситковская О.Д., доктор психологических наук, доцент, старший советник юстиции, заведующая отделом психологического обеспечения прокурорской деятельности Научно-исследовательского института Академии Генеральной прокуратуры РФ (odsitkov@rambler.ru)

Статья посвящена обоснованному риску (ст. 41 УК РФ) как важной проблеме, требующей внимания специалистов, работающих в области юридической психологии. Представлена психологическая характеристика понятия «обоснованный риск», описаны механизмы принятия решения в ситуациях риска и классификации ситуаций рискованного поведения по роду и характеру деятельности, значимых для уголовного права. Разбираются варианты ситуаций риска, при которых могут иметь место обстоятельства, исключающие преступность деяния. А также рассматриваются возможности и компетенция психологической экспертизы, ее задачи, вопросы эксперту-психологу и особенности использования судом заключения эксперта для решения вопроса об уголовной ответственности. Делается вывод о необходимости продолжения разработки методологических оснований применения судебно-психологической экспертизы обоснованности риска.

Ключевые слова: обоснованный риск, уголовная ответственность, рискованное поведение, компетенция психологической экспертизы.

Для цитаты:

Сафуанов Ф.С. Как построить предметный вид судебно-психологической экспертизы. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 1. С. 240-249. doi: 10.17759/psylaw.207070119

For citation:

Safuanov F.S. How to build substantive judicial-psychological examination. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 1. pp.240-249. doi: 10.17759/psylaw.2017070119

Понятие обоснованного (оправданного, правомерного) риска (ст. 41 УК РФ) сравнительно ново для отечественного уголовного законодательства. Как отмечается в уголовно-правовой литературе, содержание этого понятия разрабатывалось в основном исходя из гражданского законодательства 20-х гг., которое освобождало работников от имущественной ответственности за ущерб, относящийся к категории нормального производственно-хозяйственного риска. Необходимость включения в уголовный закон соответствующей нормы аргументировалась ситуациями освоения новых технологических процессов и производственных операций. Возможность же использования понятия

обоснованного риска в других сферах деятельности лишь упоминалась, причем конкретно указывалось только на рискованные медицинские операции [4].

Новизна уголовно-правового института обоснованного риска, его значимость для определения границ уголовной ответственности, а также то, что он основан на психологическом понятии «риск», требуют внимания юридической психологии к указанной проблеме. Однако, к сожалению, в настоящее время психологические исследования в указанном направлении очень немногочисленны.

Ключевой для анализа уголовно-правового института риска является психологическая проблема способности человека к управлению и контролю своему поведению в нестандартных ситуациях. Наиболее распространенной в психологии является трактовка риска как ситуативной характеристики деятельности, состоящей в неопределенности ее исхода и возможности неблагоприятных последствий в случае неуспеха. Термин «риск» рассматривается в трех взаимосвязанных аспектах: а) мера ожидаемого неблагоприятия при неуспехе, определяемая комплексной оценкой вероятности неуспеха и характера возможных последствий; б) действие, грозящее субъекту ущербом (потерей); в) выбор между вариантами действия: более безопасным либо более привлекательным, если исход последнего проблематичен и связан с возможностью неблагоприятных последствий [3].

В психологической теории различают риск мотивированный и немотивированный (не рассчитанный на получение каких-то внешних преимуществ), оправданный и неоправданный (исходя из соотношения возможного выигрыша и потери). Различается также риск, угрожающий потерей самому рискующему лицу, либо ставящий под угрозу права и интересы других, либо сочетающий оба варианта. Рассматриваются интеллектуальный, мотивационный аспекты выбора рискованного варианта поведения, влияние на него характерологических свойств личности. Выделяется, в частности, значимость таких свойств, как степень уверенности в себе, способность быстро ориентироваться в ситуации, профессиональная тренированность поведения в нестандартных ситуациях. Значение могут иметь и возрастные факторы: вероятность принятия решения о рискованном поведении обратно пропорциональна возрасту – постепенное приобретение жизненного опыта стимулирует обычно и более высокую степень осторожности [1].

Ситуации риска, значимые для уголовного права, всегда субъективно сложны и экстремальны для человека, независимо от того, идет ли речь о внезапно возникшей ситуации или о таковой, возникновение которой предусматривалось или даже планировалось (например, в связи с научным экспериментом). Сложность их заключается в информационной неопределенности, которая, в свою очередь, вызывает неуверенность в достижении цели, предвидение возможности неблагоприятных последствий. Трудность принятия решения также связана с возникающим при этом чувством ответственности. Причем лиц, профессиональная деятельность которых часто сопровождается ситуациями выбора, более волнует не «физическая опасность» для себя или других людей, а «социальная опасность» в виде санкций за допущенный просчет [2].

Важной для уголовно-правового регулирования является характеристика риска как личностной формы управления поведением в ситуации *опасности*. Именно ее наличие существенно для закона, защищающего общественно значимые отношения от

.....

посягательств. Поэтому здесь целесообразно исходить из определения опасности как «возможной угрозы бедствия, несчастья, катастрофы». Применительно к рассматриваемому уголовно-правовому институту эта угроза: 1) осознается рискующим лицом; 2) направлена на такие существенные интересы, как жизнь, здоровье, экологическая безопасность, нормальный ход хозяйственной, производственной, научной деятельности, сохранность ценного имущества и пр. При этом угроза малозначительного ущерба (вреда) в расчет не должна приниматься.

Механизм принятия решения в ситуации обоснованного риска включает:

а) цель, осознаваемую как социально позитивную и существенную (цели, связанные с результатами, значимыми лишь для субъекта, уголовный закон не должны интересоваться);

б) оценку ситуации как предоставляющей возможность выбора между безопасным и опасным вариантом действий, либо вариантами с разной степенью опасности;

в) наличие определенного объема информации, достаточного для предвидения возможных последствий выбора данного варианта поведения и для вероятностного вывода о шансах достижения цели.

Значимы классификации риска по роду и характеру деятельности, в процессе которой он наступает. Они позволяют дифференцированно анализировать специфику целей, уровни сложности ситуаций риска и возможности их оценки. Различны характер и тяжесть последствий при неудачах. Различна и сама вероятность попадания в ситуации риска, с чем связана психологическая готовность к выбору оптимального варианта поведения. Например, многие задачи и функции правоприменительной деятельности в сфере уголовно-правовой борьбы с преступностью связаны с риском.

Оперативно-розыскная и следственная деятельность осуществляется в большинстве случаев в условиях дефицита информации, усугубляемого дефицитом времени. Это относится, например, к ситуациям обыска, ареста, задержания и пр., которые затрагивают права и интересы соответствующих лиц и которые поэтому могут быть отнесены к решениям в ситуации риска.

Значима классификация видов деятельности, обуславливающих специфику механизма принятия решения в условиях риска:

- производственная деятельность;
- эксплуатация транспорта;
- научные эксперименты;
- медицинская деятельность;
- спортивная деятельность;
- хозяйственная деятельность;
- управленческая деятельность;

- правоохранительная деятельность.

Также важна классификация риска по степени сложности ситуации (количеству и качеству обстоятельств, которые необходимо оценить и развитие которых спрогнозировать); по наличию или отсутствию предумышленности, подготовленности решения; по его индивидуальному или групповому характеру (известно явление сдвига в сторону риска или воздержания от него, когда решение принимается в группе); по опосредованности социально значимой цели личными интересами или отсутствию такой опосредованности.

При оценке *обоснованности* риска учитывается специфика деятельности, личностные качества рискующего, а также наличие обстоятельств, ограничивающих или расширяющих возможность принятия решения с максимальным при данных условиях «знанием дела».

Термин «обоснованный риск» характеризует адекватную оценку обстановки и ее развития, возможность управлять ею. В этой связи можно говорить об обдуманности, осмотрительности, максимальном в данной ситуации использовании профессиональных знаний и навыков, о субъекте, который хотя и осознает возможность причинения вреда, поскольку идет на риск, но не проявляет при этом легкомыслия.

Психологический механизм принятия решения в условиях обоснованного риска не ограничивается случаями профессиональной деятельности, если трактовать ее как связанную с источником существования, заработком. Соответствующее решение в обстановке опасности и информационной неопределенности, которое принимает во имя общественно полезной цели (например, для спасения людей, предотвращения аварии) водитель личного транспорта, альпинист, член добровольного общества по спасанию на водах и пр., не отличается по содержанию от решения участника профессиональной деятельности в узком смысле этого слова. Следовательно, речь идет о любой деятельности, если она осуществляется систематически и требует специальных знаний, умений и опыта.

Рассмотрим два варианта риска, при которых могут быть обстоятельства, исключающие преступность деяния.

Во-первых, это действия в обстановке, когда выбор между рискованным поведением и отказом от него осуществляется, исходя из прогноза последствий и оценки шансов на успех.

Во-вторых, это действия в обстановке, когда риск является необходимым: отказ от него однозначно влечет тяжкие последствия.

Первый вариант предполагает рискованное поведение в обычном процессе деятельности, требующей специальных познаний и предосторожностей при возникновении нестандартной ситуации. Например, эксперимент на получение нового сложного вещества с не полностью рассчитанными свойствами, в связи с чем не исключается его вредное воздействие на людей, окружающую среду, возможность взрыва и т. п. Или применение врачом нового лекарства, нового метода операции, проверенного до этого только на животных. Или – непосредственно в правоохранительной деятельности – захват преступника, оказывающего вооруженное сопротивление (при этом не исключается ущерб здоровью или гибель людей).

Второй вариант выделяет из общего понятия обоснованного (оправданного) риска действия, совершаемые в ситуациях, когда воздержание от действия однозначно влечет неминуемую гибель людей, экологическую или технологическую катастрофу. Причем субъект в силу своего профессионального статуса обязан сделать все, чтобы эти последствия не наступили.

Например, необходимость вынужденной посадки самолета вне аэродрома в связи с отказом двигателя; необходимость использовать подручные средства для вывода людей из горящего здания; необходимость оперирования человека с безнадежным диагнозом, если есть хоть небольшие шансы на его спасение и др. Здесь рискованное поведение является не одним из возможных вариантов, а *единственно возможным и обязательным* для рискующего лица в связи с его профессиональными обязанностями. Само решение о рискованном поведении в таком случае не требует подтверждения его оправданности (обоснованности), даже если шансов на успех меньше, чем на неудачу, так как отказ от риска неизбежно приведет к тяжким последствиям. Иными словами, существует презумпция оправданности риска в этом случае. Оценка требует лишь обоснованность выбора *способа* действия, если он существует. Например, совершить вынужденную посадку на шоссе или на воду; вывести людей из горящего здания по наспех сооруженным мосткам или использовать страховочные сетки для выбрасывания людей и пр.

Сложность оценки рискующим субъектом существующей обстановки в условиях информационной неопределенности не снимает психологической значимости *осознания* им *своих действий*. В ином случае, от чего бы ни происходила неосознанность действий (профессиональная неграмотность, недостаточный уровень интеллекта, особое психическое состояние и пр.), институт обоснованного риска не применим, так как отсутствует субъективный механизм его обоснования.

Речь идет, во-первых, о субъективной оценке ситуации рискующим лицом. А, во-вторых, об «оценке этой оценки» правоприменителем, который, исходя из формулировки закона, проверяет версию о том, что рискующий субъект, имея необходимые и достаточные основания для выбора именно данного варианта поведения, поступил осмотрительно, а не опрометчиво. Именно доказанность, что в основе его поведения лежал обоснованный расчет, а не легкомысленный отказ от оценки и прогноза развития ситуации, *отличает обоснованный риск от неосторожности*. Поэтому нельзя согласиться со сближением рассматриваемого института с неосторожностью, являющейся, скорее, необоснованным риском.

Применительно к альтернативному риску его осознание включает:

- а) осознание поставленной цели как социально позитивной;
- б) осознание опасности, для избежания которой ставится цель или которая неизбежно возникнет в процессе достижения цели;
- в) понимание того, что времени и информации недостаточно для нахождения однозначно правильного решения;
- г) оценка возможных негативных последствий рискованного поведения как менее вероятных по сравнению с позитивными;

д) формирование представлений о возможных мерах безопасности на основе имеющейся информации о ситуации и прогноза ее возможного развития.

Для безальтернативного риска границы необходимого осознания менее широки и не включают компоненты, описываемые выше в пунктах «г» и «д».

Имеется в виду именно *осознание риска в реальной ситуации*, а не абстрактная способность к нему. Поэтому в содержание предмета доказывания по конкретному делу входит наличие осознания риска, причем в числе способов доказывания возможно применение специальных психологических знаний. В процессе доказывания неизбежно использование оценочных характеристик, в частности связанных с пределами осмотрительности (включая предвидение развития ситуации и последствий своих действий, которые можно требовать от рисковавшего субъекта в рамках признания его действий обоснованными). Здесь необходимо избежать объективного вменения (под давлением тяжких последствий), а также учитывать реальные возможности субъекта в данных обстоятельствах. В силу имевшей место информационной неопределенности достаточно, чтобы субъект отвечал лишь за предвидимые (прогнозируемые) последствия.

Можно предложить общий подход к использованию в пограничных случаях института обоснованного риска и смежных институтов, исключающих преступность деяния, исходя из нижеприведенных психологических механизмов поведения. Так, рискованные действия, которые субъект воспринимает как обоснованные: а) могут заранее оцениваться им как элемент необходимой обороны, задержания преступника и пр.; б) наоборот, в ситуации необходимой обороны, задержания и т. д. могут толкнуть на решение о рискованном поведении в процессе ее развития.

Обоснованный риск в целом и особенно безальтернативный риск обладают многими признаками института крайней необходимости. Представляется, однако, что понятие безальтернативного риска существенно облегчает психологическую оценку ситуаций, перечисленных в ч. 3 ст. 41 УК РФ, как исключающих обоснованный риск. Ведь угроза для жизни многих людей в результате грозящей авиакатастрофы может быть хотя бы частично устранена действиями пилота в условиях безальтернативного риска, т. е. в ситуации, когда рискованные действия создают угрозу жизни, но являются единственным путем спасения хотя бы части людей.

На практике наиболее целесообразно не выяснение в «пограничных случаях», имели ли место необходимая оборона, причинение вреда при задержании или оправданный риск, а констатация необходимости одновременного («по совокупности») применения двух или нескольких норм уголовного закона, исключающих преступность деяния. Ведь во всех этих случаях психологический механизм принятия решения и его реализации связан с общественно полезным и обоснованным поведением, оцениваемым как определенная целостность.

Психологический механизм решения в ситуации альтернативного риска включает также осознание возможности воздержаться от рискованных действий. Однако при этом может возникнуть вопрос: не подменена ли разумная осмотрительность перестраховкой, которая привела к тяжким последствиям? В таких случаях имеет место либо ошибка в оценке ситуации и ее прогнозе, либо осознанное бездействие и пренебрежение нравственным и профессиональным (в широком смысле слова) долгом. Это бездействие

имеет признаки халатности, если его мотивация связана с опасениями за карьеру или собственную безопасность, вопреки необходимости исполнять профессиональные или иные обязанности.

При использовании психологических познаний в процессе применения института риска перед экспертом-психологом могут быть поставлены следующие *основные вопросы*: 1. С учетом особенностей личности (обвиняемого) и ситуации, какова цель рискованного поведения? 2. С учетом интеллектуальных и характерологических особенностей обвиняемого, был ли он способен к осмыслению ситуации, возможностей ее развития и ожидаемых последствий? 3. С учетом динамики развития ситуации, мог ли он правильно и адекватно (самокритично) оценить собственные возможности для ее разрешения?

Необходимость в выяснении действительной цели, которая лежала в основе рискованного поведения, возникает в связи с возможным искажением в ее интерпретации самим рисковавшим субъектом или очевидцами. Конечно, механизм искажения информации в этих двух случаях различен. Очевидцы могут «подменять действительное обычным», моделировать собственное поведение в аналогичной ситуации, идти от эмоциональной оценки негативного результата и пр. Субъект риска может руководствоваться интересами самозащиты и пр. Психолог же, опираясь на исследование взаимодействия личности (включая ценностные ориентации, характерологические особенности и т. д.), ситуации и поведения, может сделать вывод о действительной цели рискованного поведения.

В отличие от вопроса о цели действий рисковавшего субъекта, вопрос о мотиве его действий безразличен для установления обоснованности–необоснованности риска. Так, ученый может поставить опасный эксперимент, успешность которого дает важное новое знание (общественно полезная цель), руководствуясь самыми разными мотивами – от увлеченности работой до стремления к научной карьере, новой должности, награде и пр. Таким образом, при решении следователем и судом вопроса об обоснованности риска психологическая диагностика мотивов представляется избыточной. Но она существенна при оценке риска как необоснованного – для индивидуализации ответственности и наказания. Так, при выводе о неоправданности риска, мотивы рискованного поведения будут влиять на меру ответственности за неосторожность.

Представляется, что очевидность роли «мотивационно-ценностного компонента» в принятии рискованных решений не противоречит сказанному. Речь здесь идет о влиянии личностных ценностей на оценку возможных вредных для субъекта последствий его поступка или ожидаемой пользы. Но этот аспект механизма принятия решения не тождествен механизму оценки фактической и социальной обоснованности риска. Он значим именно для индивидуализации ответственности и наказания, если будет признан необоснованным.

Решению следователем и судом задачи отграничить в конкретных случаях обоснованный риск от необоснованного может служить и постановка перед экспертом-психологом такого вопроса: «С учетом особенностей личности и психической деятельности (включая устойчивость и распределение внимания, быстроту реакции и пр.) имелась ли у субъекта возможность избежать установленной технической экспертизой грубой ошибки в оценке ситуации, ее прогнозе и принять решение о правильном поведении?» Предполагается, что сам факт грубой ошибки устанавливается специалистами

соответствующей отрасли профессиональной деятельности. Психолог же исходит из этого факта, как из данности. Речь идет прежде всего об исследовании субъективных возможностей правильной когнитивной оценки ситуации, того, насколько ситуация угрожающа, и вторичной оценки возможностей справиться с ней.

Анализ психического состояния субъекта, возможных изменений сознания для диагностики риска как обоснованного или необоснованного тесно связан с исследованием внешней ситуации. В частности, скоротечности развития событий, помех выбору оптимального решения в результате, например, эмоционального поведения окружающих, обстановки, мешающей восприятию показаний приборов, требований вышестоящих должностных лиц и пр.

Анализ психологического механизма поведения, приведшего к «грубой ошибке», может послужить основанием для следователя и суда признать ее совершение в данной конкретной ситуации практически неизбежным, что повлечет освобождение от уголовной ответственности. Также возможен вывод о необходимости смягчить ответственность за неосторожность в виде грубо ошибочного риска, повлекшего тяжкие последствия.

Описанная выше роль психолога-эксперта при установлении или опровержении факта грубой ошибки субъекта связана с переходом рассмотрения психологических проблем от собственно риска, как института уголовного права, исключающего преступность деяния, к *последствиям признания его необоснованным* (неоправданным). При этом речь идет уже о психологических аспектах неосторожной вины, отягчающих и смягчающих обстоятельствах. Иными словами, констатируется взаимосвязь компетенции психолога в случаях, когда исследуется обоснованность риска и в случаях, когда она не находит подтверждения, и производство по делу продолжается уже для решения вопроса об ответственности рисковавшего субъекта.

Для участия психолога в решении вопросов индивидуализации ответственности субъекта, который, как установлено, рисковал необоснованно, имеются, по крайней мере, следующие возможности:

- установление его мотивов и целей, их соответствия общественным ценностям;
- оценка степени влияния на поведение требований (давления) референтной группы, а также поведения возможных жертв экстремальной ситуации;
- оценка влияния на выбор ошибочного решения при рискованном поведении психофизиологического состояния (усталость, болезнь и пр.), а также аналогичного влияния различных психических состояний, неизбежно возникающих в экстремальных ситуациях (эмоциональный и операциональный стресс, различные аффекты – страха, ужаса и др.).

Описанное направление развития судебно-психологической экспертизы является достаточно сложным, ее методика нуждается в дальнейшей разработке.

Литература

1. Ильин Е.П. Психология риска. СПб.: Питер, 2012. 288 с.
2. Петровский В.А. Неадаптивный риск: феноменология и опыт интерпретации //

Управление риском. 1997. № 3. С. 29–34.

3. Психология: словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990. 344 с.
4. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / Под ред. В.Н. Кудрявцева и С.Г. Келиной. М.: Наука, 1987. 276 с.

Reasonable risk as a problem of legal psychology

Sitkovsky O. D., PhD (Psychology), associate Professor, senior Counsellor of justice, head of the Department of psychological support of prosecutorial activities of the research Institute of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation (odsitkov@rambler.ru)

The article is devoted to the reasonable risk (article 41 of the Penal code of Russian Federation), as an important issue requiring the attention of specialists working in the field of legal psychology. Presented the psychological characteristics of the concept of «reasonable risk», describes the mechanisms of decision making in situations of risk and classifications of situations of risky behavior by the nature of activity and character that are significant to criminal law. Understand options for risk situations, which can take place of the circumstances excluding criminality of act. Deals the capabilities and competencies of psychological assessment, tasks, questions for expert-psychologist, as well as the opportunities, especially use of the court expert to address the issue of criminal responsibility. The conclusion is made about necessity of further development of the methodological basis of the application of forensic psychological examination of the reasonableness of risk.

Key words: reasonable risk, criminal responsibility, risk-taking behavior, competence and psychological examination.

References

1. Il'in E.P. Psikhologiya riska [The psychology of risk]. Saint Petersburg: 2012. 288 p.
2. Petrovskii V.A. Neadaptivnyi risk: fenomenologiya i opyt interpretatsii [Maladaptive risk: phenomenology and interpretation experience] // *Upravlenie riskom [Risk management]*, 1997, no. 3, pp. 29-34.
3. Psikhologiya: slovar' [Psychology. Dictionary] / Pod obshch. red. A.V. Petrovskogo, M.G. Yaroshevskogo. Moscow: Publ. Politizdat, 1990. 344 p.
4. Ugolovnyi zakon. Opyt teoreticheskogo modelirovaniya [Criminal law. Experience of theoretical modelling] / Pod red. V.N. Kudryavtseva & S.G. Kelinoi. Moscow, 1987. 276 p.

Групповой тренинг как метод развития профессионально важных качеств юридического психолога

Лаврешкин Н.В., аспирант, кафедра юридической психологии и права факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (lavreshkinnv@gmail.com)

Статья посвящена определению роли группового тренинга в развитии и формировании профессионально важных качеств (ПВК) юридического психолога. Произведено сравнение основных подходов к понятию «профессионально важные качества» в психологии и построена модель профессионально важных качеств юридического психолога, состоящая из 5 групп ПВК. Проанализированы особенности развития профессионально важных качеств у студентов факультета Юридической психологии, а также методы их развития, используемые во время профессиональной подготовки в университете. Разработана программа социально-психологического тренинга, направленная на развитие ПВК у студентов первого курса факультета Юридической психологии. В ходе экспериментального исследования определены возможности группового тренинга в формировании и развитии ПВК юридического психолога. Составлены соответствующее рекомендации.

Ключевые слова: профессионально важные качества, юридический психолог, групповой тренинг.

Для цитаты:

Лаврешкин Н.В. Групповой тренинг как метод развития профессионально важных качеств юридического психолога. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 1. С. 250-263.
doi: 10.17759/psylaw.207070120

For citation:

Lavrechkin N.V. Group training as a method of development of professionally important qualities. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 1. pp.250-263.
doi: 10.17759/psylaw.2017070120

В современной социальной и политической ситуации возникают повышенные требования к личности специалиста, работающего в области психологии в целом и в

области юридической психологии в частности. Высокий уровень развития профессионально важных качеств специалистов – юридических психологов является одним из важнейших факторов эффективного психологического обеспечения правоохранительной деятельности, что особенно актуально в условиях современного роста количества криминогенных ситуаций и угрозы террористических актов. Основопологающим способом подготовки юридического психолога является его образование в высшем учебном заведении. Современная система образования при подготовке специалистов подразумевает компетентностный подход, где одним из главных требований к выпускникам является формирование у них определенного ряда компетенций, необходимых для работы в рамках будущей профессии. В то же время, значительная часть компетенций, являющихся нормативными для специалиста в области юридической психологии, означают его развитые профессионально важные качества, а, следовательно, акцент должен быть сделан на развитии личности, в частности, профессионально важных качеств. Тем не менее, в настоящее время при подготовке юридических психологов в высших учебных заведениях особое внимание уделяется овладению ими определенными профессиональными знаниями, умениями и навыками, но не развитию личностных качеств, необходимых в их будущей профессиональной деятельности. Формирование и развитие ПВК в вузе, как правило, происходит косвенно, чаще всего через такие формы организации учебного процесса как лекционные и семинарские занятия, а также самостоятельную работу студента. Реже учебная программа подразумевает формы учебного процесса, более эффективно развивающие ПВК (практикумы, практика, спецподготовка), опять же, косвенным путем. Еще более редко при подготовке в вузе происходит целенаправленное развитие ПВК студентов, а уж тем более, в форме группового тренинга. К сожалению, зачастую этого недостаточно для качественной профессиональной деятельности выпускника. Также стоит отметить, что на данный момент времени практически не существует исследований, посвященных изучению эффективных методов и технологий формирования и развития этих качеств.

В данной работе под профессионально важными качествами понимаются психологические качества личности, определяющие продуктивность (производительность, качество, результативность и др.) деятельности. Для выделения и описания подобных качеств существует понятие «психограмма». Качества человека, необходимые для успешной трудовой деятельности, и объединяются в психограмму профессии, в рамках которой эта трудовая деятельность выполняется. Профессионально важные качества включают не только психические свойства человека, но и непсихические, например, соматические, конституциональные, нейродинамические и т. д [6].

Модель профессионально важных качеств юридического психолога

Модель профессионально важных качеств юридического психолога включает в себя профессионально важные качества психолога, выделяемые различными отечественными и зарубежными авторами, так как практическая деятельность юридического психолога подразумевает все те же виды психологической деятельности, для эффективного выполнения которых необходимы качества, соответствующие психограмме практического психолога. Но тем не менее профессионально важные качества юридического психолога имеют отличия в силу специфики данной отрасли психологии. Особенно важную роль играет специфика клиентской группы, с которой взаимодействуют юридические психологи.

В результате анализа психограммы практического психолога, а также психограммы юриста (чья деятельность подразумевает взаимодействие с подобной клиентской группой), можно выделить несколько групп качеств, необходимых для эффективной профессиональной деятельности юридического психолога.

1. Качества, способствующие социальной и профессиональной адаптации специалиста (адаптивные). Необходимость данной группы качеств обусловлена возможным высоким уровнем нестабильности процесса профессиональной деятельности. ПВК из этой группы связаны с определенной нормативностью поведения специалиста в любых условиях профессиональной деятельности, включая сложные, экстремальные условия (например, работу в пенитенциарном учреждении). К таким качествам можно отнести сознательность, социальную смелость, дипломатичность, дисциплинированность. Соответственно, в роли антиПВК в данном случае будут выступать безответственность, недисциплинированность, склонность к алкоголизму и наркомании и т. д.

2. Нервно-психическая устойчивость личности. К данной группе относятся эмоциональная устойчивость, работоспособность в ситуациях, вызывающих фрустрацию, рассудительность, умение сохранять работоспособность в состоянии утомления, адекватно реагировать на различные внешние условия. АнтиПВК данной группы будут: низкая стрессоустойчивость, высокая эмоциональная напряженность, высокий уровень агрессивности, импульсивность, различные невротические симптомы, быстрая истощаемость, а также различные психопатические черты характера.

3. В третью группу входят различные свойства когнитивной сферы психики специалиста (когнитивные ПВК). В эту группу входят такие качества, как рассудительность, развитый интеллект (в особенности вербальный), гибкое, творческое мышление, высокая умственная работоспособность, аналитический склад ума, прогностические способности, гибкость и активность психических когнитивных процессов, развитое воображение и интуиция. Качествами этой группы, препятствующими эффективной профессиональной деятельности юридического психолога, можно назвать низкую умственную работоспособность, сниженный уровень познавательной активности, неразвитые воображение, внимание и интеллект и т. д.

4. Коммуникативная компетентность (коммуникативные ПВК). Данный фактор особенно важен специалисту, работающему непосредственно с клиентом. Именно благодаря развитым качествам этой группы психолог может установить контакт с клиентом, необходимый для продуктивной работы. В эту группу можно отнести эмпатийность, отзывчивость, чувствительность, дружелюбие, проницательность, доброжелательность, свободное и гибкое владение способами вербальной и невербальной коммуникации, умение находить наиболее адекватный способ выхода из конфликтной ситуации, развитый контроль над собственными эмоциями, адекватная самооценка, чувство юмора. Соответственно, качествами, затрудняющими коммуникативные процессы, являются замкнутость, высокая концентрированность на собственных проблемах и трудностях, агрессивность, повышенная обидчивость, эмоциональная неустойчивость, неумение владеть вербальными и невербальными способами коммуникации.

5. Организаторские способности (организационные ПВК). Качества этой группы важны тем, что, благодаря им юридический психолог способен оказывать положительное управляющее воздействие на собственное профессиональное окружение. К этим качествам

можно отнести активность, инициативность, находчивость, целеустремленность, смелость, решительность, способность прогнозировать последствия выполняемых действий. АнтиПВК в данном контексте являются психопатические свойства характера, пассивность, безынициативность, нерешительность и т. д.

Стоит отметить, что помимо перечисленных выше качеств личности, на успешность профессиональной деятельности юридического психолога сильно влияют особенности его мотивационной сферы. Важно, чтобы в ней доминировали социально-значимые, альтруистические мотивы и потребность в достижении успеха в рамках профессиональной деятельности.

Развитое самосознание и способность к рефлексии не были отнесены ни в одну из групп, так как мы рассматриваем данные качества как условия развития ПВК.

Формы организации учебного процесса в высшем учебном заведении как методы развития профессионально важных качеств юридического психолога

Стоит отметить, что профессионально важные качества юридического психолога развиваются в процессе обучения студента по программе подготовки специалиста в высшем учебном заведении. Как уже говорилось выше, некоторые компетенции, указанные в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования, подразумевают развитые профессионально важные качества специалиста при выпуске, что свидетельствует об их развитии как одной из задач учебного процесса.

Рассмотрим формы организации учебного процесса в высшем учебном заведении как методы развития профессионально важных качеств юридического психолога.

Важно, что из многочисленных характеристик образовательной среды вуза наибольшее влияние на развитие оказывают взаимоотношения студентов внутри учебной группы. Исследования показали, что в отношениях между участниками учебных студенческих групп за три года обучения происходят значительные изменения, обусловленные изменениями в характерологических особенностях личности и личностных ценностях студентов. Соответственно, на развитие ПВК влияют все мероприятия, подразумевающие совместную работу студентов [4].

Основной группой ПВК, развивающихся в ходе профессиональной подготовки в вузе, является группа когнитивных ПВК. Практически все формы организации учебного процесса отражаются на развитии когнитивной сферы специалиста. Такие формы обучения, как **лекция, семинарские и практические занятия**, активизируют мыслительную деятельность, благодаря чему происходит развитие этого компонента.

При участии в практических занятиях и семинарах студенты ощущают нарастание сложности выполняемых заданий, испытывают положительные эмоции от переживания собственного успеха в учении, заняты напряженной творческой работой, поисками правильных и точных решений. Большое значение имеют индивидуальный подход и продуктивное педагогическое общение. Обучаемые в ходе семинарских и практических занятий получают возможность раскрыть и проявить свои способности, свой личностный потенциал, через данный механизм происходит развитие всех групп ПВК. Через семинарские занятия происходит развитие творческого профессионального мышления и формирование познавательной мотивации студента. Также семинарские и практические

занятия подразумевают постоянное взаимодействие учебного коллектива, благодаря чему происходит развитие групп коммуникативных и адаптивных ПВК. Также многие практикумы, входящие в учебный план подготовки юридического психолога, подразумевают работу в форме группового тренинга, где в роли ведущего выступают как преподаватели, так и студенты учебного заведения. Подобную форму работы мы рассматриваем как особо эффективную в плане развития ПВК.

Особенное значение для формирования и развития ПВК юридического психолога имеет **практика**, соответствующая основным для специальности видам деятельности, а также практика, выполняющая интегративную функцию и позволяющая сформировать у студентов целостное представление о выбранной профессии и выработать основные интегративные компетенции. В процессе выполнения программы практики происходит особенно интенсивное развитие профессионального самосознания, что и является условием развития профессионально важных качеств. То же самое можно сказать и о **специальной подготовке** – особом разделе учебного плана, представляющем собой органичное сочетание практикума с практикой и являющемся учебной дисциплиной, включающей в себя выездные практические занятия [1; 5].

Важным элементом учебной деятельности является **самостоятельная работа студентов**. Самостоятельная работа студентов (СРС) наряду с аудиторной представляет одну из форм учебного процесса и является существенной его частью. СРС предназначена не только для овладения каждой дисциплиной, но и для формирования навыков самостоятельной работы вообще, в учебной, научной, профессиональной деятельности. Основной группой ПВК, развивающейся при самостоятельной работе студента, является группа организационных качеств. В основном это относится к способности принимать на себя ответственность, самостоятельно решить проблему, находить конструктивные решения, выход из кризисной ситуации и т. д. Самостоятельная работа имеет воспитательное значение: она формирует самостоятельность не только как совокупность умений и навыков, но и как черту характера, играющую существенную роль в структуре личности современного специалиста высшей квалификации. Особенно СРС положительно влияет на группу организаторских способностей юридического психолога.

Таким образом, профессиональная подготовка в высшем учебном заведении подразумевает развитие профессионально важных качеств у будущих специалистов, а формы организации учебного процесса можно рассматривать как методы развития ПВК, однако это развитие происходит косвенным путем, охватывает лишь их малую часть и крайне редко подразумевает работу в форме группового тренинга.

Экспериментальное исследование группового тренинга как метода развития профессионально важных качеств юридического психолога

Исходя из гипотезы исследования о том, что социально-психологический тренинг является эффективным методом развития профессионально важных качеств юридического психолога, а также его цели – определить возможности использования группового тренинга в развитии и формировании профессионально важных качеств юридического психолога – была сформулирована структура его эмпирической части.

В основу исследования лег метод формирующего эксперимента, реализованный в форме группового социально-психологического тренинга.

Для получения объективных данных в исследовании использовался ряд психодиагностических методик:

- 1) 16-факторный личностный опросник Р.Б. Кеттелла (форма А);
- 2) Тест межличностных взаимоотношений Т. Лири;
- 3) Шкала тревоги Ч.Д. Спилбергера.

Процедура проведения эмпирической части исследования содержала несколько этапов. Первый этап подразумевал психодиагностическое обследование трех выборочных групп:

1. Экспериментальная группа – 14 студентов первого курса кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, принимающих участие в формирующем эксперименте исследования;

2. Контрольная группа – 30 студентов первого курса кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, не принимающих участие в формирующем эксперименте исследования;

3. Независимая группа – 30 студентов первого курса, обучающихся по направлению подготовки «Психология» на других факультетах.

Всего выборка исследования составляла 74 человека.

Стоит отметить, что большинство участников исследования – девушки юношеского возраста (17–18 лет). Гендерное соотношение в выборочных группах имеет следующий вид: 12 девушек и 2 юноши в экспериментальной группе, 25 девушек и 5 юношей в контрольной группе и 25 девушек и 5 юношей в независимой группе. Таким образом, гендерное соотношение в группах приблизительно идентично (около 15% юношей и около 85% девушек). Такое неравномерное гендерное распределение связано со спецификой поступающих на психолого-педагогические специальности в высшие учебные заведения.

В экспериментальную и контрольную группы вошли студенты первого курса, обучающиеся по специальности «Педагогика и психология девиантного поведения» Московского государственного психолого-педагогического университета. Выпускники данной специальности будут иметь квалификацию «Социальный педагог», но имеют возможность параллельного обучения по программе профессиональной переподготовки с присвоением квалификации «Педагог-психолог». Нами был проведен опрос учащихся, в результате которого было выявлено, что 90% учащихся по специальности желают осуществить данную переподготовку. Дальнейшая область профессиональной деятельности специалистов, получающих подготовку в соответствии с разработанным образовательным стандартом, включает в себя решение комплексных задач в сфере психолого-педагогической работы с проблемами девиантного поведения детей и подростков: профилактики девиантного поведения, сопровождения детей и подростков группы риска, коррекции и реабилитации детей и подростков с девиантным поведением. Они предполагают проведение психолого-педагогической экспертизы и прогнозирования в широком спектре служб, работающих с детьми и подростками с проблемами в поведении. За период проведения исследования участники экспериментальной и контрольной групп не

участвовали в иных социально-психологических тренингах за исключением тренинга в рамках нашего формирующего эксперимента [2].

В независимую группу вошли студенты первого курса, обучающиеся по направлениям подготовки «Психология» (бакалавриат) на различных факультетах МГППУ – «Социальная психология», «Психология образования», «Консультативная и клиническая психология», а также «Психология служебной деятельности» (специалитет) на факультете Экстремальной психологии. У участников независимой группы не было тренингового опыта за период проведения исследования.

Первичное диагностическое обследование участников проходило в период конца сентября–начала октября 2015, повторное – в период конца января–начала февраля 2016 г.. Экспериментальная и контрольная группы проходили диагностику в очной форме. Независимая группа проходила диагностику заочно при помощи специально разработанного опросника – компиляции из трех методик в сервисе Google formulaires. Важно отметить, что из-за неправильного заполнения опросника межличностных взаимоотношений Т. Лири результаты четырех обследуемых независимой группы по данной методике были аннулированы.

Вторым этапом эмпирической части исследования являлся **формирующий эксперимент**. Данный формирующий эксперимент подразумевал социально-психологический тренинг, направленный на развитие профессионально важных качеств юридического психолога и состоящий из 10 занятий по 4 часа каждое. После прохождения психодиагностического обследования мы предложили студентам первого курса принять участие в тренинге, рассказав им о тематике, целях и задачах занятий. Период проведения формирующего эксперимента – октябрь–середина декабря 2015 г. Занятия проводились раз в неделю, в течение 2,5 месяцев. Тренинговые занятия проходили во внеучебное время в здании университета (9 занятий вечером и одно утром). Из них 7 проходили после учебных занятий в экспериментальной группе и 3 – в дни, свободные от занятий. График тренингов участники группы составляли сами, выбирая наиболее оптимальное для них время. Участие в формирующем эксперименте было засчитано всем тем, кто посетил хотя бы 60% занятий (6 тренингов). Изначально группа состояла из 20 участников, но сократилась до 14 (в связи с неудобством для некоторых участников составленного графика работы). Тренинговые занятия проводились совместно с ко-тренером.

Основная цель занятий была сформулирована как развитие профессионально важных качеств юридического психолога. Исходя из поставленной цели были выделены следующие задачи:

- Развитие коммуникативной компетенции.
- Повышение эмоциональной устойчивости.
- Повышение уровня самоконтроля и самообладания.
- Развитие самосознания.

При проведении тренинговых занятий ведущие придерживались гуманистической позиции, состоящей в том, что развивающий эффект возникает в тренинговой группе в

результате создания атмосферы эмпатии, искренности, самораскрытия и особых теплых взаимоотношений между членами группы и ведущим.

Большинство занятий подразумевало следующую фундаментальную структуру.

1. Обсуждение эмоционального состояния участников группы;
2. Упражнение, направленное на снятие эмоционального напряжения у участников и переход в рабочую активность;
3. Дискуссия на тему необходимости обладания тем или иным ПВК в профессиональной деятельности. На первом занятии в рамках подобной дискуссии участники тренинга сами сформулировали список ПВК, на последующих раскрывали наиболее важные из них, аргументировано формулировали, в чем именно их важность и необходимость, а также, в каких именно условиях профессиональной деятельности то или иное качество необходимо;
4. Упражнения, направленные на развитие ПВК;
5. Заключительный шеринг.

Упражнения были взяты из различных источников и адаптированы под тематику тренинговых занятий – в некоторых из них нужно было вставать в ролевую позицию юридического психолога. Разработка и проведение тренинга были выполнены с соблюдением содержательной логики, процессуальной логики и логики активности.

Следующим этапом эмпирического исследования была повторная диагностика. Повторная диагностика проводилась сразу после окончания периода экзаменационной сессии, заочно. Несмотря на каникулы, часть контрольной и независимой групп отказались от участия в исследовании, а именно – 8 человек контрольной группы (4 человека объяснили отказ сильной занятостью, остальные 4 не указали причину), и 6 человек независимой группы (все отказавшиеся данной группы от участия в исследовании указали сильную занятость как причину отказа).

Последним этапом эмпирической части исследования являлась обработка полученных данных, поиск значимых различий между показателями двух срезов психодиагностического обследования, относящимися к профессионально важным качествам юридического психолога, а также поиск различий между показателями разных выборок.

Главным методом статистической обработки полученных эмпирических данных являлся t-критерий Стьюдента для связанных и несвязанных выборок. Данный метод использовался для сравнения среднегрупповых значений выраженности признаков у испытуемых. Обработка проводилась с помощью программы Excel.

Полученные результаты могут быть **проинтерпретированы** следующим образом

У экспериментальной группы уровень ПВК, исследуемых при помощи 16-факторного опросника Р.Б. Кетелла, практически не изменился после периода прохождения тренинговой программы. Незначительные изменения показателей, скорее всего,

обусловлены ситуативными факторами. Как известно, черты личности, диагностируемые при помощи данного опросника, являются относительно устойчивыми, поэтому для более кардинального развития данных ПВК, возможно, нужно прохождение более длительной программы.

Некоторые участники пропускали занятия по различным причинам (не более 40%), можно отметить некоторую взаимосвязь между количеством пропусков и изменениями в уровне развития ПВК: например, по шкале С (эмоциональная стабильность) у четверых участников программы, пропустивших 4 занятия, нет столь выраженных изменений в положительную сторону, как у семи участников, посетивших все занятия без исключения. Исходя из этого, можно сказать, что стопроцентное участие в тренинговой программе – важный фактор развития их ПВК, а пропуски некоторыми участниками части занятий негативно сказались на средних групповых показателях.

Если обратиться к данным, полученным в ходе диагностики, видно, что участники экспериментальной группы изначально имели высокий уровень оперативности мышления, уровень вербальной культуры, эрудиции и степень активности в социальных контактах (немного выше, чем у КГ и НГ). Возможно, от этих характеристик зависело их желание участвовать в групповом тренинге.

На эффективности тренинговой программы также негативно могла сказаться низкая среднегрупповая нормативность поведения (показатели фактора G ниже нормы). Такие качества, как стремление к избеганию правил, непостоянность и малообязательность, могут пагубно сказываться на групповых процессах, а следовательно, и на эффективности тренинга.

Показатели остальных факторов, относящихся к ПВК юридического психолога, у членов экспериментальной группы имеют средние показатели как до, так и после тренинга.

Результаты диагностического обследования межличностных отношений свидетельствуют о том, что до тренинга участники экспериментальной, контрольной и независимой групп в целом были склонны к сотрудничеству, были деликатны, ответственны по отношению к другим и компромиссны при решении проблем в конфликтных ситуациях. Однако после периода проведения тренинговой программы показатели данной методики значительно снижаются у КГ и НГ, но не так существенно у ЭГ. Снижение показателей дружелюбности и альтруистичности могут являться последствием утомления в ходе экзаменационной сессии, а также пресыщения социальными контактами в ходе учебного процесса в вузе, практики и внеучебной студенческой жизни.

При сравнении фактора Н (Социальная смелость) экспериментальной и контрольной групп после тренинга выявилось, что экспериментальная группа на момент завершения программы тренинга достоверно являлась более смелой и активной в социальных контактах ($p \leq 0.05$). При этом до тренинга значимых различий между показателями фактора не было, что свидетельствует о влиянии тренинговых занятий на данный фактор.

Причиной снижения показателей по нескольким октантам и шкалам у контрольной и независимой групп, вероятнее всего, является фрустрация студентов-участников исследования в результате экзаменационной сессии, проявления которой могут встречаться у любых студентов, независимо от их успеваемости [3].

Однако значимость различий между показателями шкалы VII (дружелюбие) ($p \leq 0.05$) в экспериментальной и контрольной группах после тренинга, а также минимальные различия между показателями обеих шкал до и после тренинга в экспериментальной группе могут свидетельствовать о том, что прошедшие тренинг студенты справляются с фрустрацией значительно эффективнее. Это можно подтвердить сравнением уровня тревожности в экспериментальной группе после прохождения тренинга с уровнем тревожности в контрольной группе, в то же время уровень ситуативной и личностной тревоги в экспериментальной группе после тренинга ниже, чем у контрольной группы, при этом разница уровня ситуативной тревоги статистически значима ($p \leq 0.01$). При этом выявляются значимые различия между показателями ситуативной тревоги в контрольной группе при повторном тестировании.

Так как изначально между экспериментальной и контрольной группами не было значимых различий ни по одной из шкал методик, а диагностику все участники обеих групп проходили в равных условиях, справедливо будет говорить, что основной причиной подобных различий является формирующий эксперимент.

Вероятнее всего, способность студента эффективно справляться с последствиями подобных ситуаций положительно коррелирует с его способностью справляться с фрустрирующими последствиями трудных ситуаций в его жизни в целом. В том числе и трудных ситуаций в профессиональной деятельности. Это может говорить о возросшем вследствие формирующего эксперимента уровне развития ПВК, относящихся к адаптивной группе.

При сравнении экспериментальной группы с независимой после периода проведения тренинга отмечаются абсолютно идентичные тенденции.

В результате совместных с ко-тренером наблюдений за участниками тренинга в ходе тренинговых занятий можно отметить некоторую положительную динамику рефлексии участников и глубины их высказываний о себе на шеринге. Возможно, помимо включения в группу и возрастания степени доверия к ее участникам, это свидетельствует о развитии их самосознания (как одном из ведущих механизмов развития ПВК в ходе нашей работы). Тем не менее, динамика изменения самосознания у участников тренинга в результате прохождения программы нуждается в дальнейшем изучении.

По итогам экспериментального исследования стало ясно, что групповой тренинг действительно эффективен в роли метода развития ПВК и самоопределения юридического психолога. В особенности это касается адаптивной группы. Качества, развитые в результате прохождения группового тренинга способствуют возможностям специалиста эффективной профессиональной деятельности в тяжелых, фрустрирующих профессиональных ситуациях.

Данная тема имеет множество перспектив развития. Необходимо экспериментально изучить возможности других методов развития ПВК юридического психолога, а также возможности других программ группового тренинга.

Исходя из цели работы - определения роли группового тренинга в развитии и формировании ПВК юридического психолога, были сформулированы следующие **выводы**:

- ПВК юридического психолога можно рассматривать через модель, включающую в себя 5 групп (адаптивные, нервно-психическая устойчивость личности, когнитивные, коммуникативные и организационные);
- Современная система подготовки юридических психологов подразумевает лишь косвенное развитие некоторых групп их ПВК. Крайне редко для этого используется метод группового тренинга;
- Социально-психологический тренинг является эффективным методом развития ПВК юридического психолога, в особенности это касается группы адаптивных ПВК;
- Качества, развитые в результате прохождения группового тренинга способствуют эффективной профессиональной деятельности специалиста в тяжелых, фрустрирующих профессиональных ситуациях.

Основываясь на результатах проделанной работы, можно сформулировать ряд **рекомендаций** по использованию группового тренинга в качестве метода развития профессионально важных качеств юридического психолога.

1. Для успешного выполнения задач тренинга его программа должна быть структурирована, разделена на блоки. Упражнения необходимо подбирать, исходя из содержательной и процессуальной логики, а также логики активности.

2. Во время тренинга стоит уделять внимание обсуждению самих

профессионально важных качеств юридического психолога, а также ситуаций, в которых эти качества необходимы специалисту. Благодаря осознанности необходимости развития ПВК, у участников возрастает мотивация к их развитию, а соответственно и продуктивность тренинговой работы.

3. Программа должна содержать упражнения, подразумевающие ролевое

проигрывание профессиональной деятельности участниками. Подобные упражнения позволяют участникам идентифицировать себя со специалистом выбранной профессии, что положительно сказывается на профессиональном самоопределении и развитии ПВК юридического психолога.

4. Так как ПВК преимущественно являются трудноизменяемыми

личностными качествами, необходима гораздо более продолжительная тренинговая работа, нежели 10 занятий.

5. Подобный курс тренинговых занятий стоит включить в учебную

программу подготовки специалистов в области юридической психологии, так как развитие ПВК является важным фактором дальнейшей успешной профессиональной деятельности.

Таким образом, групповой тренинг выступает в роли эффективного метода развития профессионально важных качеств юридического психолога, однако данная проблематика

требует дальнейшего изучения: требуется дальнейшее исследование экспериментальной группы с целью отследить отсроченный эффект от тренинга, исследование развития ПВК с использованием иных программ, а также модификаций программы, разработанной в рамках данной работы.

Литература

1. *Богданович Н.В., Чернушевич В.А.* Деятельностная модель юридического психолога [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. № 4. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n4/65728.shtml (дата обращения: 06.03.2016).
2. *Дозорцева Е.Г., Делибалт В.В., Богданович Н.В.* Об образовательном стандарте подготовки специалиста по направлению «Педагогика и психология девиантного поведения» [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n1/39324.shtml> (дата обращения: 12.04.2016).
3. *Дубовицкая Т.Д., Эрбегеева А.Р.* Особенности фрустрации и стратегий преодоления у студентов с трудностями в учебе [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2010. № 1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2010/n1/26550.shtml (дата обращения: 12.04.2016).
4. *Капцов А.В.* Взаимосвязь отношений в студенческой группе и динамики развития личностных качеств студентов. URL.: <http://www.sudexp.org/publ/17-1-0-1258> (дата обращения: 12.01.2016 г.)
5. *Чернушевич В.А.* Методическая организация практики в обучении юридических психологов // Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Сб. тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. М.: МГППУ, 2010.
6. *Шадриков В.Д.* Деятельность и способности. М., 1994.

Group training as a method of development of professionally important qualities

Lavreshkin N.V., PhD Student, Chair of Legal psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (lavreshkinnv@gmail.com)

The article is devoted to the definition of the role of group training in the development and formation of professionally important qualities (PIQ) of the legal psychologist. Produced comparison of the main approaches to the concept of "professional qualities" in psychology and a model of professionally important qualities of a legal psychologist, consisting of 5 groups of PIQ. We analysed the features of the development of professionally important qualities of students of the Faculty of Legal Psychology as well as methods of their development, are used during education at university. Designed the program of socio-psychological training, aimed at the development of PIQ of first-year students, who study on Faculty of Legal Psychology. By the using of the method of forming experiment, identified the possibilities of group training in the formation and development of PIQ of a legal psychologist. Developed recommendations.

Key words: professionally important qualities, legal psychologist, group training.

References

1. Bogdanovich N. V., Chernushevich V.A. The activity model of legal psychologist [Elektronnyi resurs]. Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru [Psychological Science and Education psyedu.ru], 2013. no. 4 (In Russ., abstr. in Engl.)
2. Dozortseva E.G., Delibalt V.V., Bogdanovich N. V. About educational standard in specialization «Pedagogy and psychology of deviant behaviour» [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2011. no. 1 (In Russ., abstr. in Engl.)
3. Dubovitskaya T.D., Erbegeeva A.R. Frustration and Coping Strategies in Students with Learning Difficulties [Elektronnyi resurs]. Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru [Psychological Science and Education psyedu.ru], 2010. no. 1 (In Russ., abstr. in Engl.)
4. Kaptsov A.V. Vzaimosvjaz' otnoshenij v studencheskoj gruppe i dinamiki razvitija lichnostnyh kachestv studentov [The relationship relations in the student group and the dynamics of the development of personal qualities of students]. - URL .: <http://www.sudexp.org/publ/17-1-0-1258> (reference date: 12/01/2016).
5. Chernushevich V.A. Metodicheskaja organizacija praktiki v obuchenii juridicheskikh psihologov [Methodical organization of practice in training of legal psychologists] //

Kochenovskie chtenija «Psihologija i pravo v sovremennoj Rossii» [Kochenovskie readings "Psychology and Law in Modern Russia"].

6. Shadrikov V.D. Dejatel'nost' i sposobnosti [Activities and ability] / V.D.Shadrikov. Moscow, 1994.